ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 12

Главный редактор
Н.М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин, А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало, И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного редактора), **А.Н. Коврижных** (отв. секретарь), **В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин, В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский, А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, М.С. Шалумов**

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Матыцина Т.Н.**
Отображение Барта пространства модулей $M_{P^2}(-1,n)$ стабильных векторных расслоений ранга два на проективной плоскости

14 **Бочкарёв Н.В., Кузьменков И.И., Тихонов Д.Ю., Смирнов С.Л.**
Совершенствование организации ветеринарного обслуживания альтернативными методами терапии

16 **Карпова Е.Б., Чемоданов В.В.**
Фенотипические признаки дисплазии соединительной ткани у детей, больных атопическим дерматитом

20 **Кривошеин В.В.**
Возрастная оценка интенсивности роста русского, ленского осетров и шипа каспийского на теплой сбросной воде

22 **Кузнецова Н.И.**
Биоморфология и экология льнянки обыкновенной как корнеотпрыского растения

26 **Кузьменков И.И., Бочкарёв В.Н.**
Влияние гомеопатического препарата Хондартрон на организм коров при артритах

29 **Чекмарев Д.Т.**
Вариационно-разностный метод решения нестационарных волновых задач динамики тонкостенных конструкций

32 **Чекмарёва М.Г.**
Технология крепких напитков из новых сортов винограда и нетрадиционного сырья

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

34 **Власюк И.В.**
К вопросу о проектировании модели благополучная семья

38 **Кондрат Е.Н.**
Личностные детерминанты делинквентного поведения

43 **Куршев А.В.**
Система воспитания гражданственности у курсантов ввуза в Республике Татарстан

46 **Миронова Т.И.**
Психологические особенности обучения детей в условиях госпитально-образовательной депривации

52 **Фетискин Н.П., Резников Е.Н., Миронова Т.И., Шепелева С.В.**
Условия формирования психологических особенностей русского народа (на примере жителей Костромской области)

58 **Шакурова М.В.**
Социокультурная идентичность личности: к определению понятия

61 **Шепелева С.В.**
Детские типологии девиантного поведения

65 **Боровикова Т.В., Фоменков А.И.**
Теория и практика использования социально-педагогического мониторинга в качественном управлении современным общеобразовательным учреждением

70 **Виноградова И.Е.**
Педагогическое сопровождение как фактор эффективности этико-профессионального развития будущих учителей музыки

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

76 **Александрова Н.А., Саталкина Н.Л.**
Характеристика и условия возникновения статусной ренты

80 **Ганаева Е.А.**
Теоретическая модель маркетинговой деятельности образовательного учреждения

85 **Лобачёва И.П.**
Определение потребности и наличия рабочей силы на сельскохозяйственных предприятиях Костромской области

88 **Мелихов В.Ю., Воронин Ю.М.**
Целевые инновационные образовательные программы и роль науки в их реализации

91 **Романец Е.А., Кучин Н.В.**
Внешние и внутренние инвестиции: с позиции институциональных «ловушек»

94 **Саталкина Н.Л., Александрова Н.А.**
Статусная рента: генетическое наследие

99 **Гайдукевич Г.В.**
Разработка комплексной стратегии развития страховой компании

100 **Сторожева О.А.**
Неравномерность и качество экономического роста в Костромской области

103 **Фокин А.Н.**
Управление экономикой муниципальных структур в системе института местного саморегулирования

105 **Лягушев Г.Е.**
Актуальность политической экономии социализма: за и против

107 **Ефимов Д.Ю.**
Исследование пространства текущего планирования банковских операций

116 **Солопов В.Ю., Степанов Е.Б.**
Экономическая динамика и формирование человеческого капитала

122 **Копытов А.А., Чекмарев В.В.**
Анализ методов и индикаторов статистической оценки масштабов неформального сектора занятости

125 **Бобков Д.В.**
Управление государственным долгом России

128 **Волков А.Ю.**
О необходимости новых подходов к дополнительным источникам финансирования войск

131 **Агапова В.В.**
Генезис и роль самоуправления в экономических организациях

134 **Кузнецова Е.А.**
Государственное управление как экономический институт рыночного хозяйства гражданского общества

140 **Михайлов В.В.**
Многоуровневая система конкурентного рынка энергоресурсов в России: проблемы создания и перспективы развития

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

147 **Калинин А.С.**
Потребление как образ жизни

150 **Смирнов А.Н.**
Социальный статус органов самоуправления

152 **Полозова В.П.**
Исторические потребности и способности человека как выражение его одновременной зависимости и свободности в исторически определенном мире

155 **Постнов В.А.**
Системогенез художественного образа как выразителя рационального и иррационального в поэзии Серебряного века

159 **Никифоренко Е.М.**
Структура и художественные особенности Главного иконостаса Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге

164 **Советов Ф.В.**
Западная и русская ментальные модели мироосвоения и хозяйствования

168 **Страдина Е.А.**
Некоторые проблемы формирования и реализации государственной политики в сфере культуры

172 **Лопатин И.Д.**
О проявлениях экстремизма в современном обществе

174 **Смирнов В.А.**
Концептуальные основы современной молодежной политики

178 **Соколова Л.И.**
Правовые основы формирования и функционирования политических партий в современной России

181 **Абаджи О.В.**
Культурная самоидентификация России в «зеркале» русской духовной певческой традиции

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

185 **Чекмарева А.В.**
Защита прав человека в исполнительном производстве

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

187 **Новичихин Я.В.**
Проблемы выбора системы анализа данных в вузе (на примере КГУ им. Н.А. Некрасова)

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

194 **Колесов Е.В.**
Экономико-математическое моделирование: учебный курс и его практическое применение

197 **Луданова Т.В.**
Исторический анализ универсальности содержания профессиональной подготовки учителя музыки как фактора формирования педагогической мобильности

201 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Редколлегия журнала приглашает авторов для публикации работ в **основном выпуске** (4 номера в год) и следующих сериях:

Экономические науки: «**Проблемы новой политической экономии**» (4 номера в год);
«**Экономика образования**» (4 номера в год);
Культурология: «**Энтелехия**» (2 номера в год);
Исторические науки: «**Волжский рубеж**» (2 номера в год);
Технические и естественные науки: «**Системный анализ. Теория и практика**» (2 номера в год);
«**Квалиметрия образования и науки**» (2 номера в год);
Гуманитарные науки: «**Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика**» (2 номера в год);
Философские науки: «**Вопросы системогенетики**» (2 номера в год).

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Т.Н. Матыцина

ОТОБРАЖЕНИЕ БАРТА ПРОСТРАНСТВА МОДУЛЕЙ $M_{\mathbf{P}^2}(-1,n)$ СТАБИЛЬНЫХ ВЕКТОРНЫХ РАССЛОЕНИЙ РАНГА ДВА НА ПРОЕКТИВНОЙ ПЛОСКОСТИ

В настоящей работе мы рассматриваем отображения Барта φ_n для многообразия $M_n := M_{\mathbf{P}^2}(-1,n)$ модулей расслоений ранга 2 на проективной плоскости $\mathbf{P}^2$ с классами Чжэня $c_1=-1$, $c_2=n\geq 3$. Как показал К. Хулек [4], M_n – гладкое неприводимое многообразие размерности $4n-4$, $n\geq 2$. Морфизм Барта определяется как отображение $\varphi_n : M_n \to |\mathcal{O}_{\check{\mathbf{P}}^2}(2n-2)|$: $[E]\mapsto C(E)$, где $C(E):=\{l\in\check{\mathbf{P}}^2 | h^0(E|l^{(2)})\neq 0\}$ – кривая степени $2n-2$ в двойственной плоскости $\check{\mathbf{P}}^2$ (называемая кривой двойных прямых подскока расслоения E), где под $l^{(2)}$ понимается прямая l с двойной структурой как подсхема в $\mathbf{P}^2$, то есть схема с носителем l и пучком идеалов $\mathcal{J}_{l^{(2)},\mathbf{P}^2} := \mathcal{J}^2_{l,\mathbf{P}^2} \cong \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2}(-2)$. Кривая $C(E)$ имеет согласно [4] естественную структуру дивизора степени $2n-2$ в $\check{\mathbf{P}}^2$, то есть является точкой линейного ряда $\mathbf{P}^{N_n} := |\mathcal{O}_{\check{\mathbf{P}}^2}(2n-2)|$, где $N_n=(n-1)(2n+1)$. В настоящей работе мы рассматриваем продолжение морфизма φ_n на компактификацию $\overline{M}_n := \overline{M_{\mathbf{P}^2}(-1,n)}$ Гизекера – Маруямы многообразия M_n для $n\geq 2$ (такое продолжение существует – см. [9]) и доказываем следующую теорему:

Теорема 1. *Отображение Барта* $\varphi_n : \overline{M}_n \to \mathbf{P}^{N_n} : [E]\mapsto C(E)$, *где* $n\geq 2$ *и* $C(E)$ *– кривая двойных прямых подскока пучка* E, *инъективно в общей точке.*

Всюду в статье основное поле $\mathbf{k}$ является алгебраически замкнутым. Будем пользоваться следующим упрощением обозначения: $H^iF := H^i(F)$ для произвольного когерентного пучка F на схеме X.

Определим в $\overline{M}_n$, $n\geq 2$, следующие подмножества: $\partial\overline{M}_n := \overline{M}_n \setminus M_n = \{[E]\in\overline{M}_n | E$ – не локально свободный пучок, т.е. $length(E^{\vee\vee}/E)\geq 1\}$ – дивизор в $\overline{M}_n$ классов не локально свободных пучков, $\mathcal{M}_n := \{[E]\in\overline{M}_n | length(E^{\vee\vee}/E)\leq 1\}$ (это очевидно, плотное открытое подмножество в $\overline{M}_n$) и $D := \mathcal{M}_n \cap \partial\overline{M}_n = \{[E]\in\partial\overline{M}_n | length\, E^{\vee\vee}/E)=1\}$.

Замечание 2. *Общая точка* $[E]\in\partial\overline{M}_n$ *удовлетворяет условию:* $E^{\vee\vee}/E=\mathbf{k}_x$ *для некоторой точки* $x\in\mathbf{P}^2$. *Другими словами* D *– открытое плотное подмножество в* $\partial\overline{M}_n$ *и* $\operatorname{codim}_{\mathcal{M}_n} D = \operatorname{codim}_{\overline{M}_n}\partial\overline{M}_n = 1$ (см. [6]).

Далее, для $[E]\in D \subset \partial\overline{M}_n$ обозначим $x=x(E):=\operatorname{Supp}(E^{\vee\vee}/E)$; имеем точную тройку:

$$0\to E\to E^{\vee\vee}\xrightarrow{\varepsilon}\mathbf{k}_x\to 0. \qquad (1)$$

Проекция $\pi_n : D\to M_{n-1}\times\mathbf{P}^2 : [E]\mapsto([E^{\vee\vee}],x(E))$ есть $\mathbf{P}^1$–расслоение: в самом деле, для любой пары $(E_0,x)\in M_{n-1}\times\mathbf{P}^2$ имеем последовательность (1), где $\varepsilon\in\operatorname{Hom}(E_0,\mathbf{k}_x)=\operatorname{Hom}(E_0\otimes\mathbf{k}_x,\mathbf{k}_x)\cong\operatorname{Hom}(\mathbf{k}_x^2,\mathbf{k}_x)=\mathbf{k}_x^2$ и, следовательно,

$$\pi_n^{-1}([E_0],x)=P(\operatorname{Hom}(E_0,\mathbf{k}_x))\cong P(\mathbf{k}_x^2)\cong\mathbf{P}^1. \qquad (2)$$

Замечание 3. *Если* $[E]\in D$, *то из* (1) *непосредственно следует, что кривая двойных прямых подскока* $C(E)$ *пучка* E *имеет вид*

$$C(E)=C(E^{\vee\vee})\cup\check{x}(E)^{(2)}, \qquad (3)$$

где $\check{x}:=\{l\in\check{\mathbf{P}}^2 | x\in l\}$ *есть прямая в* $\check{\mathbf{P}}^2$ *двойственная точке* $x\in\check{\mathbf{P}}^2$, *а* $\check{x}^{(2)}$ *– двойная структура на* $\check{x}$ *как на прямой в* $\check{\mathbf{P}}^2$.

Доказательство теоремы 1 будем вести методом математической индукции. При $n=2$ справедливость этой теоремы очевидна. База индукции: согласно статье [12] для $n=3$ утверждение теоремы 1 верно. Предположим, что для $n-1$ утверждение теоремы 1 верно. Наша цель – доказать его для n. Для удобства читателя сначала кратко опишем план доказательства.

Заметим, что согласно [4, 11] непосредственно из равенства (3) следует, что отображение $\varphi_n|D$ пропускается через отображение π_n в диаграмме:

© Т.Н. Матыцина, 2006

$$\begin{tikzcd}
{[E]} \arrow[d, mapsto] & \in & D \arrow[d, "\pi_n"] \arrow[dd, bend left, "\varphi_n|D"] & \subset & \overline{M}_n \arrow[dd, "\varphi_n"] & \\
{([E^{\vee\vee}], x(E))} \arrow[d, mapsto] & \in & M_{n-1}\times\mathbf{P}^2 \arrow[d, "\psi_n"] & & & \\
C(E^{\vee\vee})\cup\check{x}(E)^{(2)} \arrow[d, equal] & & & & & \\
\varphi_{n-1}([E^{\vee\vee}])\cup\check{x}(E)^{(2)} & \in & Z_n & \subset & \mathcal{C}_{2n-2} & \subset \mathbf{P}^{N_n},
\end{tikzcd} \tag{4}$$

где $Z_n := \varphi_n(D)$ и $\mathcal{C}_{2n-2} := \varphi_n(\overline{M}_n)$. Нетрудно вычислить, что

$$\operatorname{codim}_{\mathcal{C}_{2n-2}} Z_n = 2,\ n\geq 3. \tag{5}$$

Пусть $\mathcal{C}^*_{2n-2} := \{C\in\mathcal{C}_{2n-2} \mid C$ – приведена и имеет $\binom{n}{2}$ бифлекнодов[1]$\}$. $\mathcal{C}^*_{2n-2}$ – это плотное открытое подмножество в $\mathcal{C}_{2n-2}$, $n\geq 2$, поэтому $M^*_n = \varphi_n^{-1}(\mathcal{C}^*_{2n-2})$ – также плотное открытое подмножество в $\overline{M}_n$; соответственно, $Z^*_n = \psi_n(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2)$ – это подмножество, содержащее плотное открытое подмножество в Z_n, $n\geq 3$. Теперь согласно базе и шагу индукции φ_{n-1} – инъективное в общей точке отображение для $n\geq 4$. Следовательно, согласно диаграмме (4) $\psi_n \mid (M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2) : M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2 \to Z^*_n$ есть бирациональный морфизм, т.е. существует плотное открытое подмножество Z^{**}_n в Z^*_n такое, что $\psi_n \mid \psi_n^{-1}(Z^{**}_n)$ есть изоморфизм:

$$\psi_n : \psi_n^{-1}(Z^{**}_n) \xrightarrow{\sim} Z^{**}_n. \tag{6}$$

Покажем, что существует плотное открытое подмножество Z'_n в Z^{**}_n, $Z'_n \xrightarrow{open} Z_n$ такое, что

$$\varphi_n^{-1}(Z'_n) = \pi_n^{-1}\psi_n^{-1}(Z'_n), \tag{7}$$

другими словами, что в $\overline{M}_n$ нет локально свободных пучков в прообразе при отображении φ_n общей точки из Z_n. В самом деле, рассмотрим множество $L_n = \{[E]\in M_n \mid C(E)$ содержит двойную прямую$\}$. Нетрудно проверить, следуя методом Стремме [11, Theorem 3.3], что

$$\operatorname{codim}_{M_n} L_n \geq 3 \text{ при } n\geq 4. \tag{8}$$

Теперь покажем, что

$$C(E)\notin Z^*_n,\ [E]\in\partial\overline{M}_n\setminus D, \tag{9}$$

откуда будет следовать, что $\varphi_n^{-1}(Z^*_n)\setminus\pi_n^{-1}\psi_n^{-1}(Z^*_n) = \varphi_n^{-1}(Z^*_n)\cap M_n \subset L_n$ и, тем самым, (7) будет вытекать из (5) и (8). Для этого, возьмем $[E]\in\partial\overline{M}_n\setminus D$, так что $lh := length(E^{\vee\vee}/E)\geq 2$, т.е. $E^{\vee\vee}/E = \oplus_{i=1}^k A_i$, $\operatorname{Supp}(A_i) = x_i$, для $i=1,\ldots,k$, где $x_1,\ldots,x_k$ – различные точки и $lh = \sum_{i=1}^k length(A_i)\geq 2$. Рассмотрим флаговое многообразие $\mathbf{F} = \{(x,l)\in\mathbf{P}^2\times\check{\mathbf{P}}^2 \mid x\in l\}$ и пусть $\mathbf{F}^{(2)}$ – многообразие $\mathbf{F}$, снабженное двойной структурой как дивизор в $\mathbf{P}^2\times\check{\mathbf{P}}^2$. Рассмотрим естественные проекции $\mathbf{P}^2 \xleftarrow{p_2} \mathbf{F}^{(2)} \xrightarrow{q_2} \check{\mathbf{P}}^2$. Слой проекции q_2 над точкой $\{l\}\in\check{\mathbf{P}}^2$ есть схема $l^{(2)}$ – двойная прямая l. Заметим, что $h^0(E\mid l^{(2)}) = h^1(E\mid l^{(2)})$ (см. [12], стр. 10), откуда получаем, что кривая $C(E)$ определяется как множество $\{l\in\check{\mathbf{P}}^2 \mid h^1(E\mid l^{(2)})\neq 0\}$. Отображение замены базы $R^1q_{2*}p_2^*E\otimes\mathbf{k}_{\{l\}} \to H^1(E\mid l^{(2)})$ – изоморфизм: действительно, q_2 имеет относительную размерность 1, поэтому $R^iq_{2*}p_2^*E = 0$, $i\geq 2$, и применима теорема о замене базы. Тем самым, $C(E) = \operatorname{Supp} R^1q_{2*}p_2^*E$. Пучок идеалов Фиттинга $\mathcal{F}\mathrm{itt}^0 R^1q_{2*}p_2^*E$, согласно [4], определяет кривую $C(E)$ как схему: $\mathcal{I}_{C(E),\check{\mathbf{P}}^2} = \mathcal{F}\mathrm{itt}^0(R^1q_{2*}p_2^*E)$. Таким образом, применяя функтор $R^iq_{2*}p_2^*$ к точной тройке $0\to E\to E^{\vee\vee}\to\oplus_{i=1}^k A_i\to 0$, получаем в $\operatorname{Div}(\check{\mathbf{P}}^2)$ равенство $C(E) = C(E^{\vee\vee}) + 2\sum_{i=1}^k length(A_i)\check{x}_i$, где $\check{x}_i$ – прямые в $\check{\mathbf{P}}^2$, двойственные точкам $x_i\in\mathbf{P}^2$. Отсюда и из неравенства $\sum_{i=1}^k length(A_i)\geq 2$ получаем, что кривая $C(E)$ содержит компоненту $C(E^{\vee\vee})$ степени $2(n-2)-2\neq 2n-4$. Тем самым, доказано (9) и, как следствие, равенство (7).

Из (7) следует, что достаточно исследовать поведение отображения φ_n в окрестности открытого подмножества $D\cap\varphi_n^{-1}(Z_n^{-1})$ дивизора D. Для этого заметим, что по аналогии с [8, предл. 11.6] нетрудно проверить, для $y = ([E_0],\ x)\in M_{n-1}\times\mathbf{P}^2$ и $\mathbf{P}^1_y := \pi_n^{-1}(y)$ имеем:

$$\mathcal{O}_{\mathcal{M}_n}(D)\mid\mathbf{P}^1_y \cong \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_y}(-2), \tag{10}$$

где D понимается как гладкий дивизор Картье в $\mathcal{M}_n$ (действительно, $\pi_n : D\to M_{n-1}\times\mathbf{P}^2$ – гладкий морфизм со слоем $\mathbf{P}^1$). Далее, по аналогии с теоремой 0 из [7] справедлива

Теорема 4. *Морфизм* $\varphi_n \mid M_n^* : M_n^* \to \mathcal{C}_{2n-2}^*$ – *неразветвленный квазиконечный морфизм.*

Далее, пусть $D^* := \pi_n^{-1}(M_{n-1}^* \times \mathbf{P}^2)$, $n \geq 3$; тогда из диаграммы (4) имеем, что $\varphi_n \mid D^* = \psi_n \cdot \pi_n$, где $\pi_n : D^* \to M_{n-1}^* \times \mathbf{P}^2$ есть $\mathbf{P}^1$-расслоение и в силу теоремы 4 морфизм $\psi_n \mid (M_{n-1}^* \times \mathbf{P}^2) \cong$ $\cong (\varphi_{n-1} \mid M_{n-1}^*) \times id_{\mathbf{P}^2}$ – неразветвленный и квазиконечный. Следовательно, если рассмотреть факторизацию Штейна $\varphi_n : \mathcal{M}_n \xrightarrow{\tilde{\varphi}_n} \tilde{\mathcal{C}}_{2n-2} \xrightarrow{\nu_n} \mathcal{C}_{2n-2}$ отображения φ_n, где $\tilde{\varphi}_n$ – бирациональный регулярный морфизм со связными слоями и морфизм ν_n квазиконечен, то $\tilde{\varphi}_n \mid D^* = \pi_n$, и имеем коммутативную диаграмму:

$$\begin{tikzcd}
D^* \arrow[r, hook] \arrow[d, "\pi_n"] & \mathcal{M}_n \arrow[d, "\tilde{\varphi}_n"] \arrow[dd, bend left, "\varphi_n"] \\
M_{n-1}^* \times \mathbf{P}^2 \arrow[r, hook] \arrow[d, "\psi_n"] & \tilde{\mathcal{C}}_{2n-2} \arrow[d, "\nu_n"] \\
Z_n^* \arrow[r, hook] & \mathcal{C}_{2n-2}
\end{tikzcd} \qquad (11)$$

такую, что $\psi_n = \nu_n \mid (M_{n-1}^* \times \mathbf{P}^2)$. Поскольку $\tilde{\varphi}_n$ бирационален, то для доказательства бирациональности морфизма φ_n, достаточно показать, что ν_n также бирационален. Ввиду (6) и (7) для любой точки $y \in \psi_n^{-1}(Z_n') = \nu_n^{-1}(Z_n')$ слой $\nu_n^{-1}(\nu_n(y))$ в теоретико-множественном смысле состоит из этой точки y. Теорема 1 будет доказана, если найдем точку $y \in \nu_n^{-1}(Z_n')$ такую, что ν_n неразветвлен в точке y, т.е.

$$\ker(d\nu_n \mid_y : T_y \tilde{\mathcal{C}}_{2n-2} \to T_{\nu_n(y)} \mathcal{C}_{2n-2}) = 0, \qquad (12)$$

(здесь и ниже для данной схемы X и любой точки $x \in X$ через $T_x X$ обозначается касательное по Зарискому пространство к X в x). В самом деле, условие (12) означает, что пучок относительных дифференциалов $\Omega_{\tilde{\mathcal{C}}_{2n-2}/\mathcal{C}_{2n-2}}$ – нулевой в этой точке y. Таким образом, ν_n – это отображение с невырожденным дифференциалом в общей точке $y \in \nu_n^{-1}(Z_n')$, биективное в точке y. Следовательно, ν_n – бирациональный морфизм многообразия $\tilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$ на свой образ $\mathcal{C}_{2n-2}$.

Для доказательства (12) мы покажем, что в точке y многообразие $\tilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$ имеет рациональную особенность, аналитически изоморфную прямому произведению $\mathbf{A}^{4n-6} \times X$ аффинного пространства $\mathbf{A}^{4n-6}$ и поверхности X, имеющей простейшую квадратиную особенность типа A_1. Более того, выбирая ниже точку y специальным образом, а именно, полагая $y = ([E^{\vee\vee}], x(E))$, где $E^{\vee\vee}$ – специальное расслоение Хюльсбергена, мы, таким образом, получим описание касательного пространства к $\tilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$ в точке $\omega = \nu_n(y)$ (см. лемму 13 ниже). Наш метод состоит в построении с помощью расслоения Хюльсбергена $E^{\vee\vee}$ гладкой квазипроективной поверхности S в $\mathcal{M}_n$, пересекающей D трансверсально вдоль слоя $\pi_n^{-1}(y)$ и отображающейся посредством φ_n (локально в аналитическом смысле вблизи точки ω) в образ при ν_n слоя $\{0\} \times X$ прямого произведения $\mathbf{A}^{4n-6} \times X$. В итоге, сравнивая получаемые описания касательных пространств $T_y \tilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$ и $T_\omega \mathcal{C}_{2n-2}$, придем к доказательству (12) (см. (57)).

Теперь перейдем непосредственно к выполнению намеченного плана доказательства. Начнем с построения гладкой квазипроективной поверхности S в $\mathcal{M}_n$ такой, что:

(i) S содержит проективную прямую $\mathbf{l}$ такую, что

$$\mathcal{O}_S(\mathbf{l}) \mid \mathbf{l} \cong \mathcal{O}_{\mathbf{l}}(-2)\,; \qquad (13)$$

(ii) существует морфизм $j : S \to \mathcal{M}_n$ такой, что j – вложение в окрестности $\mathbf{l}$ такое, что

$$j(S \setminus \mathbf{l}) \subset M_n \qquad (14)$$

и, кроме того,

(iii) $$j(S) \cap D = j(\mathbf{l}) = \mathbf{P}_y^1 \qquad (15)$$

– трансверсальное пересечение D и $j(S)$ вдоль слоя $\mathbf{P}_y^1 = \pi_n^{-1}(y)$ проекции $\pi_n : D \to M_{n-1} \times \mathbf{P}^2$ над точкой $y = ([E_0], x) \in M_{n-1} \times \mathbf{P}^2$, где $[E_0] \in M_{n-1}$ есть *расслоение Хюльсбергена*, т.е. такое расслоение E_0, что $h^0(E_0(1)) \neq 0$.

Для этого проведем несколько предварительных построений. Зафиксируем проективную прямую l в $\mathbf{P}^2$ и пусть $x_0 \in \mathbf{P}^2 \setminus l$ – фиксированная точка, $Gr(1, S^{n-1}l)$ – грассманиан прямых проективного пространства $S^{n-1}l \cong \mathbf{P}^{n-1}$, так что любая точка $g \in Gr(1, S^{n-1}l)$ естественно понимается как одномерный линейный ряд $g = g_{n-1}^1$ степени $n-1$ на l. Другими словами, g – двумерное подпространство (которое обозначим ниже через V_g) в n-мерном векторном пространстве $H^0\mathcal{O}_l(Z)$, где $Z \in g$ – произвольный дивизор степени $n-1$ на l.

Пространство V_g, таким образом, определяет композицию:

$$e(g): V_g \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \xrightarrow{\otimes \mathcal{O}_l} V_g \otimes \mathcal{O}_l \to$$
$$\to H^0\mathcal{O}_l(Z) \otimes \mathcal{O}_l \xrightarrow{ev} \mathcal{O}_l(Z),$$

и сюръективность $e(g)$ эквивалентна тому, что g не имеет фиксированных точек. Нетрудно показать, что справедливо следующее утверждение.

Утверждение 5. *Множество* $G:=\{g\in Gr(1, S^{n-1}l) \mid$ *линейный ряд* g *– не имеет фиксированных точек*$\}$ *– плотное открытое подмножество в* $Gr(1, S^{n-1}l)$, *и для любого* $g\in G$ *пучок* $E_0(g):=\ker e(g)$ *есть стабильное векторное расслоение с* $c_2=n-1$, *т.е.* $[E_0(g)]\in M_{n-1}$. *Более того,* $E_0(g)$ *– расслоение Хюльсбергена. Тем самым, определен морфизм* $\rho: G \to M_{n-1}: g \mapsto [E_0(g)]$.

Далее, пусть $\mathbf{P}^1_g = \mathrm{P}(V_g)$. Рассмотрим каноническое отображение

$$can: \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \to V_g \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(1) \cong H^0(E_0(g)(1)) \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(1)$$

и определенную им композицию:

$$\mathbf{s}: \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g} \xrightarrow{id_{\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2}} \boxtimes can} H^0(E_0(g)(1)) \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \boxtimes$$
$$\boxtimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(1) \xrightarrow{ev \boxtimes id} E_0(g)(1) \boxtimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(1).$$

Пусть $Q_0=(\mathbf{s})_0$ – схема нулей сечения $\mathbf{s}$, так что $\operatorname{coker} \mathbf{s} = \mathcal{J}_{Q_0,\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2)$. Пусть $l_0=\{x_0\}\times\mathbf{P}^1_g$, где $x_0\in\mathbf{P}^2\setminus l$, и обозначим через $\widetilde{Q}$ несвязное объединение $Q_0\cup l_0$. Тогда имеем точные тройки:

$$0 \to \mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2) \to \mathcal{J}_{Q_0,\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2) \xrightarrow{\varepsilon} \mathcal{O}_{l_0}(2) \to 0,$$

$$0 \to \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g} \xrightarrow{\mathbf{s}} E_0(g)(1) \boxtimes$$
$$\boxtimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(1) \xrightarrow{\mathbf{s}^\vee} \mathcal{J}_{Q_0,\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2) \to 0, \qquad (16)$$

которые дают пучок $E := \ker(\varepsilon\cdot\mathbf{s}^\vee)\otimes\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(-1,-1)$.

Заметим, что справедливо следующее утверждение.

Утверждение 6. a) *Пучок* E *удовлетворяет условиям:* $[E|(\mathbf{P}^2\times\{z\})]\in D$, $\operatorname{Sing}(E|(\mathbf{P}^2\times\{z\}))=x_0$, $z\in\mathbf{P}^1_g$.

b) *Поскольку* l *– это схема нулей сечения* $\wedge^2(ev): \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \cong \wedge^2 V_g \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \to \wedge^2(E_0(g)(1)) = \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2}(1)$ *и* $x_0\notin l$, *то отображение* $V_g \cong H^0(E_0(g)(1)) \xrightarrow{ev\otimes\mathbf{k}_{x_0}} E_0(g)(1)\otimes\mathbf{k}_{x_0}: s\mapsto s(x_0)$ *есть изоморфизм. Кроме того, пусть* $y=([E_0(g)],x_0)$, *тогда получаем естественное отождествление:* $\mathbf{P}^1_g = P(V_g) \xrightarrow{\cong} P(E_0(g)(1)\otimes\mathbf{k}_{x_0}) \xrightarrow{\cong}$ $P(E_0^\vee(g)|_{x_0}) = P(\operatorname{Hom}(E_0(g)|_{x_0},\mathbf{k}_{x_0})) \cong \pi_n^{-1}(y) = \mathbf{P}^1_y \subset D$.

c) *Более того, имеем изоморфизм*

$$\mathcal{E}xt^1(\mathcal{J}_{Q_0,\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) \cong \mathcal{E}xt^2(\mathcal{O}_{Q_0}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) \cong \mathcal{O}_{Q_0},$$

а тем самым, изоморфизм

$$Ext^1(\mathcal{J}_{Q_0,\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) \cong$$
$$\cong H^0(\mathcal{E}xt^2(\mathcal{O}_{Q_0}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g})) \cong H^0\mathcal{O}_{Q_0},$$

который элементу $1\in H^0\mathcal{O}_{Q_0}$ *ставит в соответствие элемент*

$$\xi \in Ext^1(\mathcal{J}_{Q_0,\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}), \qquad (17)$$

определяющий расширение (16).

Далее, по аналогии с утверждением 6.c) имеем изоморфизм:

$$\mathcal{E}xt^1(\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) \cong$$
$$\cong \mathcal{E}xt^2(\mathcal{O}_{\widetilde{Q}}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) \cong \mathcal{O}_{Q_0} \oplus \mathcal{O}_{l_0}(-2). \qquad (18)$$

По конструкции кривая $Q_0=(\mathbf{s})_0$ – это дивизор типа $(n-1, 1)$ в $l\times\mathbf{P}^1_g$ (l – прямая в $\mathbf{P}^2$), а значит, он удовлетворяет тройке:

$$0 \to \mathcal{O}_{l\times\mathbf{P}^1_g}(1-n,-1) \to \mathcal{O}_{l\times\mathbf{P}^1_g} \to \mathcal{O}_{Q_0} \to 0.$$

Рассмотрим проекции: $\mathbf{P}^2 \xleftarrow{p_1} \mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g \xrightarrow{p_2} \mathbf{P}^1_g$ и применим к последней тройке функтор $R^i p_{2*}$; получим: $0 \to \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \to p_{2*}\mathcal{O}_{Q_0} \to (n-2)\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-1) \to 0$, то есть

$$p_{2*}\mathcal{O}_{Q_0} \cong \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus (n-2)\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-1). \qquad (19)$$

При этом, поскольку $p_2|_{l_0}: l_0 \xrightarrow{\cong} \mathbf{P}^1_g$ есть изоморфизм, где $l_0=\{x_0\}\times\mathbf{P}^1_g$, то $p_{2*}\mathcal{O}_{l_0}(-2) \cong \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2)$. Следовательно, из (18) и (19) имеем:

$$p_{2*}\mathcal{E}xt^1(\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) \cong$$
$$\cong \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus (n-2)\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-1) \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2). \qquad (20)$$

Поскольку $\mathcal{E}xt^i(\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) = 0$, $i\neq 1$, то имеем $R^i p_{2*}\mathcal{E}xt^i(\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) = 0$, $i\neq 1$. Ввиду спектральной последовательности локально-относительных $\mathcal{E}xt$-пучков имеем:

$$F := \mathcal{E}xt^1_{p_2}(\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2),\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) =$$
$$= \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus (n-2)\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-1) \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2). \qquad (21)$$

Рассмотрим многообразие $\mathbf{P}(F^\vee) := Proj(Sym_{\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}} F^\vee)$ с естественной проекцией p: $\mathbf{P}(F^\vee) \to \mathbf{P}^1_g$, и пусть $\mathbf{p}$: $\mathbf{P}^2 \times \mathbf{P}(F^\vee) \to \mathbf{P}^2 \times \mathbf{P}^1_g$ и $\mathbf{p_2}$: $\mathbf{P}^2 \times \mathbf{P}(F^\vee) \to \mathbf{P}(F^\vee)$ – индуцированные проекции. Аналогично (20) находим: $\mathcal{E}xt^i_{p_2}(\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2), \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}) = 0, i \neq 1$. Следовательно, спектральная последовательность глобальных и относительных $\mathcal{E}xt$-пучков, вместе с заменой базы дает:

$$H^0(p^*F \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)}(1)) =$$

$$= H^0(\mathcal{E}xt^1_{\mathbf{p_2}}(\mathbf{p}^*\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2), \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \boxtimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)}(1))) =$$

$$= Ext^1(\mathbf{p}^*\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2), \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \boxtimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)}(1)).$$

Далее, канонический морфизм $ev_F : \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)} \to p^*F \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)}(1)$, рассматриваемый как элемент

$$ev_F \in Ext^1(\mathbf{p}^*\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2), \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \boxtimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)}(1)), \quad (22)$$

определяет расширение:

$$0 \to \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \boxtimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)}(1) \to \widetilde{\mathbf{E}}(1) \to \mathbf{p}^*\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2) \to 0. \quad (23)$$

Согласно (21) имеем сюръекцию $\tau : F^\vee \to \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(2)$ (или $\tau^\vee : \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2) \to F$), которая влечет вложение:

$$\overline{S} := \mathbf{P}(\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(2)) \xrightarrow{t} \mathbf{P}(F^\vee).$$

Пусть $\mathbf{t} := 1 \times t : \mathbf{P}^2 \times \overline{S} \to \mathbf{P}^2 \times \mathbf{P}(F^\vee)$, $r := p \circ t : \overline{S} \to \mathbf{P}^1_g$ и $\mathbf{r} := \mathbf{p} \circ \mathbf{t}$: $\mathbf{P}^2 \times \overline{S} \to \mathbf{P}^2 \times \mathbf{P}^1_g$ – индуцированные проекции. Естественный морфизм $ev_{\overline{S}} : \mathcal{O}_{\overline{S}} \to r^*(\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2)) \otimes \mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1)$ включается в диаграмму:

$$\begin{array}{ccc} r^*(\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2)) \otimes \mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1) & \xrightarrow{r^*\tau^\vee \otimes id} & r^*F \otimes \mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1) \\ \uparrow ev_{\overline{S}} & & \| \\ \mathcal{O}_{\overline{S}} & \xrightarrow{t^*ev_F} & r^*(F \otimes \mathcal{O}_{\mathbf{P}(F^\vee)}(1)). \end{array}$$

Аналогично (22) морфизм $ev_{\overline{S}}$ можем рассматривать как элемент

$$ev_{\overline{S}} \in Ext^1(\mathbf{r}^*\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2), \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \boxtimes \mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1)),$$

определяющий расширение:

$$0 \to \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2} \boxtimes \mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1) \to \mathbf{E}_{\overline{S}}(1) \to \mathbf{r}^*\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2) \to 0, \quad (24)$$

которое получается из (23) применением функтора $\mathbf{t}^*$.

Пусть $s_{\mathbf{l}} : \mathcal{O}_{\overline{S}} \to \mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1) \otimes r^*\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2)$ – канонический морфизм, такой, что

$$\mathbf{l} := (s_{\mathbf{l}})_0 \xrightarrow{r} \mathbf{P}^1_g \quad (25)$$

есть единственная (–2)-кривая на $\overline{S}$ (это действительно имеет место, так как

$$(s_{\mathbf{l}})_0 \in |\mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1) \otimes r^*\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2)|, \text{ где}$$

$$H^0(\mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1) \otimes r^*\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(-2)) = \mathbf{k}).$$

Далее, общее сечение $s \in H^0\mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1)$ такое, что $(s)_0$ есть гладкое сечение для проекции $r = p \cdot t$: $\overline{S} \to \mathbf{P}^1_g$ несвязное с $s_{\mathbf{l}}$. Тогда морфизм $ev_{\overline{S}}$ можно переписать следующим образом:

$$ev_{\overline{S}} : r^*(\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g} \oplus \mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(2)) \xrightarrow{(s, s_{\mathbf{l}}(2))} \mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1).$$

Пусть $S := \overline{S} \setminus (s)_0$. Заметим, что поскольку $\mathbf{l} \subset S$ – это (–2)-кривая на S, то поверхность S удовлетворяет условию (13). Покажем, что S – искомая поверхность, то есть существует морфизм j: $S \to \mathcal{M}_n$, удовлетворяющий условиям (14) и (15). Для этого фиксируем точку $y_0 \in \mathbf{P}^1_g$, $U := \mathbf{P}^1_g \setminus y_0 \cong \mathbf{A}^1$, и пусть $S^* = r^{-1}(U) \cap S = \overline{S} \setminus (r^{-1}(y_0) \cup (s)_0)$. Нетрудно видеть, что $S^* \cong \mathbf{A}^2$ с аффинными координатами (z, t) в $\mathbf{A}^2$, где z есть стандартная координата в $U \cong \mathbf{A}^1$, а координата t определена как образ единицы при отображении групп сечений $H^0\mathcal{O}_{\overline{S}} \to H^0\mathcal{O}_{S^*}$, задаваемый морфизмом:

$$\mathcal{O}_{\overline{S}} \xrightarrow{res} \mathcal{O}_{S^*} \xrightarrow{\cdot(2r^{-1}(y_0))} r^*\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1_g}(2) \,|\, S^* \xrightarrow{s_{\mathbf{l}}|S^*}$$

$$\mathcal{O}_{\overline{S}/\mathbf{P}^1_g}(1) \,|\, S^* \xrightarrow{(s|S^*)^{-1}} \mathcal{O}_{S^*}.$$

В этих координатах ясно, что

$$\mathbf{l}^* := \mathbf{l} \cap S^* = \{t = 0\}. \quad (26)$$

Ограничим расширение (24) на S^* и обозначим $r_0 := r|S^*$: $S^* \to U$, $\mathbf{r_0} := 1 \times r_0$, получаем $\mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times S^*}$-расширение:

$$0 \to \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times S^*} \to \mathbf{E}_{S^*}(1) \to \mathbf{r}_0^*\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2) \to 0, \quad (27)$$

определенное элементом

$$\widetilde{\xi} \in Ext^1(\mathbf{r_0}\mathcal{J}_{\widetilde{Q},\mathbf{P}^2\times\mathbf{P}^1_g}(1,2), \mathcal{O}_{\mathbf{P}^2\times S^*}),$$

который ввиду (17) и определяет t, а следовательно, элемент:

$$(1, t) \in H^0\mathcal{O}_{S^*} \oplus H^0\mathcal{O}_{S^*}. \quad (28)$$

Из (26), (27) и (28) следует, что

a) $[\mathbf{E}_{S^*} \mid (\mathbf{P}^2 \times \{(z,t)\})] \in \mathcal{M}_n$ для любых $(z,t) \in S^*$, т.е. получаем морфизм

$$j: S^* \to \mathcal{M}_n : (z,t) \mapsto [\mathbf{E}_{S^*} \mid (\mathbf{P}^2 \times \{(z,t)\})]; \qquad (29)$$

b) по конструкции это отображение продолжается до морфизма $j: S \to \mathcal{M}_n$, удовлетворяющего (14) и (15);

c) ограничение (27) на $\mathbf{P}^2 \times \mathbf{l}^* \cong \mathbf{P}^2 \times U \subset \mathbf{P}^2 \times \mathbf{P}^1_g$ совпадает с ограничением тройки (16) на $\mathbf{P}^2 \times U$.

Покажем трансверсальность пересечения $j(S)$ с D вдоль $\mathbf{l}$. Для этого возьмем любую точку $z \in U \subset \mathbf{P}^1_g$, то есть точку $(z, 0) \in \mathbf{l}^*$ (используем здесь (26) и отождествление (25)), и обозначим $h_z := r_0^{-1}(z) = \{(z,t) \mid t \in \mathbf{A}^1\}$. Тогда простое вычисление с использованием (28) дифференциала $d(j|h_z)$ в точке $(z, 0)$, показывает, что этот дифференциал не вырожден и его образ V_z трансверсален к пространству $T_{(z,0)}D$, так что $j(h_z)$ пересекает D трансверсально в $(z, 0)$. Это вместе с утверждениями a)–c) выше показывает, что S удовлетворяет условиям (14) и (15). Кроме того, имеем:

$$T_z\mathcal{M}_n = T_z D \oplus V_z, \; z \in \mathbf{P}^1_y. \qquad (30)$$

Поскольку поверхность S (соответственно, ее открытая аффинная часть S^*) зависит от выбора пары $(g, x_0) \in Gr(1, S^{n-1}l) \times (\mathbf{P}^2 \setminus l)$, то будем иногда обозначать S через S_{g,x_0} (соответственно, S^* через S^*_{g,x_0}). Изучим образ поверхности S_{g,x_0} при отображении Барта φ_n. Сначала введем некоторые обозначения. Пусть прямая $\breve{x}$ в $\breve{\mathbf{P}}^2$ с уравнением $\{f_x = 0\}$, где $f_x \in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(1)$ соответствует произвольной точке $x \in \mathbf{P}^2$, и пусть $\sum_{i=1}^{n-1} x_i(z) \in Div\, l$ – дивизор степени $n-1$ в l (где l – фиксированная ранее проективная прямая в $\mathbf{P}^2$), соответствующий точке $z \in g$, где линейный ряд $g \in Gr(1, S^{n-1}l)$ понимается как прямая в $S^{n-1}l$. Для произвольного $g \in Gr(1, S^{n-1}l)$ и произвольной точки $z \in g$ кривая $D^{2n-2}(z) = \sum_{i=1}^{n-1} 2\breve{x}_i(z) \in |\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-2)|$ – приводимая неприведенная кривая с уравнением $\{\Psi_z^{2n-2} = 0\}$, где

$$\Psi_z^{2n-2} := \prod_{i=1}^{n-1} f^2_{x_i(z)} \in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-2). \qquad (31)$$

Тогда $\Theta(g) := \{D^{2n-2}(z) \in |\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-2)| \mid z \in g\}$ – коника в пространстве $|\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-2)|$.

Теперь для любой точки $(z,t) \in S^*_{g,x_0}$, понимаемой через отображение j, определенное в (29), как пучок из $\mathcal{M}_n$, рассмотрим соответствующую этому пучку кривую прямых подскока $C(z, t) := \varphi_n(z, t)$. В силу [4, Prop. 10.5] уравнение кривой $C(z, t)$ в $\mathbf{P}^2$ имеет вид:

$$C(z,t) = \{c_0 f^2_{x_1(z)} \cdots f^2_{x_{n-1}(z)} + \\ + f^2_{x_0}(\textstyle\sum_{i=1}^{n-1} c_i f^2_{x_1(z)} \cdots \hat{f}^2_{x_i(z)} \cdots f^2_{x_{n-1}(z)}) = 0\}, \; c_i \in \mathbf{k}. \qquad (32)$$

Для $g \in G$ рассмотрим расслоение Хюльсбергена $E_0(g)$, определенное в утверждении 5. Кривая $\mathcal{H}uls(g) := \varphi_{n-1}([E_0(g)])$ называется *кривой Хюльсбергена*. В силу [4, Prop. 10.5] для произвольного дивизора $z = \sum_{i=1}^{n-1} x_i(z) \in g$ определены константы $c_1, \ldots, c_{n-1} \in \mathbf{k}$ такие, что:

$$\mathcal{H}uls(g) := \{\Phi_g^{2n-4} := \\ = \textstyle\sum_{i=1}^{n-1} c_i f^2_{x_1(z)} \cdots \hat{f}^2_{x_i(z)} \cdots f^2_{x_{n-1}(z)} = 0\} \in \\ \in |\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-4)| = \mathbf{P}^{N_{n-1}}. \qquad (33)$$

По определению кривая Хюльсбернега $\mathcal{H}uls(g)$ не зависит от выбора точки $z \in U$, где $U = \mathbf{P}^1_g \setminus y_0 \cong \mathbf{A}^1$, а зависит только от выбора самого линейного ряда $g \in G$. Заметим, что для каждого фиксированного $z \in U$ в силу (27) и (28) получаем, что константа c_0 в (32) пропорциональна t:

$$c_0 = \lambda_z t, \qquad (34)$$

где $\lambda_z \neq 0$ зависит только от выбора скалярных множителей в формах $f^2_{x_i(z)}$, $i = 1, \ldots, n-1$. В частности, для $t = 0$ получаем: $C(z, 0) = \breve{x}_0^{(2)} \cup \mathcal{H}uls(g)$. Нетрудно проверить, что верно следующее утверждение.

Лемма 7. *Пусть* $(\mathbf{P}^{N_n})^* := \{C \in \mathbf{P}^{N_n} \mid C - приведена\}$. *Тогда* $\mathcal{H}uls(g) \in (\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*$ *для общего* $g \in Gr(1, S^{n-1}l)$. *Другими словами,* $G^* := \{g \in G \mid \mathcal{H}uls(g) \in (\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*\}$ *– плотное открытое подмножество в* $Gr(1, S^{n-1}l)$. *Тем самым,* $(\rho \times 1)(G^* \times (\mathbf{P}^2 \setminus l)) \subset M^*_{n-1} \times \mathbf{P}^2$, *где* $\rho: G \to M_{n-1}$: $g \mapsto [E_0(g)]$ *– морфизм, определенный в утверждении 5.*

Теперь, фиксируя для $(g, x_0) \in G^* \times (\mathbf{P}^2 \setminus l)$ уравнение $\{\Phi_g^{2n-4} = 0\}$ кривой $\mathcal{H}uls(g)$, $\Phi_g^{2n-4} \in |\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-4)|$, и выбирая подходящий скалярный множитель в форме Ψ_z^{2n-2} из (31), ввиду

(34) мы можем переписать уравнение (32) кривой $C(z, t)$ в виде: $C(z, t)=\{t\Psi_z^{2n-2}+f_{x_0}^2\Phi_g^{2n-4}=0\}$, $(z,t)\in S^*_{g,x_0}$. Это показывает, что $\varphi_n(h_z)=\{C(z, t) \mid t\in\mathbf{A}^1\}$. Таким образом, в силу (13), (14) и приведенного выше описания коники $\Theta(g)$ получаем следующую лемму.

Лемма 8. *Для общей точки* $(g, x_0)\in Gr(1, S^{n-1}l)\times(\mathbf{P}^2\setminus l)$

i) поверхность $R_{g,x_0}=\varphi_n(S_{g,x_0})$ *является открытым подмножеством квадратичного конуса в проективном пространстве* $\mathbf{P}^{N_n}$, *и морфизм* $\varphi_n: S_{g,x_0}\to R_{g,x_0}$ *есть стягивание (–2)-кривой* $\mathbf{P}^1_y=\tilde{\varphi}_n^{-1}(y)\cong\mathbf{l}\subset S_{g,x_0}$, *где* $y=([E_0(g)], x_0)$;

ii) для $\omega=\nu_n(y)$, *касательное пространство* $T_\omega R_{g,x_0}$ *описывается следующим образом:* $T_\omega R_{g,x_0}=\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\varphi_n|_z)(V_z))\cong\mathbf{k}^3$, *где* $V_z=T_z h_z$, $h_z=\{(z, t) \mid t\in\mathbf{A}^1\}, z\in\mathbf{P}^1_y$.

Далее, здесь и всюду ниже для произвольной подсхемы X в проективном пространстве $\mathbf{P}^{N_n}$ и точки $x\in X$ через $\mathcal{P}T_xX$ обозначим касательное проективное подпространство к X в точке x, т.е. подпространство в $\mathbf{P}^{N_n}$ проходящее через x и однозначно определенное условием $T_x(\mathcal{P}T_xX)=T_xX$, где T_xX – это касательное по Зарискому пространство к X в точке x. Тогда утверждение ii) леммы 8 может быть переформулировано следующим образом:

$$\mathcal{P}\,T_\omega R_{g,x_0}=\mathrm{Span}(\omega,\Theta(g))=\mathrm{Span}(R_{g,x_0})\cong\mathbf{P}^3. \quad (35)$$

Замечание 9. Рассмотрим морфизм: $\mu:\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\mathbf{P}^2\to\mathbf{P}^{N_n}$: $(C,x)\mapsto C\cup\bar{x}^{(2)}$ и пусть $B_n:=im(\mu)$, соответственно $B_n^*:=\mu((\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*\times\mathbf{P}^2)$. Заметим, что морфизм $\mu:(\mathbf{P}^{N_n})^*\times\mathbf{P}^2\to B_n^*$ – изоморфизм, так как кривая $C\in(\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*$ приведена. Тем самым, $\mu:\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\mathbf{P}^2\to B_n$ – бирациональный морфизм. Кроме того, из определения μ вытекает, что для любого $\omega=\mu(C,x)\in B_n^*$ имеем:

$$T_\omega\mu(\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\{x\})\cap T_\omega\mu(\{C\}\times\mathbf{P}^2)=\{0\}, \quad (36)$$

а следовательно,

$$T_\omega B_n^*=T_\omega\mu(\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\{x\})\oplus T_\omega\mu(\{C\}\times\mathbf{P}^2)\cong\mathbf{k}^{2n^2-5n+4}.$$

Поэтому

$$\mathcal{P}(C,x):=\mathcal{P}\,T_\omega B_n^*=\mathrm{Span}(\mu(\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\{x\}),\mu(\{C\}\times\mathbf{P}^2)),$$
$$(C,x)\in(\mathbf{P}^{N_n})^*\times\mathbf{P}^2. \quad (37)$$

Далее, пусть

$$\mathcal{U}_n:=\{(C,x)\in\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\mathbf{P}^2 \mid T_{\mu(C,x)}\mu(\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\{x\})\cap$$
$$\cap T_{\mu(C,x)}\mu(\{C\}\times\mathbf{P}^2)=\{0\}\}.$$

Поскольку в силу (36) имеем включение $(\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*\times\mathbf{P}^2\subset\mathcal{U}_n$, то отсюда следует, что $\mathcal{U}_n$ – плотное открытое подмножество в $\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\mathbf{P}^2$.

Кроме того, ясно, что для любой пары $(C,x)\in\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\mathbf{P}^2$ имеем $im(d\mu\,|\,(C,x))$:

$$T_{\mu(C,x)}(\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\mathbf{P}^2)\to T_{\mu(C,x)}B_n=$$
$$=\mathrm{Span}(T_{\mu(C,x)}\mu(\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\{x\}),T_{\mu(C,x)}\mu(\{C\}\times\mathbf{P}^2)).$$

Тогда можно продолжить определение $\mathcal{P}(C,x)$ из (37) с $(\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*\times\mathbf{P}^2$ на $\mathcal{U}_n$: $\mathcal{P}(C, x):=$ $=\mathrm{Span}(\mu(\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\{x\}),\mu(\{C\}\times\mathbf{P}^2))$, где $(C, x)\in\mathcal{U}_n$. Таким образом,

$$im(d\mu\,|\,(C,x))=T_{\mu(C,x)}\mathcal{P}(C,x)\cong\mathbf{k}^{2n^2-5n+4},$$
$$\ker(d\mu\,|\,(C,x))=0,\ (C,x)\in\mathcal{U}_n. \quad (38)$$

Заметим, что поскольку $\mathcal{U}_n$ открыто в $\mathbf{P}^{N_{n-1}}\times\mathbf{P}^2$, то множество $\mathcal{V}_n:=\{(g, x_0)\in Gr(1, S^{n-1}l)\times(\mathbf{P}^2\setminus l) \mid (\mathcal{H}uls(g), x_0)\in\mathcal{U}_n\}$ есть открытое подмножество в $Gr(1, S^{n-1}l)\times(\mathbf{P}^2\setminus l)$.

Теорема 10. *Множество* $\mathcal{V}_n$ *есть открытое плотное подмножество в* $Gr(1, S^{n-1}l)\times(\mathbf{P}^2\setminus l)$, *и для почти любой замкнутой точки* $(g,x_0)\in\mathcal{V}_n$ *имеет место равенство:*

$$\mathrm{Span}(\omega,\Theta(g))\cap\mathcal{P}(\mathcal{H}uls(g),x_0)=\{\omega\}, \quad (39)$$

где $\omega=\mu(\mathcal{H}uls(g),x_0)$.

Доказательство. Так как $Gr(1, S^{n-1}l)\times(\mathbf{P}^2\setminus l)$ – неприводимое многообразие, то всякое непустое открытое его подмножество будет плотным. Поскольку $\mathcal{V}_n$ – открытое подмножество в $Gr(1, S^{n-1}l)\times(\mathbf{P}^2\setminus l)$, то для доказательства плотности $\mathcal{V}_n$ необходимо найти хотя бы одну точку $(g, x_0)\in\mathcal{V}_n$. Для этого в линейном ряду g фиксируем точки $x_4,\ldots, x_{n-1}$; по конструкции Серра это соответствует тому, что $c_4=\ldots=c_{n-1}=0$ в уравнении (33). В этом случае получаем:

$$\Phi_g^{2n-4}=f_{x_4}^2\cdots f_{x_{n-1}}^2(c_1f_{x_2(z)}^2f_{x_3(z)}^2+$$
$$+c_2f_{x_1(z)}^2f_{x_3(z)}^2+c_3f_{x_1(z)}^2f_{x_2(z)}^2). \quad (40)$$

Пусть $\Phi_g^4:=c_1f_{x_2(z)}^2f_{x_3(z)}^2+c_2f_{x_1(z)}^2f_{x_3(z)}^2+c_3f_{x_1(z)}^2f_{x_2(z)}^2$.

Имеем, $\Psi_z^{2n-2}=f_{x_4}^2\cdots f_{x_{n-1}}^2(f_{x_1(z)}^2\cdot f_{x_2(z)}^2\cdot f_{x_3(z)}^2)$, где

$f^2_{x_1(z)}\cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)}$ – форма степени 6. Обозначим $\mathbf{P}^N := P(H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-2))$; тогда

$$\Theta(g)=\{\Psi_z^{2n-2}=f^2_{x_4}\cdots f^2_{x_{n-1}}(f^2_{x_1(z)}\cdot \cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)})=0\,|\,z\in g\}\subset \mathbf{P}^N. \quad (41)$$

Если точка $C^{2n-2}=\{F^{2n-2}=0\}$ лежит в $\mathrm{Span}(\Theta(g))\subset \mathbf{P}^N$, то существует форма степени 6, то есть $F^6\in \mathrm{Span}(\{f^2_{x_1(z)}\cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)}\,|\,z\in g\})\subset \subset H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-2)$ такая, что

$$F^{2n-2}=F^6(f^2_{x_4}\cdots f^2_{x_{n-1}}). \quad (42)$$

Кроме того, ряд g определяет кривую Хюльсбергена $\mathcal{H}uls(g)\in|\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-4)|$, которая распадается и содержит двойные прямые $\breve{x}_4^{(2)},\ldots,\breve{x}_{n-1}^{(2)}$ как компоненты:

$$\mathcal{H}uls(g)=\breve{x}_4^{(2)}\cup\ldots\cup\breve{x}_{n-1}^{(2)}\cup C_g^4,$$
$$C_g^4=\{\Phi_g^4=0\}. \quad (43)$$

Тогда

$$\mathcal{H}uls(g)=\{\Phi_g^{2n-4}=0\},$$
$$\Phi_g^{2n-4}=f^2_{x_4}\cdots f^2_{x_{n-1}}(c_1f^2_{x_2(z)}f^2_{x_3(z)}+ +c_2f^2_{x_1(z)}f^2_{x_3(z)}+c_3f^2_{x_1(z)}f^2_{x_2(z)}). \quad (44)$$

Заметим, что по определению (43) все приведенные компоненты кривой $\omega=\mathcal{H}uls(g)\cup\breve{x}_0^{(2)}$ различны; следовательно, $\mu^{-1}(\omega)$ – это конечное множество из n–3 различных точек: $\mu^{-1}(\omega)=\{\omega_0,\ldots,\omega_{n-4}\}$, $\omega_i=(C_g^4\cup\bigcup_{j\neq i}\breve{x}_j^{(2)},x_i)$, i=0,..., n–4, такое, что μ– это вложение с невырожденный дифференциалом для каждой точки ω_i, то есть дифференциал $d\mu|\omega_i$ инъективен. Это означает, что $\mu^{-1}(\omega)\subset\mathcal{U}_n$. В частности, беря i=0, имеем $\omega_0=(\mathcal{H}uls(g),x_0)\in\mathcal{U}_n$.

Покажем, что дифференциал $d\mu|\omega_0$ невырожден. Для этого достаточно доказать, что

$$\mathrm{Span}(\Theta(g))\cap\mathcal{P}(\mathcal{H}uls(g),x_0)=\varnothing. \quad (45)$$

Предположим обратное, то есть, что существует точка $C^{2n-2}\in\mathrm{Span}(\Theta(g))\cap\mathcal{P}(\mathcal{H}uls(g),x_0)$. Эта точка C^{2n-2} как кривая степени $2n$–2 в $\breve{\mathbf{P}}^2$ имеет уравнение $\{F^{2n-2}=0\}$, где $F^{2n-2}\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-2)$. Поскольку $\omega=\mathcal{H}uls(g)\cup\breve{x}_0^{(2)}$, то ввиду (44) имеем:

$$\mathcal{P}(\mathcal{H}uls(g),x_0):=P(\{L^2\Phi_g^4f^2_{x_4}\cdots f^2_{x_{n-1}}+ +f^2_{x_0}\Phi_g^{2n-4}\,|\,\Phi_g^{2n-4}\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2n-4),L\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(1)\}). \quad (46)$$

Следовательно, ввиду (42) и (46), существуют формы F^6, L, Φ^{2n-4} такие, что $F^6(f^2_{x_4}\cdots f^2_{x_{n-1}})= =L^2\Phi_g^4(f^2_{x_4}\cdots f^2_{x_{n-1}})+f^2_{x_0}\Phi_g^{2n-4}$. Таким образом, $\Phi_g^{2n-4}=F^4(f^2_{x_4}\cdots f^2_{x_{n-1}})$, так что получаем:

$$F^6=L^2\Phi_g^4+f^2_{x_0}F^4. \quad (47)$$

Далее, заметим, что $\{\Phi_g^4=0\}$ – кривая степени 4, имеющая особую точку порядка 4 в точке $\breve{l}$, а значит, распавшаяся на 4 прямые через точку $\breve{l}$. Поэтому пересечение поверхности Веронезе $P(\{L^2\Phi_g^4\,|\,L\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(1)\})=:W_g$ с проективным пространством

$$P(\{f^2_{x_0}F^4\,|\,F^4\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(4)\})=:\mathbf{P}^{14}_{x_0} \quad (48)$$

состоит из одной точки

$$\mathrm{pt}=\{\mathbf{k}\cdot f^2_{x_0}\Phi_g^4\}. \quad (49)$$

Пусть $\mathbf{P}_g^5=\mathrm{Span}(W_g)=\{\Phi^2\Phi_g^4\,|\,\Phi^2\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2)\}$. Нетрудно видеть, что пересечение $\mathbf{P}_g^5$ с $\mathbf{P}^{14}_{x_0}$ – это та же точка (49). Следовательно,

$\mathbf{P}^{19}(g,x_0)$:=Span($\{\mathbf{P}_g^5,\mathbf{P}^{14}_{x_0}\}$)=Span($\{W_g,\mathbf{P}^{14}_{x_0}\}$)= =Span($\{L^2\Phi_g^4+f^2_{x_0}F^4\,|L\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(1),F^4\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(4)\}$) – 19-мерное проективное подпространство в $\mathbf{P}^N=P(H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(6))=\mathbf{P}^{27}$.

Согласно (47) имеем кривую степени 6: $C^6:=\{F^6=0\}\in\mathbf{P}^{19}(g,x_0)$. Рассмотрим линейную проекцию r: $\mathbf{P}^{19}(g,x_0)\dashrightarrow\mathbf{P}^6_{x_0}:=P(H^0\mathcal{O}_{\breve{x}_0}(6))$: $C^6\mapsto C^6\cap\breve{x}_0$. По определению подпространства $\mathbf{P}^{14}_{x_0}$ в (48) видим, что r не определено в $\mathbf{P}^{14}_{x_0}$, а значит, $\mathbf{P}^{14}_{x_0}$ лежит в центре проекции r. Таким образом, $\mathbf{P}^2(g,x_0)$:=$r(\mathbf{P}^{19}(g,x_0))$=$P(\{L^2\Phi_g^4|_{\breve{x}_0}\,|\,L\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(1)\})$= $=P(\{\Phi^2\Phi_g^4|_{\breve{x}_0}\,|\,\Phi^2\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(2)\})$ – 2-мерное подпространство в $\mathbf{P}^6_{x_0}$.

Далее, согласно (41) и (42) $F^6=f^2_{x_1(z)}\cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)}= =(F^3(z))^2$, где $F^3=f_{x_1(z)}\cdot f_{x_2(z)}\cdot f_{x_3(z)}\in H^0\mathcal{O}_{\breve{\mathbf{P}}^2}(3)$ – форма, линейно зависящая от $z\in g$.

Пусть x – аффинная координата на $\breve{x}_0$, a_i – аффинная координата точки $x_i(z)$, i=1, 2, 3. Тогда $F^3_{\breve{x}_0}(z):=F^3(z)|_{\breve{x}_0}=(x-a_1)(x-a_2)(x-a_3)=x^3-\sigma_1x^2+\sigma_2x- -\sigma_3$, где $\sigma_1=a_1+a_2+a_3$, $\sigma_2=a_2a_3+a_1a_3+a_1a_2$, $\sigma_3=a_1a_2a_3$.

В частности, полагая в (40) $c_1=c_2=c_3=1$, получаем: $\Phi^4_{g,\tilde{x}_0} := \Phi^4_g(z)|_{\tilde{x}_0} = (x-a_1)^2(x-a_2)^2+(x-a_1)^2(x-a_3)^2+$ $+(x-a_2)^2(x-a_3)^2=3x^4-4\sigma_1x^3+2\sigma_1^2x^2-2(\sigma_1\sigma_2-3\sigma_3)x+$ $+(\sigma_2^2-2\sigma_1\sigma_3)$; $F^6_{\tilde{x}_0}(z)=(F^3(z))^2=(x^3-\sigma_1x^2+\sigma_2x-\sigma_3)^2=$ $=x^6-2\sigma_1x^5+(\sigma_1^2+2\sigma_2)x^4-2(\sigma_3+\sigma_1\sigma_2)x^3+(\sigma_2^2+\sigma_1\sigma_3)x^2-$ $-2\sigma_2\sigma_3x+\sigma_3^2$. Рассмотрим многочлены

$$F_1^6 := F^6_{\tilde{x}_0}(z)|_{\sigma_1=1,\sigma_2=\sigma_3=0}=x^6-2x^5+x^4,$$

$$F_2^6 := F^6_{\tilde{x}_0}(z)|_{\sigma_1=\sigma_3=0,\sigma_2=1}=x^6+2x^4+x^2,$$

$$F_3^6 := F^6_{\tilde{x}_0}(z)|_{\sigma_1=\sigma_2=0,\sigma_3=1}=x^6-2x^3+1,$$

$$F_4^6 := 1\cdot\Phi^4_{g,\tilde{x}_0}(z)|_{\sigma_1=\sigma_2=0,\sigma_3=1}=3x^4+6x,$$

$$F_5^6 := x\cdot\Phi^4_{g,\tilde{x}_0}(z)|_{\sigma_1=\sigma_2=0,\sigma_3=1}=3x^5+6x^2,$$

$$F_6^6 := x^2\cdot\Phi^4_{g,\tilde{x}_0}(z)|_{\sigma_1=\sigma_2=0,\sigma_3=1}=3x^6+6x^3.$$

Нетрудно видеть, что многочлены F_1^6, F_2^6, F_3^6, F_4^6, F_5^6, F_6^6 – линейно независимы в $H^0\mathcal{O}_{\tilde{x}_0}(6)$.

Далее, если $C^{2n-2}\in\mathrm{Span}(\Theta(g))\cap\mathcal{P}(\mathcal{H}uls(g),x_0)$, то $C^6\in\mathrm{Span}(\{f^2_{x_1(z)}\cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)}\mid z\in g\})\cap\mathbf{P}^{19}(g,x_0)$, а значит,

$$r(C^6)\in r(\mathrm{Span}(\{f^2_{x_1(z)}\cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)}\mid z\in g\}))\cap$$
$$\cap r(\mathbf{P}^{19}(g,x_0))\neq\varnothing. \qquad (50)$$

С другой стороны, имеем, F_1^6, F_2^6, $F_3^6\in$ $\in r(\mathrm{Span}(\{f^2_{x_1(z)}\cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)}\mid z\in g\}))$, а F_4^6, F_5^6, $F_6^6\in$ $\in r(\mathbf{P}^{19}(g,x_0))$. Поскольку F_1^6, F_2^6, F_3^6, F_4^6, F_5^6, F_6^6 – линейно независимы, то пересечение $r(\mathrm{Span}(\{f^2_{x_1(z)}\cdot f^2_{x_2(z)}\cdot f^2_{x_3(z)}\mid z\in g\}))\cap r(\mathbf{P}^{19}(g,x_0))$ пусто, вопреки (50). Следовательно, имеет место (45), а значит дифференциал $d\mu|\omega_0$ невырожден.

Далее, заметим, что ввиду (35) условие (39) можно переписать в виде $\mathcal{P}T_\omega R_{g,x_0}\cap\mathcal{P}(C,x_0)=\{\omega\}$, где $\omega=\mu(C,x_0)$, $C=\mathcal{H}uls(g)$, $(g,x_0)\in\mathcal{V}_n$ или, что то же самое, в виде

$$T_\omega R_{g,x_0}\cap im(d\mu\mid(C,x_0))=\{0\},\ \omega=\mu(C,x_0),$$
$$C=\mathcal{H}uls(g),\ (g,x_0)\in\mathcal{V}_n. \qquad (51)$$

Таким образом, ввиду (38) получаем равенство (39). Теорема доказана.

Из теоремы 10, (51) и (38) непосредственно вытекает следующее утверждение.

Утверждение 11. *Множество*

$\mathcal{V}_n' := \{(g,x_0)\in\mathcal{V}_n \mid T_{\mu(C,x_0)}R_{g,x_0}\cap im(d\mu\mid(C,x_0))=$ $=\ker(d\mu\mid(C,x_0))=\{0\},\ C=\mathcal{H}uls(g)\}=\{(g,x_0)\in\mathcal{V}_n\mid$ $T_{\mu(C,x_0)}R_{g,x_0}+im(d\mu\mid(C,x_0))=T_{\mu(C,x_0)}R_{g,x_0}\oplus$ $\oplus im(d\mu|(C,x_0)),\ker(d\mu|(C,x_0))=\{0\},\ C=\mathcal{H}uls(g)\}$ (52) *– плотное открытое подмножество в* $\mathcal{V}_n$.

Ввиду леммы 7 множество $\mathcal{V}_n^* := \mathcal{V}_n'\cap(G^*\times(\mathbf{P}^2\setminus l))$ есть также плотное открытое подмножество в $\mathcal{V}_n$.

Вернемся к диаграмме (11) и заметим, что по конструкции имеем диаграмму:

$$\begin{array}{ccc} M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2 & \xrightarrow{\psi_n} & \mathbf{P}^{N_n} \\ \downarrow{\scriptstyle \varphi_{n-1}\times id} & & \uparrow{\scriptstyle \mu} \\ \mathcal{C}^*_{2(n-1)-2}\times\mathbf{P}^2 & \hookrightarrow & (\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*\times\mathbf{P}^2. \end{array} \qquad (53)$$

Поскольку, $\pi_n : D^*\to M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2$ есть $\mathbf{P}^1$-расслоение, то из этого вытекает, что для любой точки $y\in M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2$ верно $\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\pi_n\mid z)(T_zD^*))=$ $=T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2)$.

Так как $\mu\mid((\mathbf{P}^{N_{n-1}})^*\times\mathbf{P}^2)$ – изоморфизм (см. замечание 9) и $(\varphi_{n-1}\times id)\mid(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2)$ неразветвлен (теорема 4), то в силу диаграмм (11) и (53) $\psi_n=\nu_n\mid(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2)$ – неразветвленный морфизм. Тем самым,

$$(d\psi_n\mid y)(T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))\subset im(d\mu|\omega_0),$$
$$\omega_0=(\varphi_{n-1}\times id)(y). \qquad (54)$$

Кроме того, из диаграммы (11) имеем:

$$\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\varphi_n\mid z)(T_zD^*))=$$
$$=\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d(\nu_n\cdot\pi_n)\mid z)(T_zD^*))=$$
$$=\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\nu_n\mid y)(d\pi_n\mid z)(T_zD^*))=$$
$$=(d\nu_n\mid y)(T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))=$$
$$=(d(\nu_n\mid(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))\mid y)(T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))=$$
$$=(d\psi_n\mid y)(T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))=$$
$$=(d\mu_n\mid\omega)(d(\varphi_{n-1}\times id)\mid y)(T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))\cong$$
$$\cong T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2)\cong\mathbf{k}^{4n-6}.$$

Таким образом, беря $y=(\rho\times1)(g,x_0)\in M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2$ для $(g,x_0)\in\mathcal{V}_n^*$ и применяя (30) и лемму 8, получаем:

$$\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\varphi_n\mid z)(T_z\mathcal{M}_n))=$$

$$=\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\varphi_n\mid z)(T_zD^*))+$$

$$+\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\varphi_n\mid z)(V_z))=$$

$$=(d\psi_n\mid y)(T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))+T_\omega R_{g,x_0}, \qquad (55)$$

где $\omega=\psi_n(y)$. Тем самым, из (52), (54) и (55) вытекает следующее

Утверждение 12. *Для точек* $(g,\ x_0)\in\mathcal{V}^*_n$, $y=(\rho\times 1)(g,\ x_0)\in M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2$, $\omega=\psi_n(y)$ *и прямой* $\mathbf{P}^1_y=\widetilde{\varphi}_n^{-1}(y)$ *имеем равенства:*

$$\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\varphi_n\mid z)(T_z\mathcal{M}_n))=$$

$$=(d\psi_n\mid y)(T_y(M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2))\oplus T_\omega R_{g,x_0}\cong\mathbf{k}^{4n-6}\oplus\mathbf{k}^3\cong\mathbf{k}^{4n-3}.$$

Далее, докажем следующую лемму.

Лемма 13. *В условиях утверждения 12 справедливы равенства:*

i) $\dim T_y\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}=4n-3$;

ii) $T_y\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}=\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\widetilde{\varphi}_n\mid z)(T_z\mathcal{M}_n))$.

Доказательство. Рассмотрим диаграмму (11) и введем обозначения $\mathcal{Z}:=\widetilde{\varphi}_n(D^*)=M^*_{n-1}\times\mathbf{P}^2$, $\mathrm{codim}_{\mathcal{C}_{2n-2}}\mathcal{Z}=2$ такое, что $y\in\mathcal{Z}$. Для выбранной точки y имеем: $\mathbf{P}^1_y:=\widetilde{\varphi}_n^{-1}(y)\cong\mathbf{P}^1$, $\mathcal{O}_{\mathcal{M}_n}(D)\mid\mathbf{P}^1_y\cong\cong\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1}(-2)$, а значит, $\omega_{\mathcal{M}_n}\mid\mathbf{P}^1_y\cong\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1}$. Поскольку $\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$ – нормальное многообразие (по разложению Штейна), то по теореме Грауэрта–Рименшнайдера (см. [3]) имеем $R^i\widetilde{\varphi}_{n*}\mathcal{O}_{\mathcal{M}_n}=0$, $i\geq 1$. Тем самым, y – рациональная (а также каноническая) особенность на $\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$, такая, что локальное кольцо $\mathcal{O}_{\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2},y}$ есть кольцо Коэна–Маколея (см. [5, chap.1, §3]). Пусть $\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}\to\mathbf{P}^M$ – любое проективное вложение и $H_1,\ldots,H_{4n-6}$ – гиперплоскости в $\mathbf{P}^M$ через точку y, тогда по теореме Бертини существует окрестность $U\in\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$ для точки y со следующими свойствами:

1) $\mathrm{X}=L\cap U$ – неприводимая поверхность, гладкая вне y, где $L:=H_1\cap\ldots\cap H_{4n-6}$, и локальное кольцо $\mathcal{O}_{\mathrm{X},y}$ есть также кольцо Коэна–Маколея, а значит, по критерию Сера [2, Theorems 11.5, 18.15], поверхность X нормальна;

2) L пересекает $\mathcal{Z}$ трансверсально в y, то есть $\mathrm{X}\cap\mathcal{Z}=y$ как схема есть приведенная точка (здесь и ниже $\mathcal{Z}$ рассматривается как приведенное неприводимое многообразие; напомним, что $\mathcal{Z}$ бирационально изоморфно $M_{n-1}\times\mathbf{P}^2$); в частности, $T_y\mathcal{Z}\cap T_y\mathrm{X}=\{0\}$.

Далее, докажем, что $\widetilde{\mathrm{X}}=\widetilde{\varphi}_n^{-1}(\mathrm{X})$ – гладкая поверхность. Поскольку $\mathbf{P}^1_y\subset\widetilde{\mathrm{X}}$ и по построению $\widetilde{\varphi}_n\mid(\widetilde{\mathrm{X}}\setminus\mathbf{P}^1_y):\widetilde{\mathrm{X}}\setminus\mathbf{P}^1_y\to\mathrm{X}\setminus y$ – изоморфизм (так как $\widetilde{\varphi}_n$ – бирациональный регулярный морфизм со связными слоями), то $\widetilde{\mathrm{X}}\setminus\mathbf{P}^1_y$ – гладкая поверхность. Покажем, что $\widetilde{\mathrm{X}}$ неособа вдоль $\mathbf{P}^1_y$ и, тем самым, получим, что $\widetilde{\mathrm{X}}$ – гладкая поверхность. Предположим обратное, то есть пусть существует точка $z\in\mathbf{P}^1_y$ такая, что $z\in\mathrm{Sing}\ \widetilde{\mathrm{X}}$. Поскольку D – гладкий в z, то $\dim T_z(\widetilde{\mathrm{X}}\cap D)\geq 2$, а значит, существует вектор $0\neq\tau\in T_z(\widetilde{\mathrm{X}}\cap D)$ такой, что $\tau\notin T_z\mathbf{P}^1_y$. Следовательно, $\tau'=d\widetilde{\varphi}_n(\tau)\neq 0$. Рассмотрим τ' как схему $\mathrm{Spec}\,\mathbf{k}[t]/(t^2)$. Имеем $\tau'\in\varphi_n(D)\cap\varphi_n(\widetilde{\mathrm{X}})=\mathcal{Z}\cap\mathrm{X}=y$. Так как по свойству 2) выше y есть приведенная точка, то получаем противоречие. Таким образом, $\widetilde{\mathrm{X}}$ неособа вдоль $\mathbf{P}^1_y$.

Поскольку $\widetilde{\mathrm{X}}$ – гладкая поверхность, то X нормальна, и $\widetilde{\varphi}_n\mid\widetilde{\mathrm{X}}:\widetilde{\mathrm{X}}\to\mathrm{X}$ есть стягивание $\mathbf{P}^1_y$ в точку y. Так как согласно (10) $\mathcal{O}_{\widetilde{\mathrm{X}}}(\mathbf{P}^1_y)\mid\mathbf{P}^1_y\cong\mathcal{O}_{\mathcal{M}_n}(D)\mid\mathbf{P}^1_y\cong\mathcal{O}_{\mathbf{P}^1}(-2)$, то $\mathbf{P}^1_y$ есть (–2)-кривая на $\widetilde{\mathrm{X}}$. Отсюда согласно [1, Cor.6] получаем, что y – это рациональная особенность типа A_1 в X. Поскольку рациональные особенности не имеют модулей, то стандартное рассуждение показывает (см. [10, Cor.1.14]), что $\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}$ локально-аналитически в окрестности y изоморфно $\mathrm{X}\times\mathcal{Z}$; в частности,

$$\hat{\mathcal{O}}_{y,\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}}\cong\mathbf{k}[[x_1,\ldots,x_{4n-6}]]\otimes\mathbf{k}[[x,y,z]]/(xy-z^2). \qquad (56)$$

Тем самым, $T_y\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}=T_y\mathcal{Z}\oplus T_y\mathrm{X}=T_y(\mathrm{Sing}\ \widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2})\oplus\oplus T_y\mathrm{X}=\mathbf{k}^{4n-3}$, то есть получаем утверждение i) леммы. Утверждение ii) леммы следует из (56). Лемма доказана.

Доказательство равенства (12). Применим лемму 13, утверждения 12 и 11 имеем:

$$(dv_n \mid y)(T_y\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}) =$$
$$=(dv_n \mid y)(\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\widetilde{\varphi}_n \mid z)(T_z\mathcal{M}_n)) =$$
$$=\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(dv_n \mid y)(d\widetilde{\varphi}_n \mid z)(T_z\mathcal{M}_n)) =$$
$$=\mathrm{Span}(\bigcup_{z\in\mathbf{P}^1_y}(d\varphi_n \mid z)(T_zM_n)) = \mathbf{k}^{4n-3} \cong T_y\widetilde{\mathcal{C}}_{2n-2}. \quad (57)$$

Следовательно, $\ker(dv_n|y)=0$, что и требовалось доказать.

Примечание

[1] Здесь и ниже под бифлекнодом понимается обыкновенная двойная точка x на кривой C, в которой каждая ветвь кривой имеет в x точку перегиба.

Библиографический список

1. *Artin M.* On isolated rational singularities of surfaces // Amer. J. Math. – 1966. – №88. – Pp. 129–136.

2. *Eisenbud D.* Commutative Algebra with a View Toward Algebraic Geometry // Springer. – NY, 1995. – 785 pp.

3. *Grauert H., Riemenschneider O.* Verschwindungssätze für analytische Kohomologiegruppen auf komplexen Räumen // Invent. Math. – 1970. – №11. – Pp. 263–290.

4. *Hulek K.* Stable Rang–2 Vektor Bundles on $\mathbf{P}^2$ with c_1 Odd // Math.Ann. – 1979. – №242. – Pp. 241–266.

5. *Kempf G., Knudsen F., Mumford D., Saint-Donat B.* Toroidal embeddings I // Lect. Notes Math., Berlin–Heidelberg–NY: Springer. – 1973. – №339.

6. *Le Potier J.* A propos de la construction de l'espace de modules des faisceaux semi-stables sur le plan projectif // Bull. Soc. math. France. – 1994. – №122. – Pp. 363–369.

7. *Le Potier J.* Fibrédéterminant et courbes de saut sur les surfaces algébriques // Complex projective geometry (Trieste, 1989/Bergen, 1989) // London Math. Soc. Lect. Note Ser. – 1992. – №179. – Pp. 213–240.

8. *Le Potier J., Tikhomirov A.S.* Sur le morphisme de Barth // Ann. Scient. Éc. Norm. Sup.,4e série, t. – 2001. – №34. – Pp. 573–629.

9. *Maruyama M.* Moduli of stable sheaves I,II // J. Math. Kyoto Univ. – 1977. – №17. – Pp. 91–126; 1978. – №18. – Pp. 557–614.

10. *Reid M.* Canonical 3–folds // Algebraic Geometry Angers. – 1979. Sijthoff and Noordhoff. – 1980. – Pp. 273–310.

11. *Strømme S.A.* Ample divisors on fine moduli spaces on the projective plane // Math. Z. – 1984. – №187 – Pp. 405–423.

12. *Матыцина Т.Н.* Отображение Барта пространства модулей $M_{\mathbf{P}^2}(-1,3)$ стабильных векторных расслоений ранга 2 на $\mathbf{P}^2$ // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2005. – №6. – С. 8–14.

Н.В. Бочкарёв, И.И. Кузьменков, Д.Ю. Тихонов, С.Л. Смирнов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕТЕРИНАРНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫМИ МЕТОДАМИ ТЕРАПИИ

Целью деятельности любого сельскохозтоваропроизводителя (СХТП) является выпуск определенной продукции (выполнение работ, оказание услуг) установленного объема и качества, в определенные сроки. Но при установлении масштабов производства следует исходить не только из народнохозяйственных и индивидуальных потребностей в данной продукции, но и в необходимости учитывать достижение максимального уровня ее эффективности. Поэтому оценивать качество работы СХТП следует прежде всего, посредством определения экономической эффективности производимой продукции (Кантора Е.Л., 2002).

Имеются факторы, которые непосредственно не зависят от деятельности органов хозяйственного управления любого уровня, но оказывают существенное влияние на конечные результаты производства (Королёв Ю.Б. с соавт., 2002).

Молочная корова дает максимальное количество молока, когда она здорова и чувствует себя комфортно. Здоровая корова сможет питаться достаточно для того, чтобы выработать большие количества молока при сохранении хорошей фертильности.

Важным фактором здоровья коровы является состояние их конечностей. Молочная корова не должна иметь проблем с ходьбой.

© Н.В. Бочкарёв, И.И. Кузьменков, Д.Ю. Тихонов, С.Л. Смирнов, 2006

Целью нашей работы являлось определение экономической эффективности гомеопатического способа лечения болезней конечностей относительно традиционных методов применяемых в - хозяйствах и таким образом совершенствовать организацию ветеринарного обслуживания в условиях Костромской области.

В ГПЗ «Караваево» проводился научно-хозяйственный опыт на коровах по испытанию гомеопатического препарата «Хондартрон». В период проведения опыта подбирались животные с диагнозом артрит, в период клинического его проявления. В первой опытной группе – 35 коровы, был использован гомеопатический препарат «Хондартрон» в дозе 5 мл на животное 3 раза с интервалом в 3 дня, внутримышечно; во второй опытной группе – 13 коровы, применялась схема хозяйства. Наблюдения велись в течение 10 дней за каждым животным.

Нашими исследованиями установлено, что в группе животных (35 коров), где был применен гомеопатический препарат хандартрон ущерб от снижения продуктивности мог составить 13170,50 руб., от недополучения телят 2683,80 руб., а общая величина экономического ущерба составила бы 15854,30 руб., а в группе животных (13 коров) с хозяйственной схемой лечения артрита, соответственно – 6922,50; 1495,26; 8417,76 руб. (табл.).

Экономическая эффективность ветеринарных мероприятий был очевидна. Так, при применение хондартрона в группе коров предотвращенный экономический ущерб в результате лечения составил 11480,70 руб., экономический эффект полученный в результате проведения лечебных мероприятий составил 7284,10 руб., экономический эффект на одно животное 208,12 руб., экономическая эффективность ветеринарных мероприятий на 1 руб. затрат 1,91 руб.

В группе коров с хозяйственной схемой лечения экономический эффект полученный в результате проведения лечебных мероприятий составил 132,04 руб., экономический эффект на одно животное – 10,16 руб., экономическая эффективность ветеринарных мероприятий на 1 руб. затрат 0,09 руб.

Суммарный индекс эффективности в группе животных с альтернативным методом лечения в 1,47 раз превосходил традиционный метод терапии.

Таким образом, альтернативными методами терапии, а именно гомеопатическими препаратами, можно значительно совершенствовать организацию ветеринарного обслуживания в условиях Костромской области, одновременно необходимо учитывать их экономическую целесообразность и экологическую безвредность.

Таблица

Экономическая эффективность применения хондартрона при лечении артрита у коров

N	Показатели	Группы животных	
		1 (35 коров)*	2 (13 коров)**
	Экономический ущерб причиняемый коровам при заболевании артритом		
1	Ущерб от снижения продуктивности (руб.)	**13170,50**	**6922,50**
2	Ущерб от недополучения телят вследствие переболевания (руб.)	**2683,80**	**1495,26**
3	Общая величина экономического ущерба (руб.)	**15854,30**	**8417,76**
	Учет затрат на проведение ветеринарного обслуживания коров		
4	Заработная плата ветврача в месяц (руб)	2300	2300
5	На проведение лечения в группе (руб.)	12,60	4,20
6	Затраты на материалы (руб.)	3885,00	1300,00
7.	Отчисления (руб.)	299,00	299,00
8	Общие затраты на проведение ветеринарных мероприятий	**4196,60**	**1603,20**
	Экономическая эффективность ветеринарных мероприятий		
9	Экономический ущерб, предотвращенный в результате лечения больных животных (руб.)	**11480,70**	**1735,24**
10	Экономический эффект, полученный в результате проведения лечебных мероприятий (руб.)	**7284,10**	**132,04**
11	Экономический эффект на одно животное (руб.)	**208,12**	**10,16**
12	Экономической эффективности ветеринарных мероприятий на 1 рубль затрат (руб.)	**1,91**	**0,09**
13	Расчет экономического ущерба на одно животное (руб.)	**452,98**	**647,47**
14	Суммарный индекс эффективности ветеринарных мероприятий	**1,47**	**1,00**

* 1 группа – применялся хондартрон;

** 2 группа – применялся дексаметазон натрия фосфат

Е.Б. Карпова, В.В. Чемоданов

ФЕНОТИПИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ДИСПЛАЗИИ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ТКАНИ У ДЕТЕЙ, БОЛЬНЫХ АТОПИЧЕСКИМ ДЕРМАТИТОМ

Преамбула. *Изучена распространенность фенотипических признаков дисплазии соединительной ткани (ДСТ) у 77 детей, больных атопическим дерматитом (АД). Выявлено неблагоприятное влияние соединительнотканной несостоятельности на клинические проявления и течение АД у детей. Количество фенотипических признаков у больного предложено рассматривать как прогностический признак течения АД.*

Дебют атопического дерматита (АД) в большинстве случаев приходится на ранний детский возраст, и у 60–70% детей отмечается на первом году жизни. Приобретая хроническое течение, болезнь сохраняет свои клинические признаки на протяжении многих лет [3; 4]. В настоящее время АД составляет существенную долю среди заболеваний, приводящих детей к инвалидности [1].

В связи с этим, особую актуальность приобретает анализ факторов, определяющих тяжесть течения заболевания. Наиболее изученными и значимыми из них признаны: нарушения характера питания и режима, хронические инфекции и метаболические нарушения, дисфункции центральной и вегетативной нервной системы, сопутствующая патология ЖКТ, аллергические заболевания органов дыхания и т. д. [2; 5; 6]. Менее изученным остается вопрос об особенностях течения атопического дерматита при сопутствующей несостоятельности соединительной ткани у детей.

Следует подчеркнуть, что соединительная ткань занимает в организме особое место. Она определяет морфологическую и функциональную целостность организма, образует опорный каркас, формирует внутреннюю среду организма, наружные покровы (кожу) [7]. Поэтому можно предположить, что врожденная несостоятельность (дисплазия) соединительной ткани является одним из факторов, определяющих тяжесть течения АД.

Цель исследования – определить распространенность внешних признаков соединительнотканной несостоятельности у детей, страдающих атопическим дерматитом, а также особенностей его течения при наличии сопутствующей дисплазии соединительной ткани.

Материалы и методы

Проведено обследование 77 детей в возрасте от 3 месяцев до 18 лет, больных АД, в том числе 37 мальчиков и 40 девочек. АД диагностировался по критериям Hanifin, Rajka (1980). В соответствии с научно-практической программой «Атопический дерматит у детей» (2000) выделены возрастные клинические формы заболевания: младенческая, детская и подростковая. У всех пациентов определены признаки врожденной несостоятельности соединительной ткани, оцениваемые по фенотипическим маркерам на основании критериев Т. Милковска-Дмитровой и А. Карташева (1985).

Результаты и обсуждение

Частотный анализ главных фенотипических признаков ДСТ у детей с АД показал (рис.), что наиболее часто встречались: готическое нёбо (32,5%), гипермобильность суставов (32,5%), деформации грудной клетки (27,3%), повышенная растяжимость кожи (23,4%), сколиоз (20,8%). Среди второстепенных признаков и стигм дизэмбриогенеза с большей частотой выявляли: короткие кривые мизинцы (50,6%), малые, приросшие мочки ушей (38,9%), нарушение роста зубов (32,5%), короткую шею (27,3%), отсутствие козелка и очаги депигментации кожи по 24,6%, плоскостопие, Х-образные ноги, повышенную растяжимость кожи по 23,4%, укорочение четвертого пальца кисти относительно второго (20,8%).

Для ряда из них установлен половой дисморфизм. В частности, гипермобильность суставов и короткие мизинцы преобладали у девочек, а очаги депигментации на коже, деформации грудной клетки и укорочение четвертого пальца по сравнению со вторым – у мальчиков (табл. 1).

Установлено, что частота отдельных фенотипических признаков варьирует в зависимости от возрастной клинической формы заболевания (табл. 2). В частности, обращает на себя внимание преобладание при младенческой форме частоты встречаемости короткой шеи (57,1%). В группе с детской формой АД чаще, чем в младенческой и подростковой, встречаются готическое небо

 © Е.Б. Карпова, В.В. Чемоданов, 2006

Рис. Частота главных фенотипических признаков ДСТ у детей с атопическим дерматитом, %

(48,3%), деформации грудной клетки (44,8%) гипермобильность суставов (44,8%), а при подростковой форме – сколиоз (45,0%), очаги депигментации кожи (50,0%) и укорочение четвертого пальца кисти по сравнению со вторым (50,0%).

Анализ показал, что главные признаки имеют 64,7%, второстепенные признаки и стигмы дизэмбриогенеза – 92,1% пациентов.

По нашим данным, среднее количество внешних признаков дисплазии соединительной ткани в возрастных группах не имеет достоверных различий, но прослеживается тенденция к их увеличению с возрастом детей. Так, в группе с младенческой формой АД, среднее количество фенотипических маркеров ДСТ составляет 7,7±4,1, в группе с детской формой – 9,45±4,2, с подростковой формой – 10,5±4,2 (табл. 3). Эти данные согласуются с литературными сведениями и подтверждают предположение о нарастании выраженности проявлений врожденной патологии соединительной ткани с возрастом больных [3]. Различий показателей между мальчиками и девочками внутри возрастных групп не выявлено.

Оценка количества анатомических зон кожи, вовлеченных в патологический процесс при АД у больных с различными возрастными формами, позволила установить увеличение данного показателя с возрастом детей (табл. 3).

Между количеством фенотипических признаков ДСТ и анатомических зон поражения АД отмечена слабая корреляционная связь (r=0,22). Нами выявлены достоверные различия показателей среднего количества фенотипических признаков ДСТ в зависимости от обширности поражения. Так, у больных с ограниченным дерматитом (площадь поражения < 5%), показатель составлял 6,84±3,7, а с распространенным и диффузным АД (площадь поражения > 5%) – 10,11±4,5 (p<0,05). С другой стороны, инфильтрация и лихенификация в очагах поражения у больных АД свойственна преимущественно больным с большим количеством внешних признаков соединительнотканной дисплазии. Их среднее количество у больных с инфильтративно-лихеноидными поражениями составляет 10,2±5,1, а у больных лишь с эритематозно-сквамозными – 7,04±3,3 (табл. 4).

Таблица 1

Частота наиболее часто встречающихся фенотипических маркеров ДСТ среди девочек и мальчиков, %

Признаки	Короткие мизинцы	Гипермобильность суставов	Очаги депигментации	Деформации грудной клетки	4-ый палец меньше 2-го
девочки	41,4	36,5	7,3	19,5	17,1
мальчики	19,4	27,7	44,4	36,1	25,0
p	<0,05	>0,05	<0,001	>0,05	>0,05

Таблица 2

Частота фенотипических признаков ДСТ у больных с различными возрастными формами АД, %

Признаки	младенческая форма	детская форма	Подростковая форма
короткая шея	57,1*	17,3***	-
готическое небо	10,7* **	48,3***	40,0***
нарушение роста зубов	35,7*	24,1	40,4
малые, приросшие мочки ушей	42,8	44,8	25,0
короткие мизинцы	42,8**	31,0	15,0***
кривые мизинцы	42,8	65,5	40,0
4-й палец меньше 2-го	14,3**	20,7**	50,0* ***
повышенная растяжимость кожи	21,4	24,1	25,0
очаги депигментации	7,1**	24,1	50,0***
деформации грудной клетки	10,7*	44,8***	25,0
сколиоз	-	24,1	45,0
гипермобильность суставов	17,8* **	44,8***	35,0***

* – достоверность различий показателей с детской формой – $p<0,05$.
** – достоверность различий показателей с подростковой формой – $p<0,05$.
*** – достоверность различий показателей с младенческой формой – $p<0,05$.

Достоверные различия получены по показателю среднего количества фенотипических признаков ДСТ между группой больных с разной выраженностью зуда. В частности, у пациентов со слабым зудом количество признаков было наименьшим (6,33±2,1), с умеренным – 9,64±3,6, а с сильной выраженностью зуда – наибольшим (13,62±5,3) (табл. 5).

Тенденция к увеличению количества внешних диспластических признаков также прослеживается у больных с постоянно-рецидивирующим течением, в анамнезе которых не было длительных (более 1,5 лет) ремиссий, по сравнению с детьми, обострения АД у которых регистрируются не чаще 2-3 раз в год с наличием стойких ремиссий (9,7±4,4 и 10,6±4,9 соответственно) (табл. 5).

Выводы

1. Как видим, у пациентов с атопическим дерматитом наблюдается широкое распространение признаков дисплазии соединительной ткани. Наиболее часто встречаются готическое небо, гипермобильность суставов, кривые мизинцы, малые приросшие мочки ушей, нарушение роста зубов.

2. Количество микроаномалий развития, отражающее выраженность несостоятельности соединительной ткани, может служить одним из дополнительных прогностических признаков течения атопического дерматита у детей.

Библиографический список

1. Атопический дерматит у детей: диагностика, лечение и профилактика // Научно-практическая программа. – М., 2000. – 76 с.

Таблица 3

Среднее количество фенотипических признаков ДСТ и анатомических зон кожи, вовлеченных в патологический процесс при различных возрастных формах АД

Показатели	Среднее количество фенотипических признаков ДСТ (M±m)	Среднее количество анатомических зон, вовлеченных в пат. процесс по АД (M±m)
Младенческая форма	7,7±4,1	4,27±2,8*
Детская форма	9,45±4,2	5,42±3,3
Подростковая форма	10,5±4,2	7,21±4,1*
P	>0,05	<0,05*

Таблица 4

Показатели выраженности ДСТ у детей с различными клиническими формами АД

Показатели	Ограниченная	Распространенная и диффузная	Эритематозно-сквамозная без лихенификации	Эритематозно-сквамозная с лихенификацией
Среднее количество фенотипических признаков ДСТ	6,84±3,7	10,11±4,5	7,04±3,3	10,2±5,1
P	<0,05		<0,02	

Таблица 5

Показатели выраженности ДСТ при различной интенсивности зуда и частоте обострений АД

Показатели	Характеристика интенсивности зуда			Частота рецидивов АД	
	Слабый*	средний	сильный	2-3 раза / год	более 3 раз/ год
Среднее количество фенотипических признаков ДСТ	6,33±2,1	9,64±3,6	13,62±5,3	9,7±4,4	10,6±4,9
P	<0,05		<0,01*	>0,05	

2. *Брежезовский М.М.* Факторы риска развития хронических неинфекционных заболеваний и методы их изучения // Экология и здоровье детей / Под ред. М.Я. Студеникина, А.А. Ефимовой. – М.: Медицина, 1998. – 384 с.

3. *Глухенький Б.Т., Грандо С.А.* Клинические формы атопического нейродермита // Вестн. дерматол. венерол. – 1990.– № 4.– С. 37–42.

4. *Лусс Л.В.* Аллергодерматозы. Проблемы диагностики и терапии // Новости науки и техники. Серия «Медицина»: Аллергия, астма и клиническая иммунология. – М., 1997. – № 4. – С. 24–29.

5. *Ревякина В.А.* Роль этиологически значимых аллергенов в развитии атопического дерматита у детей // Аллергология. – 1998. – № 4. – С. 13–14.

6. Современные технологии реабилитации детей с аллергодерматозами (Прак. рук-во для врачей) / Под ред. Л.Ф. Казначеевой. – Новосибирск, 1999. – 112 с.

7. *Чемоданов В.В., Горнаков И.С., Буланкина Е.В.* Дисплазии соединительной ткани у детей. – Иваново: ГОУ ВПО ИвГМА МЗ РФ, 2004. – 200 с.

В.В. Кривошеин

ВОЗРАСТНАЯ ОЦЕНКА ИНТЕНСИВНОСТИ РОСТА РУССКОГО, ЛЕНСКОГО ОСЕТРОВ И ШИПА КАСПИЙСКОГО НА ТЕПЛОЙ СБРОСНОЙ ВОДЕ

Преамбула. *Приведены результаты оценки интенсивности роста отдельных осетровых видов рыб в возрастном аспекте при выращивании их в условиях интенсивного тепловодного осетроводства.*

Разведение русского и ленского осетров в индустриальном осетроводстве в России и за рубежом интенсивно развивается в последние двадцать лет. Эти объекты аквакультуры хорошо адаптируются в различных условиях их выращивания, эффективно используют полнорационные гранулированные корма. Шип каспийский выращивается в искусственных условиях в целях сохранения данного вида осетровых, который находится на грани исчезновения в естественных условиях обитания. А также в целях изучения шипа каспийского по ихтиологическим и продуктивным качествам при разведении и выращивании его в условиях интенсивной тепловодной биотехнологии.

Нами также проведена сравнительная оценка роста массы тела русского и ленского осетров, а также шипа каспийского одновозрастных особей выращиваемых в одинаковых кормовых и температурных режимах (табл. 1).

Оценивая живую массу русского, ленского осетров и шипа каспийского можно констатировать, что в условиях тепловодной биотехнологии их рост стабильный за исследуемый возрастной период. Так, масса русского осетра в двух летнем возрасте достигает 2041±75 г, к пяти годам она возрастает до 5978±57, а в восьмилетнем возрасте до 11109±13 г соответственно. Масса Ленских осетров сравнительно мало уступает русским осетрам в эти периоды (2108; 5889; 10085). У шипа каспийского живая масса несколько уступала сверстникам так в два года они имели это показатель 1981 г, в пятилетнем 5338 г и в восьмилетнем 9803 г соответственно. Сравнивая данные виды осетров по абсолютным приростам живой массы выявляется тенденция их равномерной ежегодной интенсивности роста (табл. 2).

Так у русского осетра ежегодные приросты достигали от 1265 до 1974 г, а за период с двух до восьми лет прирост составил 9068 г. У ленского осетра эти показатели были следующими – 1037 и 1865 соответственно, а суммарный прирост составил 7877 г. Шип несколько уступал по ежегодным приростам сверстникам, так ежегодный прирост составил от 1029 до 1706 г и суммарный прирост с двух до восьми лет достиг 7822 г.

Одним из показателей роста осетровых рыб относится длина тела, которая имеет прямую корреляцию с массой тела, обхватом туловища, общим развитием, а также плодовитостью. Нами проведена сравнительная оценка возрастного изменения длины тела производителей белуги, русского и ленского осетров, шипа каспийского, стерляди и бестера разводимых на Волгореченском экспериментальном рыбном хозяйстве в условиях тепловодной биотехнологии (табл. 3).

В условиях тепловодной технологии длина осетров изменяется в меньшей степени с возрастом по сравнению с живой массой. Так, белуга имеет следующие размерные характеристики:

Таблица 1

Возрастное изменение массы тела русского, ленского осетров и шипа (г)

Возраст, лет	Русский осетр		Ленский осетр		Шип каспийский	
	n	M±m	n	M±m	n	M±m
2	245	2041±75	335	2108±64	184	1981±57
3	238	3365±98	318	3295±49	172	3010±48
4	217	4713±63	311	4639±21	165	4119±23
5	208	5978±57	294	5889±19	139	5338±19
6	197	7808±24	287	7754±17	127	6907±21
7	165	9135±17	264	9048±16	113	8613±23
8	138	11109±13	239	10085±14	97	9803±17

 © В.В. Кривошеин, 2006

Таблица 2

Абсолютный прирост живой массы русского, Ленского осетров и шипа каспийского (г)

Период, лет	Русский осетр		Ленский осетр		Шип каспийский	
	за год	суммарный	за год	суммарный	за год	суммарный
2–3	1324	–	1187	–	1029	–
3–4	1348	2672	1244	2431	1109	2138
4–5	1265	3937	1250	3681	1219	3357
5–6	1830	5767	1865	5546	1569	4926
6–7	1327	7094	1294	6840	1706	6632
7–8	1974	9068	1037	7877	1190	7822

Таблица 3

Возрастное изменение длины тела производителей осетровых рыб (см)

Возраст, лет	Белуга	Русский осетр	Ленский осетр	Стерлядь	Шип	Бестер
	n=45	n=67	n=73	n=115	n=35	n=89
3	98	87	83	66	81	76
4	103	93	91	72	86	83
5	109	97	96	77	89	87
6	124	103	99	79	93	94
7	131	114	107	81	96	99
8	134	131	124	84	99	108
9	141	139	134	86	107	118
10	159	146	139	88	114	123

в возрасте трех лет – 98 см, к шести годам длина возрастает до 124 см, а к десяти до 159 см. Прирост за семь лет составил 61 см. У русского осетра в эти возрастные периоды длина достигала 87, 103, 146 см, а прирост за семь лет составил 59 см. Ленский осетр характеризуется следующей длиной: в три года до 83 см, к шести годам 99 см, а в десять лет 139 см при приросте длины за семь лет в 56 см. Стерлядь волжская характеризуется самыми низкими размерными показателями, при длине 66 см в три года, в шестилетнем возрасте производители маточного стада достигают 79 см, а в десятилетнем возрасте 88 см, при приросте длины за семь лет 22 см. Шип каспийский длине имеет следующие показатели: в три года – 81 см, в шесть лет – 93 и в десять – 114. Таким образом с трех летнего до десяти летнего возраста линейный прирост у производителей шипа достигает 43 см. Интересная особенность по изменению длины тела с возрастом отмечается у бестера (50% Б+50% С) в условиях тепловодного выращивания. Так, к трем годам они достигают длины 76 см, к шести годам – 94 и к десяти – 123 см. Абсолютный прирост длины у гибрида данного генотипа достиг 47 см. По своим параметрам длины они не уступают шипу и близко стоят к ленскому осетру.

Таким образом, проведенные исследования по оценке интенсивности роста и развития оцениваемых производителей осетровых видов рыб и их гибридов позволяют заключить, что в условиях их выращивания и содержания на теплых технических сбросных водах тепловой станции в условиях Верхней Волги данные виды хорошо адаптируются к круглогодовому содержанию в проточных бетонных открытых бассейнах при использовании гранулированных полнорационных кормов характеризуясь интенсивным стабильным увеличением живой массы и длины тела.

Н.И. Кузнецова

БИОМОРФОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ ЛЬНЯНКИ ОБЫКНОВЕННОЙ КАК КОРНЕОТПРЫСКОГО РАСТЕНИЯ

В настоящее время накоплен большой фактический материал, посвящённый изучению онтогенеза многочисленных представителей разных жизненных форм. Что же касается облигатных корнеотпрысковых трав, то описание их онтогенеза в настоящее время очень скудно. Между тем, многие виды их являются широко распространёнными и трудноискоренимыми сорняками полей. Поэтому льнянка обыкновенная явилась объектом наших исследований как яркий представитель корнеотпрысковых растений.

В настоящей работе кратко охарактеризованы экология и основные этапы онтогенеза **льнянки обыкновенной (дикий лёнжарбей) – *Linaria vulgaris Mill.***

Выделение возрастных состояний в онтогенезе льнянки проводилось сравнительно-морфологическим методом на основе возрастной периодизации Т.А. Работнова с учётом дополнений А.А. Уранова и его учеников (Смирнова, Загульнова и др; Жукова) представленной в работе Л.А. Жуковой (1988) [4].

Льнянка обыкновенная – многолетнее травянистое растение семейства норичниковых (*Scrophulariaceae*) [3]. Корни глубоко вертикально уходят в землю; дают отпрыски у поверхности почвы. Растение 30–90 см высотой, с прямостоячим, простым или ветвистым, густо облиственным стеблем. Все растение голое, покрытое сизоватым восковым налетом, который защищает льнянку от чрезмерного испарения. Листья ланцетно-лилейные, сидячие, очередные. Так как листья узкие, слегка затеняют друг друга, то они сидят очень густо на стебле. Цветки светло-желтые, неправильные, венчик двугубый, верхняя губа двураздельная, нижняя – шлемовидная, со шпорцем. Цветки собраны в верхушечную кисть. Тычинок 4, из них 2 короче, 2 длиннее [5]. Семена плоские, по краям перепончатые. Цветёт в июне–августе (рис. 1). Плод – коробочка, плодоносит с августа [2].

Льнянка обыкновенная – ядовитое сорное растение. Отмечены случаи смертельного отравления коров и телят. Встречается часто и повсеместно. Растет по сорным бесплодным местам, склонам, обрывам, полянам, посевам, канавам, вдоль дорог, в редких сосновых борах, лиственных и березовых лесах. Свежая трава имеет неприятный запах, усиливающийся при сушке, и острый, солоновато-горький вкус.

В траве льнянки содержатся алкалоид пеганин, флавоноидные гликозиды – линарин, неолинарин и пектолинарин (один из гликозидов – азотистый и содержит синильную кислоту), каротин, танины, фитостерин, парафин, аскорбиновую кислоту и органические кислоты. Благодаря своему химическому составу трава льнянки используется в медицине как мочегонное и слабительное средство, а также средство от глистов и при хронических кожных заболеваниях [1].

Материал собирался в Шуйском муниципальном районе Ивановской области в весенний, летний и осенний период 2006 года. Наибольшее распространение на территории района имеют моренные равнины, одетые покровными суглинками. В целом, из-за малой пересеченности рельефа, наличия покровных суглинков, однообразных условий увлажнения, ландшафтно-морфоло-

Рис. 1. Льнянка обыкновенная;
а и б – продольный разрез цветка и пестика

© Н.И. Кузнецова, 2006

гическая структура мореных равнин московского возраста отличается большим однообразием и слабой мозаичностью. Поверхность равнин однообразна и лишь местами нарушается невысокими пологосклонными холмами, заболоченными западинами и неглубокой овражно-балочной сетью. Из-за сравнительно плоского рельефа и неглубокого эрозионного расчленения равнины характеризуются повышенным увлажнением. Поэтому наряду с дерново-подзолистыми (автоморфными) почвами здесь часто встречаются дерново-подзолистые глеевые почвы под низинными лугами и кустарниками. Леса, как правило, вторичные березово-осиновые, возникшие на месте широколиственно-еловых и сосновых лесов. Речные долины хорошо разработаны: помимо поймы в них выделяются одна-две надпойменные террасы, из которых первая сложена песками, а вторая имеет двучленное строение – под древнеаллювиальными песками лежат или морена, или коренные (нижнетриасовые) породы [6].

Льнянка обыкновенная распространена по всей территории Шуйского муниципального района, но максимальное ее количество находится на северо-западе, западе и особенно на юго-западе, где распространены песчаные, супесчаные и легкие суглинки. Она произрастает на водоразделах, занимаемых материковыми и суходольными лугами. Предпочтение легких почв, скорее всего, связано со строением ее корневой системы и системы корневых отпрысков. Легкие почвы позволяют льнянке быстрее захватывать свободное пространство при помощи разрастания отпрысковой системы, о чем свидетельствует слабое развитие системы отпрысков льнянки на средних и тяжелых глинистых почвах.

Льнянка обыкновенная распространена в основном на территории претерпевшей или находящейся под сильным и средним антропогенным воздействием – заброшенные сельскохозяйственные угодья, близ дорог, в местах строительства, карьерах, агроценозах и т.д. Таким образом, можно сказать, что льнянка занимает места с поврежденным растительным покровом, быстро его оккупирует, образуя микролокусы ценопопуляции, которые со временем стареют и погибают, оставляя лишь одиночные особи.

Молодые фитосистемы бедны по флористическому составу и характеризуются нестабильностью. Со временем видовой состав растительного сообщества становится более разнообразным и количество особей льнянки в популяции постепенно сокращается, уступая место другим видам растений. Количество особей льнянки стабилизируется. Из сложных полицентрических систем популяция льнянки переходит в отдельные, несвязанные друг с другом, особи. В развитом растительном сообществе у поверхности почвы корней очень много и корневым отпрыскам практически невозможно пробиться, а тем более найти свободные участки почвы. Обновиться за счет семенного размножения такая ценопопуляция практически не может, т.к. семена не способны прорасти из-за обильного разрастания трав.

В сукцессионном ряду льнянка обыкновенная занимает первую ступень. Легкие разносимые ветром семена попадают на оголенные участки почвы, молодые растения оккупируют ее, обильно разрастаясь за счет корневых отпрысков. Затем уступают более конкурентно-способным растениям, составляющим основной компонент луговых сообществ – различные злаки и бобовые травы. Льнянка относится к непостоянным компонентам лугов, разнотравью.

Постоянным элементом льнянка является лишь в местах регулярного воздействия человека (близ дорог). Она способна переносить постоянное механическое воздействие, хотя и имеет угнетенный вид. Почва в подобных местах сильно уплотнена, а значит легко и быстро просыхает и перегревается. Для жизни здесь жарбей имеет целый ряд приспособлений: преобладание подземной системы над надземной, жесткий стебель, большая ростовая вариативность (от 10 см до 90 см в высоту), узкие небольшие листья, восковой налет на стебле и листьях, не требователен к плодородию почвы, относится преимущественно к первому ярусу в травяных фитоценозах, светолюбив. Почки растения перезимовывают под землей на глубине 1–2 см, что относит льнянку к геофитам и позволяет растению переживать холодные бесснежные зимы, повышая их конкурентноспособность.

Онтогенез льнянки обыкновенной длительный и сложный процесс, заключающий в себе несколько периодов.

Латентный период. В латентном периоде особи льнянки представлены покоящимися семенами и корневыми черенками.

Прегенеративный период. У *имматурных* (im) растений побеговая система начинает ветвиться

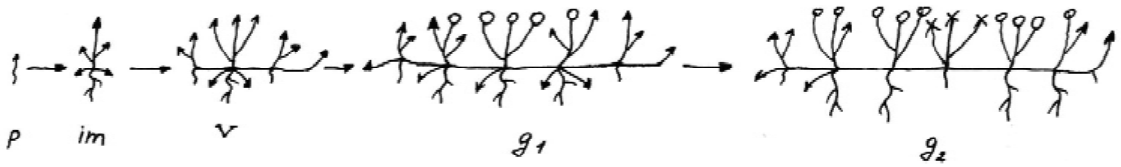

Рис.2. Онтогенез льнянки обыкновенной.
Индексы возрастных состояний особей и отпрысков см. в тексте

(если растение произрастает в высокотравье, то ветвления не происходит), активно развивается корневая система, практически достигая максимальной длины главного корня (10–25 см).

Виргинильные растения (v) представлены первичным побегом и системой главного корня с корневыми отпрысками, при этом первичный побег является самым старым в побеговой системе по своему абсолютному возрасту. Наблюдается одревеснение побега в области каудекса. От базальной части отходят корни размножения белого с желтоватым оттенком цвета. Вначале они идут почти горизонтально, приближаясь в поверхности почвы, затем изгибаются и уходят вертикально вниз. На месте изгиба обычно образуется большое число придаточных почек. Корневые отпрыски развиваются на глубине 1–2 см, собственная корневая система которых недостаточно развита, поэтому молодые растения ещё зависят от материнской особи (рис. 2).

Генеративный период. Семенные растения льнянки обыкновенной развиваются очень быстро и зацветают в первый же год своего развития. *Молодые генеративные* растения (g_1) полицентричны, представляют куртину, включающую первичный побег и систему главного корня с корневыми отпрысками, среди которых вегетативные отпрыски численно преобладают над генеративными.

Средневозрастные генеративные растения (g_2) представлены системой разновозрастных корневых отпрысков, большинство из которых генеративные (рис. 3). Первичный куст после цве-

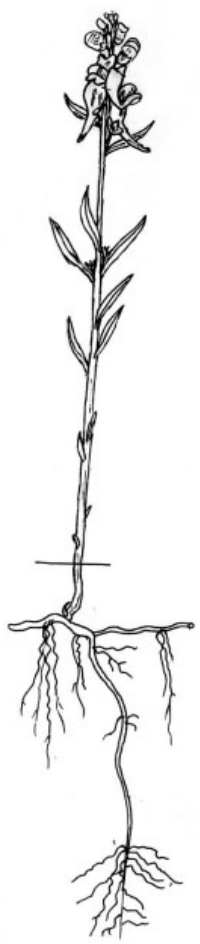

Рис. 3. Генеративный корневой отпрыск льнянки обыкновенной (25.07.2006 г. Заброшенная пашня на окраине г. Шуя).

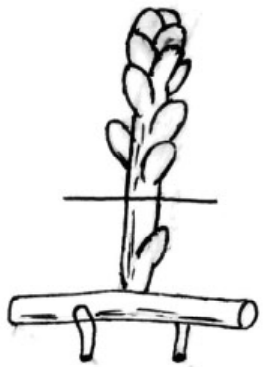

Рис. 4. Ювенильный корневой отпрыск льнянки обыкновенной (15.09.2006 г. Суходол близ железной дороги)

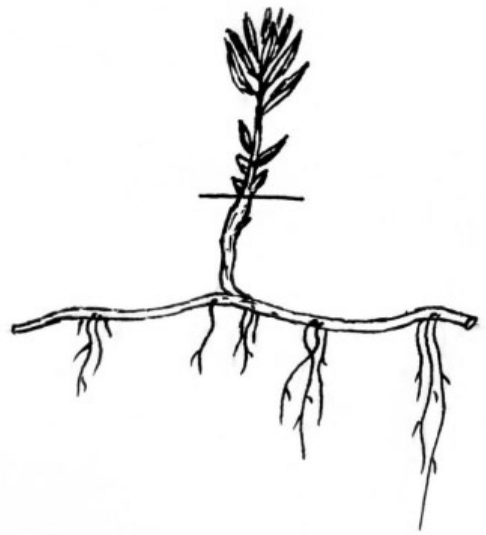

Рис. 5. Имматурный корневой отпрыск льнянки обыкновенной (15.09.2006 г. Суходол близ железной дороги)

тения и плодоношения одряхлевает, что выражается в постепенном усыхании главного корня и, следовательно, надземной части, но иногда от каудекса отходят новые побеги (обычно в весеннее время после пробуждения растения). Расстояние между первичным побегом и отпрысками может достигать метра и более, а генеративные отпрыски имеют собственный главный корень, получая таким образом независимость от первичного побега.

Придаточные почки появляются в течение всего вегетационного периода, но наибольшее их число отмечается весной и осенью (рис. 4, 5). Корневые отпрыски имеют подземную часть (корневище), живущее в течение нескольких лет. Надземная часть генеративного отпрыска осенью отмирает. На следующий год из почки возобновления корневища обычно развивается новый побег следующего порядка (генеративный или вегетативный).

Поскольку корни у корнеотпрысковых растений существуют, не разрушаясь в течение нескольких лет, корневые отпрыски, возникшие на одном корне или группе корней, оказываются связанными друг с другом и с материнским растением. Так формируются своеобразные системы корневых отпрысков – полицентрическая система. Их отдельные структурные элементы (парциальные кусты или побеги) характеризуются автономностью и самостоятельностью развития. Они обладают собственной корневой системой и почками возобновления, пространственно удалены друг от друга и представляют собой места сосредоточения биомассы в пределах одной сложно устроенной особи.

Отмирание побегов в центре куртины длительное время не приводит к вегетативному размножению (физическому отделению частей особи). С другой стороны, в куртине отдельные ее части функционируют как самостоятельные особи; их относительная степень свободы в системе целого близка к максимальной.

Итак, особи семенного и вегетативного происхождения льнянки обыкновенной представляют собой сложные полицентрические системы. Корневые отпрыски в такой системе пространственно удалены друг от друга и обладают определенной автономностью. Поэтому сложные полицентрические системы льнянки представляют собой своеобразные микролокусы ценопопуляций.

Библиографический список

1. *Брезгин Н.И.* Лекарственные растения Верхневолжья. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1973. – 224 с.

2. *Введенский Б.А.* // БЭС. – 2-е изд. – М., 1954. – Т. 25. – С. 522.

3. *Еленевский А.Г.* Ботаника: Систематика высших, или наземных, растений: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / А.Г. Еленевский, М.П. Соловьева, В.Н. Тихомиров. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2004. – 432 с.

4. *Жукова Л.А.* Некоторые аспекты изучения онтогенеза семенных растений. Межвузовский сборник. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1988. – С. 3–13.

5. *Кортиков В.Н., Кортиков А.В.* Целебная сила растений. – Ростов-на-Дону: АО «Книга», 1997. – 608 с.

6. *Новичков Д.В.* Физическая география Ивановской области. – Шуя: Изд-во «Весть» ШГПУ, 2003. – 156 с.

И.И. Кузьменков, В.Н. Бочкарёв

ВЛИЯНИЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКОГО ПРЕПАРАТА ХОНДАРТРОН НА ОРГАНИЗМ КОРОВ ПРИ АРТРИТАХ

Болезни сельскохозяйственных животных с хирургической патологией встречаются очень часто и составляют до 40% от общего числа заболеваний. Среди них нередко наблюдаются болезни суставов, сухожилий, сухожильных влагалищ.

Одной из причин развития артритов являются послеродовые осложнения и маститы, а если учесть что на животноводческом комплексе ГПЗ «Караваево» Костромского района Костромской области они имеют широкое распространение (до 70% из числа болезней незаразной этиологии), то актуальность данной проблемы является первостепенной.

Костромская область относится к биогеохимическим провинциям, что также является немаловажным фактором в возникновении артритов.

Необходимо учесть, что высокая продуктивность коров костромской породы, даже при сбалансированности рационов по микроэлементам и витаминам, часто приводит к нарушению минерального и витаминного обмена, что также имеет большое значение в возникновении артритов.

В связи с вышесказанным, необходимо отметить, что совершенствование методов лечения и профилактики болезни суставов является актуальной проблемой на крупных животноводческих фермах.

Целью нашей работы являлось изучение влияния гомеопатического препарата «Хондартрон» (производитель ООО «Хелвет», Москва) на организм коров с патологией болезни конечностей – хронический артрит.

Исследования проводили на двух группах животных в течение декабря 2003 и января–февраля месяца 2004 год.

В первой контрольной группе животных (7 голов) применялась хозяйственная схема лечения (спиртовые компрессы с содержанием 3% ихтиола), во второй подопытной группе (7 голов) применялся гомеопатический препарат «Хондартрон» первый раз в период клинического проявления болезни, а затем на 5 и 9 день внутримышечно в дозе 5 мл.

Нашими исследованиями установлено, что у коров контрольной и подопытной групп на начало опыта наблюдалось повышение общей температуры, пульса, дыхания, хромота опирающегося типа на поврежденную конечность различной степени (от слабой до средней). При пальпации отмечалась болезненность и флюктуация.

В крови у животных контрольной и подопытной групп на начало лечения содержание гемоглобина составляло соответственно: 96,0 и 96,3 г/л, количество эритроцитов – 5,00 и 5,30 Т/л, лейкоцитов – 6,50 и 5,30, СОЭ – 1,10 и 1,25 мм/час, кортизола –5,3 и 4,9 нг/мл, глюкозы – 1,32 и 1,44 ммоль/л, холестерина –5,10 и 5,22 ммоль/л, общий белок – 92,35 и 98,76 г/л, ЦИК –104,60 и 112,72 усл. ед. (табл. 1, 2 и рис. 1).

Таблица 1

Картина крови у коров больных артритом в период лечения хондартроном (M±m)

Группы животных	Гемоглобин, г/л	Эритроциты, Т/л	Лейкоциты, Г/л	СОЭ, мм/час
Начало опыта				
Контрольная, (n=7)	96,0±0,62	5,00±0,21	6,50±0,22	1,10±0,05
Опытная, (n=7)	96,3±0,44	5,30±0,16	5,35±0,24	1,25±0,04
12 день исследования				
Контрольная, (n=7)	82,4±0,58	4,20± 0,14	4,62±0,16	1,80±0,06
Опытная, (n=7)	82,0±0,36	4,90±0,12	5,25±0,20	1,00±0,04
30 день исследования				
Контрольная, (n=7)	89,2±0,42	5,52±0,16	5,33±0,28	1,80±0,05
Опытная, (n=7)	94,0±0,52	5,43±0,18	5,31±0,18	1,20±0,06

© И.И. Кузьменков, В.Н. Бочкарёв, 2006

Таблица 2

Биохимические показатели крови у коров больных артритом в период лечения хондартроном (M±m)

Группы животных	Кортизол, нг/мл	Глюкоза, моль/л	Холестерин, ммоль/л	Общий белок, г/л	ЦИК, усл. ед
Начало опыта					
Контрольная, (n=7)	5,3±2,4	1,32±0.20	5,10±0,34	92,35±1,16	104,6±4,4
Опытная, (n=7)	4,9±2,6	1,44±0,18	5,22±0,42	98,76±1,38	112,7±3,8
12 день исследования					
Контрольная, (n=7)	4,3±3,2	1,46±0,24	4,12±0,30	86,51±1,24	102,3±5,4
Опытная, (n=7)	4,7±2,9	1,82±0,20	4,36±0,40	90,32±1,36	89,2±4,2
30 день исследования					
Контрольная, (n=7)	3,0±3,4	2,04±0,18	3,04±0,42	76,14±1,40	98,1±3,8
Опытная, (n=7)	3,6±1,8	2,42±0,14	4,10±0,32	80,12±1,28	80,4±4,0

В период лечения наблюдались клинические признаки обострения в виде острого воспаления, так у животных подопытной группы на 3 день после начала применения хондартрона, а в контрольной группе на 9 день. Клиническое состояние животных характеризовалось повышением общей температуры тела (в среднем на 0,5 и 0,7°С), учащением пульса (в среднем на 9 и 12 ударов), дыхания, снижением удоя – в подопытной группе на 2,2 кг, в контрольной группе на 4,5 кг, усилилась хромота, животные длительное время не вставали. При пальпации тканей вокруг суставов отмечалось повышение местной температуры, болезненность, припухлость суставов, флюктуация.

На 12 день исследований в крови у животных подопытной и контрольной группы отмечалось уменьшение содержания гемоглобина, эритроцитов, лейкоцитов, кортизола, холестерина, общего белка, СОЭ – в опытной группе, но значительное увеличение СОЭ в контрольной группе коров. Содержание глюкозы в крови приближалось к физиологической норме (табл. 1, 2 и рис. 2).

Концентрация ЦИК составляла 80,16 усл. ед. против 102,34 в контрольной группе животных. Значительное уменьшение ЦИК в опытной группе показало хороший десенсибилизирующий эффект гомеопатического препарата.

Данные изменения в крови свидетельствовали о прогрессирующих воспалительных процессах в суставах у коров контрольной группы.

У животных опытной группы выздоровление наступало на 18–19 день лечения. В пределах физиологической нормы была общая температура тела, дыхание, пульс. Хромота на поврежденную

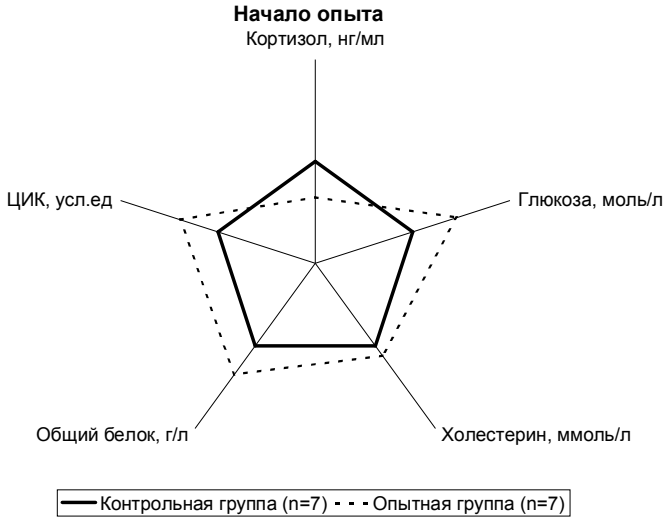

Рис. 1. Биохимические изменения в крови у коров больных артритом при применении хондартрона (начало опыта)

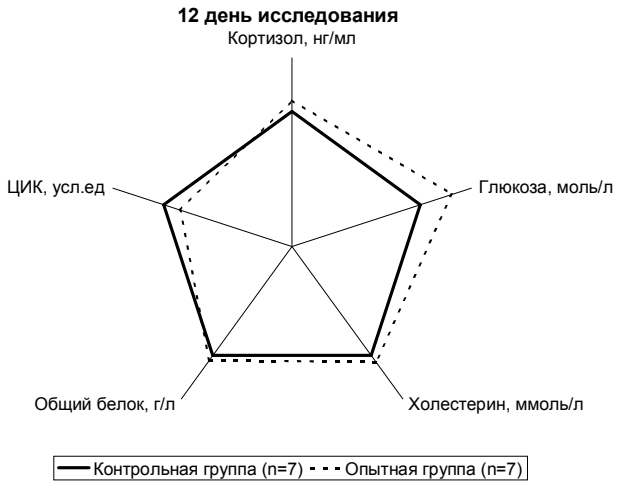

Рис. 2. Биохимические изменения в крови у коров больных артритом при применении хондартрона (12 день исследования)

конечность отсутствовала. При исследовании промеров суставов они соответствовали клинически здоровым животным.

В контрольной группе животных клиническое выздоровление наступало к 28–30 дню после начала лечения.

К 30 дню исследований наблюдалась нормализация морфологических, биохимических и иммунологических показателей крови как в опытной, так и в контрольной группах животных (табл. 1, 2 и рис. 3).

Таким образом, определены некоторые закономерности влияния адаптационных нагрузок в виде артрита на организм коров и возможность применения гомеопатического препарата «Хондартрон» в качестве лечебного препарата и с целью коррекции обменных процессов у животных при болезнях конечностей.

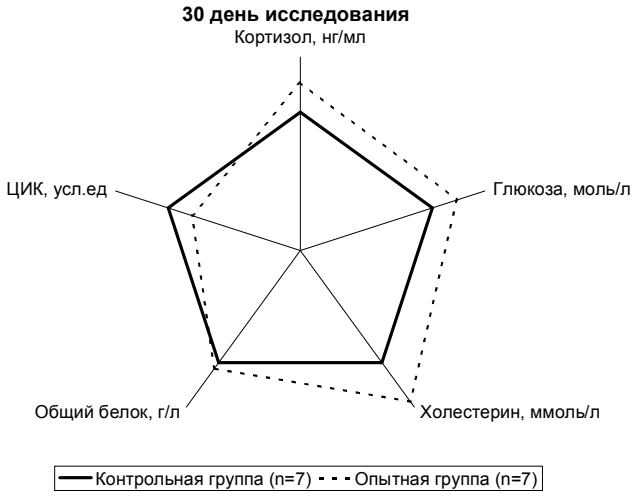

Рис. 3. Биохимические изменения в крови у коров больных артритом при применении хондартрона (30 день исследования)

Д.Т. Чекмарев

ВАРИАЦИОННО-РАЗНОСТНЫЙ МЕТОД РЕШЕНИЯ НЕСТАЦИОНАРНЫХ ВОЛНОВЫХ ЗАДАЧ ДИНАМИКИ ТОНКОСТЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Тонкостенные конструкции широко используются в современной технике. Возрастают как сложность используемых конструкций, так и требования к их качествам: экономичности, надежности, безопасной работы в экстремальных режимах интенсивного нагружения и т.д. Для улучшения их свойств все чаще используются как новые композиционные материалы, так и другие методы-повышения работоспособности: применение многослойных оболочек, армирования, заполнителей, подкрепляющих элементов, ребер жесткости и т.д. Расчет таких конструкций становится все более сложной задачей в связи с объективным ухудшением свойств математических моделей процессов деформирования. Причинами этого являются: наличие элементов разного масштаба, геометрические размеры которых могут отличаться в десятки раз, скачкообразное изменение механических свойств внутри конструкции, большой разброс спектра собственных частот, нелинейность и ряд других факторов. В результате, многие задачи механики тонкостенных конструкций являются жесткими, а существующие численные методы их решения – неэффективными. Особенно остро данная проблема проявляется при решении задач нестационарной динамики конструкций. Методы расчета тонкостенных конструкций, содержащих особенности в виде тонких и жестких слоев, концентраторов напряжений и других особенностей недостаточно разработаны. Следовательно, актуальна проблема разработки эффективных численных методов решения жестких задач деформирования конструкций при интенсивных динамических воздействиях с учетом эффектов геометрической и физической нелинейности рассматриваемых процессов.

Проблема построения эффективных численных схем тесно связана с анализом и конструированием их свойств, к которым относятся: анализ точности и устойчивости; определение границ эффективной применимости в зависимости от геометрии конструкции, свойств нагружения, материала и других факторов; подбор оптимальных параметров; построение схем с улучшенными спектральными свойствами; учет специфики динамических процессов деформирования при построении численных схем. Все эти вопросы являются недостаточно изученными. В связи с вышеизложенным актуальны вопросы разработки эффективных численных методов решения жестких задач нестационарной динамики сплошных сред и конструкций, а также анализа, математического обоснования и конструирования численных методов решения задач данного класса.

Рассмотрим современное состояние теории в данной области. Краткий обзор численных методов решения задач нестационарной динамики оболочечных тонкостенных конструкций не претендует на полноту. Основное внимание уделяется методическим вопросам построения и повышения эффективности численных схем. Рассматриваются вопросы сходимости, устойчивости и ряд основных проблем, возникающих при численном решении задач данного класса.

Развитие численных методов решения задач механики сплошных сред тесно связано с прогрессом в вычислительной математике. В настоящее время наиболее актуальной остается проблема эффективности методов, т.е. разработки численных схем, оптимальных по быстродействию. Причина этого – во все возрастающей сложности задач, решаемых численными методами. И хотя рост быстродействия ЭВМ решает многие из проблем, сравнимый с ними эффект дает совершенствование численных методов. Рассмотрим более подробно современное состояние численных методов решения одного из сложных классов задач механики деформируемого твердого тела – нестационарной динамики тонкостенных конструкций.

Характеристика нестационарных динамических процессов в тонкостенных конструкциях. Расчет тонкостенных оболочечных и стержневых конструкций под действием нестационарных динамических нагрузок – задача, обладающая рядом специфических особенностей. При решении задач нестационарной динамики конструкций необходимо учитывать следующие факторы: сложность геометрии конструкций, что

© Д.Т. Чекмарев, 2006

приводит к необходимости использования неравномерных сеток и криволинейных систем координат, существенно усложняющих системы уравнений; геометрическая нелинейность (поскольку в процессе деформирования конструкций перемещения, как правило, нельзя считать малыми); физическая нелинейность, обусловленная переходом к нелинейному деформированию материала; вырождение задач, связанное с малостью размеров по одной или двум координатам. Отметим, что нелинейность в задачах динамики конструкций носит несколько иной характер, чем, например, в газовой динамике. Так, в стержнях и оболочках практически невозможно возникновение ударных волн по причине малой толщины. В связи с вышесказанным построение численных схем решения задач данного класса требует серьезного анализа.

Постановки задач. Математические модели и уравнения. Задачи нестационарной динамики конструкций допускают следующие постановки: начально-краевые задачи для систем дифференциальных уравнений в частных производных; системы законов сохранения в виде интегральных соотношений; вариационные задачи; системы граничных интегральных уравнений. Поскольку последние не получили широкого распространения при расчете тонкостенных конструкций, далее о них упоминать не будем. В ряде случаев численные схемы строятся не на базе континуальных задач, а на основе непосредственного применения физических законов, как это было с первыми схемами метода конечного элемента. При последнем подходе область разбивается на составные части, а далее уравнения неразрывности и движения этих частей составляются на основе физических соображений.

При расчете тонкостенных конструкций используются модели сплошных сред и теории оболочек. Учет геометрически нелинейных эффектов производится с использованием нелинейных лагранжевых, эйлеровых или совместных лагранжево-эйлеровых постановок. Учет нелинейного поведения материала при деформировании осуществляется на базе теорий пластичности – деформационных и инкрементальных. Ввиду наличия вырожденной координаты расчеты непосредственно по трехмерной теории зачастую являются неэффективными, что приводит к необходимости выделять процессы по вырожденной координате особо (вводить оболочечные модели), либо использовать сетки, адаптированные к данным задачам (с вытянутыми или сплющенными ячейками). При этом не имеет принципиального значения, вводятся ли гипотезы теории оболочек при выводе уравнении или на этапе построения численной схемы. Важен характер принимаемых гипотез. В зависимости от этого приходим к вырожденной или вырождающейся задаче.

При дифференциальной записи основных уравнений могут использоваться разные формы. В методе конечных разностей наиболее распространена запись в виде уравнений движения

$$\sigma_{ij,j} + \rho F_i = \rho \ddot{u}_i ,$$

замыкаемых соотношениями для деформаций через перемещения и определяющими соотношениями между напряжениями и деформациями, а при необходимости и уравнениями термодинамики. В характеристических схемах используются соотношения на характеристиках, в схеме $C_\upsilon K_o$ Годунова система записывается в дивергентной форме.

Вариационная формулировка задач динамики допускает варианты в виде экстремального (стационарного) вариационного принципа для некоторого функционала или в виде вариационного уравнения (принципа виртуальных перемещений, скоростей, ускорений и т.п.). Поскольку для задач динамики единственным экстремальным принципом является принцип Гамильтона (что не всегда удобно для построения численных схем), в подавляющем числе случаев используется вторая форма записи в виде

$$\int_V F(q_i, p_{ij}, \dot{q}_i, \ddot{q}_i, \delta q_i, \delta p_{ij}) = 0, \quad p_{ij} = \partial q_i / \partial x_j ,$$

где q_i – варьируемые параметры (в зависимости от выбранного вариационного принципа это могут быть перемещения, скорости, ускорения, напряжения и т.п. Данная форма записи служит основой для построения широкого класса вариационно-разностных схем и схем метода конечного элемента.

Основные численные методы решения задач нестационарной динамики тонкостенных конструкций. Для приведения континуальной задачи к дискретной используются следующие основные подходы (здесь рассматриваются только те, которые получили более-менее широкое распространение): конечноразностные методы, вариационно-разностные методы, метод конечного лемента. Среди конечноразностных методов от-

дельно выделим сеточно-саракеристические методы и схему распада разрыва С.К. Годунова. Попытаемся дать их краткие характеристики.

Сеточно-характеристические методы развиты в работах В.Н. Кукуджанова, П.З. Лугового и других. Эти методы базируются на записи исходных уравнений в виде соотношений на характеристиках. Интегрирование вдоль характеристик обладает следующим преимуществом: близость областей зависимости дифференциальной и сеточной задач. Они нашли достаточно широкое распространение при решении нестационарных волновых задач динамики массивных тел. В то же время при расчете тонкостенных конструкций применимость этих методов ограничена ввиду малости толщины конструкции и вследствие этого – необходимости учета отражения волн (и характеристик) от свободных поверхностей оболочек. В связи с этим возникают очевидные ограничения как на пространственный, так и на временной шаги интегрирования. Поэтому они нашли лишь ограниченное применение при решении задач этого класса.

У большинства задач динамики оболочек при характерных временах процесса порядка десяти и более пробегов волн по толщине картина волнового процесса отличается рядом специфических черт. Такие процессы носят волновой характер лишь вдоль срединной поверхности оболочки, а по толщине их можно считать близкими к квазистатическим после Многократного отражения волн от свободных поверхностей. При решении таких задач с помощью характеристических схем и схемы С.К. Годунова эта специфика не учитывается. Таким образом, на задачах этого класса они становятся менее пригодными по сравнению с конечно-разностными и конечноэлементными схемами.

Конечно-разностные методы являются наиболее универсальными и гибкими при решении любых. задач математической физики. Они имеют наиболее широкое применение при решении задач математической физики. Вместе с тем они дают в руки исследователя широчайший произвол при своем построении. Следовательно, важнейшей задачей при построении конечноразностных схем является не расширение, а сужение их класса путем наложения на них различных дополнительных ограничений. Наиболее распространенной для данных схем исходной формой записи является система уравнений движения, дополненная выражениями деформаций через перемещения и определяющими соотношениями. При этом утвердилась определенная конструкция задания величин в узлах и «ячейках», получившая наибольшее распространение после работ М. Уилкинса. В ней имеем дело с разнесенными сетками. По пространству: узлы основной сетки, в которых вычисляются неизвестные перемещения, усилия, скорости и ускорения; «центры ячеек» основной сетки (по сути – узлы дополнительной сетки, смещенной относительно основной на некоторую долю ее шага), в которых вычисляются все величины, являющиеся первыми производными от перемещений (деформации) или связанными с первыми производными функциональными зависимостями (напряжения и т.п.). По времени: целые шаги, в которых аппроксимируются перемещения, силы и ускорения; полуцелые шаги, в которых аппроксимируются скорости. В итоге получим основную и две смещенные сетки (по пространству и по времени), при этом на основной сетке определены неизвестные и их производные четного порядка, а на смещенных – производные нечетного порядка. Данная конструкция является очень гибкой и удобной по следующим причинам: свойства материала задаются в ячейке совершенно независимо от основной сетки, заменяя «физический блок», легко получить материал с любой реологией; она ориентирована в общем случае на неортогональные и даже на неравномерные сетки, что позволяет применять ее в областях сложной формы; схема получается двухслойной по времени. В случае исключения всех неизвестных, кроме перемещений (это возможно, например, для линейно-упругого изотропного материала и приводит к системе уравнений Ламе) схемы, построенные по данному принципу, преобразуются к виду, аналогичному стандартным схемам для волнового уравнения: «крест», классической неявной схеме. Отметим, что при этом операторы аппроксимации вторых производных получаются автоматически как суперпозиции операторов первых производных.

К недостаткам конечно-разностного метода следует отнести проблему граничных условий, содержащих условия на производные. Если концепция конечноразностного подхода проводится последовательно, то на границе нужно вводить особые операторы. При этом, чтобы сохранить порядок аппроксимации задачи (большинство применяемых схем имеют на равномерной сетке порядок аппрок-

симации по пространству не ниже второго), эти операторы должны быть весьма сложными.

Проблемы, возникающие при численном решении задач динамики тонкостенных конструкций. Проблемы можно классифицировать по источнику их возникновения и степени общности: статические (т.е. имеющие место уже при решении задач статики) и собственно динамические; линейные и нелинейные; общие для всех задач механики сплошных сред и. специфические для задач динамики тонкостенных конструкций.

Таким образом, в целом вопросы математического обоснования и теоретического анализа численных методов решения задач механики конструкций являются недостаточно изученными. Поэтому актуальны вопросы разработки и развития теоретических методов анализа точности, устойчивости и эффективности численных схем решения задач динамики тонкостенных конструкций, а также применение этих методов к исследованию существующих и разработке новых методов решения задач указанного класса. В связи с указанным задачами нашего исследования явились следующие:

– развитие методов исследования вариационно-разностных и конечно-элементных схем решения задач механики деформируемого твердого тела;

– построение эффективных численных схем решения нестационарных задач динамики тонкостенных конструкций, учитывающих специфику процессов деформирования;

– анализ и математическое обоснование точности, устойчивости и методов повышения эффективности численных схем;

– численное исследование нестационарных геометрически и физически нелинейных процессов деформирования оболочек при ударных и импульсных воздействиях.

В результате решения поставленных целей достигнуты следующие результаты:

1. Разработан метод анализа вариационно-разностных и конечно-элементных схем, основанный на преобразовании к конечно-разностному виду, удобному для теоретического исследования.

2. На базе данного подхода проведен анализ точности и сходимости численных, схем решения задач теории упругости и теории оболочек. Впервые получены и теоретически обоснованы условия применения грубых сеток при расчете тонкостенных конструкций. Исследована равномерная сходимость схем по параметру сеточной задачи $\Delta X/h$ (где ΔX – диаметр ячейки разностной сетки, h – толщина оболочки). Предложен класс «ажурных» численных схем метода конечного элемента. Проведен анализ устойчивости явных схем типа «крест» решения задач теории упругости и «теорий оболочек». Получены точные и приближенные оценки устойчивости.

3. Разработан метод повышения эффективности явных численных схем путем введения неявного стабилизирующего оператора и его конкретные реализации для задач теории оболочек и теории упругости. Проведено математическое обоснование, анализ подбора параметров и условий применимости метода.

4. Проведены численные исследования процессов динамического деформирования и потери устойчивости оболочек при ударных и импульсных воздействиях.

Результаты исследований находят практическое применение в ППП «Динамика-2» и «Динамика-3» решения нестационарных задач динамики конструкций и массивных тел, разработанных в НИИ механики при ННГУ. Созданные на их основе методики и рекомендации по их применению внедрены в расчетную практику ряда отраслевых и проектно-конструкторских организаций.

М.Г. Чекмарёва

ТЕХНОЛОГИЯ КРЕПКИХ НАПИТКОВ ИЗ НОВЫХ СОРТОВ ВИНОГРАДА И НЕТРАДИЦИОННОГО СЫРЬЯ

Производство крепких напитков входит в состав винодельческой отрасли, однако имеет свои особенности и специфику. Основное и ведущее место в этой отрасли по праву принадлежит коньячному производству. Исходя из технологических особенностей приготовления коньяка, были строго подобраны сорта винограда с нейтральным ароматом, белой или розовой окраской ягод, повышенной кислотностью. Во Франции такими сортами являются Уни-блан, Сент-Эмиллион, Коломбар, Фольбланш. В отечественном коньячном производстве предпочтительными оказались: Ркацители, Плавай, Клерет, Алый Терский, Алиготе, Тербаш, Сильванер. В связи с рядом причин различного характера, вызвавших сокращение площадей

© М.Г. Чекмарёва, 2006

и сортимента виноградников за последние 15 лет, коньячное производство Российской Федерации в настоящее время испытывает острый недостаток в сырье. Часто используются виноматериалы, непригодные для других направлений виноделия и из сортов винограда, не предназначенных для выработки коньяков. В условиях жёсткой конкуренции, сложившейся на Российском алкогольном рынке, противостоять массовому потоку импортной продукции отечественная промышленность может только выпуском высококачественных напитков. Дальнейшее развитие коньячного производства связано, главным образом, с созданием соответствующей сырьевой базы. В решении этой задачи определённую роль может сыграть подбор новых сортов винограда с высокой урожайностью, устойчивостью к различным заболеваниям, низким температурам. Таким требованиям отвечают многие сорта межвидового происхождения. Известно, однако, что первоначальный опыт по использованию первых европейско-американских гибридов в коньячном производстве, оказался неудачным и до сих пор существует мнение о невозможности или нежелательности их применения. Однако за последние два десятилетия были созданы более совершенные сорта этой группы, не имеющие специфического аромата и слизистой мякоти, затрудняющей отделение сусла от твёрдых частей винограда, и характеризующиеся высокой адаптационной способностью и продуктивностью. Большинство таких сортов осталось за рамками исследований, поэтому испытание их в качестве сырья в производстве коньяков целесообразно и актуально. Наиболее перспективными в этом плане могут стать следующие сорта: Степняк, Бианка, Грушевский белый, Кунлеань. В Ростовской области насаждения винограда сорта Бианка составляют 775 га, сорта Степняк – 144 га, сорта Грушевский белый – 20 га, сорта Кунлеань – 24 га. В Краснодарском крае: сорта Бианка – 1384 га, Степняк – 43 га, сорта Кунлеань – 30 га.

Усовершенствование существующей технологии коньячных виноматериалов и спиртов, направленное на повышение качества коньяков и увеличение выхода коньячных спиртов, без снижения их качества, является не менее важной задачей современного производства. Недостаточное внимание учёных к способу обогрева перегонных установок, оставило за рамками исследований возможности использования других видов энергии, например, СВЧ – энергии, получающей всё большее распространение в народном хозяйстве. Исследования, проведённые в этом направлении, являются новыми и актуальными.

Производство крепких напитков из нетрадиционного для винодельческой промышленности сырья широко распространено во всём мире, однако, в России практически не развито. Большой популярностью пользуются: кукуруза, пшеница, рис, сахарный тростник и т.д. Для расширения ассортимента напитков данной категории, а также получения продукции с низкой себестоимостью, нами изучены сахарные сорта сорго. Из сочных стеблей этого растения, способного накапливать 120–150 г/дм^3 Сахаров к концу вегетации, можно извлекать 40–45 дал/т сока, пригодного для сбраживания и перегонки на спирт. В результате научно обоснована целесообразность использования новых сортов винограда межвидового происхождения – Грушевский белый, Бианка, Кунлеань, Степняк в коньячном производстве. Определены расы дрожжей, способствующие повышению качества коньячных виноматериалов из новых сортов винограда за счёт оптимального содержания в них вторичных и побочных продуктов брожения. Установлено, что повышение спиртуозности коньячных виноматериалов до 13% об. за счёт доливки головными фракциями при хранении до перегонки, способствуют наилучшей их сохранности. Впервые получены спирты и исследована динамика перехода летучих компонентов при перегонке коньячных виноматериалов на аппарате с СВЧ нагревом. Установлено положительное влияние СВЧ энергии на качество коньячных спиртов за счёт лучшего сохранения сортового аромата, меньшего содержания изоамштовых спиртов, летучих кислот, большего накопления компонентов «энантового» эфира и отсутствия порочного тона «пригара». Научно и экспериментально обоснована возможность использования сахарного сорго сорта С-20 для производства крепких напитков.

Изученные нами сорта винограда с высоким потенциалом продуктивности и устойчивости к болезням и низким температурам могут послужить основой для развития сырьевой базы коньячного производства России, а использование нового сырья даст возможность увеличить ассортимент крепких напитков. Усовершенствование технологии будет способствовать повышению качества коньяков. На основе разработанной технологии очистки и ускоренного созревания сортового спирта и разработанных технологических инструкций на производство напитков из новых сортов винограда и сахарного сорго.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

И.В. Власюк

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТИРОВАНИИ МОДЕЛИ БЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ

В последние десятилетия в нашей стране резко изменилось отношение к семье. Ориентация на карьеру, на жизненный успех привела к тому, что дети зачастую воспринимаются как помеха для личностного роста. Предпочтения молодежи часто склоняются в пользу бездетной или однодетной семьи. В системе ценностей значительного числа молодых людей, семья уже не занимает главенствующего места. Добрачные и внебрачные половые связи, т.н. «свободные отношения», даже однополые семьи многими сегодня воспринимаются как норма. Следствием этого стали снижение рождаемости, уменьшение количества детей в семьях, увеличение числа разводов, неполных семей, внебрачная рождаемость, психологическая напряженность внутри семей. «Проблему низкой рождаемости невозможно решить без изменения отношения всего общества к семье и ее ценностям», – заявил по этому поводу Владимир Владимирович Путин в последнем послании Федеральному Собранию, – «мы должны восстановить наши старинные ценности бережного отношения к семье, к родному очагу». В этих условиях актуальным представляется проведение на государственном уровне мероприятий, направленных на укрепление семьи, семейных ценностей, привлечение общественного внимания к проблемам семьи.

В Послании Президента РФ отмечается, что целью семейной политики на федеральном, региональном и местном уровнях является создание условий для формирования «благополучной семьи», которая в состоянии решать свои проблемы и в полной мере выполнять свойственные ей социальные функции.

Следовательно, социально-педагогическое проектирование региональной семейной политики в условиях развивающегося социума предполагает создание некого конструкта, таким является модель семьи.

Многие исследователи, работающие в сфере семейной проблематики, изучая процесс развития института семьи в разные исторические периоды, создали определенные представления о различных формах семейной организации. Так, свои теоретические представления об идеальном типе семьи высказывают Л.В. Карцева («идеальная модель»), О.И. Волжина («идеально-типическая модель»); размышления о разных типах современных семей можно найти у других российских и зарубежных авторов: о «благополучной» и «неблагополучной семье» – у В.А. Сысенко, Т.Г. Калачевой, об «ущербной» семье – Ф.А. Ильдарханова, о «нетрадиционной» семье – у В.В. Солодовникова, о «звездной» – у М.В. Медковой, о «многофакторной» – у Т.Г. Калачевой, «круговой» – у Д. Олсона, «стабильной» – у В.Г. Захаровой, «прочной» – у Ю.Р. Хайруллиной, «счастливой» – у М.К. Горшковой, «гармоничной» – у Г.Г. Парфеновой и т.д.

Появились и такие модели семьи, как «однокарьерная» и «двухкарьерная» (по признакам участия одного или обоих супругов в производственной или иной общественной деятельности); «гуманистическая» модель (как нечто альтернативное модели элитарной семьи).

Модель семьи в современном российском обществе вариативна. Она может объединять супругов и детей, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару «мать и ребенок»; бездетных партнеров, не вступивших в брак и ведущих совместное хозяйство и т.п.

На наш взгляд, наиболее близкой к требованиям комплексной модели является модель «благополучной семьи». Как показывает теоретический анализ имеющейся литературы по проблеме исследования, большинство работ по семейной проблематике содержит поиск модели «благополучной» семьи. Но, несмотря на огромный фактический материал, пока никому из исследователей не удалось с достаточной объективностью определить ее качественные и количественные параметры, тем более создать модель, представляющую предмет семейной политики. Это объясняется тем, что:

– за всю историю человечества не выработана универсальная форма семейных отношений, которая в идеале удовлетворяла бы всех людей на все времена;

© И.В. Власюк, 2006

– происходит непрерывное изменение общественных отношений и ценностных ориентиров;

– каждая личность рождается с собственной программой жизни и нельзя ее конструировать в какую-либо универсальную модель;

– социально-экономическое и культурное развитие народов, регионов, определяющее семейный уклад жизни, во многих отношениях происходит неравномерно;

– нет четких критериев «благополучия» семейных отношений.

Мы полагаем, что «благополучной» можно назвать семью, которая отвечает потребностям современного российского общества, духу времени, сама в состоянии решать свои проблемы, способна в полной мере выполнять социальные функции, дальнейшее развитие которой, с высокой степенью вероятности, будет стабильным.

Для конструирования модели семьи необходимы первоначальные субъективные представления о «благополучной семье», которые явились бы базовыми при определении выходных параметров оптимальной семьи.

В условиях развивающегося российского общества выделяются следующие критерии материального благополучия: материальные блага (автомашина, дача, собственный дом, престижность досуга), доход на человека, привлекательность работы, в том числе и экономическая. Критерии нравственного благополучия включают в себя приоритеты ценностей (экономика, образование, нравственность, экология), общественное положение индивида, семьи, социальную защищенность, пользование льготами. К ним можно отнести психологические ощущения личности, такие как самочувствие в современной жизни (дискомфортно или комфортно); жизненные интересы, приносящие удовлетворение; семья, дети, здоровье; работа по специальности, друзья, уровень доходов, возможность общения, соответствие интересам и т.д.

При этом одних респондентов интересуют традиционные ценности, и в том числе – уровень образования, национальное родство, отрицание смешанных браков, отношение к этносам, такие досуговые занятия, как чтение, посещение кинотеатров, театров, соблюдение национальных обрядов, реализация духовного и культурного потенциала. Других беспокоят такие явления как свобода слова, собраний, печати, личности, права женщин и детей, процесс демократизации, развитие рыночных отношений, межнациональные отношения, глобализация экономики и т.д.

И тех и других тревожит состояние окружающей среды, рост цен, безопасность граждан, снижение уровня жизни и низкая оплата труда, безработица, положение молодой семьи, инвалидов и пенсионеров. Негативно воспринимаются такие антиобщественные явления, как коррупция, наркомания, преступность и т.п. Отметим также, что качественные показатели «благополучия» семьи, как материальные, так и моральные, имеют субъективный характер.

Мониторинговое исследование, проведенное нами в рамках целевой программы «Семья Оренбуржья» на 2005–2007 гг. выявило факторы субъективно-объективного характера, выделенные респондентами, которые наилучшим образом влияют на выполнение семьей возложенных на нее общественных функций. Во-первых, это осознание ценности родительства, детей, как основание, придающее ей крепость, надежность и благополучие. На это указали в своих семейных хрониках представители более чем половины семей (59%). Ценность эта проявляется, по их мнению, не в оценочных суждениях и мнениях, а в конкретных повседневных делах и отношениях, во взаимопонимании всех членов семьи, их взаимоподдержке и взаимоуважении. На эти стороны организации семейной жизни было указано в 31% ответов. Во-вторых, для 17% респондентов важна роль совместного проживания с собственными родителями, статус многопоколенной семьи. В-третьих, 9% ответов связывают семейное благополучие со знанием и уважением религиозных норм и канонов, что понятно в условиях этнически и конфессионально специфической области.

Приведем фрагменты некоторых суждений респондентов о том, что такое счастье и благополучие в семье.

«Самое большое счастье – это быть всегда вместе, отдыхать, трудиться, вместе справлять праздники; «Дружная семья – это когда все советуются друг с другом, вместе принимают важные решения...»; «Любовь к детям помогает преодолеть все трудности в жизни...»; «Счастье семейное – жить в согласии, любить друг друга до последнего вздоха...»; «Дружная семья должна жить в гармонии с обществом, с природой...»; «Главное счастье – слова благодарности от детей...». «Главное в семье – это

труд и материальное благополучие. Самое главное в семье – это любовь».

Эти высказывания говорят о ценностном статусе семьи – её социально-психологическом климате, ценностно-ориентационном единстве, сплочённости и психологической совместимости членов.

Самым значимым для себя опрошенные называют ценности любви и взаимопонимания между супругами, а также ценности родительства, детей, самих понятий «дом», «семья». В них черпается духовная сила, способность преодолевать объективные трудности – бытовые, жилищные, материальные на всём протяжении их жизненного пути, возможность укреплять семью и получать радость и смысл своего существования. Данный факт подчеркивает то обстоятельство, что супружеская жизнь – особая и довольно сложная форма человеческого сосуществования, а также взаимодействия человека и общества, человека и государства. Важным фактором благополучия семьи является готовность супругов преодолевать возникающие трудности как материального, так и духовно-психологического порядка.

Таким образом, в ходе анализа семейных хроник были выявлены объективные и субъективные факторы, способствующие, по мнению супругов, укреплению семьи, успешному выполнению ею социальных функций и приносящие удовлетворение от прожитых лет.

Разделяя мнение О.И. Волжиной, Ф.А. Ильдархановой, мы выделяем критерии «благополучной семьи»: сохранность традиционных основ семейной жизни; духовное и физическое здоровье членов семьи; высокий уровень жизни, хорошие жилищные условия; устойчивый, продолжительный брак; высокая продолжительность жизни старшего поколения; целостность (наличие дедушек и бабушек) семьи, полнота (наличие обеих родителей) семьи; многодетность (не менее трех детей), отсутствие детской смертности; взаимная любовь и уважение, высокая культура взаимодействия членов семьи, взаимопомощь членов семьи и родственников, хорошие отношения с соседями и ближайшим окружением; отсутствие абортов, здоровое потомство; любимая работа и общественное признание; хороший, полноценный отдых, наличие надежных друзей, удовлетворенность судьбой.

В анкетах для супругов нами были предложены различные модели семьи. Респондентам необходимо было выбрать ту модель, которая, по их мнению, является «благополучной». В *первой* модели акцент делался на объективные характеристики благополучия – наличие нормальных жилищных условий, детей, отсутствие материальных затруднений, проживание отдельно от родителей, отсутствие ссор и принципиальных разногласий между супругами. *Вторая* предложенная нами модель благополучной семьи – так называемая «духовная» модель – это такая семья, в которой царят взаимопонимание и взаимопомощь, а такие параметры, как материальный достаток, количество детей, проживание вместе или отдельно от родителей в расчет не берутся.

И, наконец, *в третьей* модели благополучной семьи основной акцент делается на материальный достаток, все остальное – приложится. Каковы же результаты исследования? На первую модель как самую «благополучную» указали 80% опрошенных респондентов, на вторую модель, так называемую «духовную», где царят взаимопонимание и любовь, указали 15% опрошенных, и третья модель – «материальная», набрала всего 5% голосов.

Таким образом, основная масса респондентов считает, что если есть нормальные материальные условия жизни, то духовные компоненты семейного благополучия появятся естественным образом на этой почве.

Мнения респондентов относительно того, что нужно сделать, чтобы в Оренбуржье было больше благополучных семей, таковы. Первую позицию в этом вопросе заняла «борьба с бедностью», «материальная поддержка молодых и малообеспеченных семей» – так ответили 46,3% опрошенных. Вторую позицию заняла точка зрения, согласно которой «прежде всего, необходимо повышать культуру людей и ответственное отношение молодежи к браку» – так ответили 30, 2% респондентов. На третьей позиции оказался ответ – «воспитание молодежи в духе уважения к старшим, к национальным и семейным традициям общества» 23,5%.

Таким образом, исследование показало, что эффективное функционирование модели «благополучной семьи», возможно при обеспечении духовно-нравственными, материальными и организационными условиями.

Духовно-нравственные условия включают в себя морально-психологическую, ценностно-ориентационную и мировоззренческую совместимость членов семьи; наличие возможностей

для удовлетворения их духовных потребностей (относительно достаточный образовательный уровень каждого члена семьи, духовная преемственность поколений в семье, наследование семейно-родовых, национально-конфессиональных, этнокультурных и этноэкологических традиций), соответствующих фамилистических ожиданий общества (в любви и уважении, рождении и воспитании детей); социокультурных потребностей индивида и семьи (образовательно-познавательных, в сфере искусства, общения, отдыха, духовного и профессионального самовыражения и т.п.); сексуальных потребностей и потребностей в благоприятной внешней социальной среде.

Материальные условия жизнедеятельности семьи – это наличие хороших жилищных условий, достаточный денежный доход, владение комплексом современной бытовой техники, транспортом, средствами связи и информации и т.п., наличие условий для внутрисемейного производства товаров и услуг.

Организационные условия функционирования семьи – функциональная полнота, целостность и открытость семейной системы; сбалансированная система власти и распределения обязанностей в семье; непротиворечивые взаимоотношения между членами семьи и другими родственниками; развитие семейной системы в сторону большей адаптивности к внешним и внутренним условиям ее функционирования; правовая оформленность гражданского состояния членов семьи, имущественных и иных отношений между ними.

Для проектирования модели «благополучной семьи» Оренбуржья в ходе исследования нами вычленены типы семей, отвечающие современным социально-педагогическим реалиям, такие как «ущербная семья», «проблемная семья», «оптимальная семья», «идеальная семья».

«***Ущербная семья***» в данном контексте – это семья, которая функционирует на уровне ниже социального. Чаще всего этот тип семей имеет маргинальное происхождение и тяготеет к самому нижнему социальному слою – к «социальному дну». Деградация семьи может быть результатом негативного влияния социальной среды, нарушения законов социальной справедливости, неотвратимых ударов судьбы, продолжительных болезней, порочных наклонностей индивида и т.п. Данный тип семей нуждается в социально-педагогической поддержке.

«Проблемная семья», независимо от характера проблем, отличается признаком дискомфортности в её функционировании. «Жизненные сценарии» проблемных семей схожи. Если ребенок появляется на свет с серьезными отклонениями в развитии или заболеваниями, то его мать прекращает работать и целиком посвящает себя ему. В неполных семьях, после развода или смерти супруга второй супруг (по статистике это чаще всего мать) должен выполнять все социальные функции семьи за двоих родителей. В многодетных семьях зачастую кто-либо из родителей жертвует своей служебной карьерой во имя детей. Это некоторые из множества существующих разновидностей «проблемных» семей в современном российском обществе.

«Оптимальная семья» – это аналог семьи «благополучной» для данного конкретного общества в данной исторической ситуации. В российском социуме это не самый лучший вариант семьи, но такой, к которому стремятся социум, государство, отдельные индивиды. Это тип семьи соответствует принятым в современном обществе стандартам, нормам семейного благополучия.

«Идеальная семья» в нашем понимании – это семья, образ которой формируется в представлении брачных партнёров ещё до её создания.

При этом в рамках семейной политики на региональном уровне необходимо определить показатели, которые помогут установить динамику перехода от «неблагополучной» или «ущербной» семьи к «благополучной» или «идеальной».

В заключении следует отметить, что предпринятая нами попытка проектирования модели «благополучной семьи» Оренбуржья является не только своевременной и необходимой, но и весьма актуальной.

Е.Н. Кондрат

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

При анализе преступного поведения несовершеннолетних Г.М. Миньковским было выделено четыре типа нарушителей, для которых общественно опасное деяние является: а) случайным, противоречит общей направленности личности; б) возможным с учетом общей неустойчивости личностной направленности, но ситуативным с точки зрения повода и ситуации; в) результатом общей отрицательной ориентации личности, обусловливающей выбор среды, времяпрепровождения и непосредственного варианта действий при наличии подстрекательства, примера преступного поведения и т.п.; г) результатом преступной установки личности, включающей активный поиск, организацию повода и ситуации для преступных деяний, соответственно относительно устойчивой системы антисоциальных оценок и отношений.

Предложенная типология не только фиксирует основные варианты возможной направленности личности несовершеннолетних правонарушителей, но и отражает процесс Постоянного формирования социально-негативных черт личности, переход от единичных деформаций к их «цепочке».

Метод косвенных оценок позволяет сделать вывод, что среди несовершеннолетних правонарушителей тип «а» составляет 25–35%, тип «б» – 25–30%, тип «в» – 30–40%, тип «г» – 10–15%.

О решающей роли антисоциальной направленности в становлении делинквентного поведения, проявляемой в системе наиболее устойчивых и доминирующих мотивов личности, – внутренних побуждений, потребностей, установок, ценностей, интересов и убеждений – отмечается в ряде работ В.Н. Кудрявцева, Е.В. Змановской и др. авторов.

Противоправная мотивация может иметь различные истоки, формы и степень выраженность. В этой связи В.В. Лунеев (1997) предлагает рассматривать следующие ведущие мотивации противоправных действий: корыстно-алчную, насильственно-эгоистическую, анархистско-индивидуалистическую, легкомысленно-безответственную, трусливо-малодушную.

Противоправная мотивация, как устойчивая система доминирующих мотивов конкретной личности, непосредственно связана с ее правовым сознанием. *Правовое сознание* предполагает: 1) знание законов и их понимание; 2) принятие правил как личностно значимых, убежденность в их полезности и справедливости; 3) готовность, умение и привычку действовать в соответствии с законами и правилами. Очевидно, интериоризированные через систему личностных смыслов правовые нормы в сочетании с волевой регуляцией обеспечивают такое качество личности, как *законопослушание.*

Данные опроса Н.В. Кузнецовой (1984) выявили существенные различия в мотивах законопослушания. Так, среди опрошенных 52,3% отметили свою убежденность в полезности законов и порядка; 27,4% – привычку соблюдать законы. Единичные ответы (от 4 до 1,5%) – влияние примера других, страх утраты доверия окружающих, личный расчет, желание избежать осуждения. Только 0,9% респондентов в качестве мотива законопослушного поведения отметили страх наказания. У молодых людей страх наказания более выражен: его назвали 7% опрошенных. Однако в целом страх наказания не препятствует совершению преступления. По данным исследования 2 тыс. заключенных лишь 4% респондентов в момент совершения преступления задумывались о последующем наказании. Данные исследования показывают, что у преступников законопослушание в 5–9 раз ниже, чем у нормальных людей.

Следовательно, мотивационная дихотомия: законопослушание – противоправное поведение наполнена отдельными мотивами, побуждающими к противоправным действиям, могут быть: стремление немедленно получить удовольствие, стремление самоутвердиться, стремление к комфорту или высокому социальному статусу, оппозиционное поведение (внутреннее стремление нарушать запреты), поведенческие стереотипы (опыт пребывания в криминальной среде), агрессия и садистические наклонности, следование социальным стереотипам и традициям, потребность чувствовать принадлежность к группе и получать ее одобрение, скука, стремление к риску и острым ощущениям, фрустрация, необходимость вынужденной зашиты, альтруизм (правонарушение ради других людей или высокой цели).

Эти факты подтверждают особую ценность работ, в которых изучение противоправного поведения подростков ведется с позиции изучения направленности их личности.

© Е.Н. Кондрат, 2006

В этом плане особый интерес представляют исследования С.А. Беличевой, Г.Г. Бочкаревой, В.Ф. Маценко, Г.М. Миньковского, М.Г. Рассохи, Н.И. Рейнвальд и др.

Анализ социально-психологической литературы позволил сделать вывод о существовании различных подходов к обоснованию понятия «направленность» личности.

Так, в одном из определений, направленность «трудного подростка» понимается как система побуждений, определяющая избирательность отношений и активность человека. В то же время большинство психологов рассматривают направленность как центральную особенность личности, в значительной мере определяющей ее нравственную характеристику.

Как известно, изучение направленности осуществляется путем диагностики мотивов поведения. Отечественные и значительная часть зарубежных психологов в основном признают дифференциацию мотивов на три группы:

– мотивы эгоистические, связанные с личным благополучием, успехом, престижем, удовольствиями, властью;

– мотивы социальные альтруистические, коллективистические, гуманистические, проявляющиеся в заботе о других людях, любви к ним;

– мотивы, обусловленные потребностью в познании, деятельности, творчестве, самореализации и др.

Развитие мотивационной сферы начинается в раннем детстве и продолжается всю жизнь. Но только в подростковом возрасте побуждения, различные по своей силе и значимости, начинают приобретать устойчивый характер, формируя направленность личности. У подростков начинают проявляться как достоинства, так и недостатки в структуре интересов, привычек, ценностных ориентации, установок, то есть всего, что определяет развитие подрастающей личности.

В ходе исследований личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей, проведенных О.В. Данилевич (1972) и Т.А. Шиловой (1995), было выявлено, что в структуре их мотивационной сферы доминирующее положение занимают элементарные потребности, стремление удовлетворить мотивы личного, эгоистического самоутверждения. При этом одной из ведущих в подростковом возрасте является потребность в самоутверждении или зачастую неадекватно трактуемая потребность «социального престижа».

Следуя общепринятому мнению, потребность в престиже возникает у индивида как потребность в общепризнанном и формализованном уважении и признании. В этой связи, Т.Ш. Андгуладзе (1980) отмечает, что субъект, у которого имеется потребность в престиже, пытается осуществить такое поведение, которое утверждает за ним любовь и авторитет в обществе или же среди тех людей, к которым он имеет отношение. Другие психологи видят в потребности «социального престижа» стремление к самостоятельности, к признанию его «взрослости».

Реализация потребности в социальном престиже, как одной из форм самоактуализации во многом зависит от того, на какой ступени усвоения, интериоризации разных видов ценностей стоит индивид. У подростков-правонарушителей эта потребность приобретает искаженную форму, часто меняя свою направленность и перерастая в низшие формы самоутверждения.

Немаловажное значение изучению проблемы направленности трудновоспитуемых придает и один из таких известных авторов, как Н.И. Рейнвальд (1987). Она полагает, что при выборе санкций, способных привести к исправлению подростков, очень важно учитывать не только мотивы того или иного правонарушения, но и диагностику формирующегося у него типа направленности личности. Она обращает внимание на то, что типы правонарушителей являются как бы логическим продолжением общепсихологических типов направленности личности, представляя более низкие, примитивные уровни развития.

Подобной концепции придерживается и М.Г. Рассоха (1985), принимая во внимание тот факт, что «основные различия в характере направленности у разных воспитанников проявляются не только в ее содержании, но также и в том, насколько устойчива для данного индивида структура мотивов его поведения», выделяет следующие условные группы подростков-правонарушителей с различными типами направленности:

– неустойчивая отрицательная – подростки склонны к нарушениям дисциплины, правил поведения в школе, для них характерны ложные представления о нормах морали;

– устойчивая отрицательная – подростки склонны к хулиганству, вымогательству, являются членами неформальных группировок, претендуют на лидерство;

– особо устойчивая отрицательная, она проявляется в злонамеренных, нередко грубых поступках;

– малоустойчивая положительная – подростки характеризуются преобладанием коллективистических устремлений, которые еще не стабилизированы;

– устойчивая положительная – подросткам свойственна положительная устремленность, достаточно развито чувство долга.

Среди авторов, изучавших мотивационную структуру несовершеннолетних правонарушителей, обращает внимание подход Т.Ш. Андгуладзе. Он обнаружил влияние на оценочную сферу установки противоправного поведения. Особенно интересно его различение несовершеннолетних правонарушителей в соответствии с их мотивационной структурой. Подростки первой группы, имеющие положительную тенденцию к преступному поведению, оценивают асоциальное поведение как отрицательное; второй – как положительное. Естественно, что по отношению к ним должны применяться различные стратегии воспитательного воздействия.

В психоаналитических исследованиях, раскрывающих бессознательную мотивацию, делинквентность рассматривается как следствие внутреннего конфликта и примитивных защит. В случае антисоциального поведения могут действовать следующие бессознательные мотивы делинквентности:

– желания, требующие немедленного удовлетворения;

– переживание бессильного гнева, отчаяния – агрессии, ищущей разрядки;

– обида, требующая мщения; зависть, побуждающая к восстановлению справедливости;

– недоверие и стремление сохранять дистанцию;

– фантазии величия и всемогущества.

С точки зрения мотивационно-личностной динамики А. Айхорн (2001) указывает на существование двух основных типов делинквентности: *пограничное невротическое состояние с симптомами антисоциального поведения;* когда личность пребывает в состоянии внутреннего конфликта и какая-то ее часть запрещает делинквентное поведение, вызывая чувство вины. При доминировании чувства вины делинквент ведет себя странно, например ходит в украденной шапке или не получает пользы от украденного. Он явно добивается разоблачения и часто попадается. Ему снятся кошмары. Он испытывает облегчение после наказания. В ряде случаев чувство вины возникает у преступников до совершения преступления. Здесь делинквентность возникает из-за желания индивида получить облегчение от давления супер-Эго; *антисоциальное поведение без признаков невроза.* В этом случае конфликт «вынесен наружу» — это открытый конфликт с окружением по причине ранней фрустрации либидных желаний.

Но бессознательная потребность в наказании и фиксация на этапе доминирования принципа удовольствия выражены в обеих ситуациях.

Обобщая результаты исследований, посвященных изучению мотивационной сферы подростков-правонарушителей, нетрудно заметить то, что их направленность находится на низком уровне развития. Подростки, как правило, действуют под влиянием эгоистических личных, престижных и узко групповых побуждений.

Немаловажное значение в формировании делинквентного поведения принадлежит самооценке личности.

Общеизвестно, что поведение человека, а тем более подростка, всегда, так или иначе, соотносится с его представлениями о самом себе (образ «Я») и о том, каким он должен или хотел бы быть. Изучение свойств самосознания, адекватности самооценки, структуры и функций «образа Я» представляет, поэтому не только теоретический, но и практический интерес с формированием жизненной позиции личности.

Именно самооценка (СО), отношение к себе является важнейшим механизмом личностной саморегуляции, позволяя человеку лучше ориентироваться в окружающем мире, ставить перед собой определенные цели, являясь критерием для переживания успеха или неуспеха. При этом некоторые авторы указывают, что СО личностных качеств у подростков с противоправным поведением обладает малой устойчивостью и недостаточной объективностью, основывается на несущественных критериях.

Так как СО носит либо адекватный, либо неадекватный характер, то у подростка складывается и соответствующее отношение к себе. При наличии неадекватной СО подросток часто вступает в конфликты с окружающими, что ведет к нарушению гармоничности его личности. Эта неадекватность обусловлена притязаниями ученика на высокую оценку своих личностных качеств, преувеличением своих возможностей.

Подростки остро и болезненно реагируют на случаи расхождения между СО и оценками окру-

жающих. «Трудновоспитуемые подростки не признают своей принадлежности к категории «плохих», внутренне приравнивая себя к хорошим ученикам. Считая себя незаслуженно низко оцененным, ученик начинает проявлять агрессивность по отношению к тем, кто дает ему такие оценки. В этом случае причиной негативного поведения ученика является неудовлетворенность его стремления удовлетворить себя в желаемой позиции».

Г. Каплан считает, что при формировании низкой самооценки обостряется его потребность в самоуважении. Если подростку не удается повысить СО социально-приемлемыми способами, он начинает выбирать альтернативные образцы поведения. Обычно это связывается с его переориентацией на девиантные группы сверстников. К этому же заключению пришли отечественные психологи Г.К. Валицкас и Ю.Б. Гиппенрейтер, изучив личность подростков-правонарушителей.

Неправильно сформированная СО тормозит и искажает развитие личности ребенка. В.Г. Деев подчеркивает связь между адекватностью и устойчивостью СО с одной стороны, и успешностью перевоспитания – с другой.

СО, определяя эмоциональное самочувствие индивида и его положение в системе взаимоотношений, трудно поддается изменению. Только углубленный анализ своих и чужих поступков, самокритичность позволяют человеку осознать расхождение потребностей, уровень притязаний, оценок себя и других людей, с реальными возможностями и предъявляемыми требованиями, чтобы на этой почве скорректировать поведение.

Таким образом, направленность личности, ее самооценка и другие рассмотренные выше факторы выступают в качестве основных детерминант стереотипизации противоправного поведения молодежи. Кроме этого, нельзя не затронуть вопросы социализации, общения в подростковом коллективе, взаимодействие с социальной средой и факторы семейного воспитания.

Не вызывает сомнения то, что одной из главных особенностей подросткового возраста, ведущей деятельностью подростка являются повышенный интерес к общению со сверстниками, ориентация на выработку групповых норм и ценностей. Общение со сверстниками является важным каналом социализации подростка, у него вырабатываются навыки социального взаимодействия, умение подчиняться коллективной дисциплине, умение завоевать авторитет и занять желаемый статус. В группе сверстников более эффектно отрабатывается самооценка подростка: если подросток склонен отвергать критику взрослых, то мнением сверстников о себе он безусловно дорожит.

Из данных отечественных психологов М.А. Алемаскина, И.А. Невского, Н.С. Мансурова, Д.И. Фельдштейна и других видно, что подростки с отклонением в поведении в большинстве случаев занимают неблагополучное для себя положение в своих классах, оказываются в изоляции, испытывают чувства одиночества, отчуждения. Неудовлетворенная потребность в общении заставляет их искать друзей за пределами коллектива класса или школы.

У подростков, лишенных нормального общения, как замечает И.П. Башкатов (1985), формируется антиобщественная установка, которая усугубляется малым жизненным опытом, повышенной эмоциональностью, неустойчивостью настроения, острой впечатлительностью, неумением оценить ту или иную ситуацию, стремлением к быстрой реализации побудительного мотива.

На показателях самооценки и направленности личности сказывается негативное отношение к обучению. Порождая неуверенность в своих силах, моральную неудовлетворенность, оно, по мнению В.М. Обухова (1974), приводит к конфликтам с коллективом класса, педагогами и способствует обычно отрицанию учащимися общественной работы. Это, в свою очередь, имеет следствием резкое сужение школьных интересов, еще большую неудовлетворенность учебной деятельностью, школой в целом; начинает оказывать обратное влияние на избирательность их действий, способствуя активизации деятельности учащихся в неконтролируемых группах несовершеннолетних по месту жительства. При этом подростки часто попадают под влияние или отдельных лиц или группы лиц старше их по возрасту с антиобщественной направленностью в сознании и поведении, того, что именуется «дурной» компанией. И если у большинства подростков-правонарушителей в школе уровень престижных оценок значительно ниже самооценки, то в такой компании они ищут компенсации. Здесь новые друзья подростка думают о нем лучше, оценивают его выше, чем он сам себя, хотя, как и в других ситуациях компенсации, это чаще всего иллюзия.

Одной из ведущих сфер проявления противоправного поведения подростков является область неформального общения. У подростков-неформалов ощущается явная тяга к организованному

культурно-досуговому пространству (кафе, бары, видеобары, учреждения культуры и спорта). Сегодняшний подросток хочет иметь выбор не в рамках чисто свободного, стихийного пространства (двор – улица – микрорайон – город – пригород), а в структуре диалектически взаимодействующих пространственных начал: стихийного (двор – улица и т.п.) и сознательно-организованного (кафе, бары, клубы, спортзалы и т.п.).

Следует признать, что отсутствие должного внимания к этой стороне дела приводит к нежелательным последствиям. Дело в том, что вакуум, образовавшийся в сознательно-организованной культурно-досуговой пространственной среде умело заполняют дельцы теневого экономического бизнеса. Сегодня, к сожалению, кафе, пивные, бары, рестораны и т.п. являются местом, где проводят свой досуг, с одной стороны, дельцы теневого бизнеса, а с другой – лица, склонные к асоциальному поведению (уголовные элементы, алкоголики, тунеядцы и т.п.). И эти представители «теневой» экономики, околоуголовного мира используют, с одной стороны, естественную тягу подростков к красивой жизни, а с другой – их конфликт с обществом, их маргинальное (промежуточное) положение в социальной среде. Особенно это срабатывает в среде подростков-неформалов, поскольку в шкале их предпочтений кафе, бары, рестораны, пивные занимают первое место, в то время как учреждения культуры и спорта, несмотря на положительную корреляцию в системе реального и желаемого места проведения досуга, занимают лишь 5 и 7 позиции, хотя и здесь есть положительные сдвиги, ибо интерес к учреждениям культуры и спорта передвинулся с 8 места в структуре реального проведения досуга на 7 место в условиях прожективной ситуации, а популярность учреждений культуры и спорта города – с 9 на 5 место.

Следует отметить, что в среде благополучных подростков при сходной положительной корреляции картина принципиально иная. Здесь кафе, бары, пивные, рестораны, хотя и привлекли к себе в прожективной ситуации определенную часть подростков (с 5,5% до 11,7%), повысив их ранг в структуре предпочтений с 8 места до 6, в то же время не стали занимать в досуге ведущего места. Предпочтение в данном случае было отдано учреждениям культуры спорта микрорайона, которые по популярности продвинулись с 5 места на 2 место, и учреждениям культуры и спорта города, популярность которых с 7 места поднялась до 3-го.

Подобные качественные расхождения при схожих общих корреляциях объясняются, по нашему мнению, большей ориентацией подростков-неформалов на мир материальной культуры, на учреждения, которые символизируют собой материальный достаток (бары, рестораны), в отличие от учреждений культуры и спорта, связанных в большей степени с духовной культурой. Кроме того, определенную роль здесь играет и незаорганизованность, большая неформальность обстановки в кафе, барах, ресторанах, чем в наших учреждениях культуры и спорта. Все это вместе взятое позволяет нам говорить об образовании особого пространственно-организованного мира, в котором живут современные подростки.

Главная опасность изоляции подростка заключается в том, что подросток очень рано, в период, когда у него начинают складываться те или иные стереотипы, взгляды, мнения, ценностные ориентации, приходит к убеждению, что та или иная формальная деятельность не является для него оптимальной сферой приложения его способностей, местом положительного самоутверждения. Именно поэтому ряд исследователей, по нашему мнению, подводят к правильному выводу: для подростков с противоправным поведением характерно преобладание личной и лично-престижной направленности. Это способ их самоутверждения, самозащиты, способ, чтобы выжить и не сломаться в столь трудных для них условиях.

Для исследователей противоправного поведения интересно знание того, какая конкретно психологическая особенность и в каких условиях может вызвать формирование преступного поведения. Для этого надо знать среду, в которой происходит социализация подростка, поскольку социализация, как известно, выражается в формировании мотивационной сферы.

Среди других личностных особенностей делинквентов следует отметить акцентуированность черт характера. Так, в исследованиях А.В. Лебедева (1985) было выявлено, что среди обследованных правонарушителей у 12% из них диагностирована психопатия, у 50% – акцентуация характера. В более чем в 60% всех случаев встречается акцентуация по неустойчивому типу, характеризующаяся расторможенностью, затем по гипертимному типу (около 20%), которая близка по своим поведенческим проявлениям к неустойчивому типу.

А.В. Куршев

СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ У КУРСАНТОВ ВВУЗА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Развивающиеся во всем мире социальные процессы создают реальные возможности снижения военной напряженности в международных отношениях и значительного сокращения вооруженных сил. Вместе с тем требования к армиям, к их боеспособности и боеготовности не только не уменьшаются, но даже увеличиваются. Поэтому ученые всех стран ищут пути поддержания высокой боеспособности вооруженных сил при снижении их численного состава.

Актуальность проблемы вызвана противоречиями между объективно возросшей потребностью Вооруженных Сил в высококвалифицированных специалистах, способных обеспечить обороноспособность страны в соответствии со сложившимися политическими и социально-экономическими условиями в государстве. Усилившиеся деструктивно-конструктивные процессы после слома тоталитарно-идеологической системы вошли в противоречие с новыми формирующимися духовно-нравственными ценностями. Российские Вооруженные Силы так и не адаптировалось к новым условиям в виду восприятия армии обществом как института предельного социального риска. Одной из важнейших причин обострения указанных противоречий является отсутствие ценностного отношения к военной службе у офицеров. На парламентских слушаниях, которые проводил Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности в 2005 году, на тему: «Законодательные аспекты кадрового обеспечения военной и правоохранительной службы» были показаны следующие цифры: ежегодно 7–8 тысяч курсантов оставляют учебу до окончания военных вузов, а около 10000 выпускников-лейтенантов оставляют военную службу в первые месяцы после получения диплома. Значительная часть увольняется после окончания первого контракта, не справившись с трудностями в работе с подчиненным личным составом из-за низкого ценностного отношения к военной службе офицера.

Модернизация российского социокультурного пространства в XXI веке отразилась на всех сферах жизнедеятельности. Переход к гражданскому обществу обозначил ряд вопросов, в том числе и воспитание гражданственности, патриотизма в условиях обновленной России.

Гражданское общество философский словарь трактует как «понятие, обозначающее совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т.д. Гражданское общество – сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентацией деятельности этих граждан и организаций со стороны государственной власти». Особенно актуальна проблема воспитания чувства гражданственности и формирования системы гражданских ценностей у курсантов высших военных учебных заведений. При этом необходимо учитывать новые тенденции в развитии форм и содержания гражданских качеств личности (или социальной группы). Снижение уровня патернализма (прежде всего в молодёжной среде) порой сопровождается, как свидетельствуют социологические исследования, негативизмом по отношению к государству. Действительно, Вооруженные силы РФ пока ещё недостаточно активно реализует разработанные его структурами программы государственной молодёжной политики. Тем не менее, наличие таких программ, на наш взгляд, говорит о том, что наше государство понимает, как важно помочь сегодняшнему молодому поколению адаптироваться к новым социально-экономическим условиям.

Процесс военного образования основывается на *методологических* подходах, реализуемых в различных системах образования. Теоретики и практики системы образования в своих работах ссылаются на личностно-деятельностный, отношенческий, событийный, дифференцированный, ценностный, средовой, дихотомический и др. подходы. Используя различные подходы к реализации системы гражданского образования и воспитания, большинство высших военных учебных заведений на основе синергетического подхода к воспитанию разрабатывают авторские концепции воспитания гражданственности курсантов.

© А.В. Куршев, 2006

На *теоретическом* уровне в Татарстане четкой определенности достигла идеология военного образования. Особенностью теоретического подхода является признание детерминирующего начала во взаимосвязи военного образования и демократии, что позволяет выделить главную ключевую позицию – активное участие каждого гражданина в управлении страной.

Центральным звеном реализации военного образования в высших военных учебных заведениях Татарстана выступает постоянная, кропотливая работа исследователей и специалистов над проектированием, составлением и совершенствованием образовательных программ по граждановедению. Несомненно, именно их качество, полнота, глубина, отвечающие строго выверенным критериям, определяют подготовку курсантов высших военных учебных заведений РТ к исполнению военных обязанностей на уровне высокого чувства ответственности и компетентного владения соответствующими умениями.

Особенностью процесса проектирования программ по граждановедению в РФ и РТ выступает то, что в нем принимает участие довольно большое число организаций, крупные ученые, специалисты, специальные центры и организации, колледжи и университеты.

Надежно налажена система связей по разработке данного вопроса по всей республике (в частности, благодаря деятельности Министерства образования и науки РФ и РТ).

Большое внимание в программах по граждановедению уделяется формированию глубоких знаний курсантов о Конституции РФ и РТ с помощью разнообразных обучающих технологий. Наиболее важным компонентом образовательных программ по граждановедению в ввузах РФ и РТ является правовой, предполагающий обогащение курсантов знаниями в области правопорядка и правопослушного поведения. В отдельных программах заостряется проблема действенного отношения молодежи к таким страшным порокам, как наркомания. Среди программ можно обнаружить и такие, которые построены на принципе интеграционного подхода, т.е. на стыке целого ряда дисциплин (например курс «ОГП»).

Существуют такие организации как Центры правового образования в районах г. Казани, деятельность которых многообразна и многопрофильна, но отличается адресностью, дифференцируется в зависимости от заказчика – отделов образования города и районов, но в данном случае существует регламент в выборе участников, курсантов ввузов. Это позволяет им обеспечивать высокое качество образовательных программ.

Большое внимание в республике уделяется фигуре преподавателя как носителя гражданской культуры и ее распространителя среди курсантов ввуз. Подготовка учителя ведется на высоком уровне в Институте развития образования РТ и Татарском государственном гуманитарном педагогическом университете.

Анализ программ по граждановедению в высших военных учебных заведениях РТ позволяет обнаружить такие их черты, как бесконечная вариативность, активное использование телекоммуникационных сетей, системы Интернет, огромного потенциала новых информационных технологий; насыщенность этих программ вниманием к истории страны и республики, знаниями Конституции, правовыми и политическими знаниями, что в целом определяет политическую грамотность курсантов ввуз РТ. Очень большое внимание разработчики программ, уделяют формированию военных навыков у курсантов, что впоследствии и перерастает в активную гражданскую позицию. К реализации *указанных* программ тщательным образом готовятся преподаватели, для чего предусматривается как уже было сказано их специальное обучение.

Несомненное значение для отечественной педагогики имеет на наш взгляд то, что под программы по граждановедению подводится солидная научная база, предваряющая их окончательное оформление проведением основательных исследований и апробаций. Это делается для того, чтобы программы содержали реальный потенциал для воспитания активного гражданина, способного уважительно относиться к свободе слова, к соблюдению прав, воспитывали готовность к работе в рамках закона.

Можно констатировать, что в соответствии с принятыми стандартами по гражданскому образованию в РТ создаваемые программы учебных курсов по граждановедению, которые способствуют обеспечению достаточного уровня военной компетентности курсантов высших военных учебных заведений предполагают:

– овладение курсантами терминами, связанными с социальным и политическим устройством страны;

– приобретение умения объяснить их и соответственно использовать;

– приобретение умения интерпретировать, объяснять явления или события, происходившие в прошлом и имеющие место в настоящем;

– давать им свою оценку, занимать определенную позицию и защищать свою точку зрения;

– понимать структуру государства и управления;

– иметь объективное представление о структурах ведущих государств мира, их основных законах, взглядах на лидеров на внешнюю и внутреннюю политику);

– воспитание уважения к окружающим, согражданам и государству;

– выработку стремления помочь ближнему и стране, в целом;

– наличие умений практического применения всех выше перечисленных знаний и навыков уже в курсантском возрасте.

При реализации системы гражданского воспитания на практическом уровне разработчики воспитательных систем стараются не упускать из вида и вопрос о балансе знаний и навыков, укореняя в высших военных учебных заведениях идеи о необходимости активного гражданского поведения курсантов.

Богатейшим, неисчерпаемым потенциалом, всегда готовым выступать совместно с высшим военным учебным заведением, быть его надежным партнером и гарантом успеха в деятельности по гражданскому воспитанию курсантов всегда были и остаются: театры; музеи, мемориалы; творческие союзы и объединения писателей, музыкантов, художников, архитекторов в скульпторов, театральных деятелей, кино и т.д., военные комиссариаты; правоохранительные органы; ветеранские организации; средства массовой информации (критический подход); выдающиеся личности страны, республики, области, края, города и т.д.; учреждения и структуры образования, априорно сориентированные на решение задач гражданского воспитания.

Реализация этих направлений и создание необходимых условий предполагает в качестве первых шагов решительное и смелое использование богатейшего опыта гражданского воспитания, творческий поиск и разработку интересных и содержательных новых подходов, форм и методов этой работы, не противоречащих сложившимся традициям и накопленному опыту, внедрение которых способствовало бы созданию и функционированию жизнеспособной и эффективной системы гражданского воспитания.

Чтобы не впасть в прожектерство, необходимо на всех уровнях научного познания и практики постоянно отслеживать реальные изменения в динамике отношений государственных и общественных структур, реальном гражданском потенциале различных сфер социума, в опыте общественных движений и организаций, а также учитывать исторические традиции и менталитет российской гражданственности, общезначимые для нашего времени концептуальные разработки.

По мере того как система отечественного гражданского воспитания станет обретать характер общенационального движения и более отчетливо вскрывать факторы, тормозящие создание условий формирования гражданственности курсантов ввуз, возникнет необходимость осуществления более кардинальных социальных действий, связанных с обновлением общегосударственной законотворческой практики, отражающей позитивную динамику в формировании общественного правосознания. Массовая социальная практика нуждается в комплексных государственно-общественных целевых программах, открывающих новые организационные формы взаимодействия профилирующих государственных и общественных структур, осуществляющих общенациональные и региональные меры направленные на преодоление криминогенных ситуаций в стране, нравственное очищение и профилактику всех видов преступности и правонарушении в производственных и управленческих структурах всех уровней независимо от форм собственности.

В этой связи мы пришли к выводу, что гражданское воспитание курсантов ввуз имеет собственный предмет и сферу применения. А.В. Беляев определяет гражданское воспитание как целенаправленный, сознательно осуществляемый процесс организации и управления деятельности формируемой личности гражданина по овладению социально-политическим, правовым, экономическим, морально-этическим опытом демократических отношений, целью которого является формирование готовности личности к овладению культурой гражданского достоинства и культурой социальной полезности (2000). Данная цель определила основной комплекс задач, представленных на 3-х уровнях: *когнитивном* – формирование гражданского сознания, гражданской зрелости в социальной структуре и осозна-

ние себя как личности в данном обществе; на *эмоционально-чувственном* – побуждение к принятию демократических ценностей в качестве мотивов поведения, в качестве меры соотношения частных и общественных интересов; на *нравственно-волевом* – ответственная деятельность гражданина, направленная на общее благо.

Ряд авторов (Л.А. Филимонюк) рассматривает гражданское воспитание в качестве фактора повышения мотивации профессионального самоопределения посредством дисциплин общегуманитарного блока. Эффективным способом развития демократического общества является гражданское образование молодежи, которая должна занимать активную общественную позицию. Особое место в ней занимают патриотические чувства человека.

В то же время в отечественной педагогике и практике не существует целостной модели гражданского воспитания курсантов ввуз в сфере профессионального образования. Интеграция *теорий гражданского общества, историко-культурного содержания гражданского идеала, демократических прав и свобод* стала культурным основанием для разработки педагогической системы гражданской социализации курсантов высшей военной школы. Учитывая, что данная система реализуется в условиях информационно-коммуникативной культуры современного общества, необходимо выявить и обосновать медийное наполнение профессионального образования, что, в свою очередь, повысит эффективность воспитания гражданственности у курсантов ввуз.

Т.И. Миронова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГОСПИТАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Обучение детей в лечебно-образовательных учреждениях, несмотря на общность, формально организованной структуры учебной деятельности имеет и свою специфику. Говоря об общности учебной деятельности, следует отметить, что современное обучение детей в больничных условиях мало, чем отличается от общеобразовательной школы – оно носит классно-урочный характер со всеми содержательными и организационными особенностями. Вместе с тем, болезненный ребёнок, тем более класс больных детей, требует специальной подготовки учителя и, прежде всего – социально-психологической, для работы с такими детскими объединениями, и, видимо, большей востребованности в будущем реабилитационного обучения, включающего лечебные, физкультурные, психологические и учебные занятия.

Кроме того, обучение детей осуществляется во взаимосвязи с адаптацией к новой социальной среде (медперсоналу, лечебным процедурам, педагогам и сверстникам, изолированности от привычного окружения, комфорта, жёсткий режим и др.). Нередко проходит на фоне стрессов, депрессии, неврозов или конфликтности и фобиях. Медперсонал, ориентированный на излечение, воспринимает этот эмоциональный фон как привычное проходящее явление, по ходу улучшения состояния здоровья. Однако, помимо лечения дети в этот период должны ещё и учиться. Обучение проходит в обычной классно-урочной форме. И, несомненно, весь негативный эмоциональный фон проявляется именно в процессе учебной деятельности. Обычно это проявляется в форме отказов от выполнения учебных заданий, психосоматических защитных реакциях, аутичности, пассивности и др. В связи с этим возникает потребность исследования не только самой феноменологии данных временных лечебно-образовательных групп, но и разработки оптимальных социально-психологических условий, способствующих оптимальному воздействию в системах: «педагог – учащийся»; «учащийся – учащиеся».

Выше перечисленные факты дают основание полагать, что не только условия госпитализации характеризуются депривационностью, но и образовательный процесс в том числе. О возможностях её проявления в образовательном процессе можно судить, когда нарушено межсубъектно-деятельностное взаимодействие, и у субъектов имеет место отчуждение от образовательной деятельности, рассогласованы связи образовательного процесса, стереотипизировано восприятие ученика учителем, когда «учитель прочно стоит на позициях пренебрежения нуждами «плохого» ученика и не желает (или не умеет) видеть

© Т.И. Миронова, 2006

за типизацией «плохой» индивидуальность и чувства ребёнка, это отражается не только на функционировании образовательного процесса, но и выходит за пределы взаимодействия в классе и проявляется в недоброжелательности к семье ребёнка. Тоном и содержанием замечаний учитель комментирует ответы и действия ребёнка. «Лучший способ избежать саркастических реплик, насмешек или порицаний учителя – уход в себя на его уроках. Школьник, избравший такой метод психологической самозащиты, попадает в разряд вялых, невнимательных, ленивых; он вынужденно по отношению к учителю оппозиционную роль и начинает тормозить учебный процесс» (Р. Бернс).

Несдержанность, нетактичность учителя ограничивает возможности удовлетворения учащимися потребностей в самоуважении, самоутверждении, самовыражении (К. Роджерс).

О депривации в образовательном процессе, как отмечает Л.Н. Бережнова, есть смысл говорить только, когда возникают факторы в реальной педагогической практике, которые ограничивают возможности полноценного межсубъектного взаимодействия, раскрытия потенциальных сущностных сил участников взаимодействия. Депривация в образовательном процессе рассматривается как препятствие полноценного развития ребёнка, как ограничение возможностей его самореализации. Длительное ограничение возможностей самореализации ученика приводит к специфическому изменению его личности, побуждающему вырабатывать комплекс установок на окружающий мир и себя в нём, исходя из переживания разобщённости значимых связей и отношений, ощущения незащищённости.

Таким образом, депривация в образовательном процессе довольно широкое понятие. Данное явление педагогической действительности вбирает в себя разные виды депривации: и собственно образовательную депривацию, и педагогическую депривацию, и когнитивную и другие.

Фактически образовательная депривация как явление педагогической действительности может присутствовать там, где нарушается смысло-образующая функция образовательного процесса; это означает, что образовательный процесс приобретает «совсем различный и, в отношении своей педагогической ценности, иногда прямо противоположный смысл». В таком образовательном процессе, «не умея проникнуть во внутренне содержание действий и поступков ребёнка, в мотивы его действий и внутренне отношение к задачам, которые перед ним ставятся, воспитатель по

Таблица 1

Специфика взаимодействия депривированного ученика с учителем в госпитально-образовательных условиях (модификации схемы Л.Н. Бережновой)

Формы отношений личности:								
ученика			учителя			ученика		
П →	В →	Р	П →	В →	Р	П →	В →	Р
Госпитализацию переживает как горе в форме: страха, тоски, апатии	Воспринимает себя беззащитным. воспринимает школу источником угрозы	Уход в себя. отчуждение от взаимодействия с классами. Недоверие к учителю	Переживает отрицательные эмоции, например обиду или гнев	Воспринимает как личный вызов. воспринимает ученика невнимательным, ленивым	Жёсткий контроль. принуждение к взаимодействию	Переживает ощущение собственной неадекватности, предчувствие неудачи	Воспринимает учителя как источник угрозы	Агрессия. пассивность. игнорирование.

Формы отношений личности: П – переживание; В – восприятие; Р – реакция.

Рис. 1. Показатели психологической атмосферы временных лечебно-образовательных групп на различных стадиях госпитализации.

Стадии госпитализации: начальная стадия – ВК и ОС; средняя – В; конечная – З и Н.

Степень статической достоверности данных по Стьюденту: - - - (< 0,05); —— (- 0,01)

существу работает вслепую. Ему неизвестны и ребёнок, на которого он должен воздействовать, и результат его собственного воспитательного воздействия» (С.Л. Рубинштейн). В таком образовательном процессе происходит формальное усвоения знаний, лишённых смысла. Именно о таком, лишённом смысла усвоения знаний Л.И. Божович пишет: «Наличие у школьника таких формальных знаний хуже, чем их полное отсутствие». Очевидным становится, что образовательная депривация имеет место в обеднённой среде, в однообразных формах обучения, в условиях ограниченной информации, не обогащающей имеющийся опыт ребёнка.

Педагогическая депривация – явление, возникающее в условиях, когда педагог (учитель, воспитатель) пренебрегает нуждами обучающегося, игнорирует его личность, не позволяет проявляться его индивидуальности.

Между педагогической депривацией, учением и поведением школьников существует закономерная взаимосвязь. В первую очередь, педагогическая депривация отталкивает (отчуждает) ученика от учителя. Возрастание дистанции в общении снижает вероятность того, что учитель будет замечать школьника как индивидуальность. Таким образом, здесь действует ещё один механизм замыкания «порочного круга». Ученики, которые больше всего нуждаются во внимании учителя, находятся в самом невыгодном положении, затрудняющем их взаимопонимание (Л.Н. Бережнова, Л.М. Митина).

Наиболее чётко это отражено в схематизированной нами таблице 1.

В ней отражены эмоционально-перцептивные и деятельностные формы взаимодействия депривированного ученика с учителем.

Результаты наших исследований позволили выявить не только специфичность госпитально-образовательной депривации (понимаемой нами как явление, возникающего в процессе госпитально-монотипного обучения, осуществляемого на фоне ограничения учащихся в удовлетворении ведущих потребностей), но и некоторые условия, формы и причины её возникновения. Исходя из выявленных нами эмпирических данных, явления депривации наиболее часто нашли отражение в психологической атмосфере ВЛОГ, ролевых позициях и мотивационно-деятельностных проявлениях.

Анализируя результаты (рис. 1), нетрудно заметить ярко выраженные депривации в начальном периоде госпитализации. Большинство по-

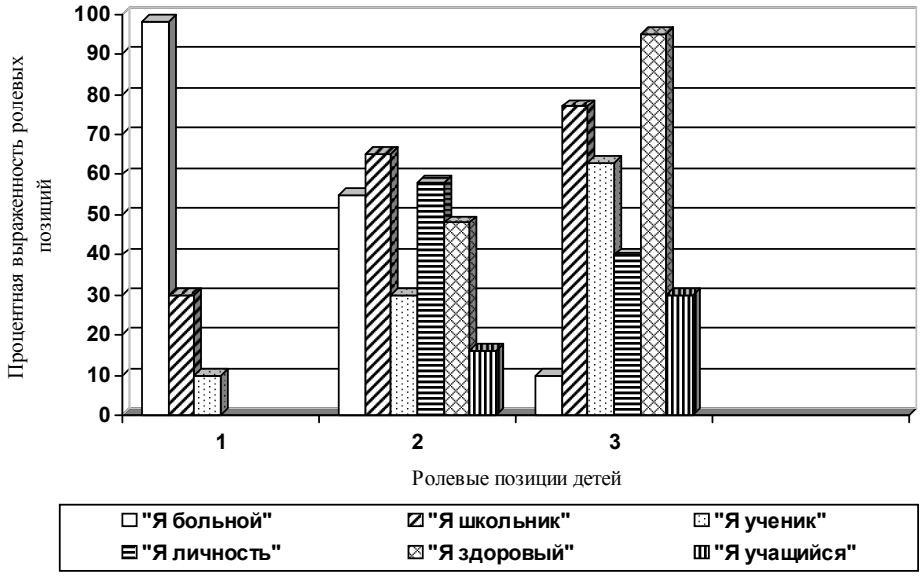

Рис. 2. Ролевые позиции детей на различных стадиях госпитализации.
1 – начальная стадия госпитализации; 2 – средняя стадия госпитализации;
3 – конечная стадия госпитализации

казателей психологической атмосферы находилось в крайней зоне отрицательного континуума. Прежде всего, это касается в доминировании таких негативных особенностей в межличностных отношениях как, например: враждебность, недоброжелательность, отчуждённость, неудовлетворённость и несогласие. В подобном состоянии оказались и показатели эмоциональной сферы. В исследуемой ВЛОГ в начальном периоде госпитализации доминировали равнодушие, холодность, скука. В соответствии с этим наименьшими были показатели успешность и активность. Следовательно, все критерии психологической атмосферы указывают на внешние проявления госпитально-образовательной депривации, обусловленной регламентированно-монотонными условиями госпитализации, а также личностными особенностями (переживание острого эмоционального стресса, вследствие психотравматического «вырывания» из привычной среды и целым рядом социально-психологических факторов.

Образовательная депривация в условиях госпитализации объясняется и другими причинами. Одной из них может быть конфликтность ролевых позиций. На внутриличностном уровне это проявляется на соотношении позиции «Я – больной», «Я – школьник», «Я – ученик», «Я – личность». В первоначальном периоде, – как это отражено на рисунке 2, – доминирует позиция «Я – больной». Затем, по мере выздоровления, эта позиция нередко выступает как защитно-имитационная позиция. Конфликтность этой квазипозиции переносится в сферу взаимоотношений «ребёнок – медперсонал», «ребёнок – педколлектив». Причём в этой ситуации позиция «Я – больной» (имеется ввиду «Я – квазибольной», на средней и конечной стадиях госпитализации) редко возрастает позиция «Я – личность», сопряжённая правами больного человека на облегчённую деятельность, щадящий режим, сострадание и соучастие.

Несомненно, указанные моменты в значительной мере отражаются на характере учебной деятельности и взаимоотношениях в системах: «учитель-ученик», «медперсонал-дети». Причём специфика этих взаимодействий носит порой противоположный характер. Для медперсонала дети – это соматические больные, нуждающиеся в медицинской помощи и соблюдении пассивно-лечебного режима. Педколлектив же ориентирован на «здоровые», нормативно-образовательные ценности и соответствующие требования. Истинное же состояние детей в период госпитализации не всегда совпадает с ориентациями медперсонала и педколлектива. В зависимости от стадии выздоровления и уровня развития группы как коллектива, происходит смена установок, эмоционального самочувствия, познавательно-деятельностных интересов и активности других и др.

Таблица 2

Специфика учебной мотивации в лечебно-образовательных детских группах на различных стадиях развития

№	Виды учебной мотивации	Выраженность учебных мотивов на стадиях:				
		ВК	ОС	В	З	Н
1	Познавательная	10,0	25,0	80,0	75,0	70,0
2	Коммуникативная	–	30,0	90,0	80,0	70,0
3	Эмоциональные	5,0	25,0	45,0	60,0	75,0
4	Саморазвития	–	5,0	25,0	8,0	5,0
5	Позиция школьника	35,0	60,0	80,0	90,0	80,0
6	Достижения	–	–	20,0	10,0	5,0
7	Внешние (поощрение, наказание)	10,0	50,0	75,0	80,0	90,0

В целом же динамика ролевых позиций в процессе госпитализации, представленная на рисунке 2, вполне закономерна. Так, позиция «я – больной» имеет угасающую тенденцию, а позиция «я школьник», «я здоровый», «я – ученик», «я – учащийся», напротив носят возрастающий характер. Снижение же позиции «я – личность», на последней стадии госпитализации, видимо, обусловлено осознанием недостаточности своей самореализации, относительно уже не членов ВЛОГ, а сверстников из своего школьного класса. Обобщая эти данные, следует предполагать, что смена ролевых позиций, влечёт за собой и смену видов депривации. Вероятно, полисиндромная госпитальная депривация сменяется госпитально-образовательной и, наконец, в последней стадии – эмоциональной, когнитивной, мотивационно-личностной и межличностной депривацией.

Указанное предположение нашло подтверждение при изучении учебной мотивации у детей на различных стадиях госпитализации (табл. 2).

Из обобщённых результатов таблицы 2 довольно чётко прослеживаются тенденции заметного повышения всех исследуемых видов мотивов. Исключение составила мотивы саморазвития и достижения. Их резкое снижение (15–20% случаев), при невысоком фоновом уровне (20–25% случаев), свидетельствует о доминировании неконструктивной направленности и личностной самореализации. Результаты мотивационной динамики нашли подтверждение и при изучении самооценки мотивационных состояний (табл. 3). Полученные данные, позволили косвенно судить о смешении депривации у детей в процессе госпитализированного обучения.

Так, временные затраты (в мин.) на включение в учебный процесс были наибольшими на первых стадиях госпитализации, достигая 7–5 минут, с последующим 100%-ным снижением на последующих стадиях. На этой стадии максимальными были показатели – отсутствие желания и интереса к изучаемой школьной тематике. Данная мотивация доминировала в ВЛОГ на протяжении (20–25 мин.), т.е. на протяжении 50% урочного времени дети занимались на фоне защитных видов мотивов. Временные показатели невнимательности в процессе занятий были аналогичны предыдущему признаку, т.е., примерно, до 30%

Таблица 3

Мотивационные показатели детей на различных стадиях развития лечебно-образовательных групп

№	Исследуемые мотивационные проявления	Усреднённые показатели учебной мотивации на стадиях группового развития (мин.)				
		ВК	ОС	В	З	Н
1	Временные затраты на включение в занятие	7,0	5,0	2,0	2,5	3,0
2	Продолжительность учебной невнимательности	15,0	10,0	5,0	7,0	8,0
3	Продолжительность занятий на фоне интереса и увлечённости	12,0	17,0	23,0	20,0	14,0
4	Время занятий на фоне отсутствия желания и интереса	25,0	20,0	8,0	11,0	16,0
5	Время занятий на фоне ощущения боли	25,0	16,0	3,5	–	–

учебного времени учащиеся ВЛОГ проводили без должного производственного внимания. Этому критерию соответствовала продолжительность занятий на фоне интереса и увлечённости, достигая в процессе занятий 12–17 мин. Сопоставление указанных мотивов с соматическими болевыми переживаниями не обнаружило должной закономерной взаимосвязи. Например, полное исчезновение болевых ощущений во время занятий не отразилось на продолжительности занятий на фоне интереса и увлечённости. На конечной стадии госпитализации временные показатели данного признака не возрастали, а снижались. Эти факты ещё раз убеждают о ведущей значимости психологического влияния госпитально-педагогической депривации.

Из этого следует, как утверждает Л.Н. Бережнова, что если депривация присутствует в жизнедеятельности субъекта, то переживание депривирующего процесса переносится и на акты ценностного предпочтения в образовании. Все виды депривации в жизнедеятельности человека существенным образом влияют на его образование. В этой связи проблемы человека в образовании необходимо рассматривать не в отрыве от его жизнедеятельности.

Несмотря на убеждённость выше приведённых данных о проявлении депривационных явлений в ВЛОГ, всё же оставались некоторые самомнения, связанные с косвенностью выявленных фактов. В этой связи нами было проведено дополнительное изучение данного феномена с помощью тематического сочинения «Я больной и окружающие люди», шкалированной самооценки «Кто больше всех помог мне в больнице» и дневниковые записи детей, заполняемых ими в течение всего периода госпитализации. В ходе контент-анализа тематических сочинений и количественной обработки социметрической самооценки значимого окружения в период болезни нами было выявлено пять типов депривационных условий и форм их переживания. Их основой служит базовые критерии депривации, выделенные Л.Н. Бережновой. Это нестабильность связей в системе «педагог-ученик», социальная незащищённость, включая процесс обучения, игнорирование, «бойкот» (скрытое отвержение того или иного ученика в классном коллективе) и нестабильность автономности, заключающаяся в ограничении возможностей учащихся в самоутверждении, исполнение автономной лидерской роли в коллективе. Что же касается поведенческих форм депривированных детей, то они в определённой степени соответствуют поведению учащихся младшего школьного и подросткового возраста. Что же касается частотности их проявления в процессе госпитализации, то следует отметить её выраженную зависимость от стадии госпитализации.

Из полученных нами данных следует, что первая стадия госпитализации характеризуется всем симптомокомплексом госпитально-образовательной депривации. Причём все типы депривационных условий встречались на 100%-ном уровне. Наименьший уровень депривации наблюдался на средней стадии. Отмеченные депривационные условия относились к сфере межличностных отношений и не превышали 12%-ного уровня. В заключительной стадии госпитализации отмечалось заметное возрастание депривации. Она расширялась как по масштабу, так и частотности. Например, сомнение в своих возможностях и самоотчуждение встречались на уровне 75% случаев, а несоответствие нормативным требованиям класса, закрытость в общении проявлялись на уровне 25% случаев и, наконец, неуверенность в себе, недоверие к учителю встречались в 43% случаев. Таким образом, можно заключить, что явление госпитально-образовательной депривации во многом определяется стадиями госпитализации, личностными и межличностными особенностями.

Н.П. Фетискин, Е.Н. Резников, Т.И. Миронова, С.В. Шепелева

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА (на примере жителей Костромской области)

Используя термин «условия», сформировавшие этнопсихологические особенности русского народа, мы имеем в виду «факторы», «природу» или «детерминанты», формирующие этнопсихологический облик народа. Развивая системный подход Б.Ф. Ломова, Д.Н. Завалишина и В.Н. Барабанщиков указывают, что он базируется на динамичности, нелинейности и опосредованности детерминационных процессов (Завалишина, Барабанщиков, 1990). Применительно к этносу *динамичность* проявляется в его «открытости» к различным воздействиям (экономическим, политическим, социальным, идеологическим и пр.) и готовности к «самоорганизации» как системы. *Нелинейность* проявляется в том, что системный подход выражается как в отказе от объяснения влияния только одной-единственной детерминанты в изменении этнопсихологических характеристик народа, так и в поиске поликаузальности появления этнопсихологических явлений. Промежуточное накопление результатов постепенно может превращаться в некую каузальную причинную необходимость. Вместе с тем в прикладных исследованиях по конкретному этносу при анализе условий, в которых формировалась изучаемая общность, в отдельных случаях просматриваются достаточно жесткая линейная детерминация и влияние конкретных факторов на появление определенных этнопсихологических характеристик. «Нелинейность детерминации» – это отказ от понимания связи «причина – следствие» как непосредственной, близкой по времени проявления. Б.Ф. Ломов говорит о кумулятивной причине, предполагающей усиление «промежуточно накопленных факторов», увеличение некоторой критической массы изменений, чтобы каузальное отношение «сработало» (Завалишина, Барабанщиков, 1990).

Объяснить природу этнопсихологических явлений с позиций линейного детерминизма порой часто не представляется возможным. Поэтому, к объяснению появления тех или иных особенностей в психологическом облике этноса целесообразно подойти с позиций системной детерминации. «В различных обстоятельствах и на разных этапах психического развития соотношение и функции этих детерминант изменяются» (Ломов, 1990).

Опосредованность системной детерминации в этнической психологии может проявляться в том, что в процессе воздействия основная детерминанта, например, может привести к возникновению других причин, которые в свою очередь приводят к реальным изменениям в этническом образе жизни народов, к появлению новых этнопсихологических характеристик.

На формирование этнопсихологических особенностей влияли природно-географические условия, распространенные в стране виды производственной деятельности, религия, история, идеология и другие факторы. Все детерминанты, как правило, действуют в едином неразрывном комплексе (иногда последовательно, а иногда одновременно), в связи, с чем порой трудно дифференцировать взаимосвязи между каждым воздействующим фактором и его результатом в этнопсихологическом облике народа. Вместе с тем, несмотря на указанные трудности, многие этнические психологи прослеживают эти взаимосвязи (особенно при исследовании конкретных этносов) (Луганский, 1968; Лебедева, 1993; Платонов, Почебут, 1993; Павленко, Таглин, 1993; Гумилев, 1994; Фетисов, 1995; Страноведение арабских стран, 2001; Резников, Багреева, 2002; Российская цивилизация, 2003).

Природно-географические условия. В этнической психологии роль географических факторов в формировании этнопсихологических характеристик достаточно выпукло нашла отражение в работах немецких исследователей В. Хелльпага и П. Хофштеттера (Hellpach, 1954; Hoffstetter, 1957). В своих работах они утверждают, что природно-географические условия являются решающими детерминантами, так как они стабильно действуют в течение многих веков и даже тысячелетий. Обусловленные ими этнопсихологические характеристики восстанавливаются у представителей этноса после их возвращению на историческую родину, даже после весьма длительного отсутствия в родных местах. Критические выска-

© Н.П. Фетискин, Е.Н. Резников, Т.И. Миронова, С.В. Шепелева, 2006

зывания в адрес данного подхода относятся к приписыванию излишне преувеличенной роли природно-географических факторов в процессе формирования этнопсихологических характеристик.

К проблеме влияния природной среды на образование определенных психологических особенностей русских обращался русский ученый В.О. Ключевский (Ключевский, 1992). Л.Н. Гумилев также подчеркивал неразрывную связь развития этносов с природой, в которой они сформировались и проживают. При объяснении появления психологических особенностей и этнического стереотипа поведения среди представителей народа он выделял три группы факторов: географическую среду (привычный ландшафт и система хозяйства), культурную традицию (совокупность форм человеческой искусственной деятельности) и этнически сложившееся окружение (Гумилев, 1994).

На первых этапах развития народов, когда уровень развития производительных сил был невысок, существовала высокая зависимость жизнедеятельности этноса от природно-климатических условий. Земледелие, животноводство, охота, сбор ягод и трав обусловливались условиями, в которых проживал этнос. В зависимости от того, какие культуры возделывались земледельцами, и какие ремесла были развиты в местности, соответственно производились и пищевые продукты, одежда и предметы домашнего обихода. Это, в свою очередь, способствовало формированию определенных потребностей в еде, привычек в быту, навыков и умений в различных видах трудовой деятельности, распространенных в местах расселения народов.

Влияние природно-климатических условий проявляется в основополагающих характеристиках жизнедеятельности людей (в давлении крови, заболеваниях и пр.). Например, суровые климатические условия севера сказались в поведении и образе жизни местных жителей: движения их неторопливы, уравновешены и сдержаны; темп жизни несколько замедлен. Можно сказать, что под воздействием таких условий у подавляющей части этноса сформировался национальный флегматичный темперамент.

К условиям, в которых происходило становление русского национального характера, можно отнести природно-географическую среду. В средней, северо-западной и северо-восточной европейской части России, где в древности проживали русские, климатические условия характеризовались коротким теплым летом и достаточно продолжительной зимой. Эти условия вынуждали напряженно трудиться в летние месяцы (по сути, пять месяцев) и вести размеренный и порой расслабленный трудовой образ жизни в зимнее время (семь месяцев). Влияние умеренного климата, лесов и полей обусловило появление в национальном темпераменте таких особенностей как уравновешенность, терпеливость, сдержанность, интравертированность, чувствительность, умеренность в выражении эмоций и чувств. Наличие широких просторов и многочисленных лесов способствовало не очень уважительному отношению к природным ресурсам. В то же время проживание русских на равнинах, как и у других народов, проживающих в подобных условиях, формировало миролюбивость и уживчивость.

Влияние природно-географических условий на экономику страны интересно показал А.П. Паршев в книге «Почему Россия не Америка» (Паршев, 2001). Сравнивая природно-климатические условия в этих странах, автор указывает, что южная точка в нашей стране находится на широте северной границы США. Природно-климатические условия в России менее благоприятны, чем в Америке и для сельского хозяйства, и для строительства жилья, и для капитального строительства промышленных предприятий и др. В связи с продолжительным холодным периодом в нашей стране затраты на отопление квартир и промышленных объектов, не говоря уже о капитальных затратах при их строительстве, достаточно высоки (Паршев, 2001). Все это, естественно, отражается на образе жизни русских и, естественно, формирует их психологические особенности.

Вместе с тем, в настоящее время зависимость жизнедеятельности людей от влияния природно-географических условий заметно снизилось.

Виды производственной деятельности. Б.Ф. Ломов в работе «Методологические и теоретические проблемы психологии» подчеркивает мысль, что «решающая роль в процессе антропо- и социогенеза принадлежит труду» (Ломов, 1999).

Д. Берри в своей публикации «Культурная экология социального поведения» указывает, что охотничьи, земледельческие и собирательные культуры формировали разные качества у этносов, которые были заняты в соответствующих видах деятельности. В процессе социализации детей в охотнических культурах формируется уве-

ренность в себе, навыки принятия самостоятельных решений, автономность, а в земледельческих культурах – качества, связанные с подчинением и конформностью. В обобщенном виде можно утверждать, что виды производственной деятельности и природно-географические условия формируют поленезависимость (способность представителя этноса выделять стимулы из окружающего мира) и полизависимость (затрудненность выделения стимулов из окружающего мира). По мнению Д. Берри, в охотничьих и собирательных культурах этнофоры чаще полинезависимы, а в земледельческих культурах – полизависимы (Berry, 1979).

Из результатов исследований по психологии труда, управления, акмеологии и психологии управления известно, что профессиональная деятельность обусловливает специфические качества у лиц, участвующих в ней (Кабаченко, 1996; Маркова, 1996; Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства, 1999; Социальная психология экономического поведения; Карпов, 1999). Вполне естественно, что в процессе этнической социализации родители формировали у своих детей психологические особенности, которые они считали ценными, и которые были развиты у них в процессе их трудовой деятельности.

Основным видом производственной деятельности, в котором было занято население в древней Руси, включая и Костромскую область, являлось сельское хозяйство. Такой труд формировал физическую выносливость, умение концентрировать свои усилия на определенный период и интенсивно работать в этот промежуток времени[1]. В зимнее время мужчины занимались резьбой по дереву, а женщины пряли. Кроме этого, было развито собирательство ягод, грибов и др., которое формировало среди русских определенную наблюдательность.

Занятия сельским хозяйством обусловило у крестьян высокую значимость следующих «земля», «скот» и «хозяйство». Строительным материалом в большинстве случаев было дерево (как следствие частые пожары уничтожали жилища и хозяйственные постройки).

Чтобы обеспечить семью молочными продуктами в течение длительной зимы, корову и теленка старались держать в тепле, а в сильные морозы домашнюю живность даже переводили в избы. Так как дома отапливались «по-черному», то все это в совокупности обусловливало в доме определенный беспорядок.

Развитие кустарных ремесел и промыслов, а также промышленности в конце XIX и в начале XX вв. не особенно сказались на формировании национального характера русских.

Появление современных видов производственной деятельности в СССР и России (промышленности, науки, образования, информационных технологий и др.) в XX и в начале XXI века формировало среди жителей Костромской области новые профессиональные качества, которые отсутствовали у предыдущих поколений русских.

Религия. Своеобразие психологических особенностей этноса может обусловливаться и религией. «В ходе распространения мировых религий происходил своеобразный процесс накладывания сложившейся религиозно-идеологической системы на местные нравы, обычаи, традиции, верования» (Мануйлова, 1975). Убедительным примером воздействия религии на отношение к работе является трудовая этика протестантизма, ставившая во главу угла воспитание добросовестного отношения к труду (как искупления греховности человека) (Вебер, 1990; Bendix, 1962; Furnham, 1982, 1990). Влияние протестантизма, как религиозного направления христианства, наглядно видно на примере формирования отношения американцев, англичан и немцев к труду.

Большое влияние на национально-психологические особенности русского народа оказало *православие*. Введение христианства на Руси приобщило народ к культурным ценностям западной цивилизации. В отличие от католицизма и протестантизма, православие формировало установки не на мирские дела, а на формирование духовности и подготовку своей паствы к вечной загробной жизни. Чтобы жизнь на земле была праведной, православие также формировало у верующих духовные ценности, терпимость к земным тяготам, открытость в общении с людьми, скромность в поведении, всепрощение и самоценность отношений с людьми.

Идеология. На формирование этнопсихологических особенностей определенное влияние оказывает идеология. В обществе идет постоянная борьба за власть между различными социальными слоями и классами. Стоящие у власти политические элиты стремятся распространить свои идеологию, ценности и психологические особенности до общенациональных масштабов. Поэтому в определенные периоды истории в этническом облике могут проявляться ценности и психологи-

ческие особенности тех слоев и класса, которые управляют государством. Существующая борьба между двумя полюсами за формирование психологических особенностей может оказаться длительной и напряженной. В результате того, какие цели (политические, экономические, социальные и пр.) ставят руководители страны и правящая элита, соответствующие психологические особенности они и формируют среди этнофоров.

Влияние *идеологии* на психологию русского народа особенно четко просматривается в XX в. До 1917 г. ценностные ориентации русских формировались на основе общинных ценностей, в силу чего революционная идеология нашла благодатную почву в русском менталитете. В течение 70 лет сознательно формировались социалистические и коллективистские ценности, а после 1991 г. стали формироваться рыночные и индивидуалистические ценности. Это обусловило у определенной части населения повышенную психическую напряженность, нервные срывы и чувство неприятия проводимых реформ. Отношение к труду в советское время усреднялось и обесценивалось массовым использованием моральных и психологических стимулов. Советская идеология формировала у русских и представителей других этнических общностей высокую престижность высшего образования (среднее образование было почти обязательным). Идеология рынка потребовала более жесткой ответственности и творческого отношения к работе, повысилась престижность таких профессий, как финансист, менеджер, юрист и пр. В сфере религии атеизм был заменен традиционным православием.

Идея «единая общность советских людей» в СССР не позволяла развиваться самосознанию русского народа. Идеология и политика, проводимые в течение 70 лет административно-бюрократическим аппаратом из Москвы, отождествлялись с русскими людьми, среди многих национальных групп России и бывших республик порождала к ним часто негативное отношение. Вместе с тем, советская идеология формировала у русских и других этносов межнациональную терпимость.

После 1991 г. в России официальной «идеологией» стали рыночные отношения, и у представителей русских, татар и других народов, проживающих в России, стали формироваться соответствующие духу товарно-денежных отношений ценности, деловые и личные качества (Резников, 1997; Резников, 2003).

История этноса объясняет, какие конкретные события и каким образом повлияли на формирование определенных психологических характеристик его представителей. Значимые события в истории народа играют большую роль в формировании этнопсихологических характеристик (в общественных науках часто используется понятие «историческая память» как феномен, в котором сконцентрировались наиболее значимые события прошлого). К ним относятся длительные войны, которые вел народ, освоение новых земель, борьба со стихийными бедствиями и пр. Наиболее сильные изменения в этнопсихологическом облике происходят в период революционных преобразований в этносе.

В психологических особенностях этноса отражаются его исторические судьбы. «Одним способом формировалась психология веками порабощенных народов, другим – представителей угнетающих наций. Вековой национальный гнет может формировать у порабощенной нации такие отрицательные свойства, как приспособленчество, пассивность, двуличие, неверие в свои силы и т.п.» (Малинаускас, 1976). Например, в африканской стране Руанде представители народности тутси, составляющие 10% населения страны, многие века держала власть в своих руках. В то же время, представители народности хуту, составляющие представляющее 90% населения страны, были бедными земледельцами (Страны мира и народы, 1997). В 1962 г., когда Руанда получила независимость, представители племени хуту пришли к власти и начали жестоко преследовать представителей тутси. После гибели правительства в 1994 г. в стране началось восстание, и произошла массовая резня, в результате которой безвинно погибли более полумиллиона жителей страны (как представителей племени тутси, так и хуту).

Значимые исторические события в России также сказались на национально-психологических особенностях русского народа. В нашей стране значимыми событиями является татаро-монгольское нашествие на Русь, которое, с одной стороны, обогатило русский язык, привнесло в быт некоторые традиции и обычаи, способствовало развитию торговых навыков, а, с другой стороны, формировало у населения приниженность и покорность, подрывало его экономическое благосостояние. Победа на Куликовом поле, освобождение от татаро-монгольского угнетения, деятельность московского князя Ивана Колиты по

собиранию русских земель, централизации княжеств и укрепление государственной власти – все это способствовало зарождению национального самосознания и национального чувства у русского народа.

Реформы Петра I приобщили дворянство России к западной культуре. Были заимствованы новые виды производственной деятельности, была реформирована армия, заложены основы государственного строительства, образования и науки. Но большое количество приглашенных из европейских стран специалистов породило повышенный пиетет по отношению к ним, иногда переходящий в комплекс неполноценности русских. Указы Петра I о закрепощении крестьян за помещиками усилили их бесправность и почти на 150 лет задержали отмену крепостного права.

Война 1812 г. объединила русский народ, пробудила в нем национальную гордость, национальное чувство и национальное самосознание. Офицеры, побывавшие в Европе и увидевшие происходившие там политические, экономические, социальные и культурные перемены, выступили в 1825 г. за реформы, но их восстание было подавлено. В нашей истории это были первые массовые репрессии против наиболее образованных и демократически настроенных лиц.

Отмена крепостного права в 1862 г. позволила основной массе населения России постепенно освобождаться от «рабской психологии» и «психологии холопства» и в дальнейшем приобретать чувство собственного достоинства.

Активное развитие капитализма в России в конце XIX и начале XX вв. способствовало у определенной части русского народа проявлению активности в различных сферах трудовой деятельности, формировало экономическое мышление и обусловило появление первых демократических институтов в жизни нашего общества.

В годы советской власти происходило становление экономического, научного и культурного потенциала в стране, появилась техническая и гуманитарная интеллигенция, резко поднялся интеллектуальный уровень развития всего населения, в том числе и русского народа. С другой стороны, массовые репрессии, осуществляемые, в основном, против интеллектуальной элиты общества приостановили поступательное развитие народа (примерно также, как и после подавления восстания декабристов в 1825 году). В сельской местности процесс раскулачивания крестьян, которые благодаря своей активности, инициативности, трудолюбию и честолюбию, с опорой на себя и членов своей семьи, смогли экономически укрепить свое хозяйство, на многие годы отбил охоту ответственно трудиться. В основном недальновидная экономическая политика и жесткая регламентация во многих сферах жизнедеятельности в советское время также приостановила поступательное развитие русского этноса.

Великая Отечественная война сплотила русский народ с другими народами СССР, обусловила проявление массового героизма и самоотверженности.

В конце 1980-х гг. «русская идея» (Почему в Российской Федерации отсутствует ЦК коммунистической партии РФ, защищающий интересы русского народа? Почему во всех 14 республиках СССР существует Академия наук, а в Российской Федерации ее нет? и пр.), стала активно использоваться в расшатывании государственного строя в СССР. Это, естественно, стимулировало развитие национального самосознания русских и затрагивало их национальное чувство.

К изменениям, которые наиболее сильно повлияли на русский этнос после 1991 года можно отнести: введение рыночных отношений, которые перестроили производственные отношения в трудовой деятельности; резкое повышение роли материальных ценностей; неправедная приватизация, в ходе которой появились миллиардеры и миллионеры, а часть населения стала жить за чертой бедности и др.

После 1991 г. менталитет русского и других народов, входящих в состав России, стал предметом постоянного научного обсуждения (проводятся «круглые столы» и конференции, в журналах и книгах печатаются многочисленные статьи и т.д.).

Культура. На формирование этнопсихологических особенностей народа оказывает влияние национальная культура. Под культурой мы понимаем одну из ее форм – искусство, связанное «со способностью субъекта к эстетическому освоению жизненного мира, его воспроизведению в образно-символическом ключе при опоре на ресурсы творческого воображения» (Искусство, 1997). Особенно это относится к воздействию на этнофоров, проживающих в странах с многочисленными историческими памятниками, произведениями искусства, духовной культурой и пр. Например, наглядно просматривается влияние культуры в таких европейских странах, как Ита-

лия, Франция, Великобритания, а в азиатских странах – в Индии, Китае и др. В. Лоннер и Д. Адамопулос в своей работе показывают, что этническая культура является предтечей поведения личности (Lonner, Adamopoulos, 1997). Культура влияет на задаваемые этносу генетическим кодом формы психических проявлений и на формирование характерных (приемлемых) для этнической общности форм поведения. И.С. Кон, ссылаясь на работы М. Мид, пишет, что «различия между индивидуумами, членами разных культур, как и различия между индивидуумами внутри одной и той же культуры, почти полностью сводятся к различиям в условиях их жизни, особенно в раннем детстве, причем форма, в которой реализуются эти условия, детерминирована культурой» (Кон, 1988).

В России древняя русская культура выражается в архитектуре строений (в церквях, соборах и монастырях, торговых строениях, жилых домах и пр.), в материальной и духовной культуре. В этом плане Костромская область является достаточно типичной русской областью, которая известна именами И. Сусанина, А.Н. Островского, Б.М. Кустодиева и многими другими известными на всю Россию людьми. Интересно высказывание Павла Флоренского, русского философа, который сказал, что «нет во всей России, а может быть на Земном шаре, никого более коренного по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи» (Вечная Кострома, 1999). Знаменит г. Кострома и Костромская область церквами, монастырями, древними русскими постройками и особенно Ипатьевским монастырем, где происходило избрание Михаила Федоровича Романова на царство. Проживание жителей на территории Костромской области укрепляло среди них религиозную веру, верность русским традициям, формировало определенное спокойствие и несуетность.

Большое влияние оказывают *миграции* на формирование новых и изменение уже имеющихся у народов этнопсихологических характеристик. Под этнической миграцией понимаются случаи, когда представители того или иного этноса добровольно или вынужденно покидают территорию, на которой этнос формировался (или длительно проживал) и переселяются в иное географическое или культурное пространство (Лебедева, 1993).

В прошлом массовые миграционные потоки обходили Костромскую область. Вместе с тем, на территории области проживают представители многих национальностей, которые входили в состав Советского Союза (украинцы, белорусы, евреи и др.). После 1991 года стали приезжать небольшое количество представителей разных национальностей (в основном жители Северного Кавказа). Однако крупных диаспор они не представляют, и по-нашему представлению, по существу, не влияют на сложившие психологические особенности русских, проживающих в Костромской области.

Социально-экономические условия, формирующие этнопсихологические особенности, тесно связаны с видами производственной деятельности, культурой, природно-географическими условиями и цивилизацией. Остановимся на последнем понятии более подробно.

В науке выделяют два цивилизационных пути: традиционный и техногенный. Для первого характерны замедленные темпы социальных изменений. Инновации в сфере производства и в сфере регуляции социальных отношений допускаются только в рамках апробированных традиций. Прогресс, по сравнению со сроками жизни этнофоров и даже поколений, идет очень медленно. Виды профессиональной деятельности, средства и цели иногда столетиями не меняются в этом типе цивилизаций. В техногенной цивилизации главным условием, определяющим процессы социальной жизни народов, является развитие техники и технологии, которые проходят все более спрессованные циклы обновления. Таким образом, возникает новый тип развития общества, основанный на ускоряющемся изменении предметной среды, окружающей этнофоров. Активное обновление второй природы, в которой протекают жизненные процессы человека, в свою очередь, приводят к ускоряющимся трансформациям социальных связей. Техногенная цивилизация, возникнув в Европе, стала распространяться и среди этносов всего мира. Часть стран были полностью поглощены ею, а другие, модернизируясь, «постепенно превращались в техногенные общества, сохраняя определенные черты самобытности. Таков был путь Японии после реформ Мэйдзи, России, Китая, Аргентины и Бразилии в XX в. и т.д.» (Степин, Кузнецова, 1994). Авторы данного подхода разводят понятия «цивилизация» и «культура» следующим образом. «Никакой цивилизации (и типа социального развития, и как особого вида общества) не бывает вне культуры, как не бывает тела живого организма без свойственной этому организму генетической инфор-

мации. Поэтому противопоставление цивилизации и культуры может иметь смысл лишь в очень ограниченных контекстах, когда, например, обращают внимание на процессы духовного кризиса и увлечение материально-технической стороной социальной жизни. Однако сами эти кризисы часто предстают не просто как разрушение культуры, а как начало ее преобразования, поиск новой системы культурных ценностей и новых путей цивилизационного развития» (Степин, Кузнецова, 1994). Исходя из контекста, авторы понимают «культуру» в широком смысле слова. Вместе с тем, как нам видится, под понятием «культура» имеется в виду и «этническая культура», вбирающая в себя этнопсихологические особенности народа.

В настоящее время в России наглядно видно влияние социально-эконо-мических условий на изменение коллективизме русских (молодежь являются индивидуалистами, их родители больше коллективистами, чем индивидуалистами, а бабушки и дедушки – коллективистами (Резников, Бутринова, 2002). Изменение в коллективизме, отношении к труду, выборе будущей профессии и др. психологических характеристиках отмечаются и в наших исследованиях среди русских, проживающих в Костромской области.

Примечание

[1] По-видимому, впоследствии, в советское время, это способствовало проявлению указанных особенностей в форме «штурмовщины», «авральности» и «выполнения и перевыполнения плана любой ценой».

М.В. Шакурова

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Современную гуманитаристику, включая педагогические исследования, сегодня нельзя представить без широкого использования понятия «идентичность личности». В связи с усложнением современных представлений о данном феномен актуальной задачей выступает уточнение содержания относительно новых конструктов, наиболее востребованным из которых является понятие «социокультурная идентичность». Для характеристики сущности последнего необходимо обратиться к анализу содержания базовых понятий.

Классическое определение социальной идентичности принадлежит Генри Тэджфелу (Tajfel): часть индивидуальной «Я-концепции», происходящая от знаний индивида о собственном групповом членстве в сочетании с ценностными и эмоциональными проявлениями этого членства [1, с. 139]. Обобщая различные точки зрения, представляется возможным выделить следующие инвариантные характеристики социальной идентичности: знания индивида о том, что он принадлежит к определенной группе, и отнесение себя к этой группе («belonging identity» («идентичность принадлежности») А. Карле (Curle) [5]); эмоциональную значимость для индивида собственного группового членства; осознание человеком своих социальных потребностей и расширения средств и способов их реализации.

В качестве продукта социальной идентичности Г. Бриквелл (Breakwell) предлагает рассматривать личностную идентичность: «перцепция социального давления и адаптация к нему – это активный и селективный процесс, и личностная идентичность является его остаточным, резидуальным образованием» [2, с. 161]. Личностная идентичность определяется как внутренняя динамическая структура, интегрирующая представления человека о самом себе с ожиданиями значимых других, интериоризованными в самосознании этого субъекта в единое целое без потери их своеобразия (Дж. Локк (Locke), Д. Юм (Hume); В.В. Зеньковский, Л.П. Красавин, С.Л. Франк; Э. Эриксон (Erikson), В. Хесле (Husle), Д. Парфит (Parfit); Е.П. Трубина, О.В. Беляева, и др.).

Отечественные исследователи предпочитают рассматривать целостную цепочку: «социальная идентичность – личностная идентичность – самоидентичность» (Н. Паттурина [3]). При этом В.Н. Павленко отмечает: «Социальная идентичность теснейшим образом взаимосвязана с ингрупповым подобием и межгрупповой дифференциацией, личностная идентичность – с отличием от всех других людей и, что в данном контексте

© М.В. Шакурова, 2006

наиболее важно, в том числе – от членов своей группы» [2, с. 157–158]. Автор опирается на позицию У. Дженкинса (Jenkins): в случае личностной идентичности подчеркиваются отличительные характеристики индивидов, а в случае коллективной – подобные. Однако это разница, по мнению автора, относительна. Процессы, в которых формируются или трансформируются оба вида идентичности, аналогичны. По происхождению и личностная идентичность, и социальная идентичность социальны. Самость конструируется социально, в процессе первичной и последующей социализаций и в постоянных процессах интеракций, в которых индивиды определяют и переопределяют себя и других на протяжении всей своей жизни [2, с. 166].

В структуре социальной идентичности традиционно выделяют различные подвиды, в том числе – культурную идентичность как результат идентификации человеком или группой себя со специфическими культурными образованиями.

Наиболее распространенным подходом к осмыслению сущности данного вида идентичности является его определение через принадлежность: культурная идентичность есть принадлежность человека к той или иной культуре (Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин и др.). Суть данного вида идентичности заключается в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентации и языка, понимании своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

С точки зрения Я. Ассманна (Assmann), культурная идентичность представляет собой набор признаков, которые каждый из представителей культуры готов по той или иной причине разделить с другими представителями «своей» культуры и готов признать также и «своими» качествами [4, с. 132]. Становление и проявление культурной идентичности предполагает постоянное соотнесение саморазвития с существующими культурными традициями и реальной мультикультурной средой в условиях постоянной аккультурации.

Современный этап осмысления соотношения феноменов социальной и культурной идентичности сопряжен с оформлением ряда исследовательских позиций: культурологической (идентичность предстает как собственно культурологическое понятие, ставящее под сомнение целесообразность использования дефиниции «социальная идентичность»: культурная идентичность «поглощает» социальную идентичность); социологической (сохраняется традиция анализа культурной идентичности как частного случая социальной идентичности, акцентируется культурная составляющая социальной идентичности); социокультурной.

Предпосылочным для социокультурной позиции стало, с одной стороны, признание того факта, что каждый культурный объект имеет свой социальный масштаб (количество людей или социальных групп, институтов, для которых он выступает основным источником организации и задает смысл повседневной жизни), что и определяет возможность и уместность социокультурного дискурса. С другой стороны, было отмечено все возрастающее значение культурной составляющей. Следствием стал отказ от термина «социальная идентичность» в пользу дефиниции «социокультурная идентичность».

Введение в научный оборот понятия «социокультурная идентичность» обусловлено переходными процессами как в обществе (переход к глобализации и глокализации, подвижность и неустойчивость социальных образований, допустимая амбивалентность демонстрируемых ими норм и т.п.), так и в научном знании (интегративные процессы в науке, актуальность социокультурного подхода, распространение идей философии и социологии постмодернизма и т.п.).

Актуальной исследовательской задачей остается определение понятия «социокультурная идентичность». Опираясь на исследования И.А. Акимовой, О.И. Генисаретского, Н.И. Ивановой, И.С. Семененко и др., можно утверждать, что принципиальное значение для определения понятия «социокультурная идентичность» имеют следующие характеристики:

– в нарастающем количестве вариантов членства важное значение имеет включенность индивида в определенные социальные группы и общности, осознание своей принадлежности к определенным социальным институтам;

– характер членства может быть различным (от функционального до субъектного, событийного), определяющее значение приобретает значимость, индивидуальная ценность членства в том или ином социальном образовании;

– возрастает роль выбора, самоопределения в демонстрируемых различными социальными образованиями культурах;

– успешность принятия культурных требований обусловлена статусной и позиционной определенностью в данной конкретной социальной группе или общности.

Таким образом, социокультурная идентичность есть элемент самосознания, проявляющийся в процедурах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей определенности и непрерывности в процессах принятия, интериоризации и интрариоризации в данном пространственно-временном континууме транслируемых значимыми с его точки зрения социальными институтами, общностями, группами культурных моделей.

Сущность данного вида идентичности заключается в принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего «Я» с позиции тех культурных характеристик, которые приняты в данной социальной группе, общности, в данном обществе; в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этих социальных групп, общностей, именно этого общества.

Содержанием социокультурной идентичности являются культурные представления, образцы, конструкты, суждения, разделяемые в той или иной степени членами групп и общностей, в которые включен индивид, и используемые им для формирования собственных смыслов, мнения о себе, в том числе – с точки зрения других.

Социокультурная идентичность может рассматриваться в аспектах:

а) когнитивно-смысловом: осознание своей принадлежности к определенной группе (общности), позволяющее солидаризироваться с ее идеалами и стандартами, формировать соответствующие «обыденные теории» (М. Барретт (Barrett)); осознание групповой иерархии и групповой культуры, отличий по этим характеристикам данной группы от других групп; принятие определенных групповых представлений, в той или иной степени соотносящихся с культурными моделями более высокого уровня; формирование представлений об атрибутах должного по отношению к различным ситуациям и людям; выработка мнения о себе как члене данной группы, соотнесение данного мнения с соответствующим мнением членов данной группы как «своих» и других групп как «чужих»;

б) эмоционально-ценностном: совокупность чувств, оценок, отношений, связанных со сформированными знаниями, представлениями, мнениями о групповом и ингрупповом членстве, актуализация и ощущение адекватности/неадекватности собственных ценностных представлений;

в) деятельностном: опосредование («примеривание к себе») институциональных и культурных норм и ценностей и их использование в процессе деятельности, общения, поведения; самоопределение в социокультурном пространстве, прежде всего через определение рисунка («индивидуального подчерка») отношений и действий в различных контактах; реализация интериоризированных сценариев и способов поведения внутри и вне своей группы.

Значимыми с позиций педагогики являются следующие характеристики социокультурной идентичности:

– личность не является пассивным потребителем набора «базовых идентичностей» группы, постоянно пребывая в острой ситуации выбора объекта идентификации и актуальной идентичности. Данное положение распространяется и на «базовый набор идентичностей» больших сообществ: при невозможности достичь соответствия проявляются «кризис общества» или/и «кризис личности»;

– различение «истинной» социокультурной идентичности личности (реальное следствие идентификации субъектом себя с социокультурными образованиями) и «отраженной» социокультурной идентичности возможно при оценке следующих критериев: показатели собственного мнения индивида как отражение смыслотворчества в отношении своего места и положения в группе (общности); наличие эмоционально-ценностного реагирования на «предписанные идентичности»; субъектная позиция индивида (меру субъектности) в данной группе (общности);

– как индивидуальному, так и групповому субъекту свойственно наличие «базового набора идентичностей» и периферийных элементов. Отказ в силу каких-либо обстоятельств от базовой совокупности (при всех тягостных последствий этого) активизирует периферийную зону и не влечет за собой полного разрушения идентичности. Периферийные составляющие социокультурной идентичности, как и группы, имеющие их в качестве элементов «базового набора», могут выступать раздражителем, заставляющим в определенных условиях при подтверждении значимости подвергать сомнению, пересматривать как собственную социокультурную идентичность, так и «базовый набор идентичностей» референтной группы;

– в современных условиях качественного разрушения, нестабильности основных социокультурных образований и демонстрируемых ими «наборов базовых идентичностей» индивид чаще обращается к традиционным, наиболее устойчивым носителям элементов культурных моделей (религиозные, этнические, семейные). В качестве одного из следствий выступает перемещение центра социальной активности в локальные общности;

– социокультурной идентичности сопряжена с толерантностью, поскольку определение себя и установление отдельных характеристик как «своих» автоматически влечет за собой рождение определенного отношения к «другим» (по всем культурным отличиям, своеобразию);

– несогласованная (диффузная) социокультурная идентичность активизирует потребность обрести идентичность не на основе определения сходства, а через различение, противопоставление себя некоторому социальному целому (лучше иметь негативную социокультурную идентичность, нежели неопределенную социокультурную идентичность или не иметь таковой);

– становление согласованной социокультурной идентичности предполагает, с одной стороны, совпадение трех ведущих факторов: «Я-фактор» (человек сам считает себя частью этого сообщества, демонстрируя свою принадлежность), «Мы-фактор» (сообщество считает данного человека своим членом и демонстрирует это), «Они-фактор» («третьи лица» признают членство человека в данном сообществе); с другой, предопределяется идентификационной спецификой группы членства. Вероятнее всего согласованную социокультурную идентичность обеспечат группы, предполагающие полноценную идентичность, в отличие от криптосообществ, насильно организованных сообществ, псевдосообществ.

Библиографический список

1. *Иванова Н.Л.* Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность: Сб. статей / Отв. ред. Н.М. Лебедева. – М., 2002. – С. 134–150.

2. *Павленко В.Н.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. – М.; Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального института; Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – С. 156–167.

3. *Паттурина Н.П.* Я и не-Я как фактор личностного и духовного роста // Психологические проблемы самоорганизации личности. – Вып. 5 / Под ред. Г.С. Никифорова, Л.А. Коростылевой. – СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2001. – С. 67–78.

4. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität ih frühen Hochkulturen. – Verlag Beck München, 2000. – 344 S.

5. *Curle A.* Mystics and militants. A study of awareness, identity and social action. – London: Tavistock publication, 1972. – IX, 121 p.

С.В. Шепелева

ДЕТСКИЕ ТИПОЛОГИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Одной из актуальных проблем современной отечественной социологии является проблема типологизации изучаемых явлений. Типология отклоняющегося поведения отражает многообразие различных его форм, дает возможность провести разграничения между ними и выявить особенности их типологии. Которые необходимо учитывать при осуществлении мер их профилактики.

Социальные отклонения могут быть классифицированы по ряду оснований. Наиболее распространено деление отклонений на различные виды в зависимости от типа нарушаемой нормы: право, мораль, правила поведения, религиозные требования и т.п. К этим видам относятся обычно преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, самоубийство, коррупция, бюрократизм и др.

Классификация отклонений возможна и в зависимости от элементов их внутренней структуры. Большинство девиаций – конкретные поступки людей. Правоведы характеризуют отклоняющееся поведение при помощи трех основных критериев: субъект, объект, объективная и субъективная сторона. Придерживаясь этой типологии, В.Н. Кудрявцев по субъекту поведения выделяет отклоняющееся от нормы поведение отдельных

© С.В. Шепелева, 2006

индивидов – граждан, должностных лиц, а также деятельность коллективов и других социальных групп. По объекту отклоняющееся поведение может быть отнесено к разным сферам общественной жизни (экономика, политика, быт и др.). Оно может быть рассмотрено с точки зрения социальной направленности (против отдельных индивидов, социальных групп и институтов, против общества в целом). В качестве объектов выделяются также конкретные социальные ценности: жизнь и здоровье людей, их честь и достоинство, имущество, общественный порядок и многое другое. По объективной стороне, следуя юридической методологии, выделяют девиации, возникшие в результате действия или бездействия; вызывающие вредные последствия или создающие опасность их наступления; различающиеся по условиям места и времени.

Субъективная сторона отклонений характеризуется мотивацией, степенью умышленности и предвидения возможных последствий. С.С. Фролов выделяет индивидуальные и групповые типы отклонений, а также делит их на «первичные» (непосредственные нарушения норм) и «вторичные» (негативные последствия первичных нарушений).

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских выделили семь вариантов отклоняющегося поведения в современном мире: аддиктивное, анисоциальное, суицидальное, конформистское, нарцистическое, фанатическое, аутическое. Многие варианты отклонений имеют своей основой акцентуации характера (например, демонстративность при чрезмерном развитии приводит к нарцистическому поведению, а застревание – к фанатическому; гипертимность в сочетании с возбудимостью – к антисоциальному и т.д.). При этом любое отклонение в своем развитии происходит ряд этапов. Например, аддиктивное поведение – это один из наиболее распространенных вариантов отклоняющегося поведения. Выражается в стремлении человека уйти от реальности посредством изменения своего психического состояния с помощью приема некоторых веществ (алкоголь, курение, наркотики, лекарственные препараты, кофе и т.д.) или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности, что сопровождается развитием сильных эмоций.

Ц.П. Короленко подробно рассмотрел аддиктивное поведение в рамках современной психотерапии. В социальной психологии данное понятие имеет значение для осмысления проблем социальной адаптации, социализации и социальной виктимологии. В психологии существует психогенетический подход Ч. Тойча, который лег в основу концепции виктимологии.

Виктимогенность – это наличие условий, которые способствуют процессу превращения человека в жертву социализации. Отчасти это понятие Ц.П. Короленко и Т.А. Донских считают лежащим в основе одного из наиболее распространенных отклонений в современном мире – аддиктивное поведении. По их мнению развитию аддиктивного поведения способствуют объективные (социальные) и субъективные (феноменологические) факторы виктимизации. Очевиден и тот факт, что начало отклонения часто происходит в период детства, когда ребенок еще только учится противостоять неблагоприятным обстоятельствам своей жизни.

Следующий тип отклоняющегося поведения – антисоциальное (Ц.П. Короленко и Т.А. Донских). Основной чертой такого поведения является совершение действий, противоречащих этике и морали, безответственность, игнорирование законов и прав других людей.

Одним из выделяемых сегодня типов девиантного поведения является детский алкоголизм. Эта проблема имеет глубокие культурные, социально-педагогические, политические и социально-экономические корни.

У детей алкоголизм в отличие от взрослых, имеет ряд характерных особенностей: быстрое привыкание к спиртным напиткам, злокачественное течение болезни, принятие ребенком больших доз алкоголя, быстрое развитие запойного пьянства, низкая эффективность лечения.

Проблемой детского алкоголизма занимались многие ученые медики, педагоги, психологи, которые выделяли причины алкоголизма у детей, а также его следствия.

В дошкольном и младшем школьном возрасте наиболее существенными причинами являются две – педагогическая неграмотность родителей, которая приводит к алкогольному отравления организма, и семейные алкогольные традиции, приводящие к формированию интереса к спиртном.

Педагогическая неграмотность родителей проявляется в существующих предрассудках и заблуждениях о целебном действии алкоголя: алкоголь усиливает аппетит, излечивает малокровие, улучшает сон, облегчает прорезывание зубов. Среди родителей бытует мнение, что употребление небольших

доз спиртного в раннем детстве предотвращает возможность пристрастия в алкоголю в зрелом возрасте. Расплачиваются родители за свою неграмотность алкогольным отравлением детей, которое может привести к смертному исходу.

Алкоголизации детей и подростков способствует алкогольное окружение, которое составляют пьющие ближайшие родственники, а также устойчивые алкогольные традиции, связанные обычно с торжественными, радостными или печальными событиями. В укоренении алкогольной традиции роковую роль играет воспитание детей в условиях систематического употребления спиртных напитков с угощением детей. Когда потребление алкоголя в семье не считается злом, приобщение детей к спиртному не вызывает беспокойства.

В подростковом и юношеском возрасте в качестве основных причин можно назвать следующие семь: неблагополучие семьи; позитивная реклама в средствах массовой информации; не занятость свободного времени; отсутствие знаний о последствиях алкоголизма; уход от проблем; психологические особенности личности; самоутверждение. В этот период происходит формирование влечения к алкоголю, которое перерастает в привычку, приводя в большинстве случаев к алкогольной зависимости ребенка.

Типичной детской девиацией считается агрессивное поведение, которое рассматривается как свойство личности, заключающееся в готовности и предпочтении использования насильственных средств для реализации своих целей. Агрессия – проявление агрессивности в деструктивных действиях, целью которых является нанесение вреда тому или иному лицу.

Эта проблема является предметом большого числа психологических работ в нашей стране, так и зарубежном (Bandura A., 1959; Waltera R., Berbowitst 1962; Lorens K., 1967). Г. Кауфман утверждает, что в данной проблеме, «Мы стоим еще на совсем неведомой почве».

Сегодня существует множество теорий агрессивности. Психологические механизмы агрессивности описал З. Фрейд, который выделил «инстинкт смерти» и противопоставил ему «инстинкт жизни» – либидо – сексуальную энергию, являющуюся инстинктом жизни. Если нарушается равновесие между либидо и «инстинктом смерти», то «инстинкт смерти» может оказаться более сильным и выразиться в агрессивности, направленной на самого себя, или на других людей.

К. Лоренц, уподобляет агрессивность человека агрессивности животного и объясняет это чисто биологически, как средство выжить.

Самой популярной теорией агрессивности стала теория «фрустрации – агрессии». Д. Доллард изложил ее суть – всякая фрустрация создает внутренние побуждения или мотив к агрессивность может возникнуть даже от социального сравнения («мне меньше дали»).

Наиболее известным представителем поведенческого перехода является Арнольд Басс, он предлагает различать агрессивность и враждебность. А Бан Бандура подчеркивает, что если человек с детства видит примеры агрессивного поведения, особенно родителей, то в силу подражания он обучается агрессивным действиям.

Фишбах выделяет инструментальный вид агрессии, когда она используется в качестве достижения цели. Полное отсутствие агрессии приводит к податливости, неспособности занять активную жизненную позицию. Л.М. Семенюк кроме физической и вербальной агрессии выделяет склонность к раздражению, негативизм, обиду, подозрительность, как агрессивное поведение.

Типичные детские девиации выделил А.С. Залужный, он утверждает, что в дошкольном возрасте выявляются следующие типы девиантного поведения, как асоциальное (в виде избегания общения, в реакции протеста); антисоциальное (в виде агрессии); пассивно-социальное (в виде подражания, следования за другими).

Таким образом, главным направлением работы всех социальных институтов, связанных с детством, должно стать разработка методов, средств, способов профилактики девиантного поведения.

В современном мире снизились границы девиантного поведения, говоря об антисоциальном поведении, как о преддевиантном поведении, то первые социально-психологические проявления можно наблюдать в дошкольном детстве (преднамеренное нарушение норм и правил ближайшего окружения, агрессивность, конфликтность и т.д.).

В типологии девиантного поведения выделяют конформиское поведение, которое характеризуется отсутствием самобытности, оригинальности в привычках, взглядах, принципах, приверженность к официальным точкам зрения, приспособленчеством, некритическим следованиям указаниям лиц, обладающих властью.

Механизм конформистких подходов закладывается еще в раннем детстве под родительским

влиянием. Существует благоприятный семейный психологический климат, который определяется терпимостью, уважением к различным точки зрения, приверженностью к гуманистическим ориентациям, эти черты рано воспринимаются детьми. Неблагоприятный психологический климат характеризуются: нетерпимостью родителей, максималистским отношениям к жизни; в семье превозносятся подчинение и тупое послушание; преклонение и восхищение авторитетом. Естественно, что и эти подходы воспринимаются детьми и формируют их отношение к миру.

Дети рассматривают обычно своих родителей в качестве всемогущих фигур, способных решить все проблемы, всегда правых в своих высказываниях и суждениях. Дети часто идентифицируют себя с родителями, перенимая их подходы, отношение к жизни, симпатии и антипатии. Во многих случаях дети на интуитивном уровне чувствуют отношение родителей не только к тем или иным конкретным людям, но и к национальностям, конфликтным ситуациям в обществе. Известный американский психолог Allport: «В моем наиболее раннем детстве, я припоминаю, что я чувствовал сильный антогонизм по отношению к каждому, кто имел противоположные взгляды и другие симпатии, чем мои родители. Они часто говорили о таких людях за ужином. Я думаю, что меня впечатлял доверительный тон голоса, которым мои родители передавали свои убеждения и осуждали своих оппонентов и убеждали меня в своих всемогущих знаниях». Идентификация с родителями происходит не только на уровне сознания, но включает и более глубокие подсознательные механизмы. Если ребенок, «настроенный» на восприятие эмоционального состояния родителей во время разговора о людях, вызывающих у них отрицательное отношение, улавливает эмоциональное напряжение, раздражение или злость, то при похожих ситуациях у ребенка может развиться аналогичное эмоциональное состояние даже без сознательного осмысления этого явления (например, встреча с пожилым человеком). Конформность по отношению к родителям может стать в дальнейшем серьезным источником предубеждений. Уважение к людям вне зависимости от их социального, этического происхождения, уважения прав человека.

Таким образом, дошкольное детство очень восприимчиво к формированию конформистского поведения, что подтверждено практикой и наблюдается в поведении дошкольников, в виде подражания, следования за другими, в отсутствии оригинальности. Важную роль играют средства массовой информации, которые в XXI веке влияют на популяцию пропаганды, что облегчает формирование конформистского поведения. Свобода информации, возможность получения ее из разных источников (в т.ч. числе независимых) с одной стороны является барьером ограничивающим развитие конформистского поведения, а с другой стороны способствует формированию его (например, исламизация современного молодого поколения).

Некоторые авторы проявление нарцистического, фанатического, аутического поведения относят к специфическим типам девиантного поведения (Ц.П. Короленко, Т.А. Донских). Предложенная авторами типология, несмотря на ее оригинальность не лишена сомнений, в плане критериальной обоснованности и степени ее деструктивности.

Рассмотрев условия и факторы, вызывающих те или иные типы девиантного поведения детей и подростков, и обосновав комплексный характер их детерминирующего воздействия, необходимо заметить, что наиболее выраженное действие этих факторов наблюдается в периоды кризисного и нестабильного состояния развития общества в целом. На сегодняшний день такая нестабильность характеризует процесс развития российского общества. Он сопровождается резким ростом девиаций в детской среде.

Т.В. Боровикова, А.И. Фоменков

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В КАЧЕСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ

Многочисленные системы мониторинга обладают некоторыми общими характеристиками, что дает возможность говорить о нем как целостном самостоятельном научно-практическом феномене. Различия в понимании его сущности, а также целеполагании и средствах осуществления отражают специфику и уровень разработанности проблем в каждой из многочисленных областей применения. Под понятием «мониторинг» часто понимают любой повторяющийся процесс измерения, независимо от сущности процесса. Полагаем, такое расширенное толкование скорее скрывает его сущность, чем раскрывает его. В педагогической науке понятие «мониторинг» начало употребляться в XIX веке и А.С. Белкин связывает его возникновение с Белл-Ланкастерской системой обучения [1, с. 169].

Появление понятия «мониторинг» в сфере образования – это отражение потребности системы управления образованием в наличии качественной, достоверной и надежной информации. Большинство исследователей в педагогике рассматривают мониторинг как средство управления качеством образования [см.: 5; 10]. П.И. Третьяков считает мониторинг методом исследования в рамках контрольно-диагностической деятельности [9, с. 413]. А.М. Майоров отмечает что «Основная сфера практического применения мониторинга – это управление, а точнее, информационное обслуживание управления в различных областях деятельности… Однако различные системы мониторинга, обладая общими чертами, существуют и развиваются достаточно изолированно в рамках той или иной науки или области управления. Можно отметить, что степень изученности и интенсивность использования его в различных сферах деятельности неравнозначны» [2, с. 27].

В.А. Мокшеев подчеркивает, что «Мониторинг» – это и форма исследования, и способ обеспечения сферы управления своевременной и качественной информацией. Он рассматривает мониторинг как систему сбора, обработки, хранения и распространения информации об образовательной системе или отдельных ее элементах, ориентированную на информационное обеспечение управления, которая позволяет судить о состоянии объекта в любой момент времени и может обеспечить прогноз его развития [7, с. 85–94]. О.А. Митина утверждает, что для построения систем мониторинга могут быть использованы различные модели образовательных систем или их компонентов. Оценивать системы можно исходя из нескольких позиций: оценить процесс; оценить результат; определить соответствие результата той цели, которая ставилась; оценить соотношение начального и конечного состояния системы [6, с. 69–70]. Анализируя различные подходы к оценке эффективности работы образовательного учреждения, А.Н. Майоров, О.Е. Лебедев и Е.С. Заир-Бек обращают внимание на способ определения этой эффективности. Речь идёт модели «цель – результат». Судить о работе образовательной системы можно, сравнивая поставленные перед ней цели и достигнутые результаты. Для того чтобы такой результат был реализован, необходимо иметь строго детерминированную систему, в которой существуют однозначные причинно-следственные связи и возможность точного казуального вывода. Образовательные системы к таковым не относятся. Именно это основная причина неудач использования модели «цель – результат» для оценки образовательных систем, утверждают авторы [3, с. 29–33]. Рассматривая в статье вопросы построения мониторинга социальной эффективности и условий деятельности, А.Н. Майоров отмечает, что потребность в объективной информации вызвана изменениями в управлении образованием и социальными изменениями. Требования появления полноценных технологий мониторинга звучит в опубликованных в последнее время работах по менеджменту образования, инноватике, развитию образования. В большинстве этих работ определяется тематика сбора информации или говорится о том, что ее надо определить, однако очень редко указывается, каким образом это сделать, и практически никогда о том – как это оценить.

© Т.В. Боровикова, А.И. Фоменков, 2006

Подчеркивается, что некоторый педагогический парадокс заключается в том, что в ряду область измерения – модель – критерий – показатель (индикатор) – технология определения (инструментарий) серьезно проработаны все элементы, за исключением последнего. А.Н. Майоров дополняет данную схему еще тремя элементами: технология определения (инструментарий) – значения показателя – анализ – **обсуждение** – рекомендации – **распространение** – **решение** [4, с. 84–86], а анализируя методы исследования, применяемые в мониторинге исследователь приходит к выводу, что «основными методами мониторинга в образовании можно считать социологические и педагогические» [4, с. 88].

Новые задачи, стоящие перед образовательными системами, потребовали новых подходов к организации информационной службы. Основой её эффективности стала реализация модели «вход-выход». Это построение системы оценочных показателей на входе и на выходе (модель построения системы изучения образовательной системы на уровне «школа или класс» Р. Шейвелсона). Модель основана на изучении внешних и внутренних связей образовательной системы, расширении самостоятельности и ответственности педагога, включении родителей в процессы, происходящие в образовательном учреждении, на правах участников образовательно-воспитательной деятельности. Эта модель деятельности используется большинством информационно-диагностических служб. Она появилась эмпирически и является результатом практических разработок. В рамках данной модели основанием для сравнения служит не соответствие результатов деятельности образовательного учреждения поставленным целям, а эмпирическим способом полученные статистические нормы, которые, с одной стороны, фиксируют состояния, а с другой, служат рабочим эталоном. Однако мы полагаем, что она не в полной мере отвечает современному образованию.

По нашему мнению в управленческой схеме цель – процесс – результат имеется существенный недостаток. Это отсутствие учета ресурсного обеспечения управления образовательными и социальными процессами в образовательном учреждении. Под ресурсным обеспечением мы понимаем все ресурсы, выделяя личностный (человеческий) ресурс по трем уровням: 1) личностные ресурсы участников образовательного процесса (учащийся, родители, педагоги); 2) личностные ресурсы малых групп (класс); 3) ресурсы коллектива в целом (школа и педагогический коллектив) с учетом потенциала их развития. Социально-педагогический мониторинг можно отнести к видам мониторинга, пользователями которого являются конкретные школы. Данный тип мониторинга направлен на реализацию задач как эффективно-стабильного функционирования образовательного учреждения, так и задач его развития (инноваций) и он может проводиться постоянно, что позволит совершенствовать инструментарий, технологию проведения, методы анализа.

Существующие системы мониторинга в образовании в основном направлены на непрерывное, длительное наблюдение учебного процесса и управление им. Достаточно широкое распространение сейчас получают системы мониторинга на уровне образовательного учреждения, но

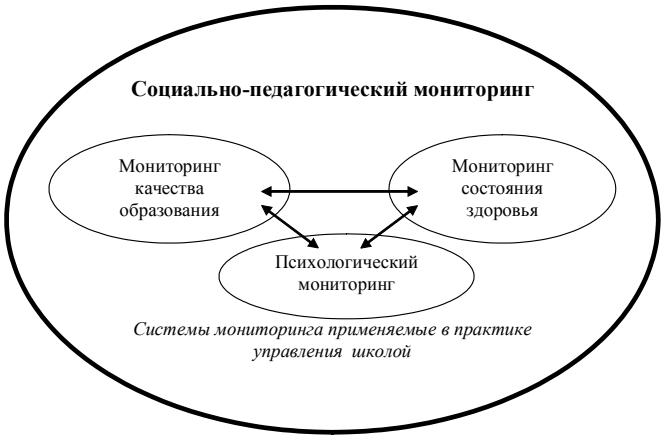

Рис. 1. Система мониторинга общеобразовательного учреждения

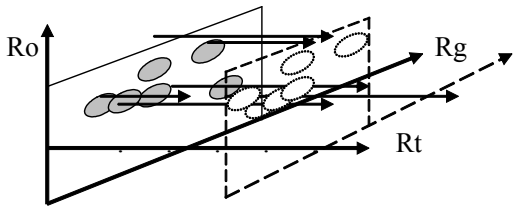

Рис. 2. Проведение мониторинга с последующей коррекцией целей.
Ro – ресурсное обеспечение по основным показателям; Rg – «глубина» ресурсного обеспечения (объем ресурсного обеспечения); Rt – ресурс времени (время с учетом полученной информации для решения задач по достижению тактических и стратегических целей); – проблемное поле школы в конкретной мониторинговой страте

в большей степени речь идет о мониторинге качества образования, медико-психологическом мониторинге.

Однако до сих пор в педагогике практически нет целостных научно апробированных исследований о социально-педагогическом мониторинге управления функционированием и развитием общеобразовательным учреждением, поэтому в этом направлении нами проводится диссертационное исследование. Мы полагаем, что в общем плане система мониторинга общеобразовательного учреждения может быть представлен рисунком 1.

Вводимое нами понятие «социально-педагогический мониторинг» (СПМ) можно отнести к видам мониторинга, пользователями которого являются конкретные школы. Данный тип мониторинга направлен на реализацию задач как эффективно-стабильного функционирования ОУ, так и задач его развития (инноваций) и он может существовать постоянно, что позволит совершенствовать инструментарий, технологию проведения, методы анализа. СПМ – это трехмерная система сбора, обработки, хранения и распространения информации о школе как открытой образовательной системе, ее отдельных ее элементах, учитывающих основную программно-целевую проблематику, обеспечивающие ресурсы. СПМ ориентирован на информационное обеспечение управления, позволяет судить о состоянии ОУ в любой момент времени и может обеспечить прогноз его эффективного функционирования или развития.

На основании анализа научных публикаций и изучения информационного обслуживания управления школой, мы вводим понятие социально-педагогический мониторинг (СПМ), который по нашему мнению является более гибкой системой мониторингового сопровождения и учитывает современные требования к качественному управлению школой.

Социально-педагогический мониторинг это современное технологическое обеспечение системного подхода в управлении образовательным учреждением с учетом социальной среды и реализацией главного потенциала – развития человеческих ресурсов на уровнях личности, класса, школы с применением педагогических и социологических методов посредством стандартизированных документов и оперативных исследовательских проектов. Система социально-педагогического мониторинга основана на моделировании процесса управления конкретной школой в различных режимах работы (эффективного функционирования или развития по выбранной модели) с учетом его ресурсного обеспечения и состоит из элементов мониторингового сопровождения управленческого цикла, включающих в себя: а) трехуровневый подход к социально-педагогическим характеристикам; б) целевой набор оперативных исследовательских проектов, направленных на выявление внутреннего потенциала личностного ресурса для решения существующих и возникающих социально-ориентированных проблем и интенсификации воспитательных усилий образовательного учреждения посредством их реализации с исключением или минимизацией последствий интервенции в социально-педагогическое проблемное поле (см. рис. 3).

Под оперативным исследовательским проектом (ОИП) мы будем понимать инструмент мониторингового сопровождения, представляющий собой систему научно исследовательских процедур, методов, методик поэтапного изучения конкретной проблемы школы на основе фактологических данных. Это так же и социально-педагогическая технология сбора, обработки, хранения и накопления информации о школе как открытой образовательной системе и ее отдельных элементах.

Система трехуровневых характеристик нами представляется как взаимопроникающие струк-

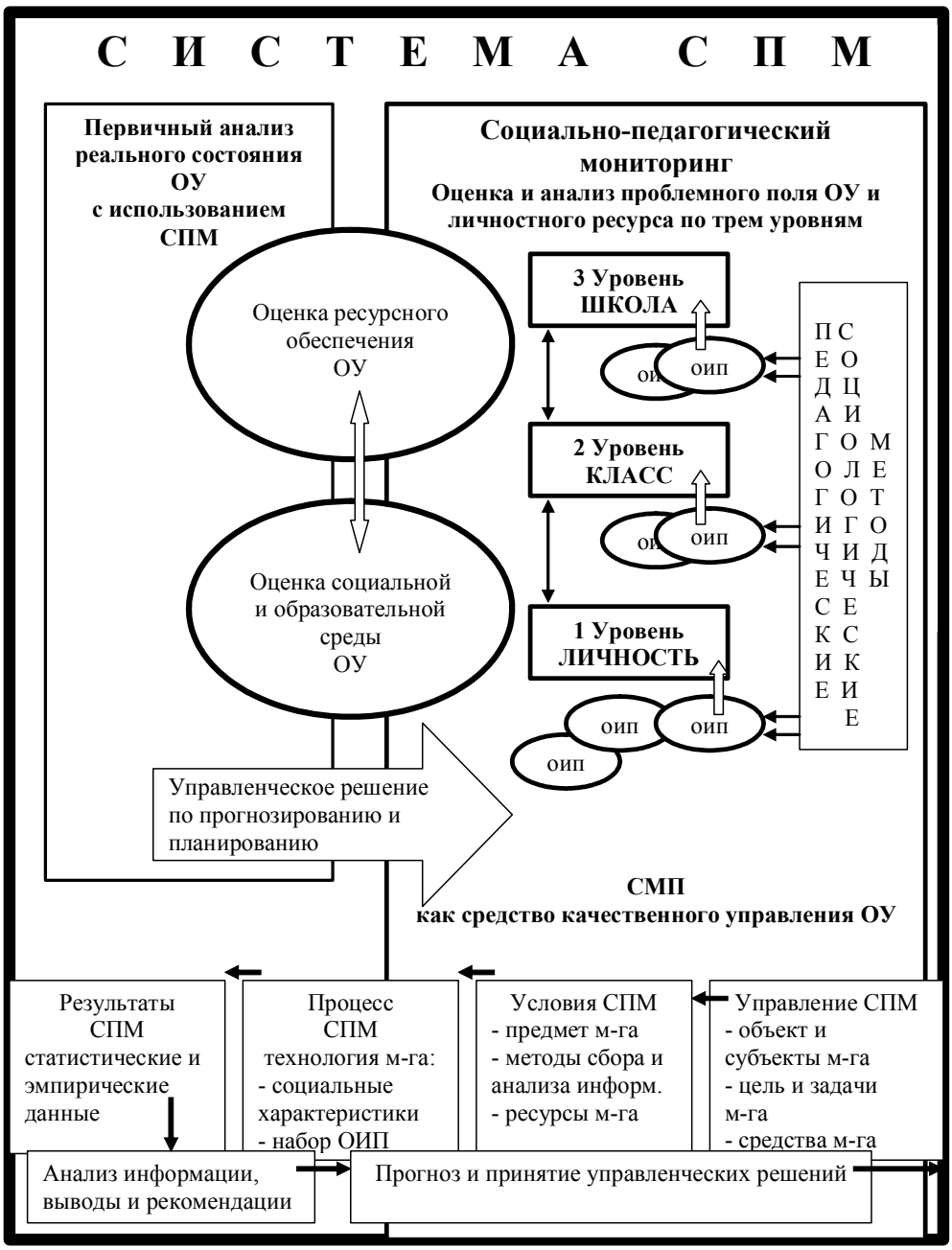

Рис. 3. Проект модели управления ОУ с системой СПМ

турные элементы объекта и субъекта СПМ: 1) учащийся, родители и педагог (социальный портрет учащегося и его семьи; социально-педагогический портрет учителя); 2) класс (социальная характеристика класса); 3) школа и педагогический коллектив (социальная характеристика школы; социальная характеристика педагогического коллектива и статистические методы оценки готовности коллектива к инновациям).

На каждом уровне применяются оперативные исследовательские проекты по проблемам школы, повторяющиеся с необходимой и возможной дискретностью.

Главная особенность разрабатываемого нами инструментария ОИП состоит в целостности, системности, которая обеспечивается общей системой показателей (индикаторов) при операционализации понятий, описывающих проблему

школы. Операционализация это процесс перевода данного понятия в инструментарий, которым собирается эмпирическая информация: понятие – показатель – индикатор – источник – инструментарий.

В качестве объекта мониторинга с помощью оперативного исследовательского проекта выступает конкретный набор социально-педагогических проблем школы. Для любого вида образовательного учреждения система мониторингового сопровождения качественного управления не меняется. Изменяется только набор оперативных исследовательских проектов, как по уровням, так и по проблемам.

Экспериментальная и практическая работы с администраторами школ Смоленской области показала, что для гарантии получения своевременных, качественных и достоверных результатов необходимо выполнить условия этики исследователя, будь он из числа педагогов школы или привлекаемых специалистов. Полученные данные о состоянии объекта мониторинга без согласия директора школы не должны представляться: на муниципальном и региональном уровнях руководителям; на уровне администратор – педагог педагогам; общественности в докладах, выступлениях и публикациях. Однако необходимо отметить, что оперативный исследовательский проект может использоваться и для выполнения контрольных функций. В этом случае необходимо проверить инструментарий для исключения искажения информации.

Понятийный аппарат оперативного исследовательского проекта может операционализироваться с выходом на различный инструментарий (анкеты для различных видов письменного и устного опроса, карточек наблюдения, тестов, разнообразного инструментария качественных методов и инструкций по их применению) с обязательным учетом всех участников образовательного процесса. При этом, осуществляется контроль за тем, чтобы в исследованиях были задействованы если не все, то подавляющее большинство показателей (индикаторов), составляющих методологическую и методическую основу мониторинга и включенных в разработку инструментария. Таким образом, мониторинг дает более полную и качественную информацию, базируется на конечном количестве системно отобранных показателей (индикаторов).

Социально-педагогический мониторинг позволяет в целом судить о текущем состоянии школы, в любой момент времени обеспечить принятие своевременных управленческих решений по планированию, оценки ее эффективности и корректировки учебно-воспитательной работы, интервенции в социально-педагогическое проблемное поле, прогнозирование влияния динамично изменяющейся социальной среды школы, результатов и последствий инноваций. Проводимая опытно-экспериментальная работа определила основные этапы и процедуры организации социально-педагогического мониторинга, методику и технику оперативных исследовательских проектов, а также технологию их применения. Например, в 2001 г. нами началась разрабатываться методология, методика и техника оперативного исследовательского проекта, а так же инструментария. Автором, как научным руководителем областной экспериментальной площадкой (Печерская МСОШ Смоленского района), на основе результатов 2 и частично 3 этапов программы опытно-экспериментальной работы по разработке варианта модели сельской адаптивной школы «Школа, в которой всем хорошо», был смоделирован проект модели управления образовательным учреждением с системой социально-педагогического мониторинга [8, с. 65–71]. Используя систему социально-педагогического мониторинга в данной школе, были апробированы оперативные исследовательские проекты «Девиантное поведение учащихся 9-х классов» (2004 г.) и «Соответствие образовательных услуг запросам и ожиданиям учащихся школы и их родителей» (2005 г.). В Гусинской МСОШ Смоленского района после доработок инструментария были проведены оперативные исследовательские проекты «Профессионализм учителя в общеобразовательном учреждении» (2006 г.) и «Соответствие образовательных услуг запросам и ожиданиям учащихся школы и их родителей» (2007 г.). Особое внимание нами уделено сельской школе, так как в Смоленской области из 627 школ – 493 сельские (78,63%). Так же, в период с 2005 по 2007 год, проводилась апробация оперативных исследовательских проектов по социально-педагогическим проблемам в более чем в 20-и МОУ различного вида (в МОУ Смоленска, Вязьмы, Сафоново, Ярцево, Дорогобужа, Починка, в педагогическом лицеи г. Смоленска и Смоленском кадетском корпусе – СФККК). Работа над коррекцией оперативных исследовательских проектов продолжается, пилотируемый инструментарий совершенствуется.

Выводы:

1. Определено понятие социально-педагогического мониторинга, дана его характеристика и структура.

2. Определено понятие оперативного исследовательского проекта. Разработана и апробирована технология их реализации. Выявлено, что оперативный исследовательский проект может практически успешно применяться в различных видах образовательных учреждениях как инструмент мониторингового сопровождения процесса управления с анализом его ресурсного обеспечения.

3. Разработаны стандартизированные документы: социальный портрет учащегося и его семьи; социально-педагогический портрет учителя; социальная характеристика класса; социальная характеристика школы; социальная характеристика педагогического коллектива; статистические методы оценки готовности коллектива к инновациям.

4. Спроектирована модель управления школой с системой социально-педагогического мониторинга, так как гипотеза, что мониторинг является наиболее совершенным способом информационного обслуживания управления образовательными системами, подтвердилась и подразумевает наличие модели (прогноза) развития (изменения состояния) образовательного учреждения.

Библиографический список

1. *Белкин А.С.* Основы возрастной педагогики. – М.: Академия, 2000. – 192 с.

2. *Майоров А.Н.* Мониторинг как научно-практический феномен // Школьные технологии. – 1998. – №5. – С. 25–48.

3. *Майоров А.Н.* Мониторинг региональных образовательных систем и эффективности реализации социальных проектов / А.Н. Майоров, О.Е. Лебедев, Е.С. Заир-Бек. – М.: Полиграф сервис, 1999. – С. 29–33.

4. *Майоров А.Н.* Мониторинг социальной эффективности и условий деятельности образовательных систем // Школьные технологии. – 1999. – №5. – С. 84–115.

5. *Матрос Д.Ш.* Управление качеством образования на основе новых технологий и образовательного мониторинга / Д.Ш. Матрос, Д.М. Полев, Н.Н. Мельникова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 128 с.

6. *Митина О.А.* Сравнительный обзор систем мониторинга в образовании // Школьные технологии. – 2002. – №4. – С. 69–75.

7. *Мокшеев В.А.* Организация системы мониторинга в образовании // Школьные технологии. – 2005. – №1. – С. 85–94.

8. Сельская школа – шаг в будущее : из опыта работы экспериментальных площадок сельских школ. Вып. 2 – Смоленск : СОИУУ, 2000. – С. 65–71.

9. *Третьяков П.И.* Регион: управление образованием по результатам. Теория и практика. – М.: Новая школа, 2001. – 880 с.

10. *Шишов С.Е.* Школа: мониторинг качества образования / С.Е. Шишов, В.А. Кальней. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 320 с.

И.Е. Виноградова

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭТИКО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ

Как отмечают современные теоретики и практики этического образования, особенность его состоит в том, что этике научить нельзя, но можно научиться [5; 9]. Тем самым они подчеркивают значение потенциала самообучения, самовоспитания и саморазвития, которым обладает каждый человек. Вместе с тем определяется роль, отведенная педагогу в этическом образовании, задачей которого становиться – не учить, а создавать мотив учения, поддерживать учащихся в самостоятельном достижении позитивных результатов, целенаправленно содействовать их духовно-этическому становлению.

На сегодняшний день этим задачам отвечает разработанная в науке концепция «педагогического сопровождения» (Б.З. Вульфов, М.И. Рожков, М.С. Полянский), а также близкие ей по смыслу и содержанию концепции «педагогической поддержки» (О.С. Газман) и «индивидуальной педагогической помощи» (А.В. Мудрик) [2; 3; 7; 8; 10; 11]. Данные концепции не только адекватны потребностям этического образования, но и вы-

© И.Е. Виноградова, 2006

текают из самой природы духовно-этического развития человека.

Интерпретируя содержание понятий «сопровождение», «поддержка», «помощь» в контексте педагогической деятельности, осуществляемой в рамках профессионального этического образования, следует говорить, прежде всего, о духовно-нравственном характере такой деятельности. То есть, речь идет о духовном взаимодействии, совместном движении (со-развитии), обоюдно значимой деятельности педагога и студентов. Сопровождать, вести, означает для педагога – направлять, содействовать, стимулировать духовно-этическое развитие личности будущего профессионала. Ценность педагогической поддержки состоит в том, чтобы не дать прекратиться, нарушиться процессу личностного и профессионального становления студентов, в котором педагог может послужить им духовной опорой. Его помощь должна заключаться в распознавании проблем и трудностей этико-профессионального развития студентов, в реализации задачи совместно преодолевать эти проблемы, искать выход из трудных ситуаций. Индивидуальная помощь педагога может быть направлена на решение таких проблем личности, как конфликтность студента при взаимодействии с педагогами, его внутриличностные конфликты, порожденные неуспехами учебно-профессиональной деятельности, потеря ощущения самоценности, низкий уровень самоуважения, неприятие себя, отсутствие или потеря перспектив. В условиях профессионального этического образования будущих учителей музыки перечисленные проблемы можно охарактеризовать как *проблемы личностного становления специалиста.* Они являются значимыми для каждого преподавателя вуза, а в силу содержательности предмета должны оказаться в центре внимания преподавателя этики. В связи с чем, его работа в системе педагогического сопровождения, поддержки и помощи приобретает особую специфику, которую можно определить принятыми в данной системе терминами, такими как ***тьютор*** или ***куратор*** (от англ. ***tutor, curator*** – наставник, опекун, помощник, консультант) индивидуального развития личности будущего специалиста.

Характер деятельности педагога, выраженный понятиями «*сопровождение», «поддержка», «помощь»* обнаруживает единство с сущностными характеристиками *общения* и его ключевыми смыслами. Общение в современной науке рассматривается как синоним взаимодействия, сотрудничества. Понятие «межличностное взаимодействие» объединяет такие частные понятия как взаимопонимание, взаимопомощь, сопереживание, взаимное влияние. Термин «коммуникация», идентичный общению в переводе с латинского означает «совместный, общий, объединяющий, взаимный, обоюдный» [4]. Уже данные характеристики позволяют говорить об общении как средстве реализации педагогического сопровождения, поддержки и помощи.

Формирование личности будущего учителя музыки в рамках профессионального этического образования связано, прежде всего, с формированием гуманистической направленности ее мировоззренческого сознания. Основы профессиональной этики учителя музыки – это знания, убеждения, взгляды, ориентации, идеалы, установки, позиции. Это «элементы архитектоники мировоззрения» (Б.М. Целковников), которые призваны создать фундамент, на котором будет рождаться, и обогащаться индивидуально-личностная модель отношений и взаимодействия с профессиональной средой и окружающим миром в целом. Основы профессиональной этики учителя музыки – это те мировоззренческие новообразования, из которых, по мнению многих педагогов-исследователей, «должны произрасти важнейшие качества личности как духовно развитого профессионала» [14, с.72].

Таким образом, процесс становления основ профессиональной этики у будущих учителей музыки обязывает преподавателя к специальной организации педагогического общения. То есть таких условий, которые будут способствовать достижению целей и задач этического образования. Педагогическое общение, основанное на принципах сопровождения, поддержки и помощи – это те ценностно-смысловые и ценностно-эмоциональные условия, которые должен создать педагог в этическом образовании будущих специалистов. Содержательный аспект педагогического сопровождения позволяет охарактеризовать его как *оптимальную модель образовательно-педагогического процесса*. Поскольку мы рассматриваем общение как основной инструмент сопровождения, то в этой связи можем охарактеризовать данную модель как *модель оптимального педагогического общения* [6]. Ее реализация будет во многом зависеть от уровня знаний педагогом основных закономерностей и механиз-

мов общения, а также его коммуникативных умений, способностей к эмпатии и рефлексии, наблюдательности, самопрезентации, умений слушать, понимать студента, оказывать на него позитивное влияние посредством убеждения, внушения, заражения, изменения позиций общения, умений преодолевать конфликты [13].

Функциональные характеристики модели можно представить в технологическом аспекте, т.е. через рассмотрение педагогического сопровождения, включающего в себя педагогическую поддержку и помощь как образовательной технологии. Согласно классификации В.А. Сластенина [12], данную технологию можно охарактеризовать как *профессионально-ориентированную технологию организации образовательно-педагогических условий, рефлексивного типа управления*, которая призвана обеспечить мягкое, плавное, гуманное восхождение личности к более высоким ступеням саморазвития. С позиций акмеологического подхода, педагогическое сопровождение процесса становления основ профессиональной этики у будущих учителей музыки можно определить как ***акметехнологию***. Поскольку она реализует гуманистическую направленность формирования личности будущего специалиста и соответствует гуманистическому характеру организации образовательного процесса, посредством создания специализированной «акмесреды». Данная среда не несет в себе элементов принуждения, насилия, а создается с целью востребования ее личностью, обращается к ценностно-смысловому потенциалу сознания и выступает тем самым в качестве поддерживающего фона личностного *саморазвития, самопознания, самоидентификации, самоопределения, самоорганизации, самоконтроля, самовыражения, самореализации.* То есть в целом акмесреда выступает как «приглашающая сила», объединяющая в себе различные возможности личностного роста и развития посредством целенаправленной поддержки и помощи со стороны педагога. Здесь проявляется специфическая особенность акметехнологий, состоящая в том, что акмеолог (педагог) является союзником субъекта развития (студента) [1].

В целом, педагогическое сопровождение (ПС) представляет собой технологию, основанную на гуманистических отношениях педагога и студентов, ситуациях заинтересованного, развивающего, поддерживающего, доверительного общения. ПС отличается направленностью на поддержание саморазвития, раскрытия внутреннего потенциала личности будущего специалиста. Данная технология позволяет педагогу применять активные методы работы со студентами, основанные на активизации их самостоятельности. Содержание педагогической деятельности, основанной на принципах ПС, в рамках профессионального этического образования будущих учителей музыки может быть нацелено на создание интеллектуально-эмоционального, ценностно-смыслового, творческого поля общения, взаимодействия и саморазвития студентов. Это предполагает конструирование ситуаций, актуализирующих субъективные представления и переживания студентами собственных духовно-этических потенциалов, профессиональных способностей, возможностей, умений, осознание своих сильных и слабых сторон и степени готовности к выполнению своего профессионального долга как нечто личностно значимого и значительного для жизни общества и культуры. Тем самым может обеспечиваться амплификация (расширение) мировоззренческого сознания студента и преобразование его потребностно-мотивационной сферы, в которой должны найти более сильное отражение общечеловеческие и профессиональные духовно-этические ценности. При этом ПС не только способствует созданию специальных условий, стимулирующих и обеспечивающих плодотворное развитие и саморазвитие личности студента, оно также направлено на выявление и возможное преодоление тех закономерностей, факторов, условий, которые препятствуют данным процессам. Технология педагогического сопровождения позволяет осуществлять комплексное измерение качества этико-профессионального становления будущих специалистов, посредством применения различных научно-педагогических методов исследования и диагностики.

Педагогическое сопровождение – это «мягкая» технология, где не всегда срабатывают механизмы педагогической деятельности и часто действуют интуитивные, эвристические и вероятностные процессы. Этим же объясняется факт отсутствия в методической литературе ее единого и всестороннего описания. Данная технология получила в рамках нашего исследования не только свое описание, практическое применение, но и экспериментальное обоснование ее эффективности. Приведем некоторые результаты заключи-

тельного этапа эксперимента, в котором была реализована специально разработанная модель программы педагогического сопровождения процесса становления основ профессиональной этики у будущих специалистов. Она включала изучение студентами спецкурса «Основы профессиональной этики учителя музыки», способствующего становлению их этико-профессиональной компетентности. Апробирование программы ПС осуществлялось с группой студентов 4, 5 курсов очного отделения музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова (39 человек). Критериями качественной и количественной оценки эффективности программы стали следующие: овладение студентами системой этико-профессиональных знаний; формирование адекватной самооценки студентов; субъективное принятие этико-профессиональной тематики; ценностное отношение к будущей профессиональной деятельности; самостоятельное осмысление и решение задач этико-профессионального содержания.

В ходе реализации программы, посредством специально разработанных тестов, была проведена диагностика качества этико-профессионального становления студентов на примере владения ими рядом основных категорий профессиональной этики (духовно-нравственное воспитание, духовно-нравственные ценности, этос музыкального искусства и др.). В широком понимании данные категории соответствуют важнейшим направлениям профессиональной деятельности и саморазвития учителя музыки, составляют его смысловые опоры и целевые установки.

Задание студентам состояло в необходимости оценить свои знания в отношении каждой категории по 5-балльной системе. Так, 4 и 5 баллов означало хорошее и отличное представление о сущности этико-профессиональной категории, например «духовно-нравственное воспитание»; 3 балла – примерное представление; 2 балла – очень слабое представление, 1 балл – представления студентов на уровне слуховой памяти (только слышал об этом), 0 баллов – отсутствие у студентов каких-либо представлений (не знаю, не слышал об этом). На следующем этапе тестирования студенты давали определения тем категориям, знание которых они оценили как отличное и хорошее. Однако в тех случаях, когда в результате самооценки студентов, наиболее высоким показателем их собственных знаний оказывалось 3 балла, то от студентов также требовалось сопроводить показатели данной самооценки характеристикой соответствующей ей категории. Вместе с тем осуществлялся анализ преподавателями самооценок и ответов студентов также на основе пятибалльной системы. Так, 4–5 баллов являлись показателем *достаточно высокого уровня* владения этико-профессиональными категориями (качество знаний отличалось точностью); 3 балла – *среднего уровня* (качество знаний отличалось частичной точностью представлений); 1–2 балла – *низкого уровня* (качество знаний не соответствовало содержанию сущности понятия); 0 баллов – *отрицательного уровня* (означало отсутствие представлений о сущности понятия). В результате тестирования студентов были получены

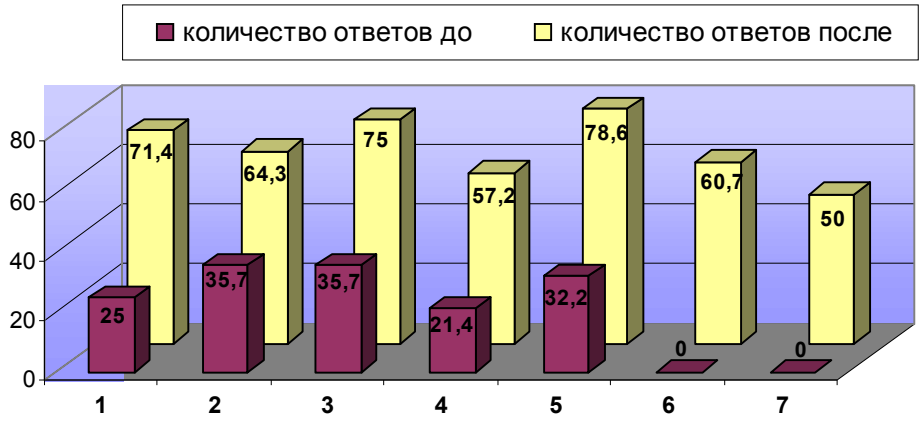

Рис. Рост профессионально-этических знаний студентов на примере полученных ответов, соответствующих 4-5 баллам в самооценке студентов (до и после изучения спецкурса).
Категории: 1 – мораль; 2 – нравственность; 3 – духовность; 4 – духовно-нравственные ценности; 5 – духовно-нравственное воспитание; 6 – этизация образования; 7 – этос музыкального искусства.

представления об уровнях владения ими этико-профессиональным тезаурусом, основанные на самооценке испытуемых. При этом реализуемый в тестировании двухсторонний подход к оценке, позволил провести сравнительный анализ уровней самооценки студентов с оценкой качества их знаний, данной преподавателями. Диагностика уровней этико-профессионального развития студентов проходила в два этапа: в начале реализации теоретической части программы и ее заключении. Приведенные на рисунке результаты показывают положительную динамику овладения студентами системой этико-профессиональных знаний. Помимо количественных сдвигов в знаниях студентов, необходимо отметить и качественные преобразования. Знания, продемонстрированные студентами в заключительных тестовых заданиях, приобрели глубину, полноту и систематичность. Также изменилось и качество самооценок студентов. Посредством сравнительного анализа самооценок студентов с оценкой их знаний преподавателями, было выявлено, что качество самооценки студентами собственных этико-профессиональных знаний чаще стало адекватным, реже завышенным. В целом у студентов проявилась тенденция к более строгому подходу к самооценке, и даже ее занижению.

Важное место в педагогическом сопровождении, направленном на актуализацию этико-профессиональных знаний в профессиональной деятельности будущих специалистов имело сотрудничество со студентами в период педагогической практики. Оно заключалось в оказании им педагогической помощи в процессе осмысления объективной значимости этико-профессиональной подготовки для повышения качества профессиональной деятельности. Объектом совместного со студентами осмысления стала их педагогическая деятельность. Для этого применялись «мягкие» методы и приемы, которые без ущерба для самолюбия студентов позволяли им обобщать свои знания и личностный опыт и при этом профессионально развиваться и совершенствоваться. Совместный со студентами рефлексивный анализ их педагогической деятельности способствовал важным качественным сдвигам в их личностном и профессиональном развитии: проявлению у студентов интереса к ценностно-смысловому постижению педагогической деятельности, а также потребности в ее коррекции и преобразовании для достижения качественно нового и более высокого результата. Было достигнуто повышение творческой активности студентов посредством увеличения энергии рефлексивного слоя сознания; развитие ценностного отношения к профессии учителя музыки, осмысление ее значения для современного образования школьников. Об успешности педагогического сопровождения также свидетельствовало увеличение у студентов потребности в обращении к этико-профессиональной тематике, что проявилось у них в стремлении к сотрудничеству и сотворчеству с преподавателем этики. Итоги реализации практического блока программы также показали актуальность и эффективность введения в процесс образования будущих учителей музыки специализированной этико-профессиональной подготовки посредством применения технологии педагогического сопровождения, поддержки и помощи. Это позволило сделать ряд выводов.

Выбор технологии педагогического сопровождения применительно к процессу становления основ профессиональной этики у будущих учителей музыки можно назвать актуальным и эффективным. Выбранная технология универсальна и адекватна целям, задачам и содержанию данного процесса, ее применение позволило достичь качественных и количественных результатов учебно-развивающей деятельности педагога и позитивной динамики группового и индивидуального развития студентов. Ее гуманистический характер способствовал укреплению взаимодействия и взаимовлияния педагога и студентов, их взаиморазвитию и получению взаимно позитивного результата.

Важным результатом является то, что в процессе педагогического сопровождения происходило не просто изучение уровней развития студентов и помощь в достижении ими более высоких ступеней личностного и профессионального роста. Прежде всего, данная технология дала возможность дифференцированно и индивидуально подойти к процессу образования будущих специалистов, изучить их психологическое и духовное состояние, профессиональную готовность, пригодность, направленность, выявить индивидуальные особенности, потенциалы, способности к творчеству, социально-культурную и профессиональную идентичность, нравственную воспитанность каждого сопровождаемого.

Технология педагогического сопровождения позволила сделать учебно-образовательный процесс более эмоциональным, творческим, стиму-

лировать внутреннюю активность студентов, обеспечить большую степень обратной связи, интегрировано применять различные методы и приемы гуманистического воздействия на личность будущего специалиста, реализовать тонкое и мягкое регулирование и влияние на деликатную сферу этико-профессионального становления будущего учителя музыки.

Библиографический список

1. *Акмеология:* Учеб. пособ. / Сост. А. Деркач, В. Зазыкин. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.

2. *Вульфов Б.З.* Педагогическое сопровождение как явление // Психологическое и социально-педагогическое сопровождение детей и молодежи: Материалы международной научной конференции (6–8 декабря 2005 г.). В 2 т. – Ярославль: изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2005. – Т. 1. – С. 11.

3. *Газман О.С.* Теория: что такое педагогическая поддержка // Классный руководитель. – 2000. – №3. – С. 6–34.

4. *Горянина В.А.* Психология общения. – М.: Академия, 2004. – 416 с.

5. *Зеленкова И.Л., Беляева Е.В.* Этика: Учебное пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2001. – 368 с.

6. *Леонтьев А.А.* Педагогическое общение. – М.: Знание, 1979. – 48 с.

7. *Мудрик А.В.* Индивидуальная помощь в социальном воспитании // Новые ценности образования.– 1996. – Вып. 6. – С. 51–55.

8. *Мудрик А.В.* Общение в процессе воспитания. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 320 с.

9. *Наумчик В.Н., Савченко Е.А.* Этика педагога: Учеб.-метод. пособие. – Мн.: Універсітэцкае, 1999. – 216 с.

10. *Рожков М.И.* Сопровождение детей и молодежи как компонент социально-педагогической деятельности // Психологическое и социально-педагогическое сопровождение детей и молодежи: Материалы международной научной конференции (6–8 декабря 2005 г.). В 2 т. – Ярославль: изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2005. – Т. 1. – С. 3

11. *Рожков М.И.* Социально-педагогическое сопровождение: концептуальное осмысление процесса. // Психология и педагогика социального воспитания: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Н. Лутошкина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 322–329.

12. *Педагогика:* Учебник / Под ред. В.А. Сластенина и др. – М.: Школьная Пресса, 2002. – 512 с.

13. *Столяренко Л.Д.* Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 544 с.

14. *Целковников Б.М.* Мировоззренческие убеждения педагога-музыканта (Поиск их смысла в диалоге с наукой, искусством и самим собой): Учеб. пособ. – М.: 1998. – 156 с.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Н.А. Александрова, Н.Л.Саталкина

ХАРАКТЕРИСТИКА И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТАТУСНОЙ РЕНТЫ

Преамбула. *В статье рассматриваются условия возникновения специфического дохода – статусной ренты – в результате монополизации и приватизации своих должностных функций государственными служащими.*

Государственный служащий вступает в рыночные экономические отношения со своими специфическими ресурсами. Он выполняет свои функции, используя опыт, знания, квалификацию, затрачивая рабочее время. И этот квалифицированный труд соответствующим образом оплачивается в виде заработной платы. Должностные функции служащих государственных организаций образуют дополнительный специфический ресурс. Рентные отношения, возникающие в результате использования этого своеобразного ресурса, приносят особый вид дохода – статусную ренту. В последние годы вместе с ростом численности и расширения функций государственных служащих возрастают масштабы присвоения статусной ренты, выступающей в различных формах. Такая рента возникает не только в органах государственного управления, но и во всех других организациях, должностные функции которых могут быть приватизированы работниками этих организаций. Статусная рента, в отличие от природной ренты, представляет собой вычет из валового внутреннего продукта. Это – результат перераспределения ВВП, причем по большей части неэффективного. И чем больше растет статусная рента, тем больше, следовательно, этот вычет. В экономической теории широко исследуются проблемы природной ренты, в то время как исследование статусной ренты еще не получило должного внимания. Поэтому поиск путей ограничения масштабов статусной ренты, поиск, опирающийся на выявление природы самой ренты, механизмов ее формирования и присвоения, становится все более актуальной проблемой. Для того, чтобы найти пути и выяснить эти механизмы, требуется глубокий теоретико-экономический анализ самой статусной ренты, и особенно – тех условий, которые способствуют её зарождению и увеличению.

Мы предлагаем свое видение этой проблемы и пути выхода из нее.

Природа статусной ренты выясняется с методологических позиций общей теории ренты. Исходя из этой теории, опираясь на работы Д. Рикардо и других экономистов, специально занимавшихся теорией ренты, мы приходим к выводу, что всякая рента возникает в результате приватизации и монополизации определенного ресурса. Заметим в связи с этим, что у К. Маркса условием возникновения абсолютной земельной ренты служит монополия частной собственности на землю, а условием дифференциальной земельной ренты – монополия ведения хозяйства на земле. ***Статусная рента*** – это часть дохода, получаемого субъектом экономических отношений в результате монополизации и приватизации должностных функций и от использования своего статуса. Источником статусной ренты является ***рентный ресурс*** (та часть императивного ресурса, которая порождает ренту). Рентный ресурс обладает следующими свойствами:

1) находится в исключительном, монопольном владении, это вытекает из всех концепций ренты, начиная с земельной ренты;

2) имеет трехстадийность реализации: *потенции – актуализация – активизация*. Потенциально ресурс существует всегда. И как всякий ресурс, он может так и остаться ресурсом. Этот ресурс должен начать актуализироваться, а затем активизироваться. Актуализация возникает тогда, когда этот ресурс востребован, и вокруг его возникают рыночные отношения спроса и предложения. Тогда он становится источником ренты. Он активизируется, когда с помощью этого ресурса производится некоторая услуга, тогда он превращается в элемент, от которого зависит конкурентоспособность предприятия, выгоды и т.д.;

3) его предпосылкой является разделение и кооперация труда чиновника;

4) относится к специфическим активам (в широком смысле), размеры которых являются величинами неверифицируемыми и (или) ненаблю-

© Н.А. Александрова, Н.Л.Саталкина, 2006

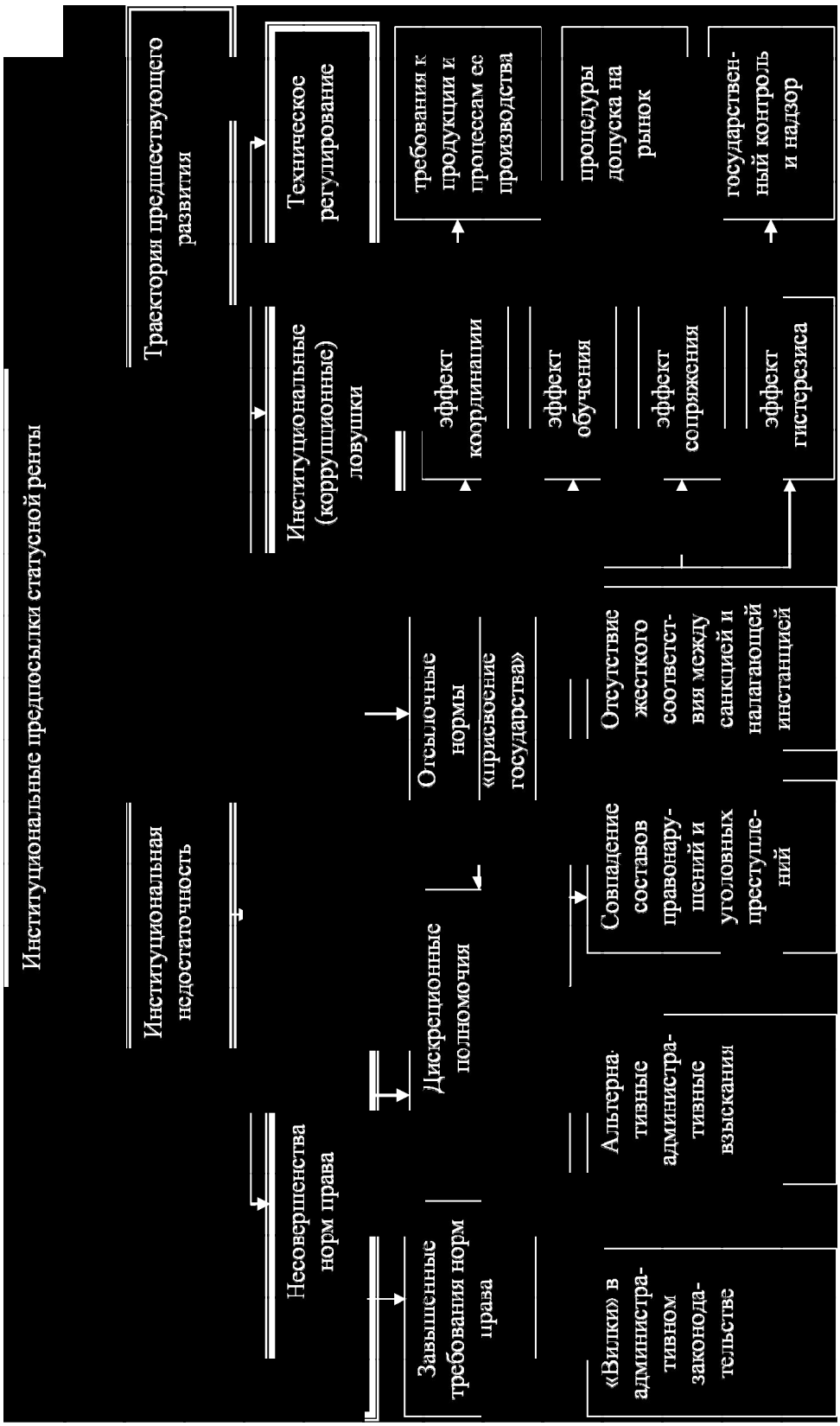

Рис. 1. Институциональные предпосылки статусной ренты

даемыми, с вытекающими отсюда особыми свойствами;

5) не увеличивает суммарный доход, а перераспределяет в пользу того или иного участника обмена;

6) произведенную с помощью рентного ресурса частную услугу можно обменять в результате специфического контракта;

7) услуга, произведенная рентным ресурсом, оценивается *в обмене* в гораздо большей степени, чем на рынке;

8) является *рентогентом,* т. е. предполагает наличие *особых условий*, при которых возможно возникновение ренты. Такими условиями могут быть: генетическое наследие, институциональные предпосылки, противоречия (обособление) экономических интересов владельцев рентных ресурсов;

9) возникает из самой системы экономических отношений, являясь их результатом.

Из свойств рентного ресурса вытекают свойства статусной ренты.

– возникновение от специфической формы собственности – от обособления (присвоения, «приватизации») не принадлежащих субъекту должностных функций;

– неотделимость от статуса, должностной функции;

– нелегитимность процесса присвоения функций;

– обеспечение возникновения легитимной частной собственности из нелегитимного процесса присвоения функций;

– функционирование на специфичном рынке;

– кумулятивный эффект;

– мультипликационный эффект;

– материальный и нематериальный, латентный характер;

– рентогенность;

– эволюционность;

– возникновение в основном из коррупционного процесса;

– объективно-субъективная природа статусной ренты;

– негативное влияние на функционирование механизма конкуренции;

– наличие позитивных последствий.

Следует заметить, что статусная рента достаточно сложное, многоплановое понятие. Во-первых, она ни в коем случае не сводится к элементарным взяткам. Это могут быть услуги гораздо

Рис. 2. Схема формирования экономических отношений чиновника как представителя, носителя и выразителя экономических интересов

более сложные: приоритеты, предпочтения, внеочередность и другие такого рода преференции. Во-вторых, должностные лица могут обмениваться статусными услугами друг с другом, обмениваться возможностями, которые предоставляет им их статусное положение. В-третьих, и это очень важно учитывать, статусная рента не сводится только к нелегитимным и противозаконным видам доходов. Есть целый ряд форм легального, нормативного установления статусной ренты государственным служащим в виде различных льгот, преференций, привилегий и других такого рода форм повышения материального благосостояния.

Из всех условий возникновения статусной ренты мы выделяем три основные группы: траекторию предшествующего развития, которую мы называем генетическим наследием, институциональные предпосылки (рис. 1) и противоречия экономических интересов (рис. 2).

Эти противоречия возникают из *тройственности* формирования экономических отношений: чиновник *как представитель* групповых интересов, *как носитель* государственных интересов и *как выразитель* личных интересов. Причем как представитель интересов различных групп и как носитель интересов государства чиновник соблюдает функциональный интерес от выполнения своих функций, должностных обязанностей. Именно через интерес осуществляются в дальнейшем экономические отношения с другими субъектами, в том числе и рентоориентированные.

Через тройственность интересов можно проанализировать правомочия собственности. Чем шире «пучок правомочий», закрепленных за данным ресурсом, тем выше его ценность и, применительно к чиновнику, больше возможностей R-S поведения.

Статусная рента связана с совершенно специфическим типом рисков. Общие основы теории рисков применимы и к статусной ренте. Оказалось, что при этом риски получают особое выражение и имеют, по крайней мере, три характерные черты.

Во-первых, для рисков, на которые идут государственные служащие в присвоении статусной ренты большое значение имеет неотвратимость мер, направленных на пресечение коррупции и других видов экономического поведения в поисках ренты. И эта неотвратимость может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от степени распространения рентоориентированного поведения по вертикали и горизонтали.

Вторая важная особенность рисков, связанных с рентоориентированным поведением, заключается в том, что большое значение имеет содержание риска, чем именно рискует тот, кто осуществляет рентоориентированное поведение. Мы не должны возвращаться к жестокости, но отстранение от должности и запрещение в дальнейшем занимать государственные должности – это должно быть мерой, которая усиливает степень риска.

И третье. Для риска в рентоориентированном поведении особое значение имеет соотношение той выгоды, дохода, который чиновник получает от предприятия, связанного с риском (от взятки, коррупции и т.д.), с одной стороны, и потерь, которые потенциально существуют, которые он может понести, если к нему будут приняты меры. Причем существует одна особенность в рентоориентированном поведении и рисках. Это поведение заключается в том, что временная протяженность доходов и потерь различается. И поэтому особое значение имеет вся система профилактики против рентоориентированного поведения. А если такое поведение все-таки состоялось, то важное значение имеет скорость реакции на правонарушение.

Потенциальные возможности сокращения статусной ренты возможны как в воздействии на самих государственных служащих, как на личностей, на индивидуумов, так и на ту социально-экономическую и социально-психологическую среду, в которой государственные служащие живут и осуществляют свои функции. Говоря о воздействии на субъекта, который осуществляет рентоориентированное поведение, можно выделить кадровый вопрос, подготовку и воспитание государственных служащих, их ответственность, жесткое разделение власти и собственности. Потому что близость чиновника к отношениям собственности усиливает рентоориентированное поведение. В воздействии на социально-экономическую среду речь идет об общем оздоровлении социально-экономических отношений, о создании определенного климата, в котором бы со стороны окружающих людей, со стороны общества рентоориентированное поведение воспринималось бы как аномалия. То есть речь идет о том, каким образом создать такую экономическую среду, в которой поиск ренты был бы не нормой, как сейчас, а аномалией.

Таким образом, выявление сущности явлений, которые находятся в институциональной недостаточности и обусловлены противоречиями экономических интересов, позволяет не только исследовать социально-экономическую природу статусной ренты, но и теоретически обосновать пути и способы снижения ущерба общества от возникновения и присвоения статусной ренты.

Е.А. Ганаева

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Преамбула. *В статье описывается теоретическая модель маркетинговой деятельности образовательного учреждения, включающая цели, субъекты, объекты, функции и методы образовательного маркетинга. Осмысление заявленной модели позволит образовательному учреждению реализовать маркетинговую деятельность, ориентированную на изучение, формирование и удовлетворение запросов потребительских групп (школьников и их родителей).*

Модель как система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе, абстрактный прообраз деятельности, которую необходимо осуществить в будущем содержит общее представление о том, что надо сделать для реализации маркетинговой деятельности образовательного учреждения, при условии, что маркетинговая деятельность, а также модель-продукт ее анализа – имеют сходство в определенных отношениях. Только наличие некоторой общности отношений между моделью и маркетинговой деятельностью позволяет путем изучения самой модели получать новые данные о предмете исследования, которые в обычных условиях получить достаточно сложно, а в некоторых случаях – невозможно. Поэтому наличие некоторой общности модели и определенных сторон педагогического явления есть главное условие, которое позволяет изучать разные стороны исследуемого процесса (маркетинговой деятельности) на его аналоге, модели.

Теоретическая модель образовательного маркетинга включает: цели образовательного маркетинга; субъекты; объекты; функции; методы.

Первая доминанта – цели маркетинга. Цель деятельности – это начало, которое определяет общее направление, содержание, формы и методы работы. Всякая цель должна обладать пятью основными свойствами:

– полнотой содержания, т.е. определенностью всех характеристик результата, существенных для его максимального соответствия потребности;

– операциональностью (контролируемостью, измеримостью) ожидаемого результата;

– временной определенностью;

– реальностью, достижимостью (соответствием возможности);

– побудительностью (соответствием мотивам субъекта деятельности).

Производными от целей маркетинга и педагогики, являются цели образовательного маркетинга. Напомним, что образовательный маркетинг является разновидностью некоммерческого, целенаправленного на достижение некоего социального эффекта (а не на получение прибыли). В нашем исследовании социальным эффектом является: личность школьника, обладающая зрелостью потребностно-мотивационной сферы, позволяющей адекватно «построить» жизненно-профессиональное пространство; маркетинговая компетентность руководителя учреждения образования, позволяющая изучать, формировать и удовлетворять интересы внешней и внутренней сред учреждения образования, тем самым, повышая его конкурентоспособность.

Исходя из этого посыла, целями образовательного маркетинга являются:

– ***собственно маркетинговые*** (достижение высокой удовлетворенности потребителей, формирование благоприятного имиджа учреждения образования);

– ***собственно педагогические*** (формирование познавательных потребностей школьника);

– ***структурно-управленческие*** (придание управляющей системе большей гибкости и адаптивности, нацеленность на достижение более сложных стратегических целей);

– ***обеспечивающие*** (услуговая, стимулирующая, сервисная политика учреждения образования).

Вторая доминанта – субъекты маркетинга. Субъект – (от латинского subjectus – находящий-

 © Е.А. Ганаева, 2006

ся у основания) – носитель предметно-практической деятельности и познания, «активный делатель», источник осознанной, целенаправленной активности. Стать субъектом деятельности – значит освоить ее, быть способным к осуществлению и творческому преобразованию.

Субъектами образовательного маркетинга являются субъекты образовательного процесса: школьник (потребитель образовательной услуги), его родитель, педагог, руководитель учреждения образования («производители» образовательных услуг), общественные организации (посредники при оказании образовательных услуг), предприятия-пользователи носителей образовательных услуг (выпускников образовательного учреждения); собственно образовательные учреждения; органы управления образованием, государство.

Обучающийся является ключевой, но при этом мало информированной, фигурой образовательного процесса. В этом заключается некий парадокс, обуславливаемый логикой образовательной деятельности. Педагог не информирует школьника по поводу образовательных технологий, учебно-методических, наглядных средств, используемых при проведении занятий. Такая закономерность с одной стороны, обосновывается возрастными психологическими особенностями воспитанника, с другой стороны, «препятствует» осознанию ценности предоставляемой образовательной услуги.

Родители школьников должны содействовать образовательному учреждению в развитии, обучении и воспитании своих детей. Активному, осознанному отношению родительской общественности к учреждению образования еще предстоит состояться.

Организации-работодатели (предприятия-пользователи), использующие носителей образовательных услуг, предъявляя учреждению образования комплекс требований к квалификации выпускников, могут и должны участвовать в финансировании образовательного процесса. Учреждение образования, имея договор с таким предприятием, обязуясь соблюдать требования к качеству подготовки специалистов, имеет право рассчитывать на финансовую «подпитку» взаимодействия педагогов и школьников.

Учреждение образования, следуя логике маркетинговой деятельности, берет на себя следующие обязательства:

– информировать потребителей об ассортиментных группах оказываемых образовательных услуг;

– организовать «производство» таких образовательных услуг, которые будут пользоваться спросом у потребителей;

– обеспечить сервисное сопровождение реализуемых образовательных услуг.

Социальная незрелость школьника диктует необходимость обращения образовательного учреждения к родителям. Учет предпочтений и запросов родителей немаловажен при выстраивании маркетинговой деятельности. Изучение потребностей родительской общественности, стимулирование спроса на образовательные услуги, просвещение («воспитание») родителей – важная сторона деятельности маркетолога, педагога, руководителя . Поэтому необходимо, выстраивая взаимодействие с детьми и их родителями, убеждать в ценности образовательной услуги, информируя о ее преимуществах, доказывая ее полезность для будущей жизнедеятельности школьника.

Посреднические структуры (образовательные фонды, биржи труда, ассоциации учреждений образования) содействуют оказанию образовательных услуг, участвуя в аккредитации, аттестации учреждения, информируя о спросе и предложении рабочей силы на рынке труда, организуя совместные ПР-акции, финансируя образовательные проекты.

Роль государства и его органов управления (в т.ч. на местах) особенно весома в маркетинге образовательных услуг (государство финансирует образование и на этом основании вправе транслировать ему государственный заказ на выпускника). Повсеместно в странах с рыночной экономикой государство осуществляет правовую защиту субъектов маркетинга (прежде всего потребителей) от монополизма, от недобросовестности в бизнесе, рекламе, обеспечении качества услуг, ведет статистику, содействует проведению масштабных маркетинговых исследований.

Третья доминанта – объекты образовательного маркетинга. Сложилось несколько точек зрения на то, что является объектом маркетинга образования:

– образовательные услуги и продукты (научно-техническая, учебно-методическая продукция, а также информационные, консультационные, экспертные, научные услуги) (А.П. Панкрухин, У.Г. Зиннуров, В.Н. Зотов, Н.В. Тихомирова, С.Н. Пищулин);

– образовательная программа – комплекс образовательных услуг, нацеленный на измене-

ние образовательного уровня и профессиональной подготовки потребителя и обеспеченный соответствующими ресурсами образовательной организации (А.А. Унгаев, О.В. Сагинова, Л.В. Захарова);

– образовательная франшиза, как исключительные права реализации образовательных услуг под фирменным наименованием, торговой маркой и товарным знаком в определенных условиях (А.С. Семенова);

– молодые специалисты (А. Браверман).

К числу объектов образовательного маркетинга относятся образовательные услуги, образовательные учреждения, территории, на которые расположены учреждения о образования.

Рассмотрим самый распространенный объект маркетинга – образовательную услугу. Образовательная услуга является специфическим товаром, характеризующимся следующими особенностями:

– нематериальностью;

– неотделимостью от субъекта, ее оказываемого;

– сопровождением другими услугами (консультационными, экспертными);

– непостоянством качества;

– сезонностью оказания;

– отсроченностью результата.

При презентации и предложении образовательной услуги необходимо учитывать вышеперечисленные позиции. Формализация услуги может быть воплощена в ее сопровождении учебно-методическими комплексами; дипломами, грамотами, полученными пользователями услуги (школьниками) и педагогами, оказывающими ее. Важно, чтобы весь арсенал средств, имеющихся в распоряжении «презентаторов» был использован для «зримого» воздействия на органы чувств потребителей.

Таким образом, важнейшим направлением маркетинга услуг становится их «материализация»: моделирование результата потребления услуги, введение стандартизированных требований к качеству.

Помимо статических характеристик, образовательная услуга обладает динамической, отражаемой в концепции жизненного цикла, который включает четыре стадии (фазы):

1 фаза – фаза внедрения – период медленного роста, когда услуга (программа) только начинает осваивать рынок. Эта фаза наступает тогда, когда новая услуга становится впервые пригодной для рынка. Внедрение требует времени: нужно подыскать новые помещения, привлечь преподавателей, новых потребителей. В течение стадии внедрения расходы обычно велики, но и конкуренты немногочисленны.

Таблица

Траектории движения образовательной услуги

Жизненный цикл образовательной услуги	Характер маркетинговой деятельности	Эволюция спроса на образовательную услугу
Внедрение	Сократить сроки «вхождения» на рынок, изучив нюансы потребительских предпочтений, групповую мотивацию, используя методы активизации спроса на услугу	Пассивный спрос (отсутствует активное действие со стороны потребителя по пользованию услугой)
Рост	Поддерживать рост образовательной услуги улучшить качество услуги и подчеркнуть ее новые особенности; активно искать новые пути для освоения рынка; широко использовать рекламу и искать новые пути привлечения дополнительного внимания к услуге	Фрагментарно-импульсивный спрос (отсутствует стабильность в потребительском сегменте; количественная востребованность услуги начинает повышаться)
Зрелость	Продлить этап зрелости образовательной услуги, наращивая ее качество, акцентируя ее уникальность в сравнении с конкурентами	Активно-стабильный спрос (подавляющее большинство потребителей отдают предпочтение пользованию данной услугой)
Спад	Сократить сроки «ухода» устаревшей услуги; подготовить ей замену; сократить сроки «прихода» новой услуги	Эпизодически-пассивный спрос (уменьшение количества потребителей, пользующихся данной услугой)

2 фаза – фаза роста – период быстрого завоевания рынка. Если новая образовательная услуга (программа) удовлетворяет рынок, она привлечет многих потребителей. В течение этой стадии учебному заведению необходимо пытаться поддерживать как можно дольше быстрый рост спроса на услугу.

3 фаза – фаза зрелости – период медленного роста, обусловленный тем, что услугой (программой) воспользовалось большинство потребителей. С некоторого момента скорость роста замедляется, она входит в стадию относительной зрелости. Эта стадия обычно продолжается гораздо дольше, чем предыдущие, с ней связаны наибольшие усилия при организации маркетинга. На уменьшении скорости роста спроса на услугу сказывается перепроизводство: слишком много учебных заведений предлагают аналогичные услуги, в то время как спрос на них падает. Перепроизводство ведет к усилению конкуренции между учебными заведениями.

4 фаза – фаза спада – период, когда интерес потребителей резко падает. Спад может быть быстрым и медленным. В случае падения интереса некоторые услуги должны быть аннулированы, на другие можно сократить контингент, уменьшив количество рынков.

Логика жизненного цикла может быть применена к образовательной услуге учреждения образования (школе или УДОд). Можно с достаточной уверенностью предположить, что образовательные услуги будут всегда. Поэтому мы адаптировали концепцию жизненного цикла к образовательной услуге учреждения образования (табл.).

Организации и территории как объект гуманитарного маркетинга могут быть рассмотрены с точки зрения имиджа, и с точки зрения привлекательности места расположения и его обустройства, и с точки зрения перспективности.

Четвертая доминанта – функции маркетинга. А.П. Панкрухин, сосредоточившись на содержательных доминантах маркетинговой деятельности, среди функций маркетинга выделяет:

– *Товарную политику*: тип товара, услуги (какую проблему потребителя она будет разрешать); качество (на каком уровне будет удовлетворяться потребность); ассортимент (какое разнообразие вариантов будет предложено); сервис (с какими сопутствующими товарами и услугами).

– *Ценообразование:* установление цен на новые товары, услуги; адаптация цен (скидки, наценки); цены и конкуренты.

– *Коммуникации:* реклама; связи с общественностью; личные контакты.

– *Сбыт, продажи:* типы и функции посредников; способы стимулирования спроса; организация «сбыта» товаров, услуг.

Комплекс функций, выделяемых П.С. Завьяловым, позволяет получить развернутое представление о «технологии» маркетинговой деятельности. Это:

Аналитическая функция – изучение и оценка внешней и внутренней среды фирмы; рынка и его составляющих; потребителей, товарных структур.

Продуктово-производственная функция – создание новых товаров, которые бы наиболее полно соответствовали требованиям потребителя. Маркетинг воздействует на производство, пытаясь сделать его достаточно гибким, способным производить конкурентоспособные товары, соответствующие технико-экономическим параметрам с низкими издержками. Данная функция включает организацию производства новых продуктов, применение новых технологий, управление качеством и конкурентоспособностью в производственной сфере.

Сбытовая функция (функция реализации), распространяемая на формирование товарной политики фирмы, проведение ценовой политики, организацию и реализацию товародвижения.

Формирующая функция (функция убеждения и стимулирования), занимающаяся спросом, его расширением и поддержанием на высоком уровне, а также создающая стимулирующий спрос у потребителей и заинтересованность в повышении результатов работы у посредников.

Функция управления – это сосредоточение всего комплекса взаимосвязанных вопросов маркетинговой политики и практики в руках руководителя. Данная функция «отвечает» за организацию планирования, информационное и коммуникационное обеспечение управления, организацию контроля.

По мнению В.Е. Новаторова, принято подразделять функции маркетинга на практические и управленческие. К практическим функциям маркетинга относят:

– *функцию конфигурации,* связанную с разработкой и изготовлением продукта, формированием ассортимента, модернизацией ранее выведенных на рынок товаров, все равно – изделия это или услуги, идеи или отдельные лица. В последнем случае маркетологи стремятся изменить

имидж личности, разработать «под нее» новый план или программу действий; фактически речь идет, о товарной политике;

– *функцию валюизации,* предполагающую деятельность в области ценообразования, выбора ценовых стратегий, разработки политики цен;

– *функцию фасилитации,* выводящую на сбытовую политику. В этой области проводится работа по оптимизации каналов распределения и организации продвижения товаров на рынок;

– *функцию символизации*, связанную, главным образом, с осуществлением паблисити и паблик рилейшнз.

Среди функций управления маркетингом выделены:

1. Информационно-исследовательская. Это деятельность, связанная с подготовкой и осуществлением маркетинговых исследований и последующим *анализом* рынка.

2. Планирование. Эта функция вбирает в себя работу руководства организации по разработке маркетинговых планов и программ. Подробнее об этом – в главе «Управление маркетингом».

3. Организация выполнения маркетинговых планов и программ, проведение их в жизнь, осуществление намеченных мероприятий. Этим занимается, как правило, маркетинговая служба.

4. Маркетинговый контроль или ревизия. Речь идет о контроле за исполнением бюджета маркетинга и своевременностью осуществления маркетинговых мероприятий.

Исходя из вышеобозначенных позиций, сформулируем функции маркетинга учреждения образования:

1. Комплексное изучение в области образования:

– актуальные проблемы;

– спрос (потребности – социальный заказ общества);

– конкуренты, партнеры по сотрудничеству;

– потребители;

– перспективы развития, пути и условия их реализации.

2. Планирование услугового ассортимента, исходя их требований потребителей и своих возможностей:

– анализ материально-технической базы учебного заведения и научно-экономического потенциала педагогического коллектива;

– определение номенклатуры образовательных услуг;

– выявление недостающей информации, современных когнитивных, личностно-ориентированных

3. Организация «производства» услуг и наполнение конкретным содержанием образовательных услуг:

– выявление нормативно-регламентирующих документов, их анализ и критическая оценка;

– научное обоснование содержания разрабатываемых документов, выпускаемых услуг;

– выбор количественных и качественных показателей выпускаемых услуг;

– обоснование сервисного обслуживания;

– определение этапов выполняемой работы;

– распределение участков между соисполнителями;

– контроль и регулирование выполняемой работы.

4. Формирование политики предложения, презентации услуг:

– сегментация потребительских групп, т.е. выделение конкурентных целевых рынков в области образования;

– выбор каналов сбыта;

– определение методов активизации потребителя, презентации услуг;

– организация ПР-компании;

– стимулирование сбытовых операций (соблюдение договорных обязательств, сервисное обслуживание);

5. Реализация услуги, анализ проведенной маркетинговой работы, направленной на долгосрочный результат:

– эффективная реализация услуг на рынке;

– критический анализ удач, недостатков и их причин;

– выявление новых услуг.

Таким образом, образовательный маркетинг в целевом отношении определяется долгосрочными интересами всех субъектов образовательного процесса, а также возможностью создания благоприятного и широкого социального резонанса, эффекта в виде воспроизводства национального и интеллектуального потенциала и взаимосвязанных с ним эффектов.

Пятая доминанта – методы маркетинга. Метод – это совокупность способов и приемов взаимодействия субъектов образовательного процесса**.**

Маркетинг оперирует специальными, общенаучными и универсальными методами. *Специ-*

альные методы применимы только в рамках отдельных наук. Объективной основой таких методов являются соответствующие специально-научные законы и теории (метод статистического моделирования, маркетингового анализа, сетевого планирования; социологические, психологические методы). К *общенаучным методам* относятся: эксперимент, моделирование, гипотетико-дедуктивный метод, сравнение, синтез, анализ, обобщение, классификация. Эмпирические методы включают: наблюдение, опрос, беседу, интервью. *Универсальные методы* характеризуют человеческое мышление в целом и применимы во всех сферах познавательной деятельности человека. К этим методам относятся философские методы и принципы мышления, в том числе принцип диалектической противоречивости, историзма.

Маркетинг использует информацию и методы конкретных наук, таких как:

– статистика (прежде всего статистические данные государственных органов и общественных организаций) – для оценки емкости рынка и его сегментов, величины и тенденций изменения спроса и др.;

– макро- и микроэкономический анализ – для оценки состояния и перспектив развития рынка, возможностей конкурентов, каналов продвижения и продаж, собственных возможностей образовательного учреждения и его партнеров;

– социология – для выявления и анализа позиций конкретных потребительских групп и общественных слоев (контактных аудиторий) по интересующим вопросам;

– психология и психофизиология – в тех же целях, а также для апробации и повышения действенности рекламных и других приемов и способов формирования спроса, воздействия на восприятие образовательного учреждения субъектами рынка, на принятие ими решений в пользу выбора данного учреждения и его образовательных услуг;

– математика – для обслуживания процессов достижения указанных целей;

– теория управления – для осуществления процессов планирования и прогнозирования, контроля, регулирования, стимулирования маркетинговой работы и всей деятельности образовательного учреждения, а также поведения взаимодействующих с ним субъектов рынка.

В маркетинге применяются также конкретные методы и группы методов генерирования новых идей (в отношении объектов маркетинга, обновления ассортимента, ценообразования и адаптации цен, содержания и организации коммуникаций, продвижения и продаж товаров и услуг на рынке), экспертного оценивания, контент-анализа (прежде всего средств массовой информации) и др.

Таким образом, мы охарактеризовали теоретическую модель образовательного маркетинга, включающую цели, принципы, субъекты, объекты, функции и методы, служащую основанием для реализации маркетинговой деятельности образовательного учреждения.

И.П. Лобачёва

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ И НАЛИЧИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

На уровне сельскохозяйственного предприятия рабочая сила представлена работниками. Потребность в рабочей силе определяется штатными нормативами и другими положениями о нормативной численности работников предприятий.

Занятость работников, то есть их вовлечение в трудовые процессы основного производства, во вспомогательные и обслуживающие отрасли хозяйства, зависит от наличия в нём рабочих мест, а также их соответствия профессиональному составу работников, их опыту и умению.

На сельскохозяйственном рынке труда произошли существенные изменения в составе рабочей силы. В связи с сокращением объёмов производства уменьшается численность занятых в сельском хозяйстве. К уровню 1995 года это снижение составило 48,6%. Однако по категориям работников показатель был абсолютно различным.

Неравномерное движение численности по категориям работников привело к изменению структуры профессионально-отраслевого состава работников. При сокращении численности сельскохозяйственных рабочих их удельный вес

© И.П. Лобачёва, 2006

Таблица 1

Состав работников сельскохозяйственных предприятий по категориям

Категории работников	1995	1998	2001	2003	2004
Работники постоянные, чел.	25453	22825	17049	13893	12249
из них:					
трактористы-машинисты	6767	6174	4405	3412	3041
операторы машинного доения	4936	3277	2631	2119	1985
скотники КРС	5432	4432	3378	2634	2313
работники свиноводства	526	464	334	269	265
работники овцеводства и козоводства	18	10	7	5	11
работники птицеводства	614	483	450	412	396

в структуре всех работников сохраняется. Снижается удельный вес основных профессий – трактористов-машинистов, операторов машинного доения, скотников. Значительно возрастает удельный вес служащих. Таким образом, несмотря на изменение профессионально-отраслевого состава, основной кадровый потенциал сохраняется, но снижается квалификационный его уровень. Кадры стареют, отсутствует приток молодежи. За годы реформ заметно ослабла работа с кадрами, что отрицательно повлияло на качественный состав руководящих работников и специалистов.

Несмотря на общее сокращение численности постоянных работников, обеспеченность кадрами массовых профессий остаётся достаточно высокой в силу сокращения объёмов производства.

Анализируя динамику изменения численности работников можно заметить, что наибольшее изменение произошло в отраслях животноводства. Так за период с 1995 года по 2004 год чис-

Таблица 2

Соотношение плановых и фактических сельскохозяйственных работников массовых профессий в районах области, 2004 г.

Районы	Обеспеченность работниками		Требуется работников, чел.
	чел.	%	
Антроповский	316	82,9	381
Буйский	379	93,1	407
Вохомский	613	85,6	716
Галичский	638	93,8	680
Кадыйский	160	88,9	180
Кологривский	146	71,6	204
Костромской	2257	92,9	2430
Красносельский	746	97,3	767
Макарьевский	380	82,3	462
Мантуровский	370	93,2	397
Межевской	80	93	86
Нейский	178	100,0	178
Нерехтский	804	90,6	887
Октябрьский	456	93,1	490
Островский	347	95,6	363
Парфеньевский	313	97,5	321
Павинский	195	85,9	227
Поназыревский	79	100,0	79
Пыщугский	117	89,3	131
Солигаличский	354	82,9	427
Судиславский	896	92,6	968
Сусанинский	473	92,4	512
Чухломский	250	85,0	294
Шарьинский	334	83,3	401
В среднем по области	453,3	90,1	499,5

Таблица 3

Обеспеченность сельскохозяйственных предприятий трудовыми ресурсами в 2004 году

Районы	Приходится с.-х. работников, чел.		Отработано одним среднегодовым работником, дней
	на 100 га общей площади	на 100 га с.-х. угодий	
Антроповский	0,6	1,8	283
Буйский	2,6	3,8	265
Вохомский	0,7	1,8	312
Галичский	1,0	2,6	273
Кадыйский	0,7	1,1	320
Кологривский	0,4	1,6	301
Костромской	5,4	7,5	280
Красносельский	2,0	3,4	286
Макарьевский	0,8	2,2	315
Мантуровский	1,1	3,5	290
Межевской	0,2	1,0	307
Нейский	0,5	1,3	283
Нерехтский	2,1	2,6	265
Октябрьский	5,2	6,1	292
Островский	0,7	2,0	282
Павинский	3,0	3,5	285
Парфеньевский	0,6	2,1	329
Поназыревский	0,5	1,1	326
Пыщугский	0,6	2,0	274
Солигаличский	1,4	1,9	276
Судиславский	1,6	3,4	261
Сусанинский	1,4	2,8	266
Чухломский	0,6	3,4	269
Шарьинский	0,7	1,5	299
В среднем по области	1,4	2,7	304

ленность операторов машинного доения снизилась на 59,8%, скотников КРС на 57,4%, работников свиноводства на 49,6%.

Более медленными темпами сокращается численность работников растениеводческих отраслей. Наибольший удельный вес в составе работников занимают трактористы – машинисты, но их количество уменьшается год от года. За период с 1995 по 2004 годы их количество уменьшилось на 3726 чел.

Таким образом, анализ рабочих мест и занятости рабочей силы показывает наличие недостатка рабочей силы за счет оттока работников. Самую большую нехватку в работниках имеют Костромской и Вохомский районы. В Костромском районе происходит отток работников в город, а в Вохомском районе работники не хотят идти на «не престижные» работы с низким уровнем оплаты труда. Хотя наименее обеспеченным работниками массовых профессий являются Кологривский, Макарьевский, Солигалический и Антроповский районы.

В целом по области наблюдается недостаток на 11,9%. Наибольшую потребность в трактористах-машинистах испытывают Костромской, Нерехтский и Солигалический районы, то есть близлежащие районы от городов. Аналогичная ситуация и с операторами машинного доения, их нехватка наблюдается в Костромском, Шарьинском, Сусанинском районах.

Годовая занятость работников зависит от многих факторов, но доминирующим из них является уровень обеспеченности предприятий трудовыми ресурсами.

Уровень обеспеченности рабочей силой сельскохозяйственных предприятий области (при сокращении численности работников почти на 50% по сравнению с 1995 г.) в расчете на 100 га посевной площади, сократился лишь на 35%.

Самыми трудообеспеченными являются предприятия Костромского и Октябрьского районов, уровень обеспеченности в расчёте на 100 га сельскохозяйственных угодий превышает среднеобластное значение в 2,5 раза, при этом уровень

занятости работника составляет 280 и 292 дня, что примерено соответствует среднеобластным показателям. Самыми низкообеспеченными районами являются Парфеньевский, Поназыревский, Межевской, Кадыйский районы, следовательно, годовая занятость работников в этих районах намного превышает среднеобластной показатель.

Проблему сохранения численности рабочей силы и регулирования её занятости нужно решать за счёт изменения внутрихозяйственных отношений, затрагивающих их организацию труда, учёт списочного состава работающих, затрат и оплаты их труда, согласование интересов и оплаты, правовые вопросы. Такой вывод не совпадает полностью с рыночной экономикой, но в полной мере соответствует социальной политике занятости, Трудовому кодексу Российской Федерации.

Соотношение потребности и наличия рабочей силы необходимо регулировать с помощью внутреннего перераспределения работников, то есть перемещение категорий с излишком работников туда, где их не хватает. Так же необходима заинтересованность работников в оплате труда и социальным обеспечением работников.

В.Ю. Мелихов, Ю.М. Воронин

ЦЕЛЕВЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И РОЛЬ НАУКИ В ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Интеграция науки и высшего образования в стратегическом плане является важнейшим фактором развития не только научно-образовательной сферы, но и всего общества.

Административная обособленность научных и образовательных организаций, оказывает негативное воздействие на взаимосвязь исследовательских и образовательных процессов и неизбежно сказывается на эффективности функционирования указанных сфер.

В прошедшие годы основным и по существу единственным инструментом, используемым на федеральном уровне, являлась Федеральная целевая программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы» (государственные заказчики – Минобразование России и РАН).

Несмотря на исключительную значимость Программы и ее определенные позитивные результаты, задачи по укреплению и развитию, взаимодействия научных учреждений и высших учебных заведений были реализованы не в полной мере.

Мировой опыт свидетельствует, что научно-техническая деятельность является решающим фактором экономического развития, способствующим преодолению кризисных явлений и стабилизации экономики. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании и организации производства, в промышленно развитых странах приходится до 75–80% прироста валового внутреннего продукта (ВВП). Объем мирового рынка наукоемкой продукции составляет 2,3 трлн. долларов США. Основу данного фактора составляет научный потенциал – определяющий элемент производительных сил общества. Наука является активной формой общественного сознания, оказывающей огромное воздействие на процесс внедрения ее результатов в производство, в сферу управления экономикой, в здравоохранение и экологию.

В силу своего особого положения наука (уровень ее развития) определяет социально-экономическое развитие общества, его динамику.

По оценкам ученых, современный развитый технологический уровень экономики 1980–1990 годов относится к пятому технологическому укладу. Технологическое лидерство в мире принадлежит Японии, США, Германии, Швеции, другим странам ЕЭС, Тайваню, Республике Корея, Канаде и Австралии. Ядро данного технологического уровня – электроника, вычислительная и оптоэлектронная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка углеводородного сырья, информационные услуги.

В настоящее время начинается фундаментальная разработка очередного – шестого технологического уклада, время которого в передовых странах, вероятно, придет в 30-е годы XXI века. Ядро этого уклада – скоординированное внедрение компьютерных технологий во все стадии воспроизводственного процесса, дополненное развитием биотехнологии.

© В.Ю. Мелихов, Ю.М. Воронин, 2006

Большинство наукоемких отраслей России находится только в начале компьютерной революции, т.е. между третьим и четвертым технологическими укладами. Технологии пятого уклада в широком масштабе в стране пока не применяются. Россия отстает в этой области от промышленно развитых стран на 45–50 лет.

К началу XXI века отставание от большинства развитых стран по наиболее объективному и комплексному показателю, характеризующему развитие научной сферы, – доле внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВВП стало в 2 раза, а по величине этих затрат в расчете на душу населения в 6–12 раз. В расчете же на одного исследователя разрыв увеличивается еще больше. Например, по сравнению с США – одной из самых передовых в науке стран – Россия почти в 25 раз отстает. В связи с этим даже крайние пессимисты, являющиеся сторонниками отнесения современной России к числу слаборазвитых или развивающихся стран, должны признать объективную необходимость увеличения таких расходов исходя из настоящего положения России и перспектив ее развития.

Эти выводы подтверждаются незначительным, но достаточно стабильным ростом в 1996–2000 годах внутренних затрат (с 2,79 млрд. рублей до 3,85 млн. рублей в сопоставимых ценах), что в контексте их увеличения в 2001–2002 годах позволяет квалифицировать этот рост как тенденцию. Проверки, проведенные Счетной палатой, в различных научных структурах убедительно свидетельствуют о том, что вопросы могут возникать не о необходимости увеличения расходов на воспроизводство научного потенциала, а исключительно об их количественных параметрах, базой для определения которых может быть признана доля затрат в ВВП на исследования и разработки. В рамках этой работы должна определяться роль бюджета и других факторов в формировании общих затрат на науку на различных этапах социально-экономического развития России. К сожалению, эта основополагающая для российской науки проблема на государственном концептуальном уровне до настоящего времени не решена.

Недостаточные отечественные вложения в науку привели к серьезным изменениям структуры затрат на исследования и разработки в России. Серьезным фактором их роста являются иностранные источники, удельный вес которых в общем объеме затрат увеличился с 4,6% в 1995 году до 16,9% в 1999 году. В это время иностранные вложения превышали затраты нашего предпринимательского сектора на НИОКР (15,7 процента). При этом иностранные инвесторы вкладывают средства в наиболее перспективные научные направления, получая соответствующие права на их результаты. Такое положение в совокупности с уровнем развития науки за рубежом, способностью иностранных фирм к быстрой коммерциализации научных результатов и достаточно широким развитием венчурных институтов может привести к полной потере Россией конкурентоспособности наукоемкой продукции на мировом рынке. В 2000 году указанное соотношение изменилось в пользу России (соответственно 12,0% и 18,7%), что не дает оснований говорить о коренном переломе в этой области. В качестве позитивного аспекта данного явления нужно выделить востребованность нашего научного потенциала за рубежом, что свидетельствует о его еще достаточно высоком уровне.

Примечательно, что в 1990-х годах одновременно с падением доли внутренних затрат на науку в ВВП удельный вес во внутренних затратах средств бюджетов всех уровней стабильно снижался с 60,5% в 1995 году до 49,9% в 1999 году (в 2000 году этот показатель возрос до 53,7 процентов). При этом если доля бюджетов других уровней в объеме внутренних затрат на науку возросла согласно оценке в 1,5 раза, то доля федерального бюджета сократилась примерно в те же 1,5 раза. Не вызывает сомнения то, что сокращение доли бюджетного финансирования на науку возможно лишь при наличии здоровой и динамично развивающейся экономики.

В условиях слабой коммерческой востребованности науки, федеральный бюджет остается основным фактором государственного регулирования на федеральном уровне, способным привести к увеличению в России затрат на научные исследования и разработки до приемлемых объемов. Одновременно должно быть обеспечено действенное стимулирование вложений в науку предпринимательского сектора. Однако, как показывают проверки, научные учреждения практически не ощущают результатов такой формы государственной поддержки научной сферы. Следует повторить, что отмеченные тенденции в достаточной мере не изучены и в концептуальном плане такие пропорции не определены. Это свидетельствует, помимо прочего, о недостаточном

внимании науки к своим собственным проблемам.

В результате отсутствия средств на обновление материально-технической базы исследований (в том числе приборов и оборудования), а также ликвидации во многих институтах опытного производства, специализированных мастерских и СКВ произошло стремительное старение приборного парка и экспериментального оборудования в научных учреждениях РАН. Доля современных приборов со сроком эксплуатации менее 5 лет, например, в большинстве институтов Отделения общей физики и астрономии составляла около 12 процентов. В то же время срок морального старения оборудования, которое сейчас наряду с талантом исследователя имеет решающее значение для эффективности научных исследований и эффективного использования бюджетных средств, составляет 5–7 лет.

Отсутствие необходимого современного оборудования привело к существенному сокращению или сворачиванию исследований (в первую очередь экспериментальных) по целому ряду научных направлений, в которых до 90-х годов XX века Академия и страна в целом занимали ведущие позиции в мире. Так, в Физическом институте РАН существенно сократились лазерные термоядерные исследования, которые интенсивно продолжаются в США. Пионерские работы группы профессора В.С. Лехотова в Институте спектроскопии РАН по охлаждению атомов лазерным излучением не получили должного продолжения из-за отсутствия необходимых лазеров. В то же время в 1997 году Нобелевская премия за работы в этой области была присуждена двум американским и одному французскому ученым.

На совместном заседании Совета Безопасности Российской Федерации, президиума Государственного совета Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по науке и высоким технологиям при рассмотрении Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу было принято решением об увеличении бюджетного финансирования на развитие науки (см. табл.).

Это решение, свидетельствующее об отнесении развития науки и технологий к высшим государственным приоритетам, подтверждает необходимость усиления государственной поддержки науки, увеличения ее финансирования из федерального бюджета.

В то же время, указанный рост объемов финансирования науки из федерального бюджета к 2010 году с учетом ее хронического недофинансирования в 1990-х годах не может обеспечить своевременные и кардинальные изменения условий функционирования научной сферы, а также решения задач социально-экономического прогресса страны. Кроме того, этот рост ориентирован на достижение упомянутой нормы Закона о науке, которая не имеет достаточного концептуального обоснования. Не обоснован также срок достижения данного норматива, который составляет более семи лет и «традиционно» заканчивается к концу текущего десятилетия – в 2010 году.

Следует также решить вопросы формирования и практической реализации системы стимулов, обеспечивающих привлечение негосударственных вложений в отечественную науку, т.е. негосударственных потребителей научной продукции, которые привели бы, в конечном итоге, к увеличению востребованности результатов научных исследований и разработок.

Необходимо подчеркнуть, что одно усиление государственной поддержки науки не может обеспечить развитие научного потенциала страны. Одновременно должны быть приняты меры по совершенствованию организации использования научного потенциала. Без этого любое увеличение финансирования науки не даст необходимого эффекта и, в конечном итоге, приведет к «бро-

Таблица

Показатели	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Финансирование научных исследований и экспериментальных разработок гражданского назначения, в млрд. рублей (в ценах текущих лет)	34	39,9	46	56	71,7	89	110	136,5	170,1
в процентах к расходной части федерального бюджета	2,04	2,18	2.21	2,35	2,62	2,92	3,3	3,6	4

совым» государственным затратам и другим негативным последствиям, включая рост иждивенческих настроений в науке.

Такие меры необходимы в области нормативно-правового, концептуального обеспечения научной деятельности, формирования приоритетных направлений научных исследований, определения тематики НИОКР, осуществляемых за счет изменения системы финансирования научно-исследовательских работ, повышения их эффективности и усиления государственного регулирования в научной сфере.

Е.А. Романец, Н.В. Кучин

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ИНВЕСТИЦИИ: С ПОЗИЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ «ЛОВУШЕК»

Отношения кредитор-заемщик начали свое существование задолго до того, как экономика сформировалась в самостоятельную науку. Постепенное развитие экономики страны и межгосударственных взаимодействий превратило такие отношения в официальные сделки, основанные на прописанных правилах и подкрепленные законодательной базой. В России еще 20 лет назад сложно было услышать о каких либо формах финансирования, кроме государственного. Сегодня государственное финансирование сместилось на второй план. Рыночная экономика открыла российским предприятиям глаза на совершенно новые возможности финансирования основных и оборотных средств в условиях острой нехватки собственных инвестиций.

Возникает логичный вопрос: сколько же существует способов взять в долг? Ответ неочевиден. Начнем с самого простого – государственного финансирования, которое уже было упомянуто выше.

До сих пор многие предприятия ориентированы на финансирование из государственного бюджета. Такие проекты, как правило, имеют социальную, научную, инфраструктурную или оборонную направленность. Государство считается самым «добрым» кредитором, поэтому предприятия могут позволить себе нарушить условия кредитного договора без ущерба для своей репутации и без опасения быть объявленным банкротом. Кроме того, требования государства к подготовке инвестиционного проекта скорее формальные, чем профессиональные. Наверное, поэтому подобные проекты все же направлены на достижение иного эффекта, чем положительная чистая приведенная стоимость и высокая отдача от инвестиций [1].

Другой традиционный источник финансирования – кредит. Коммерческий кредит пришел в российскую экономику вместе с развитием банковской системы и стал самым распространенным способом брать в долг. Для банков кредитование является основной специализацией, но это не означает, что кредит можно получить только там – выдать кредит может любая кредитная организация. На практике получить кредит не так уж просто: условия кредита для незнакомой банку фирмы или для вновь создаваемой организации будут достаточно жесткими: высокий процент, достаточно ликвидный актив под залог, который будет оценен с дисконтом [1; 2]. Поэтому проект, под который требуется финансирование, должен быть в высокой степени эффективным и иметь низкие риски.

На практике «кредит» можно получить и у партнеров по бизнесу в виде отсрочки или задержки платежа. Первая схема предполагает, что продавец реализует свой товар (услугу, работу) с отсрочкой платежа, в результате чего стоимость актива в денежном эквиваленте возрастает. Разница между стоимостью актива сегодня и суммой, которую в итоге заплатит покупатель, рассматривается как плата за «кредит». Задержка платежа считается несколько неэтичной формой брать в долг. Если покупатель постоянно задерживает платежи по счетам, его репутация может пострадать. В настоящее время солидные компании дорожат своим именем и вряд ли будут прибегать к подобным инструментам финансирования [3].

Раз уж речь зашла о «незаконных способах долгового финансирования», то стоит упомянуть еще один такой способ получения кредита, который был особенно актуален в переходные годы российской экономики – это получение наличных денег у «друзей-бизнесменов», в различных полулегальных организациях, на «черном рынке» у криминальных структур, а также у ростовщиков. Такие формы кредитования сохранились и сейчас. Платой за такие кредиты будет являться

© Е.А. Романец, Н.В. Кучин, 2006

Выпуск векселей	Выпуск облигаций	Выпуск акций

Рис. 1. Схема долгосрочной стратегии по формированию кредитной истории

репутация конкретного бизнесмена в предпринимательских кругах, а также социальные обязательства перед кредитором в форме оказания услуг по схеме «ты мне – я тебе» [3; 4].

На этом разговор о незаконной стороне науки брать в долг закончим и перейдем к рассмотрению наиболее интересных механизмах, появившихся в России с переходом к рыночным формам хозяйствования.

Если компания достаточно долго существует на рынке и уже успела приобрести хорошую репутацию среди партнеров и клиентов, самое время менеджменту позаботиться о стратегическом развитии своей компании. Речь идет не только о росте компании посредством реализации краткосрочных проектов, но и о разработке долгосрочной стратегии по формированию кредитной истории компании с целью выхода на фондовый рынок (рис. 1).

Вексель известен в России давно. Но до недавнего времени использовались лишь некоторые его разновидности. В данной статье речь идет о векселе, который выпускается компанией с целью финансирования оборотного капитала.

Вексель является неэмиссионной ценной бумагой, поэтому формирование кредитной истории организации логично начинать именно с него. Его выпуск достаточно просто оформить, и он гораздо дешевле эмиссии облигаций или акций. Первый шаг к выпуску ценных бумаг – это первый шаг к уменьшению зависимости от одного инвестора, а, следовательно, и уменьшению риска потери бизнеса [2].

Однако не бывает преимуществ без недостатков. Реализация долгосрочной стратегии, как и любой инвестиционный проект, требует дополнительных затрат. В данном случае компания несет расходы на привлечение финансового консультанта, который сможет оценить возможности векселедателя и сложности выпуска, и который будет заниматься размещением векселей среди инвесторов и обеспечивать условия обращения данных ценных бумаг на вторичном рынке. Предприятие также будет нести финансовые расходы на разные организационные мероприятия, например, публикация инвестиционного меморандума, или печать векселей на максимально защищенных от подделок бланках [2].

Следующим шагом формирования кредитной истории компании является выпуск облигаций. Этот шаг выводит предприятие на фондовый рынок. Но вряд ли стоит останавливаться на достигнутом и не выходить на рынок акций, как и не стоит торопиться и обходить этап выпуска облигаций.

Итак, компания решила выпускать облигации. Что она теряет и что приобретает? Ответ очевиден: компания привлекает большой объем финансовых средств для финансирования крупного инвестиционного проекта, кредитную историю, доверие инвесторов, которые со временем будут требовать меньшую плату за риск и предоставлять заемные средства на более длительный срок. С другой стороны, компания вынуждена осуществлять эмиссию на достаточно крупную сумму, иначе выпуск облигаций не будет оправдан из-за сложности подготовки облигационного займа и дополнительных расходов, включающих налог на операции с ценными бумагами (0,2%), комиссию депозитарию (держателю глобального сертификата облигаций) (0,035%), комиссию бирже за размещение облигаций (0,02%), вознаграждение организатору эмиссии (1–2%), а также постоянные издержки, направленные на маркетинговые исследования, связанные с выпуском облигаций (10–20 тыс. долл.) [2; 5].

Если второй этап компания прошла успешно, то выход на рынок акционерного капитала становится логичным продолжением рассматриваемой стратегии. Чем же акционерный капитал так примечателен, что компания готова идти на краткосрочные жертвы, чтобы в будущем получить доступ к этому источнику финансирования? Дело в том, что акционерный капитал является долевой формой финансирования, а не долговой, как кредит, выпуск векселей и эмиссия облигаций. Это дает компании возможность не возвращать взятые средства, а иногда даже не выплачивать по ним дивиденды [2]. Последнее в свою очередь при острой необходимости служит дополнительным источником оборотных средств. Однако стоит заметить, что компании надо сформировать очень прочную кредитную историю, чтобы суметь разместить такой объем акций, чтобы эмиссия оказалась эффективной, ведь выпуск акций является самой дорогой и самой сложной формой привлечения инвестиций [3].

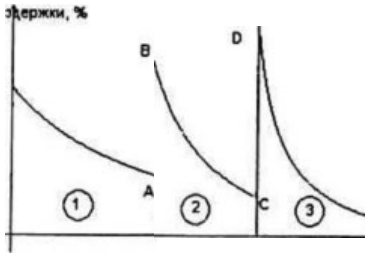

Рис. 2. График реализации долгосрочной стратегии по выходу на рынок акций

Рассмотрим условную схему реализации долгосрочной стратегии по выходу на рынок акций (рис. 2).

На оси абсцисс отражается время, на оси ординат – «подправленные» издержки, связанные с выпуском ценной бумаги. Смысл «подправленных» издержек состоит в том, что в них учтены выгоды, которые приобретает фирма в результате формирования своей кредитной истории и экономии на выплате процентов, купонов и дивидендов. График поделен на три области. В момент 0 фирма решила реализовать долгосрочную стратегию по выходу на рынок акций. Первая область – временной промежуток, на протяжении которого фирма выпускает векселя. Первый выпуск сопряжен с большими издержками, нежели все последующие, так как компания постепенно приобретает доверие инвесторов и они готовы принимать на себя риск за меньшее вознаграждение. С течением времени предельные издержки снижаются, так как исчерпываются возможности по их снижению, поэтому кривая выпукла к началу координат. В определенный момент становится ясно, что дальнейшее снижение издержек невозможно и необходимо переходить к следующему этапу. Но первый выпуск облигаций (вторая область) сопряжен с еще большими издержками, чем первый выпуск векселей. Кривая BC характеризуется аналогично, но она имеет более крутой наклон в связи с тем, что минимально возможные издержки при выпуске облигаций меньше, чем при выпуске векселей. Аналогичным является и третий этап: издержки на первый выпуск акций достаточно высоки и со временем снижаются еще до более низкого уровня. Отрезки AB и CD характеризуют «плату» за выход на рынок облигаций и акций соответственно. Однако всегда необходимо иметь в виду, что любое решение о выпуске той или иной ценной бумаги должно быть взвешенно по всем параметрам. Самое главное – это объем эмиссии. Так, каким бы прибыльным не был проект, под который берется займ, выпуск облигаций не будет оправдан, если объем заимствования менее 250–300 млн. рублей [5; 6].

Наука брать в долг на этом не заканчивается. Ведь в долг можно брать не только денежные средства, но и оборудование и другие менее ликвидные активы, чем деньги. Речь идет о таких механизмах, как лизинг, операции репо и франчайзинг.

Лизинг, или финансовая аренда, предполагает долгосрочную (финансовый лизинг) или краткосрочную (оперативный лизинг) аренду дорогостоящего оборудования, которое фирма не смогла бы купить самостоятельно на собственные или заемные средства. Причины этому могут быть разные, например, невозможность получить кредит для покупки данного оборудования. Зачастую лизинг становится чуть ли не единственной возможностью для предприятия обновить основные средства [7; 8].

Сделка репо состоит из двух частей и ее стоимость зависит от целей заемщика: получение активов контрагента или получение денежных средств. Второй вариант более распространен. Итак, если цель заемщика получить активы контрагента, то он выкупает эти активы за определенную сумму на некоторый срок (не превышающий 6 месяцев), по истечении которого заемщик обязан продать эти активы обратно, при этом сумма сделки будет гораздо меньше – разница представляет собой плату за пользование данным активом. Если цель заемщика получить наличные деньги, то он продает свои активы за определенную сумму на некоторый срок (не превышающий 6 месяцев), по истечении которого заемщик обязан выкупить свои активы обратно, при этом сумма сделки будет больше – разница представляет собой плату за пользование кредитом [9].

Франчайзинг является самой яркой иллюстрацией «заимствования» нематериальных активов (патенты, товарные знаки, технологии). По словам Дж. Найсбита, в 2010 году франчайзинг станет самой успешной формой сбыта. И действительно, получается, что франчайзинг выгоден всем. Для малых, средних и вновь образующихся предприятий это отличная возможность стать владельцем уже «раскрученного» бизнеса. А для франчайзера – это один из способов распространения и расширения своей деятельности [10; 11].

Конечно, каждый способ взять в долг обладает своими преимуществами перед другими,

но имеет и недостатки, которые также нужно принимать во внимание при принятии решения о способе финансирования конкретного инвестиционного проекта. Но самое главное – не следует пренебрегать рисками, которые генерируются выбором того или иного инструмента. Поэтому компания должна принимать решение о способе заимствования, здраво оценив потоки проекта в каждом случае, взвесив все за и против и приняв во внимание все возможные риски.

В статье были рассмотрены (упомянуты) одиннадцать способов взять в долг. Однако схемы на этом не заканчиваются, но даже об этих одиннадцати механизмах можно говорить бесконечно, описывая их преимущества и недостатки, а также риски и методы по их снижению. Наука и технический прогресс движутся вперед, создавая новые инструменты и новые возможности, как для уже отработанных, так и для новых схем. В любом случае, умение брать в долг – это целая наука, в отличие от процесса инвестирования, который скорее является искусством.

Библиографический список

1. *Синельников Д.* Выбор способов и источников финансирования // Финансовый менеджмент. – 2001. – №4.

2. *Шамина А.* Выбор оптимальной формы финансирования компании // Финансовый директор. – 2003. – №4.

3. *Патрикеев А.* 10 способов взять в долг // Финанс. – 2004. – №12. – 29 марта – 4 апреля.

4. *Гребенник Е.* Кредитование и займ денежных средств в сфере неформальных социальных сетей // Проектный семинар В.В. Радаева. Тезисы. – http://mssesclub.r2.ru/pro/6ltl.html.

5. *Шамина А.* Облигации – альтернатива кредиту? // Финансовый директор. – 2002. – №2.

6. *Шамина А.* Как выпустить облигации: советы не только для богатых // Финансовый директор. – 2002. – №4.

7. *Аксенов А.* Лизинг или кредит: как сделать правильный выбор // Финансовый директор. – 2004. – №7.

8. *Кучеров Э., Акимова Е.* Лизинг и кредит – почувствуйте разницу... // Финансовый директор. – 2002. – №3.

9. *Писцов Г.* Оптимизация заемных операций // Финансовый директор. – 2003. – №3.

10. *Рыкова И.* Основные преимущества и недостатки, присущие франчайзингу. – http://btztorff.ru/librarv/franchice/

11. Статьи Агентства кадрового менеджмента и рекрутинга. – http://www.akmr.ru/articles/msg/197.shtml.

Н.Л. Саталкина, Н. А. Александрова

СТАТУСНАЯ РЕНТА: ГЕНЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Для того чтобы понять, какие механизмы можно использовать для ограничения статусной ренты, применимы ли для этого рецепты, которые разработаны в мировой экономической науке, рассмотрим генетическое наследство российской бюрократической системы. Специфика современной российской бюрократии органически, генетически связана со свойствами советской бюрократии и со свойствами бюрократии императорской России. Мы предлагаем рассмотреть в качестве рутинизации рентоориентированного поведения понятие «рентогенность».

В природном мире, по мнению многих биологов, жизнеспособным механизмом передачи из поколения в поколение характеристик служит ген. Он содержит наследственную информацию, которую каждый организм передает своим преемникам. Неодарвинисты утверждают, что существуют определенные гены, ответственные за те характеристики и типы поведения, которые способствуют выживанию. Таким образом, «приспособленные» организмы, наделенные такими генами, с большей вероятностью передадут их потомству. Гены содержат информацию, необходимую для формирования и программирования организма, и, следовательно, в устойчивой окружающей среде у генов, способствующих выживанию, будет наблюдаться тенденция доминирования в следующих поколениях. Со временем случайные мутации и менделевские комбинации родительских генов приведут к диверсификации видов и возможному развитию более сложных форм жизни. По мнению Д. Ходжсона,

 © Н.Л. Саталкина, Н. А. Александрова, 2006

при обсуждении социальных институтов, можно «обнаружить механизмы эволюционного типа, выступающие в роли, аналогичной роли генов в природном мире. Такими механизмами служат организационные структуры, привычки и рутины. Хотя эти объекты более податливы и их мутации происходят иначе, чем у их биологических аналогов, им присущи такие качества, как устойчивость, инертность и постоянство, благодаря которым они могут «передавать» свои важные признаки во времени»[1]. Более того, привычки и рутины делают возможным «выживание» образцов поведения и их передачу от одного института другому. На наш взгляд, истоки института бюрократии, чиновничества, статусная рента уходят своими генами в далекое прошлое.

Слово «чиновник» долгое время означало не человека, а книгу, по которой отправлялись церковные службы. Светское использование старого и производного от него нового термина – «чиновничество», которое стало применяться для обозначения как отдельных администраторов, так и «вообще всей гражданскослужащей корпорации», как справедливо отмечал один из самых глубоких историков русского чиновничества – Е. Карнович, сложилось у нас только в начале XIX века[2]. С конца XIX века до революции 1917 г. исследование чиновничества прошло два этапа развития с разными умственными лидерами, исследовательскими сюжетами и методологическими подходами. Первый этап охватил два заключительных десятилетия XIX века, его представители (В. Евреинов, Н. Коркунов, В. Ключевский, А. Градовский, К. Кавелин, Е. Карнович, Б. Чичерин и другие) сравнивали структуру и функционирование административного аппарата России за последние триста лет; взаимодействие тенденций централизации и разных видов самоуправления – дворянского, купеческого, крестьянского и земского; противостояние двух систем управления так называемого «федеративного» или «островного» (губернаторство) и «линеарного» (министерства). Второй этап, продолжавшийся два первых десятилетия XX века и получивший сильный стимул в парламентскую фазу нашей истории, привлек в свои ряды новую волну исследователей (М. Ольшевский, Б Бразоленко, М. Александров, В. Ивановский, В. Мачинский, Н. Рубакин, М. Батыров, П. Берлин), которые стали с помощью статистики и анкет изучать по разным индикаторам (доходы, образование, служебная мобильность, статусы, интересы) стратификацию чиновничества как профессиональной группы, антагонизмы внутри ее, ресурсы пополнения, связи с классово-сословной структурой русского общества, особенности социальной психологии и т.п. Однако была и общая тема для обоих этапов, а именно – изучение мздоимства, взятки, ее социокультурных, в частности национальных особенностей. Ранее мы указывали, что взятка – это один из видов статусной ренты, причем самый наглядный и больше всего исследуемый. Поэтому мы и рассмотрим российскую рентогенность на примере взятки. Российские исследователи начала XX века, опираясь на обширные исторические источники, убедились в том, что подкуп административного лица есть прочная традиция российского государственного быта, по крайней мере, несколько последних столетий. Формы взятки менялись – брали съестным, мехами, крепостными, деньгами, услугами, но суть ее как формы злоупотребления властью, как служебного преступления – сохранялась.

Анализ глубинных обстоятельств российской национальной жизни обращает внимание на прочные связи административного быта с политикой, экономикой и культурой, которые стали исторической традицией. Выяснилась парадоксальная роль взятки в ней, выступающей как «мандат» на политическую лояльность и как «локомотив» социальных и, прежде всего, экономических нововведений.

Во-первых, подлинное объяснение непотопляемости российского взяточничества, считал П. Берлин, надо искать в том, что оно у нас «неразрывно слилось и срослось со всем строем и укладом политической жизни»[3]. Современный исследователь, социолог И.А. Голосенко назвал взяточничество латентной функцией «политической власти, ее устройства и функционирования»[4]. Оно существует как своеобразная дань административным лицам, имеющим общественную и особенно политическую власть за предоставляемые ими льготы, «послабления», уступки, казенные подряды и заказы, субсидии и гарантии тем, кто их за это «отблагодарит», причем дело не в конкретных лицах (хотя и это важно), а в структурной взаимосвязи властных отношений в целом. Подобное рентоориентированное поведение требовало откровенного политического прислужничества либо денежного эквивалента тем, кто по своему служебному положению мог оказать

посильную помощь. «Благодаря этому у этих лиц, крикливо и назойливо успевших проявить свою политическую благопристойность, складывалось твердое убеждение, что этим самым сии имеют право на материальное вознаграждение в том или ином виде»[5]. В итоге возникло парадоксальное явление: в то время как на всем протяжении XVIII и XIX веков, и в начале XX века правительство «одной рукой энергично и бесплодно искореняло взяточничество, оно другою рукою столь же энергично, но уже и вполне успешно насадило условия, по необходимости рождающие новое поколение взяточников»[6]. Все русское общество развращалось мыслью – политической властью можно пользоваться для незаконного обогащения, а политическое угодничество верный путь к богатству. Сложилась практика бездумной раздачи несметных богатств из казны фаворитам и немедленное отбирание их, коли вчерашние любимцы впадали в немилость. Этим путем в элитах общества «воспитывалась привычка достигать богатства не путем энергии, находчивости и труда, а извилистою тропою лести, прислужничества и политического молчалинства... И русское правительство в политических целях всячески поощряло развитие подобной психологии»[7]. Вот почему история наших частных больших состояний, как показало исследование Е. Карновича чрезвычайно разнится от истории таких же богатств в государствах Западной Европы, не говоря уж об Америке[8].

Глядя на пример высших сановников, обогащавшихся путем выпрашиваний и прислужничества, более широкий слой дворян и чиновников, в свою очередь, наживались путем вымогательств и поборов зависящих от них лиц. «Так прочно закладывались психологические основы взяточничества и казнокрадства… Если мы остановим свое внимание на главном поле российского взяточничества, – делал очень важное заключение П. Берлин, – то легко убедимся, что и люди, получавшие взятки, и люди, их дававшие, одновременно богатели за один общий счет – казенный», вот почему оно процветало около казенных предприятий и учреждений, нанося государству колоссальные экономические потери. Таким образом, взяточничество превратилось не только в нравственную, юридическую, но и в экономическую проблему[9].

В целом именно государственная власть была широкой ареной коррупции[10]. Поэтому в нашей литературе в изобилии писали о взяточниках среди государственных служащих и очень скупо о взяточничестве в органах самоуправления – земстве и на частных предприятиях, где поощрялась частная инициатива служащих, не было протекций, и вклад служащего оценивался по себестоимости – это составляло предмет постоянной зависти госслужащих.

Наряду с этим, чиновничество оставалось важным источником пополнения дворянского сословия, как не без иронии заметил Н. Коркунов, это был «нормальный способ»[11]. «Огромное большинство ныне существующих дворян, – писал Н. Рубакин в 1912 г. – бывшие чиновники или их потомки»[12].

Здесь просматривается национальная черта процесса самовоспроизводства взяточничества. «Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами... правительство сквозь пальцы смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны. Оно знало, что если чиновники-взяточники и обманывают, и разоряют казну, то, с другой стороны, в политическом отношении они всегда являются наиболее угодливым элементом»[13]. Хотя взяточник в моральном отношении и гнилая, но все-таки какая ни есть подпорка режиму.

Во-вторых, существует мнение, что статусная рента в форме взятки как историческая традиция является «двигателем» экономических нововведений. Законодательство многих стран часто туманно и запутано для обывателя, это обстоятельство выпячивает на передний план социальную роль его толкователя, эксперта, т.е. чиновника. Плюс существует повсеместно общая закономерность отставания сложившихся и статичных законодательных норм-инструкций-правил от вечно изменяющейся жизни, которая иногда совсем уже не вмещается в устаревшие формы. Складывается явление, которое в начале 20-х годов американский социолог В. Огборн назвал «культурным отставанием», а у нас об этом явлении несинхронного развития и проблемах возникающих на этой почве еще раньше писали П. Струве и М. Туган-Барановский. Конечно, рано или поздно пересмотр устаревших норм совершится, но это процесс чрезвычайно медленный. Преодолеть отставание можно расширительным перетолкованием законодательных норм и этим дать простор свободному росту новых жизненных сил. Такова практика многих цивилизованных стран, но особенностью России было то, что истолкование у нас шло «не в расширительном, а, наобо-

рот, в ограничительном смысле и жизнь застаивалась в старых, тесных нормах»[14]. И вот тут на помощь сторонникам нового приходит, как ни парадоксально, взятка, с помощью которой удается чуть-чуть расширить свободу действий, прежде всего, в экономической области. Через корыстную поддержку открывались новые фабрики и рудники, строились железные дороги, модернизировался флот (военный и гражданский). Вероятно, эту функцию нашей взятки имел в виду бывший мэр Москвы Г. Попов, когда он смиренно признался, что взятки предпринимателям придется давать чиновникам для пользы «дела». «При “строгом”, “неукоснительном” применении существующих у нас архаических законов, регулирующих хозяйственную жизнь страны, – отмечал Берлин, – чиновники могли бы эту жизнь совершенно затормозить, оставаясь на почве законности»[15]. А тут вместо многомесячных «законных» мучений – относительно быстрое «незаконное» решение вопроса. Любой русский промышленник и общественный деятель мог привести сотни примеров, показывающих, как взятка выступала толкачом экономического, научно-технического и даже шире – общественного прогресса в обход устаревшим законам. «В стране с отсталым политическим строем, с отсталым законодательством взятка, – заключает Берлин, – сплошь и рядом выступала в “конституционной” роли»[16]. Конечно, взятка развращает нравственно и политически не только берущих, но и дающих, ибо, протолкнув «прогрессивное» дело через взятку, дающий ее человек перестает уважать закон и может в следующий раз обратиться к взятке при делах сомнительной прогрессивности и подчас в антизаконных акциях по сути, а не по форме. Что и имело место неоднократно, так что «неконституционное» значение взятки явно бы перевесило ее «конституционную» роль, если кто-либо попытался их сравнить.

С начала 1920-х годов ряд специалистов (П. Маслов, В. Штейн, С. Солнцев и другие), которые как научные работники сложились еще до революции, начинают писать о быстро растущем «советском» бюрократизме. Обнаружилось, что аппарат любого «мобилизационного» типа государства широко внедрял в свой состав старых дореволюционных служащих с их традициями, привычками и навыками управленческой работы. Это подтвердили и анкетные исследования, и перепись служащих в Москве и Петрограде, охватившая сотни тысяч чиновников. Но проводились эти массовые исследования не с научной, а с чисто административной целью. С конца 20-х годов прошлого века долгое время в России не проводилось научных исследований по проблемам бюрократии, хотя редкий съезд ВКП(б)-КПСС не заклинал бороться с бюрократизмом и его пороками. Но как «бороться», не изучая то, с чем призывали бороться? Может быть, надо было бороться не с бюрократией, а «за бюрократию», только как функциональную машину управления? Но тема была прочно табуирована для объективного научного исследования и открыта только для очередного фельетонского разоблачения чиновников мелкого и среднего уровня. Эти публикации подтверждали наблюдения граждан над повседневной жизнью: коррупция, взятка покинула административную среду и расползлась по другим социальным институтам – системам здравоохранения, образования, торговли и т. п.

Итак, со сменой общественно-политического строя, коррупция в России не исчезла. «Коррупция поселилась в Советах еще до прихода их к власти… Коррупция пронзила структуры советской власти с первых же минут ее реального владычества»[17]. И советское государство с первых дней своего существования предпринимало попытки жесточайшими мерами, включая смертную казнь, бороться со взяточничеством и столь же тщетно.

Реальная, не идеализированная и не мифологизированная история государства Российского свидетельствует о том, что коррупция, наряду с другими социальными недугами (воровством, пьянством, беззаконием и др.), нищетой и бесправием большинства населения, всегда были чрезвычайно распространены в стране.

Советская традиция бюрократии сложилась в период правления Л.И. Брежнева в 1970-х и 1980-х годах XX века. Особую роль в этой системе играла так называемая номенклатура[18], т.е. руководящий состав КПСС на всех уровнях управления, состоявший из освобождённых (получающих заработную плату в системе КПСС) и полуосвобождённых на нижних уровнях партийной иерархии, работников. Численность партийной номенклатуры в начале 1980-х годов XX века составляла примерно 1 млн. человек при численности всей партии – около 18 млн.[19] Фактически в советский период партийная номенклатура представляла собой особый, высший социальный

слой государственных чиновников, который и обладал реальной властью в СССР. Поэтому советская система государственной власти и управления строилась именно на власти бюрократии[20], хотя идеологические работники КПСС постоянно пытались доказать наличие в СССР власти народа.

Партийная номенклатура имела четкую иерархическую социальную структуру, в которой низшие элементы состояли только из исполнителей воли высших руководителей. В номенклатуру входили самые различные должностные лица от членов районных комитетов КПСС и руководителей мелких производственных структур до членов Центрального Комитета КПСС и его Политбюро. Фактически всю полноту власти в стране имело Политбюро ЦК КПСС, которое действовало коллегиально: решения принимались при полном согласии всех его членов. Политбюро ЦК КПСС фактически подчинялись и специальные службы, объединенные в конце советского периода в систему КГБ СССР. Специальные службы, в первую очередь, обеспечивали охрану режима, подготовку собственных кадров, сбор объективной информации о состоянии государства, общества и систем управления и ведение досье на всю номенклатуру и многих других граждан страны.

Партийная номенклатура имела особую систему формирования и поддержания своего социального статуса. В СССР была крайне затруднена социальная мобильность, как горизонтальная, т.е. перемещение на другое место жительства из-за системы прописки и переход на другое место работы из-за разнообразных социальных ограничений, так и вертикальная, т.е. возможности повышения по службе и, вообще повышения гражданином своего социального статуса. Номенклатура охраняла постоянство своего состава и включала в свой состав представителей иных социальных групп крайне редко и осторожно. Только партийная номенклатура давала возможность карьерного роста, вне нее занятие управленческих должностей было, практически, невозможно. В этом смысле система вертикальной социальной мобильности в Советском Союзе была исключительно одноканальной, и этот канал практически полностью контролировала КПСС, а внутри КПСС – её Центральный Комитет (ЦК). Такая ситуация, в частности, затрудняла формирование эффективного хозяйственного менеджмента. Номенклатура была фактически не подсудна: органы следствия МВД и прокуратуры даже не имели права заводить уголовные дела на лиц, входящих в ее состав. Эта норма была зафиксирована только в партийных инструкциях и действовала негласно. Но взамен от своих членов номенклатура требовала подчинения специфическому кодексу жизни, и именно этот кодекс являлся реальным средством обеспечения управляемости страной. Смеем заметить, что здесь присутствует все тот же «мандат» на политическую лояльность, которым пользовалось чиновничество еще в царские времена (см. выше).

Вся система государственного управления была полностью подчинена партийной номенклатуре. Советская система управления являлась высоко дифференцированной и сильно бюрократизированной, в ней существовал полный нормативный набор государственных институтов, очень большое число министерств и ведомств. Каждая область государственной и общественной жизни имела ведомство, которое регулировало соответствующие проблемы. Все эти ведомства, даже формально негосударственные, как, например, Союз писателей СССР, находились под контролем государства, в частности, через соответствующие партийные структуры. Несмотря на отрицание руководством страны принципа разделения властей, на деле он соблюдался неукоснительно, но только в области текущего управления.

Решение всех кадровых вопросов находилось под контролем партийной номенклатуры соответствующего уровня. Решения по стратегическим проблемам управления страной принимала исключительно партийная номенклатура высшего уровня, а формально они определялись на партийных съездах.

Таким образом, вновь подтвердилась историческая традиция связи административного быта с политикой, ибо только приверженность партийной номенклатуре давала возможность получения статусной ренты в различных формах ее проявления.

Примечания

[1] *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты. – М.: Дело, 2003. – С. 216.

[2] *Карнович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время // Спутник Чиновника. – 1911. – № 1. – С. 3.

[3] *Берлин П.* Русское взяточничество, как социально-историческое явление // Современный мир. – 1910. – №8. – С. 48.

[4] *Голосенко И.А.* Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 2 (3).

[5] *Берлин П.* Русское взяточничество, как социально-историческое явление // Современный мир. – 1910. – № 8. – С. 52.

[6] Там же – С. 48.

[7] Там же – С. 49.

[8] См.: *Карнович Е.* Замечательные богатства частных лиц в России. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1885.

[9] См.: *Берлин П.* Русское взяточничество, как социально-историческое явление // Современный мир. – 1910. – № 8. – С. 51, 52.

[10] См.: *Голосенко И.А.* Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 2 (3).

[11] *Коркунов Н.* Русское государственное право. Т. 1. – СПб.: Кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, 1892. – С. 275.

[12] *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. – СПб.: Изд-во «Вестник знания», 1912. – С. 59.

[13] *Берлин П.* Русское взяточничество, как социально-историческое явление // Современный мир. – 1910. – № 8. – С. 54.

[14] См.: Там же. – С. 55.

[15] Там же. – С. 55.

[16] Там же. – С. 56.

[17] *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России. – СПб.: Альфа, 1997. – С. 48, 50.

[18] Весьма подробное описание стиля управления и особенностей номенклатуры как социальной группы можно найти в книге: *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991.

[19] *Сунгуров А.Ю.* Функции политической системы: от застоя к постперестройке. – СПб.: СПб. Центр «Стратегия», 1998. – С. 43.

[20] *Ясин Е.Г.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – С. 41.

Г.В. Гайдукевич

РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ

Комплексная стратегия развития страховой компании определяет долгосрочные цели ее деятельности и пути их достижения. Разработка комплексной стратегии должна основываться на результатах анализа деятельности компании, а также осуществляться с учетом ее потенциальных возможностей и текущей ситуации на рынке. Отсутствие у страховой компании стратегии собственного развития свидетельствует о бессистемности ее деятельности. Это обычно приводит к потере конкурентных преимуществ компании.

Основная задача, стоящая перед страховой компанией в ходе разработки комплексной стратегии ее развития, заключается в осуществлении перевода компании из текущего состояния X_1 в требуемое состояние X_2 в соответствии с поставленными целями для максимизации прибыли страховой компании. Здесь X_1 и X_2 – комплексы исходных и конечных финансово-экономических показателей, характеризующих деятельность страховой компании.

Процесс разработки комплексной стратегии представляет собой сложную итерационно-оптимизационную задачу, которая принадлежит к классу нелинейных дискретных задач. Наиболее удобным математическим методом ее решения является метод последовательного перебора возможных вариантов комплексной стратегии с целью определения оптимальной последовательности и сроков реализации планируемых стратегических мероприятий.

Использование метода последовательного перебора вариантов при разработке комплексной стратегии определяется спецификой решаемой задачи – ее дискретным нелинейным характером. Реализация метода требует больших затрат времени на проведение расчетов в связи с необходимостью анализа различных вариантов деятельности компании (основных страхуемых рисков) и учета ограничений, вытекающих из специфики страхового портфеля, требований страхователей, законодательных норм и т.д. Тем не менее этот метод в сравнении с другими методами и подходами представляет собой достаточно простой и удобный способ поиска оптимальной комплексной стратегии деятельности страховой компании.

Комплексная стратегия развития страховой компании должна определяться таким вариантом ее технологической деятельности, при котором дости-

© Г.В. Гайдукевич, 2006

гается максимально возможное значение годовой прибыли страховой компании на основе формирования оптимального плана реализации финансовых операций, осуществляемых страховой компанией в течение года. Опираясь на позиции, изложенные М.А. Батьковским, модель данной стратегии можно представить следующим образом[1]:

$$PGSK = \max PG\{PFD_a(OS, \{TR_j\}, \{A_{ji}\}_m)\},$$

где *PGSK* – максимально возможное значение прибыли страховой компании в течение года; *PG* – значение прибыли страховой компании в течение года при реализации конкретной стратегии ее развития; PFD_a – альтернативный план финансовых операций страховой компании на рассматриваемый прогнозный период времени; *a* – индекс варианта альтернативного плана финансовых операций страховой компании; O*S* – комплексная стратегия развития страховой компании; $\{TR_j\}$ – значения параметров, которые определяют технологический регламент страховой компании, (j = I,..., *Jtr*); $\{A_{ji}\}_m$ – параметры *1-й* страховой операции m-го типа, *(j* = 1,..., *Lm).*

При этом:

$$PG(FPD_a) = \sum_{i=1}^{A} PFO_{mi}\left(\{A_{ji}\}_{ma}, \{TR_j\}\right),$$

где *PG(FPDa)* – годовая прибыль страховой компании при реализации альтернативного плана финансовых операций; $PFO_m(\{Aji)_{ma}$ {TRj}) – значение прибыли для 1-й финансовой операции m-го типа при а-м варианте альтернативного плана финансовых операций страховой компании.

В качестве основных ограничений выступает соблюдение страховой компанией следующих индикаторов в течение прогнозного периода времени:

1) всех нормативов, предписанных органом по надзору за страховой деятельностью;

2) требуемого уровня платежеспособности;

3) необходимого уровня финансовой устойчивости;

4) значений факторов рисков финансовых решений.

Соблюдение страховой компанией правил, регламентирующих выбор конкретного варианта комплексной стратегии ее развития должно принадлежать множеству значений функции:

$$OSd = POS(\{FRj\}, \{CZj\}),$$

где *OSd* – конкретный вариант комплексной стратегии развития страховой компании; *{FRj}>j* = I, ..., Jfr – значения параметров, которые характеризуют финансовые и прочие ресурсы страховой компании; *{CZj , j*=1, …, Jcz – значения параметров, которые характеризуют цели и задачи страховой компании.

Решение задачи моделирования комплексной стратегии развития страховой компании на прогнозный период позволяет оценить ее эффективность через максимально возможное значение годовой прибыли компании и определить способ достижения этой прибыли в виде плана финансовой деятельности.

Примечание

[1] *Батьковский М.А., Кузнецов С.В. Хрусталев Ю.Е.* Актуальные проблемы развития страхования в России. – М.: Воениздат МО РФ, 2003.

О.А. Сторожева

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ И КАЧЕСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы Российская Федерация пребывает в условиях относительной стабильности экономики и общества. Данная ситуация явилась важной предпосылкой, предопределившей положительную динамику социально-экономического развития как страны, так и отдельных ее регионов. Важнейшим фактором при этом выступает экономический рост. Поддержание темпов экономического роста, а также повышение его качественных характеристик является ключевой задачей региональных и федеральных властей.

Решение этой задачи требует мобилизации всего производственно-хозяйственного, финансово-экономического, научного и кадрового потенциала области. При этом необходимо отметить, что Костромская область располагает необходимыми природными, производственно-техническими, кредитными, людскими ресурсами для успешного решения поставленных задач.

© О.А. Сторожева, 2006

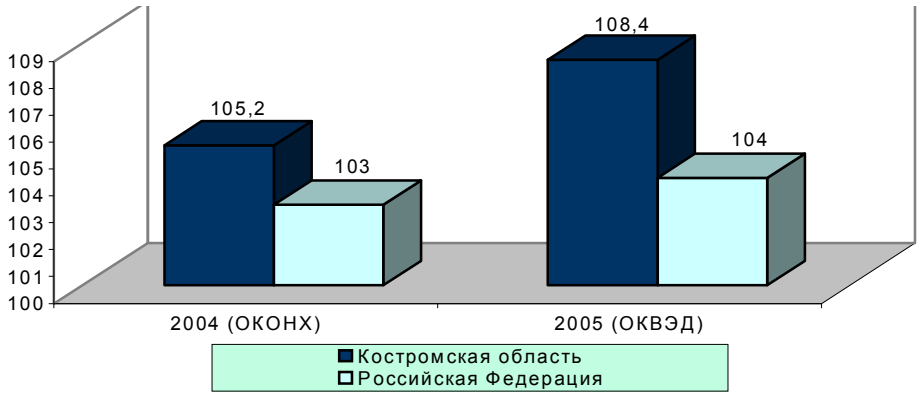

Рис. 1. Индексы производства промышленной продукции, в % к предыдущему году

Показатели социально-экономического развития области свидетельствуют о позитивном развитии региона. В 2005 году валовой региональный продукт составил 45 млрд. рублей [2, с. 8].

Основной движущей силой развития экономики области является промышленность, формирующая около 28% валового регионального продукта.

Наблюдается устойчивый рост практически по всем основным экономическим показателям: рост промышленного производства и экспорта продукции, объемов инвестиций в основной капитал, увеличение налоговых поступлений в бюджетную систему, реальных располагаемых денежных доходов населения, оборота розничной торговли, объема платных услуг и других экономических характеристик и социальных индикаторов.

Индекс промышленного производства в 2005 году составил 108,4%, в том числе по обрабатывающим производствам 112,1%, что значительно превышает среднероссийские темпы роста (в РФ соответственно 104 и 106,7%) (рис. 1).

Что касается отраслевой неравномерности экономического роста в Костромской области (табл.), начиная с 2000 года, развитие тех или иных отраслей (или как их сейчас называют направлений деятельности) имеет скачкообразный характер. Особенно заметно выросли объемы производства в таких отраслях промышленности как мукомольно-крупяная топливная, черная и цветная металлургия. Аутсайдером в этом списке оказались машиностроение и металлообработка, легкая, лесная, химическая, пищевая промышленности, пик развития которых приходится на 2000 год, что может быть связано с девальвации рубля и последовавшем за этим ростом производства отечественной продукции.

На общий показатель работы промышленного комплекса в 2005 году наибольшее влияние

Таблица

Индексы промышленного производства по отраслям промышленности (в процентах (разах) к предыдущему году)

Отрасль промышленности	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Вся промышленность в т. ч.:	**103,3**	**85,7**	**108,2**	**104,4**	**102,9**	**106,8**	**105,2**
Электроэнергетика	104,9	89,7	95,1	104,4	92,1	112,7	97,9
Топливная промышленность	94,0	55,1	59,0	в 1,8р	87,2	35,0	90,0
Черная металлургия	101,1	86,2	в 8,0р	111,2	89,5	81,4	138,4
Цветная металлургия	–	в 3,3р	83,8	113,7	46,1	34,9	109,0
Химическая и нефтехимическая	102,1	104,7	112,2	74,4	111,9	102,3	96,0
Машиностроение и металлообр-ка	102,0	88,1	135,5	109,1	105,3	119,4	109,8
Лесная, деревообрабатывающая	98,5	102,3	113,5	102,5	112,9	103,4	104,8
Легкая промышленность	98,1	73,0	116,7	106,5	105,3	101,9	98,4
Текстильная промышленность	96,5	73,1	116,7	109,3	106,8	104,3	102,0
Пищевая промышленность	101,1	73,1	115,8	99,8	103,9	102,8	99,0
Мукомольно-крупяная и комбикормовая промышленность	108,9	83,7	100,2	91,0	106,7	108,1	142,5
Др. промышленные производства	113,4	74,0	96,1	111,2	107,9	123,1	108,7

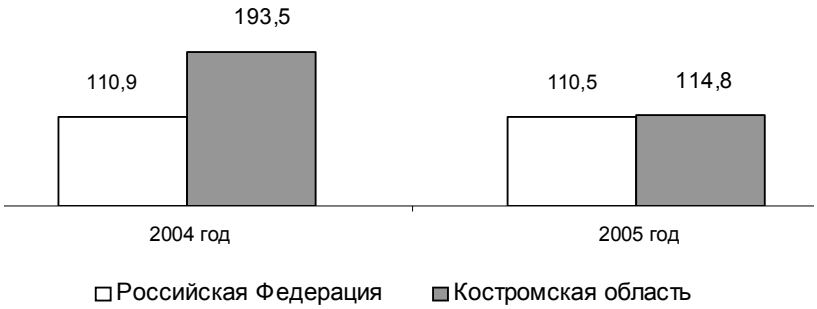

Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году в сопоставимых ценах

оказали обрабатывающие производства. Удельный вес этих предприятий составляет 67,4% в структуре отгрузки товаров и услуг (по чистым видам экономической деятельности)

По мнению специалистов Департамента экономического развития перспективным в экономике области является металлургическое производство и производство готовых металлических изделий.

Что касается качественных показателей экономического роста, таких как увеличение инвестиций, внедрение новых техники и технологий в производство, выпуск наукоемкой продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью, а также степень реализации интеллектуального и научного потенциала.

В 2005 году, как и в предыдущем, в Костромской области сохранялся более высокий уровень инвестиционной активности, чем в среднем по Российской Федерации. В течение 2005 года динамика регионального индекса физического объёма инвестиций в основной капитал превышала среднероссийский показатель (рис. 2).

Общий объём иностранных инвестиций в 2005 году составил 214,8 млн. долл. США, из них более 60% поступило в форме прямых. На протяжении четырёх последних лет (с 2002 года) основным иностранным инвестором Костромской области выступает Швейцария. В 2005 году из Швейцарии поступило 176,3 млн. долл. США, что составляет 82,1% от общего объёма поступивших иностранных инвестиций. Инвестиции направляются, главным образом, в обработку древесины и производство изделий из дерева – 184,4 млн. долл. США или 85,9% от общего объёма.

Начиная с 2000 г. растет загрузка производственных мощностей. Выполнены большие объемы работ по обновлению основных производственных фондов, реконструкции и модернизации производства, совершенствованию технологических процессов и организации выпуска новой, конкурентоспособной продукции. Это, прежде всего, касается предприятий молочной и мясной промышленности, которые, проводя модернизацию производства, работают над расширением ассортимента и повышением качества выпускаемой продукции с привлечением сырья из соседних регионов, что позволяет большинству из них в условиях жесткой конкуренции достаточно устойчиво работать, сохраняя и расширяя рынки сбыта.

В период с 2000 по 2006 год растет финансирование науки и научных исследований. Так, в 2005 году по сравнению с 2004 годом направляемые на науку средства из бюджетов всех уровней достигли 8879,8 тыс. рублей (7112,0 тыс. руб. в 2004 г.). Численность же персонала, занятого исследованиями и разработками, начиная с 2001 года, сокращается, и среди соседних регионов (Ивановская, Ярославская, Владимирская области) Костромская область занимает последнее место. Хотя и в этих регионах факт снижения имеет место быть [1, с. 540].

Если численность персонала, занятого исследованиями и разработками постепенно снижается, то численность аспирантов в высших учебных заведениях с каждым годом увеличивается. Так, в 2000 году прием в аспирантуру составлял 144 человека, к 2005 году эта цифра достигла уровня 151. Выпуск из аспирантуры в 2005 г. увеличился в 1,5 раза – 116 против 82 в 2000 г. Среди областей знаний, выбранных аспирантами, наибольшей популярностью пользуются психологические, физико-математические, технические, экономические, педагогические специальности.

В 2006 году главной целью развития промышленности, по-прежнему, являлось повышение конкурентоспособности продукции и технического уровня производства, обеспечение выхода инновационной продукции на внутренний и внешний рынки, замещение импорта продукции.

Таким образом, позитивные изменения в экономике области, обеспечение качества экономического роста невозможны без привлечения инвестиций, создания инвестиционной привлекательности региона.

На сегодняшний день сложился определенный баланс политических сил, экономических и социальных интересов участников проходящих общественных процессов. За счет объединения усилий большинства из них удалось добиться устойчивого экономического роста, создать основу для повышения уровня жизни населения.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. – М., 2004. – 723 с.

2. Социально-экономическое положение Костромской области в 2005 году и основные направления деятельности администрации по выполнению прогноза социально-экономического развития Костромской области на 2006 год. Информационно-аналитический бюллетень. – Кострома, 2006. – 64 с.

А.Н. Фокин

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СТРУКТУР В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ

Понятие «институт местного самоуправления» (ИМСУ) отражает комплексное и многогранное явление, которое, естественно, порождает различные подходы к его исследованию. Ключевыми для понимания сущности института местного самоуправления становятся такие основные подходы как институт государственной власти; институт региональной власти (вид деятельности на территории); институт гражданского общества; общественный саморегулируемый институт (самоорганизация жителей).

ИМСУ – это институт, который включает в хозяйственную деятельность управление ресурсами, формирование и взаимодействие с населением территории, представляет форму публичной власти.

Современная российская наука определяет местное самоуправление как форму народовластия (форму публичной власти), которая позволяет территориальным коллективам (местным сообществам), используя собственные материальные и финансовые ресурсы, самостоятельно и под свою ответственность непосредственно и через органы местного самоуправления, в структуру которых обязательно входят выборные органы, в пределах и в порядке, установленных законом, решать определенный круг вопросов, составляющих общие интересы членов территориального коллектива.

Принципы местного самоуправления – это обусловленные природой местного самоуправления коренные начала и идеи, лежащие в основе организации и деятельности населения, формируемых им органов, самостоятельно осуществляющих управление делами. В принципах местного самоуправления находят отражение требования объективных закономерностей и тенденций развития местной власти. Принципы предопределяют построение и функционирование муниципальной власти, помогают понять сущность местного самоуправления, его отличительные черты и признаки. Они же выступают и в качестве критерия оценки действующей системы местного самоуправления, способствуют сохранению преемственности в развитии институтов местного самоуправления.

В основе местного самоуправления в Российской Федерации лежат следующие общие принципы, закрепляемые Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством.

1. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

2. Самостоятельность решения населением вопросов местного значения.

3. Организационная обособленность органов местного самоуправления в системе управления государством и взаимодействие с органами государственной власти в осуществлении общих задач и функций.

4. Соответствие материальных и финансовых ресурсов местного самоуправления его полномочиям.

5. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением.

© А.Н. Фокин, 2006

6. Разнообразие организационных форм участия населения в осуществлении местного самоуправления.

7. Законность в организации и деятельности местного самоуправления.

8. Гласность деятельности местного самоуправления.

9. Сочетание коллегиальности и единоначалия в деятельности местного самоуправления.

10. Государственные гарантии местного самоуправления.

Под функциями местного самоуправления понимаются основные направления развития муниципальной деятельности. Они обусловлены природой местного самоуправления, его принципами, а также теми целями и задачами, к достижению которых стремится местное самоуправление.

Местное самоуправление призвано обеспечить:

– потребности населения в различного рода услугах (в социально-культурной и иных сферах местной жизни);

– реализацию социально-экономического потенциала самоуправляющихся территориальных единиц;

– оптимальное сочетание местных и общегосударственных интересов и т.д.

Анализ законодательства о местном самоуправлении, закрепляющего полномочия органов местного самоуправления, позволил нам выделить следующие основные функций местного самоуправления:

1. Обеспечение участия населения в решении местных дел.

2. Управление муниципальной собственностью, финансовыми средствами местного управления.

3. Обеспечение развития соответствующей территории.

4. Обеспечение потребностей населения в социально-культурных, коммунально-бытовых и других жизненно важных услугах.

5. Охрана общественного порядка, обеспечение режима законности на данной территории.

6. Защита интересов и прав местного самоуправления, гарантированных Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством.

Процесс управления муниципальными финансами включает управление следующими ключевыми элементами: 1) бюджет (доходы и расходы); 2) заимствования; 3) межбюджетные отношения; 4) активы (имущество).

На наш взгляд, бюджет представляет собой центральный элемент системы управления муниципальными финансами. Он основывается на долгосрочной финансовой политике и среднесрочном финансовом планировании. Бюджет отражает движение денежных средств в течение финансового года, в том числе денежные потоки, связанные с реализацией инвестиционной политики, межбюджетными отношениями, привлечением заемных средств и управлением имуществом Улучшение экономической и социальной ситуации на территории муниципального образования является единым критерием оценки управления финансами муниципального образования. По нашему мнению, в настоящее время необходимо перенесение на государственные и муниципальные учреждения, осуществляющие предоставление гражданам общественно полезных благ, принципов организации и методов управления, формирование нового государственного и муниципального (общественного) управления. Для того чтобы такой подход достиг своей цели – повышения эффективности использования бюджетных средств, он должен сопровождаться расширением полномочий соответствующих учреждений в расходовании бюджетных средств одновременно с усилением ориентации их деятельности на достижение конечных результатов и переходом от руководству прямыми предписаниями к косвенному регулированию.

Г.Е. Лягушев

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА: ЗА И ПРОТИВ

Политическая экономия социализма существовала на протяжении долгих десятилетий. Теперь политической экономии социализма как бы нет. И то, что она якобы ушла в прошлое, является вызовом для специалистов в области политической экономии. В этих условиях возникает вопрос: что для нас, ученых, осталось от этой науки и есть ли у нее будущее? Этот вопрос должен решаться в достаточно широком контексте.

Так, утверждение о сохранении этой науки как актуальной для нашей современной теории имеет определенное значение, по крайней мере в трех смыслах. Первое. Эта наука полезна и необходима для понимания природы экономики «реального социализма» – той экономической системы, которая существовала в СССР и других странах мировой системы социализма. Второе. Эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом. Третье. Она полезна и необходима для понимания природы трансформаиионной экономики.

Обоснование этих тезисов возможно исходя из структуры «Курса политической экономии» социализма под редакцией Н.А. Цаголова – структуры, предложенной университетской школой политической экономии. Эта структура сама по себе является важным достижением и поэтому следует начинать именно с нее. Ее основными положениями является выделение, во-первых, исходного отношения, характеризующего взаимосвязь производителя и потребителя, форму продукта и определенную социально-экономическую форму труда. Университетская школа политической экономии предполагала, что это планомерная форма связи производителя и потребителя, непосредственно общественный или непосредственно обобществленный (были разные трактовки) характер труда и соответственно такая же форма продукта. Во-вторых, предполагалось, что экономическая система включает в себя основное экономическое отношение или способ соединения работника со средствами производства, который отражается в отношении собственности. Университетская школа показала, что в основе общественной собственности лежит непосредственно общественный способ соединения ассоциированных производителей с общественными средствами производства. Далее говорилось об определенной системе параметров распределения общественного дохода (распределение по труду, общественные фонды потребления и т.д.) воспроизводства и, наконец, системе хозяйства (хозяйственном механизме). Эта структура (но не содержание) оказалась на удивление жизненной и на удивление важной для понимания природы экономической системы вообще. В самом деле, ход радикальных реформ, сломав старую систему, обнаружил ее структуру. Этот слом и логика либеральных реформ, как ни странно, показали правоту университетской школы политической экономии.

С чего начинались радикальные преобразования? С замены планомерности товарной системой отношений или либерализации – лозунга, который повторяли все, в том числе и те, кто никогда не был знаком с университетской школой политической экономии.

Следующий шаг реформ: довольно быстро выяснилось, что сама по себе быстрая смена плана рынком не обеспечивает достаточный простор для развития новых отношений, что для такого развития необходимо изменить способ связи производителя со средствами производства, изменить экономическое содержание и форму отношений собственности. Процесс приватизации последовал вслед за либерализацией буквально через несколько месяцев. Либерализация и приватизация, в свою очередь, привели к радикальному изменению системы распределительных отношений, в частности структуры, источников и способов получения доходов, их иное вторичное перераспределение и т.д.

Наконец, все это сказалось, естественно, на отношениях воспроизводства. Экономика воспроизводства в мировой системе социализма описывалась то ли отношениями и законами социалистического накопления, то ли «формулой» Я. Корнай «экономика дефицита». Ее трансформировали в новый тип экономики – переходной, – для которой были характерны и кризис, и инфля-

© Г.Е. Лягушев, 2006

ция, и некоторые другие черты перехода к рынку. Радикальные реформаторы в этих условиях ставили задачу стабилизации, т.е. изменения отношений воспроизводства, в частности макроэкономического функционирования системы.

Тем самым слом экономики советского типа и логика радикальных реформ волей неволей повторили логику политической экономии социализма, которая наиболее явственно обнаруживает структуру всякой экономической системы. На современный язык эту структуру (исходное и основное производственные отношения, отношения распределения и воспроизводства) можно перевести как способ координации и аллокации ресурсов (исходное отношение), отношения собственности (основное отношение) и т.д.

Итак, первое достижение политэкономии социализма состоит в том, что она в крайне специфическом виде отразила структуру всякой экономической системы.

Теперь по поводу конкретных элементов этой структуры, их трактовки и того, что из этого может быть использовано для решения названных трех проблем: понимания нашего прошлого, понимания экономики будущего и современной российской экономики. В качестве важного предварительного замечания зафиксирую: общей установкой для трактовки нашего прошлого должно быть разграничение апологетической функции политической экономии социализма и ее научного содержания. Позволю себе своего рода параллель с теологией как наукой Средневековья. Эта наука достаточно апологетично описывала реальную практику духовной и отчасти социальной жизни средневекового общества, но она была едва ли не единственной наукой о том, как была устроена эта жизнь. В ней была масса положений, которые, с точки зрения атеиста, не выдерживают никакой критики. Тем не менее эта наука абсолютно необходима для понимания природы капиталистического общества. Надо видеть в ней, с одной стороны, чисто начетническую, апологетическую функцию, а с другой – элементы научных представлений о реальных отношениях того общества, которые она отражала в крайне специфической, превращенной форме.

Точно так же и политическая экономия социализма отражала феномены реальной экономики СССР в крайне специфическом виде, при помощи особого языка, что предполагает умение читать эти тексты. Например, любой ученый или студент, столкнувшись с формулировкой: «в соответствии с решениями... съезда КПСС происходит то-то и то-то», тут же перестает читать такой текст, поскольку понимает, что экономика развивалась не вследствие решений съезда. Но препарирование этого текста показывает, что и ученые того времени понимали, что экономика развивается объективно, а цитаты вставлялись для того, чтобы текст был опубликован. (Более того, для той экономики решения партийных съездов были намного более значимы, чем решения МВФ или ВТО для нынешней системы.) Так что если из апологетической шелухи политической экономии социализма «вышелушить» ее реальное содержание, она оказывается очень полезной для понимания экономики, которая складывалась в реальных условиях советской системы.

Еще один важный дополнительный момент: не только теория, но и сама *экономическая жизнь нашего прошлого была устроена как система превращенных форм, скрывающих свое реальное содержание. А наука «политическая экономия социализма» была идеализацией этих превращенных форм.* По объективным причинам (в том числе внешней и самоцензуры) наша наука идеализировала экономику мировой системы социализма, выдавая свои теоретические представления об экономике социализма за реально существующие отношения.

Нечто подобное происходит и в западной науке. Скажем, реальные отношения управления фирмами, где есть коррупция, блат, бюрократия, внеэкономическое принуждение (посмотрим на фирму как на реальную систему, уходящую корнями в труд полунаемных, полузависимых работников в странах третьего мира) и масса других отношений, далеких от моделей, предлагаемых теорией менеджмента. Учебник менеджмента всего этого «не видит», рисуя идеализированную картину матричной или гипертекстовой структуры управления, использующей доктрину человеческих отношений и т.д. Реальные процессы функционирования реальной системы управления во всем богатстве западная теория управления (и не только она) не описывает. Эти теории – идеализированная картина превращенных форм реальных отношений внутри корпораций. Точно так же политическая экономия социализма давала определенную идеализированную картину превращенных форм нашей прежней реальной жизни.

Д.Ю. Ефимов

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ТЕКУЩЕГО ПЛАНИРОВАНИЯ БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Банк как важнейший кредитно-финансовый институт реализует экономические интересы государства, хозяйствующих субъектов, населения, выполняя операции (услуги) по аккумулированию ссудного капитала и организации его движения в сфере производства и потребления.

Современный рынок банковских услуг является сложным, многофакторным, динамичным, с высокой степенью конкуренции. Он функционирует и развивается под влиянием экономических, финансовых, политических, социальных и других процессов, происходящих в мире, стране и регионе, и характеризуется усложнением инфраструктуры, укрупнением и консолидацией банковского капитала, интенсификацией процессов интеграции российских и зарубежных банков.

В этих условиях конкурентоспособность банка, эффективность (прибыльность) его операций определяется исключительно качеством выполнения всех функций управления, и в частности планирования.

Согласно теории менеджмента, планирование – это функция управления, связанная с разработкой планов осуществления определённой деятельности (объект планирования) и предполагающая обоснование целей (задач), а также методов их достижения.

В соответствии с характером и горизонтом решаемых задач различают стратегическое (долгосрочное), оперативное (среднесрочное) и текущее (краткосрочное) планирование. Традиционно долгосрочное планирование многими отечественными и зарубежными экономистами, такими как И.А. Никонова, Р.Н. Шамгунов, Д. МакНотон, Дж. Карлосн, К.Т. Дитц и др. считалось более важным по сравнению с текущим планированием. Однако, в настоящее время, когда стремительно меняются рыночные условия, нет никакой гарантии, что вчерашнее решение проблем будет годиться сегодня. По этой причине устаревают не принципиальные стратегические подходы, а элементы их содержания. Другими словами, изменяется содержание, а не форма. Поэтому основная идея отно-

Рис. 1. Текущее планирование в системе планирования банка

© Д.Ю. Ефимов, 2006

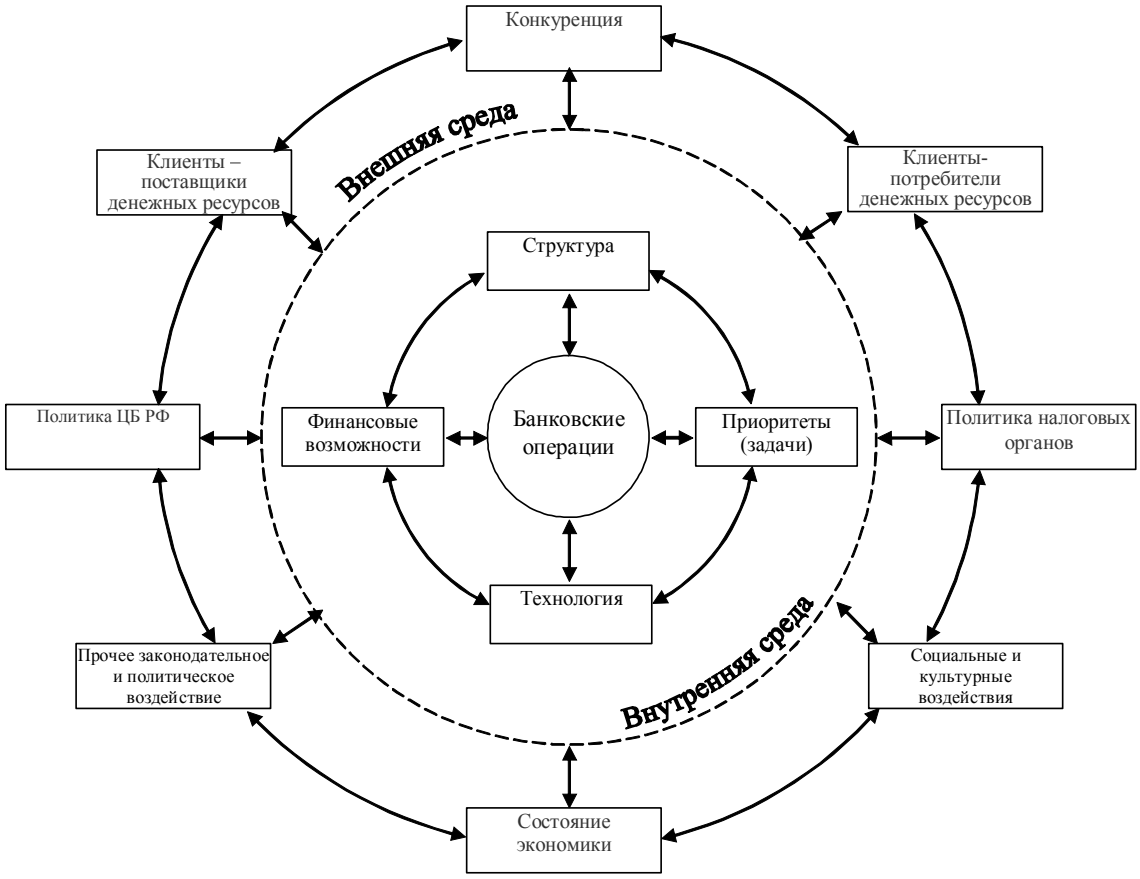

Рис. 2. Характеристика среды проведения банковских операций

сительно эффективного будущего развития заключается в ориентированности на общую стратегическую концепцию через последовательную трансформацию стратегических целей и задач в конкретные задания на ближайшую перспективу, что позволит быстро исправлять ошибки, не допуская, чтобы они выросли до размеров катастрофы.

Данной концепции, по словам Д.А. Лаптырева, Е.А. Сорокиной, Ю.С. Масленченкова и др. полностью соответствует текущее планирование. Применительно к банковской деятельности текущее планирование ориентировано на обоснование параметров банковских операций, оно базируется не на предположениях, а на фактах, позволяет обеспечить организацию свежими идеями, вовремя корректировать её работу, всегда находиться на современном уровне и извлекать выгоду из перемен. Практика показывает, что без текущего планирования обязательно происходят сбои в выполнении стратегических и оперативных планов. Место текущего планирования в системе планирования банка и его краткое содержание (см. рис. 1).

Содержание текущего планирования в банке определяется особенностями объекта планирования и факторами его функционирования и развития. Банковские операции как объект текущего планирования есть форма реализации банком своей основной функции: аккумулирование ссудного капитала (пассивные операции) и организация его движения в сфере производства и потребления (активные и посреднические операции). Очевидно, что значения параметров банковских операций определяют прибыль банка, получение которой является движущим мотивом его коммерческой деятельности и приводится в статье №1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». В будущем, капитализация прибыли позволит собственникам банка максимизировать его стоимость, что является, в соответствие с современной экономической теорией главной целью финансового менеджмента.

Зависимость прибыли банка от параметров банковских операций, как известно, можно представить в следующем виде:

$$П_t = \frac{\sum_i^k d_i \cdot Д_i \cdot A_i - \sum_j^m p_j \cdot И_j \cdot П_j}{n} \quad (1)$$

где $П_t$ –прибыль за отчётный период t, руб.; n – количество календарных дней в году; d_i – количество календарных дней в периоде t, по итогам которого банк производит начисление процентов по активной операции i; $Д_i$ – годовая процентная ставка доходности активной операции i; A_i – сумма размещённых денежных средств в активную операцию i, руб.; k – количество активных операций проведённых за отчётный период t; p_j – количество календарных дней в периоде t, по итогам которого банк производит начисление процентов по пассивной операции j; $И_j$ – годовая процентная ставка затратности пассивной операции j; $П_j$ – сумма привлечённых денежных средств в пассивную операцию j, руб.; m – количество пассивных операций проведённых за отчётный период t.

Условия проведения банковских операций формируются под влиянием множества факторов риска обусловленных, как отмечалось, состоянием внешней и внутренней среды функционирования банка (см. рис. 2).

Так, внешняя среда характеризуется потенциально неблагоприятными явлениями и процессами, независящими от деятельности банка в частности: социальные, финансовые и экономические, политические, конкурентные, форс-мажорные и т.д. Значимость её для банка невозможно переоценить. Именно она «заставляет» искать свою «нишу» в рыночном пространстве, определяет стратегию и тактику, внутреннюю структуру банка, направления его развития. Внутренняя среда обусловлена эффективностью менеджмента банка, в частности качеством стратегии, технологией планирования, организационной, финансовой, производственной структуры и т.п.

Теория и практика риск-менеджмента описывает множество видов и классификаций банковских рисков, методов их оценки и управления, применение которых определяется целями и задачами проводимых исследований.

Для обеспечения стабильности банковской системы и защиты интересов вкладчиков и кредиторов государство принимает участие в организации и управлении рисками банков через систему обязательных ограничений (нормативов) ЦБ РФ в виде условий достаточности банковских ресурсов, реализуя общепризнанные подходы к управлению (избежание, локализация, резервирование, диверсификация).

Таким образом, можно утверждать, что содержание текущего планирования банковских операций состоит в обосновании их параметров с учетом: стратегических и оперативных целей, обязательных нормативов ЦБ РФ, а также анализа и оценки рисков. При этом главной проблемой является выбор видов учитываемых рисков и методов их оценки.

В рыночной экономике планирование – это кропотливая повседневная работа, предельная сложность процесса которой, пригодного для практического применения, требует в первую очередь наличия соответствующего инструментария. Речь в данном случае, по словам Дианы МакНотон, Дональда Дж.Карлсона, Клайтона Таунсенд Дитца, идёт о том, что успешное планирование требует наличия механизма для разработки, координации и отслеживания выполнения плана, который одновременно определял бы цель, элементы, принципы, процессы и методическое обеспечение его реализации.

В основе современной теории и практики планирования банковских операций отечественные и зарубежные учёные, такие как В.В. Киселёв, Г.С. Панова, А.Д. Шеремед, Дж.Ф. Синки выделяют три основных исторически сложившихся подхода к текущему планированию: «общего фонда», «распределения» и «научного управления» или «исследование операций», различающиеся тем, на, что делается упор в самом процессе и до какой степени используется количественный анализ при оценке возможных альтернатив.

Простейшим, с точки зрения применения является метод «общего фонда», согласно которого пассивные операции формируют общий фонд денежных ресурсов банка, в результате чего теряется связь между структурными элементами пассивов и активов, и через установление определённых приоритетов проводится его распределение по активным операциям. В этом подходе банк имеет широкие возможности в выборе категорий активных операций и для осуществления каждой конкретной из них не имеет значения, из какого источника поступили средства, пока размещение способствует достижению поставленных перед банком целей.

Недостатком метода «общего фонда» является отсутствие четких критериев распределения

средств по отдельным активным операциям, а также отсутствие решения вопроса о взаимосвязи риска (в частности, риска ликвидности) и прибыльности, который основывается на опыте и интуиции служащих банка распределяющих денежные средства и проводящих операции. Кроме того, при подходе к процессу планирования с позиции метода «общего фонда» излишне много внимания уделяется ликвидности, что идёт в ущерб прибыли банка. Многие современные банки широко используют этот метод, особенно в периоды избытка средств.

Развитие стратегий управления пассивами способствовало созданию альтернативного метода – метода «распределения», предполагающего формирование планов, как пассивных, так и активных операций на основе установления жёсткого соответствия по объёмам, срокам между источниками ресурсов (пассивы) и направлениями их вложения (активы).

Основное преимущество данного метода планирования состоит в том, что появляется возможность более точно установить минимальную границу резервов первой (касса, средства на корреспондентских счетах и в Центральном Банке) и второй (портфель высоколиквидных ценных бумаг) очереди, обеспечивая тем самым поддержание достаточной ликвидности, что ведёт к увеличению эффективности использования ресурсов, а, следовательно, и к росту нормы прибыли. Однако, являясь основным преимуществом, это одновременно является недостатком данного метода, снижающим его эффективность, поскольку связь между активами и пассивами не является однозначной (чтобы установить её с достаточной вероятностью, необходимо, чтобы банк работал в сравнительно стабильных условиях), а жёсткая привязка источников с направлениями вложения средств, не учитывает возможность, в периоды колебания остатков, оптимально использования часть этих обязательств, которые как показывает практика, никогда не будут изъяты.

Оба рассмотренных метода являются несколько упрощенными. Их следует рассматривать не как комплекс нормативных указаний, дающий основу для принятия решений, а как общую схему для разработки усовершенствованных методов, в рамках которых руководство банка может определить подход к решению проблемы организации эффективного текущего планирования банковских операций.

Поэтому, как отмечает А.Д. Шеремет, пытаясь найти более сбалансированный подход, зарубежные банки разрабатывают так называемые интегральные стратегии, одновременно включающие методы разделения и объединения источников фондов в целях обеспечения большей гибкости.

С нашей точки зрения, именно использование интегральной стратегии при формировании текущего плана банковских операций, является наиболее предпочтительным, поскольку ее применение позволяет более гибко подходить к формированию параметров банковских операций, не затрачивая много времени на анализ излишне детализированной информации.

Примером такого сбалансированного подхода является третий метод – «научного управления» или «исследования операций», который предполагает изучение взаимосвязей, определяющих возможные последствия принимаемых решений, а также установление критериев эффективности, позволяющих оценить относительное преимущество того или иного варианта действий, выбрать компромиссный. Применение данного метода базируется на экономико-математических методах, соответствующем математическом инструментарии и использовании современных ЭВМ.

Отличительная особенность метода «научного управления» заключается в использовании оптимизационных моделей, позволяющих принимать объективные решения в ситуациях, слишком сложных для простой причинно-следственной оценки альтернатив.

В создании современного математического аппарата и развитии многих направлений исследования банковских операций большой вклад внесли такие российские ученые, как Л.Т. Гиляровская, А.Е. Кулаков, Д.А. Лаптырев, А.И. Лукьянов, Ю.С. Масленченков, С.Н. Паневина, И.Ф. Цисарь, В.П. Чистов, А.Д. Шеремет, Г.Н. Щербакова и др. Среди зарубежных ученых следует отметить Д. Полфремана, Э. Рида, Дж. Синки, К. Сили, Ф. Форда, Ф. Эджворта и др.

Проведенный анализ позволил обобщить наиболее известные в рамках математической теории модели, что позволило сформулировать их общие и отличительные признаки (см. табл. 1).

Так, для существующих моделей характерно то, что оптимизация значений параметров банковских операций строиться по критерию максимум прибыли на основе информации бухгалтерского баланса банка, где определяющим элементом си-

Таблица 1

Общие и отличительные признаки подходов к оптимизационному моделированию при планировании банковских операций

Вид признака	Содержание признака	Отличительные признаки
Общий	1.Оптимизация значения параметров банковских операций по критерию max прибыли на основе информации бухгалтерского баланса	
	2.Определяющий элемент системы ограничений – величина банковских рисков	
	3.Форма представления результата оптимизации – конкретные значения плана параметров банковских операций	
Отличительный	1.Моделируемые параметры банковских операций	Сочетание из $Д_i$, A_i, $И_j$, $П_j$
	2.Агрегирование балансовой информации	В зависимости от моделируемых параметров банковских операций
	3.Учитываемые риски	Сочетание отдельных видов рисков: ликвидности, кредитного, рыночных.
	4.Методы оценки учитываемых рисков	Экспертный и/или аналитический
	5.Допустимые значения учитываемых рисков	Нормативы КБ
	6.Технологии (методы) реализации модели	Excel, Statistaca, MatCad и т.п.

стемы ограничений выступает величина банковских рисков, а формой представления результата – конкретные значения параметров. Отличительные признаки моделей связаны выбором управляемых параметров банковских операций и, соответственно, структуры агрегирования балансовой информации, видов учитываемых рисков и методов их оценки, а также технологией реализации. Однако, в основном в качестве управляемых используются параметры активных операций, анализируются риски ликвидности и рыночные, преобладают экспертные методы их оценки. При этом, практически у всех из рассмотренных моделей отсутствует методическое обеспечение текущего планирования банковских операций, в том числе выбора видов рисков, методов их оценки и т.п.

Следует отметить, что появлению сложных моделей, способствовало развитие информационных технологий, которые завершили «своеобразный «переворот» в методах управления современными рыночными инструментами. Информационные технологии и вычислительная техника настолько глубоко интегрированы в банковские бизнес-процессы, что стали неотъемлемой частью банковских продуктов, а не просто средствами сбора и обработки информации о выполняемых операциях, что обуславливает необходимость участия автоматизированных банковских систем (АБС) в процессах управления банком, в том числе и текущего планирования.

Однако, готовые решения зачастую по карману только крупным банкам, поэтому большинство шло по пути создания собственных систем. Такой подход имеет свои достоинства и недостатки. К первым следует отнести: отсутствие необходимости в больших финансовых вложениях в покупку АБС, приспособленность АБС к условиям эксплуатации, возможность непрерывной модернизации системы. Недостатки такого подхода очевидны: необходимость в содержании целого компьютерного штата, несовместимость различных систем, неизбежное отставание от современных тенденций и многое другое. Наиболее популярны сегодня смешанные решения, при которых часть модулей АБС покупается у независимых производителей, а часть разрабатывается компьютерным отделом банка, чему способствует распространённая практика поставки системы вместе с исходными текстами.

В качестве примеров передовых технологий, используемых в отечественной практике банковской деятельности, можно назвать информационно-аналитические системы предлагаемые «R-Style Softlab», «Diasoft» и «Oracle».

Зарубежные системы не слишком часто встречаются в России, в силу их специфических недо-

Таблица 2

Характеристика механизма текущего планирования банковских операций

Цель	Элементы	Основные принципы	Процессы	Методы
Обоснование диапазонов значений параметров банковских операций и формирование плановых заданий	Информация: показатели состояния и динамики внешней и внутренней среды, основными из которых являются параметры активных и пассивных операций (процентные ставки и объёмы)	Системности Балансовый Оптимальности Сценарности	Формирование информационной базы	В соответствии с принципами
			Оценка эффективности	В сравнении с установленными критериями
			Корректировка	Поиск достоверной информации
			Обоснование: – функции цели; – исходного баланса; – системы ограничений; * балансовые; *нормативные; *адаптационные, т.ч. по рискам: - валютный (фондовый) - процентный и риск ликвидности - ценовой риск	 В соответствии с целью деятельности Корректировка бухгалтерского баланса В соответствии с балансом В соответствии с нормативами ЦБ Var параметрический дельта-нормальный Gap Ценностное ценообразование
			Моделирование	Оптимизация в Excel
			Обоснование диапазонов значений параметров банковских операций и формирование плановых заданий	Через сопоставление оптимального и исходного баланса

статков, которые в основном общеизвестны: высокая стоимость решения и его сопровождения, сложности с поддержкой российской специфики, и, прежде всего отчетности ЦБ РФ, продолжительное внедрение системы. Основные недостатки российских систем, с точки зрения автоматизации управления банком и текущего планирования, сводятся в первую очередь к слабой реализации средств оптимизационного моделирования, риск-менеджмента, механизмов управления (планирования) активами и пассивами, управленческой отчётности, а также поддержки прогрессивных банковских технологий, основанных на международных стандартах.

Проведенное исследование позволило автору сформировать механизм текущего планирования банковских операций, который определяет его цель, элементы, критерий эффективности, принципы, процессы и методы достижения цели (см. табл. 2).

Идея механизма отражает уточнённую автором сущность текущего планирования банковских операций как функции управления, состоящей в обосновании диапазонов значений параметров банковских операций в соответствии со стратегическими и оперативными целями банка на основе исследования зависимости их значений от величины рисков.

Элементы, представляют собой информацию в виде показателей состояния и динамики внешней и внутренней среды. Основными из них являются параметры активных и пассивных операций,

Таблица 3

Риски второй группы и методы их оценки

Риск	Метод оценки
Валютный	VaR параметрический дельта-нормальный
Фондовый	
Процентный	Gap-разрыв
Ценовой	Параметрический (экономической ценности)

выбор которых обусловлен необходимостью полного отражения кругооборота ссудного капитала в процессе реализации банком своей основной функции.

Сложность, многофакторность, динамизм банковской деятельности определяют целесообразность реализации в механизме принципа сценарности (пессимистический – оптимистический), который предусматривает формирование моделируемых параметров в виде некоторого диапазона варьирования.

Важнейшим принципом механизма автор считает согласование интересов государства и банка. Для его реализации предлагается выделить две группы учитываемых рисков. Риски первой группы (кредитный и ликвидности) характеризуя достаточность ресурсов для исполнения обязательств, оказывают наибольшее влияние на устойчивость и надёжность банка, входят в систему государственного риск-менеджмента, что с позиции банка обязывает рассматривать их как элемент системы ограничений. Риски второй группы (ценовой и рыночные: процентный, валютный, фондовый) обусловлены технологией ценообразования на банковские продукты, колебаниями процентных ставок, курсов валют, котировок акций. Они в наибольшей мере воздействуют на стоимость финансовых инструментов и, следовательно, на величину прибыли банка. При выборе методов оценки рисков второй группы (см. табл. 3) автор руководствовался: наличием связи между параметрами банковских операций и прибылью, которая выступает критерием эффективности; возможностью количественной оценки (в виде математических зависимостей) при простоте и «прозрачности» расчётов; высоким, подтверждённым мировой банковской практикой, уровнем точности.

Для формирования механизма использованы также принцы:

– сбалансированность, которая реализуется в использовании бухгалтерского баланса банка, являющегося основным синтезирующим источником информации о финансово-хозяйственной деятельности, где отражаются параметры банковских операций;

– оптимальность, состоящая в оценке возможных альтернатив и выборе наилучшей, при условии согласования интересов государства и банка;

– системность, согласно которой текущее планирование банковских операций рассматривается как функция системы управления банком и элемент системы планирования.

Механизма текущего планирования банковских операций базируется на использовании, в процессе формирование текущего плана, балансовой информации различного вида:

– бухгалтерский баланс банка – основной синтезирующий источник информации о финансово-хозяйственной деятельности, где отражаются основные параметры банковских операций;

– агрегированный баланс банка – базируется на сгруппированных данных бухгалтерского баланса, что позволяет упростить реальную ситуацию путём «сворачивания» его отдельных номенклатурных позиций в несколько групп, объединённых общим экономическим смыслом. Подобное представление данных отличается большей наглядностью и информативностью, служит целям механизма текущего планирования банковских операций и основой выявления и выбора наилучшей из альтернатив в процессе достижения поставленных задач. Предложенный способ группировки позволяет сохранить ключевые параметры бухгалтерского баланса банка, необходимые для выработки эффективных плановых решений. Баланс агрегируется в соответствии с параметрами банковских операций:

* с учётом валюты, в которой проведена операция, что, связано с одной стороны, с некоторыми различиями в проведении операций (например, по процентным ставкам) с другой, с целью соблюдения требований ЦБ РФ о поддержании валютной позиции банка;

* в зависимости от сроков и видов операций, что, связано необходимостью, осуществлять про-

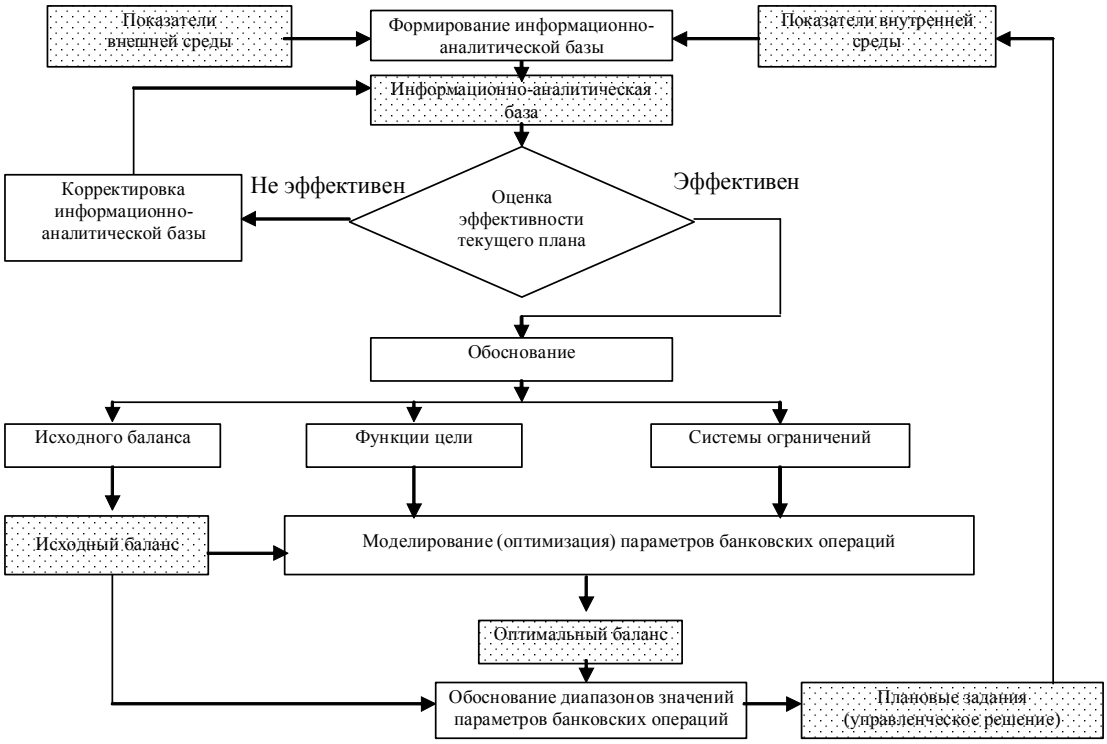

Рис. 3. Механизм текущего планирования банковских операций

верку отдельных групп активов и пассивов баланса по срокам, с целью осуществления контроля над ликвидностью;

* с указанием процентных ставок по привлечённым и размещённым ресурсам, в разрезе групп однородных операций, что позволяет оперативно рассчитывать ожидаемую доходность (затратность) банковских операций и оценивать прибыль в целом;

– исходный баланс банка предназначен для обоснования пессимистического сценария плановых заданий, строится на основе корректировки бухгалтерского баланса банка закрытого операционного дня на ожидаемое, согласно, заключённым и предполагаемым к заключению договорам (предыстория), движение ресурсов банка в плановом периоде (следующем операционном дне);

– оптимальный баланс банка служит обоснованием оптимистического сценария плановых заданий, формируется по результатам оптимизационного моделирования (выявления и выбора наилучшей из альтернатив) и представляет собой оптимальный, исходя из текущих, ретроспективных и перспективных данных о внешней и внутренней среде, план параметров банковских операций.

Реализация механизма текущего планирования банковских операций предусматривает осуществление следующих процессов (см. рис. 3):

– формирование информационно-аналитической базы. Включает сведения о нормативных документах органов государственной власти и ЦБ РФ, показателях общеэкономической ситуации и данные о состоянии рынка банковских услуг, финансовые отчёты и другие сведения о клиентах банка, внутренние нормативные документы банка и его отчётность, документацию, связанную с оформлением банковских операций;

– оценку эффективности текущего плана по критерию оптимума прибыли, и в случае необходимости проведения корректировки информационной базы на основе поиска достоверной информации;

– обоснование исходной информации для моделирования, которая включает: функцию цели, составленную посредством декомпозиции формулы прибыли; исходный баланс банка (пессимистический сценарий), строится на основе корректировки бухгалтерского баланса банка закрытого операционного дня на ожидаемое движение ресурсов в плановом периоде; систему ог-

раничений, построенную, согласно, сформулированной системы риск-менеджмента банковских операций, которая по экономическому смыслу и содержанию включает несколько групп ограничений: балансовые основаны на соблюдении балансового принципа; нормативные основаны на поддержании достаточности ресурсов путём соблюдения значений обязательных нормативов ЦБ РФ; адаптационные основаны на поддержании требуемого уровня доходности;

– моделирование параметров банковских операций, которое основано на математической формализации описания задач банка, причинно-следственных связей финансовых показателей внутренней и внешней среды, согласно ограничениям и условиям разрешимости оптимизационной задачи. Представляет собой, процесс выявления и выбора наилучшей из альтернатив. Результатом является формирование оптимального баланса банка (оптимистический сценарий);

– обоснование диапазонов значений параметров банковских операций, которое основано на сопоставлении данных исходного и оптимального балансов, характеризует максимально возможный объём приращения значений параметров банковских операций (диапазон) на совершение сделок по группе однородных операций, что представляет собой плановые задания для ответственных подразделений.

Важным моментом, формирования текущих планов банковских операций в рамках разработанного механизма должна стать его реализация с помощью ПЭВМ, чему способствуют чётко формализованные алгоритмы, а интеграция механизма в информационно-программную среду (АБС), существующую в банке, позволит кардинально изменить процесс планирования и управления банком: унифицировать форматы данных (на этапах планирования, передачи данных, внесения изменений, а также контроля и оценки); сократить сроки формирования и согласования плана; многократно увеличить точность и аналитические возможности.

Выполняя роль системы поддержки принятия управленческих решений, разработанный механизм текущего планирования банковских операций, представляет собой тесно взаимосвязанные стадии единого технологического процесса (от формирования информационно-аналитической базы, системы риск-менеджмента, до математической формализации задачи и расчёта показателей плана), что обеспечивает целостность и достоверность информации для принятия плановых управленческих решений. По сравнению со статистическими и интуитивными экспертными подходами, предложенный механизм имеет значительные преимущества, в первую очередь, не допускает логических ошибок, так как может быть математически проверен на наличие наилучшей логики, а во-вторых, является бескомпромиссным и не содержит ничего лишнего, сводя проблему к её сути, содействует выражению основополагающих взаимосвязей целей и средств.

На основании предложенных автором теоретических положений механизма текущего планирования банковских операций было разработано методическое обеспечение, которое нашло применение в практической деятельности одного из банков г. Костромы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 02.12.1990 №395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 17.05.2007, с изм. от 24.07.2007).

2. *Ковалёв В.В.* Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 768 с.

3. *Кулаков А.Е.* Управление активами и пассивами банка: практ. пособие. – М.: «БДЦ-пресс», 2004. – 256 с.

4. *Лаптырев Д.А.* Система управления финансовыми ресурсами банка: Процессы – задачи – модели – методы. – М.: «БДЦ-пресс», 2005. – 296 с.

5. *Масленченков Ю.С.* Технология и организация работы банка: теория и практика: – М.: «ДеКА», 1998. – 432 с.

6. *Никонова И.А., Шамгунов Р.Н.* Стратегия и стоимость коммерческого банка. 2-е изд. – М.: «Альпина Бизнес Букс», 2005. – 304 с.

7. Организация работы в банках: В 2 т. Т. 1. Укрепление руководства и повышение чувствительности к переменам / Диана МакНотон, Дональд Дж. Карлсон, Клайтон Таунсенд Дитц и др.: Пер. с англ. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 336 с.

8. *Роуз С.* Банковский менеджмент. – М.: Дело Лтд, 2000. – 768 с.

9. *Синки Дж.Ф.* Управление финансами в коммерческих банках: Пер. с англ., с 4-го изд. – М.: Gatallaxy, 1994. – 1064 с.

10. *Цисарь И.Ф., Чистов В.П., Лукьянов А.И.* Оптимизация финансовых портфелей банков, страховых компаний, пенсионных фондов. – М.: Дело, 1998. – 128 с.

В.Ю. Солопов, Е.Б. Степанов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Усложнение и ускорение процессов современной хозяйственной жизни заставляет вновь и вновь возвращаться к рассмотрению актуальных проблем экономической науки, решение которых определяет направление социально-экономического развития. Возможность построения нового общества, основанного на знаниях, во многом обусловлена переосмыслением места и роли человека в современном государстве, обществе и мировой экономике. «Современное понимание и новая парадигма устойчивого развития социально-экономической системы выводят человека в центр всех воспроизводственных процессов, социальных и экономических взаимодействий» (Иноземцев). В современном мире человек и его развитие – это не только фактор, создающий общественное богатство, но и показатель качества социально-экономических преобразований в обществе. Человек как непосредственный носитель человеческого капитала сейчас рассматривается не просто как участник производства, а как комплексный сквозной субъект всех стадий воспроизводственной цепи. Человек является ведущей производительной силой самых динамичных отраслей современности. Все это обусловило центральное системообразующее место человека в современной экономике. Теория человеческого капитала изучает процесс качественного совершенствования людских ресурсов, образуя один из центральных разделов современного анализа предложения труда. Одна из ее первых формулировок обнаруживается в «Политической арифметике» У. Петти. Он первым среди экономистов выдвинул категорию «живые действующие силы». Эта категория обобщает и объединяет в себе разнообразные свойства и способности человека, участвующие в производственных процессах. У. Петти попытался дать денежную оценку полезных свойств человека (и самого человека) и включил их в понятие «капитал», и выдвинул идею первостепенной ценности трудовых навыков населения в национальном богатстве страны.

Деятель испанского движения экономического либерализма Г. Джовельянос еще в XVIII веке рассмотрел основные формы вложения денег в человеческий капитал (образование, охрана здоровья, миграция). Исследования производства способностей человека к труду занимают большое место в работах А. Смита. А. Смит развил идею человеческого капитала, включив знания и квалификацию в основной капитал общества, наряду с машинами и землей. У него мы можем встретить следующие категории: «способности свободных рабочих к труду», «физические силы рабочих», «производительные рабочие силы». А. Смит считал, что «самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности населения»[1].

Д. Рикардо, являясь продолжателем идей Смита, в целом принял его систему взглядов по данной проблематике. В ряде произведений Д. Рикардо встречается категория «рабочая сила», под которой он понимает самих людей, работающих по найму и ищущих работу. Д. Рикардо предпринял попытку сформулировать понятие «издержки воспроизводства рабочей силы», в которые он включал затраты на образование и воспитание армии труда. Далее эту проблему начинает развивать А. Маршалл в своих «Принципах». А. Маршалл проводил некоторую аналогию между «человеческим» и «вещественными» капиталами, поскольку оба приносят прибыль и процент. В формировании человеческого капитала, по мнению Маршалла, участвуют не только материальные и финансовые ресурсы, но и такие общечеловеческие ценности как забота, любовь, участие и т.д. «Самый ценный капитал – это тот, который вложен в человеческие существа, а из этого капитала самый драгоценной его частью является та, которая составляет результат забот и влияние матери, когда она сохраняет инстинкты нежности и самоотречения и не ожесточена тяжестью и напряжением неженского труда»[2]. Однако как самостоятельный раздел экономического анализа теория человеческого капитала оформилась только на рубеже 50–60-х годов XX века. Заслуга ее выдвижения принадлежит известному американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии Т. Шульцу, а базовая теоретическая модель была разработана Г. Беккером (также лауреат Нобелевской премии). Т. Шульц, Э. Денисон,

© В.Ю. Солопов, Е.Б. Степанов, 2006

Дж. Кендрик произвели количественную оценку вклада образования в экономический рост. Г. Беккер ввел различие между специальными и общими инвестициями в человека; используя разработанный им аппарат кривых спроса и предложений инвестиций в человеческий капитал, сформулировал универсальную модель распределения личных доходов. Г. Беккер осуществил практический расчет экономической эффективности образования. Дж. Минцер разработал «производственные функции заработков», доказал, что в рамках подобной модели коэффициент перед образовательной переменной будет эквивалентен показателю внутренней нормы отдачи. Это упростило оценку эффективности вложений в образование. Ш. Розен вводит понятие фирменно-специфического человеческого капитала. Издержки на «подгонку» работников в фирме составляют часть его трансакционных издержек фирмы, а главное, составляют основную часть инвестиций в человеческий капитал. И. Бен-Порэт определяет человеческий капитал как «фонд, функция которого – производство трудовых услуг в общепринятых единицах измерения и который в этом своем качестве аналогичен любой машине как представительнице вещественного капитала». А. Берг, М. Спенс, Дж. Стиглиц были создателями «теории фильтра». Согласно этой теории, образование представляет собой механизм, сортирующей людей по уровню их способностей. Информация об этом достается фирмам даром, помогая отбирать наиболее перспективных кандидатов на рабочие места. Более высокая производительность связана не с полученным работниками образованием, а с их личными способностями. Дж. Уолш был одним их первых экономистов XX века, который возродил теорию «человеческого капитала» и применил ее в конкретных расчетах влияния профессионального образования на уровень национального богатства в США. Статистик Джини выделил в человеке сосуществование двух сторон: производственный аппарат, стоимость которого, по его словам, можно оценить исходя из критериев оценки рабов или материальных капиталов, и во-вторых, потребительский аппарат, от развития которого зависит цивилизация народа. Из современных исследователей можно выделить М. Критского, А.И. Добрынина, А. Лыскова, Н. Иванова, С.А. Дятлова, стремящихся на современном этапе развития развить далее теорию «человеческого капитала». М. Критский под человеческим капиталом понимает всеобщую форму экономической жизнедеятельности – итог исторического движения человеческого общества к современному состоянию. А. Лысков выделяет принципы, на основе которых, строится рассмотрение новой трактовки «человеческого капитала». Это принцип неделимости личности, принцип равноправности качеств индивида, принцип единства экономического пространства. А.И. Добрынин и С.А. Дятлов определяют человеческий капитал как совокупность всех атрибутивных качеств и свойств, производительных способностей и сил, функциональных ролей и форм. С.А. Дятлов выделяет сходные черты между физическим и «человеческим» капиталами. Л.С. Шаховская выводит концепцию человеческого капитала исходя из того, что человеческий капитал – это сам человек-работник, субъект хозяйствования, его способность к труду. Развитие теории человеческого капитала шло в русле неоклассического направления. В последние десятилетия исходный для неоклассиков принцип оптимизирующего поведения индивидуумов начал распространяться на различные сферы внерыночной деятельности человека. Понятия и методы экономического анализа стали применяться для изучения таких социальных явлений и институтов как образование, здравоохранение, миграция, брак и семья, преступность, расовая дискриминация и т.д.

Общие вопросы теории и методологии экономической динамики рассматривались в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых. Среди работ отечественных исследователей отметим труды В. Автономова, О. Иншакова, В. Маевского, Н. Кондратьева и других. Среди зарубежных ученых особую роль в первоначальном развитии теории экономической динамики сыграли: Дж. Кейнс, Дж. Кларк, К. Маркс, Дж. Милль, Й. Шумпетер. При этом часть изученных работ содержит анализ конкретных процессов экономической динамики. Следует отметить, что связь между процессами экономической динамики и формированием человеческого капитала в литературе прослеживается слабо.

Сформулируем гипотезу, согласно которой формирование человеческого капитала, с одной стороны, опосредовано процессами экономической динамики разных уровней, с другой стороны, – является фактором экономической динамики.

Остановится на характеристике двух понятий: «экономическая динамика» и «человеческий капитал». Динамика представляет собой состояние движения, ход развития, изменения какого-либо явления под влиянием на него факторов. Экономическая динамика – это движение процессов и явлений в экономическом пространстве. Экономическая динамика связана с движением в экономике и возникает вследствие того, что экономика есть отражение природных процессов, которые по своей сути и есть движение[3]. Это процесс, характеризующий все живое. Резкую активизацию процессов экономической динамики можно объяснить следующими причинами: глобализация; ускорение темпов НТП; информационная прозрачность (формирование информационного пространства); инновационные процессы; изменение и оценка человеческого фактора; экологические изменения. Остановится на каждой из причин более подробно.

Глобализация. Проблема формирования, совершенствования и реализации творческих способностей человека приобретает особую актуальность на поворотных этапах истории, когда решается вопрос о дальнейших путях развития цивилизации. Именно такой этап связан с понятием глобализации. Процессы глобализации в самом широком смысле характеризуются резким усилением и усложнением взаимных связей и взаимных зависимостей в основных областях экономической, политической и общественной жизни, приобретающих планетарные масштабы[4]. Это выражается в формировании мирового финансового рынка, мировых производственных и маркетинговых сетей, мирового рынка рабочей силы. Указанные процессы сопровождаются нарастанием социально-экономической и политической нестабильности в мире, проявляющейся в обострении борьбы за природные ресурсы, включая территории, в усугублении межэтнических и межконфессиональных конфликтов, становлении транснациональных сетей терроризма и наркобизнеса. Одновременно происходит углубление экологического кризиса, грозящего человечеству глобальной катастрофой. Все это не может не влиять на роль и место человеческого капитала в цивилизационном процессе, на формирование и возможности реализации этого капитала в условиях глобализирующегося мира. Более того, сложившееся понятие человеческого капитала становится слишком узким и утилитарным для характеристики значения творческого потенциала общества в современном развитии и требует расширительного толкования[5].

Ускорение темпов НТП. Ускорение связано с развитием научно-технического прогресса. Новые научные разработки позволяют в более короткое время совершенствовать развитие. Технический прогресс выступает фактором экономической динамики. Данный фактор тесно переплетается с повышением производительности человеческого капитала и вряд ли отделим от него: с увеличением объема знаний и улучшением технологии работники и машины, созданные ими, становятся производительнее. Развить навыки работы на высокотехнологическом производстве при его сложности работники могут, только имея непосредственный контакт с технологией[6].

Информационная прозрачность. Формирование информационного пространства связано с развитием информационных систем.

Инновационные процессы. Инновационный процесс в последние годы связан с формированием нового типа экономического развития, основанного на непрерывном изменении производственной базы и характера выпускаемой продукции, на создании принципиально новых технологий и новых видов товаров и услуг. В условиях глобализации, ужесточившей конкуренцию на мировых рынках и актуализирующей проблему конкуренции новизны и качества, инновации превратились в главный вектор экономического роста[7].

Изменение и оценка человеческого фактора. Человек все время находится под воздействием внешних факторов. Соответственно с изменением окружающей его обстановки, мы видим и изменение человеческого фактора.

Экологические изменения. Последние десятилетия экономика природопользования приобретает все большее значение вследствие возрастания нагрузки на окружающую среду. Люди во всем мире все больше начинают осознавать роль экологии в обеспечении собственного благополучия. Это с одной стороны. С другой стороны, и в экономической теории природопользования, и в практическом применении естественных ресурсов достигнуты наиболее впечатляющие успехи. Причем многие исследователи при рассмотрении проблем экологии все большее внимание уделяют в высшей степени важному вопросу взаимодействия между рынком и государством, обсуждая самые различные стороны оптимально-

го регулирования. Окружающей средой называется ресурс первозданно естественного происхождения, который способен к самовосстановлению в относительно широких пределах.

Движение экономических явлений и процессов можно рассматривать в различных аспектах, при этом экономическая динамика будет каждый раз открываться своей новой гранью[8]. Экономическая динамика – движение экономических явлений и процессов в пространстве и времени. Современная экономическая наука все чаще сталкивается с различными проявлениями процессов экономической динамики. Форма экономической динамики есть способ отражения изменений экономических процессов, явлений или их совокупности. Форма определяется изменением набора свойств, параметров, характеристик качеств экономических процессов в пространстве и во времени[9]. При этом сама форма является элементом пространства экономической динамики – то есть его характеристикой[10]. К формам экономической динамики мы отнесем: экономический рост; петля; шлюз и зигзаг; воронка; фильтр; барьер; прогнозные формы (экономические ловушки, сочетание проектного и объектного исследования экономической динамики, контримпликативная форма экономической динамики).

Следует особо заметить, что в процессе формирования человеческого капитала ни одна из этих форм не задействована. Формированию человеческого капитала присуще стадийность, как впрочем, и формированию всего капитала. Теперь остановимся на понятии «человеческий капитал».

Хотя теория «человеческого капитала» была принята далеко не единодушно, она по сей день остаётся ведущей в своей области, на ней основывается большинство современных исследований. При этом многие методологические элементы концепции до сих пор дискуссионны[11]. Во-первых, нет единого взгляда на понятие «человеческого капитала». Это заметно по множеству существующих определений. Большинство исследователей понимает под «человеческим капиталом» «некоторый запас знаний, навыков и других личностных особенностей, которыми располагает отдельный взятый человек или же коллектив». В то же время ряд ученых полагает, что «человеческий капитал» представляет, «способность человека приносить доход в той или иной форме».

Отдельной проблемой является степень соответствия самого термина «человеческий капитал» определяемому с его помощью понятию[12]. Можно представить человеческий капитал как совокупность природных способностей, здоровья, приобретённых знании, профессиональных навыков, мотиваций к труду и постоянному развитию, общей культуры, которая включает нравственные ценности, знание и соблюдение норм, правил, законов человеческого общения (см. рис.)[13].

На каждую из составляющих человеческого капитала влияет множество факторов внешней и внутренней среды. На развитие природных способностей (стартовый человеческий капитал) значительное влияние оказывают семья, государственные и негосударственные образовательные учреждения, государственные и благотворительные программы (фонды) по поддержке одаренной молодежи. Увеличение стартового капитала происходит за счёт доступа к высокопрофессиональным педагогам, эффективным учебным заведениям, возможности участвовать в международных конференциях и проходить стажировки в авторитетных научных центрах, а также приобретать необходимые обучающие средства (книги, наглядные пособия, компьютеры, платные информационные ресурсы). В развитии природных способностей и остальных составляющих человеческого капитала велика роль женщины. Она учит детей правилам поведения, прививает умение следить за здоровьем, правильно питаться, управлять своим временем. Здоровье необходимо для развития физических и познавательных навыков человека. Работоспособность человека

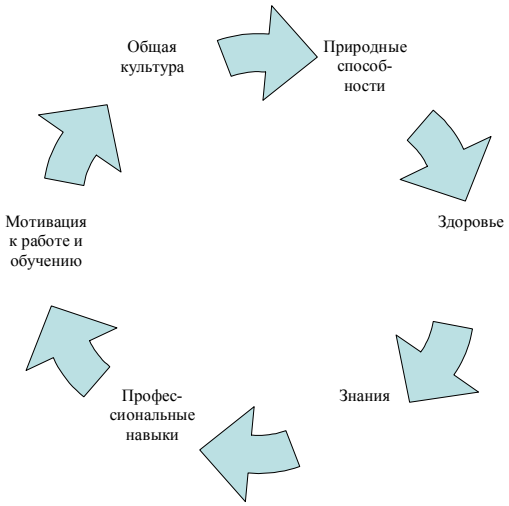

Рис.

в любой сфере экономики, на любой должности в значительной степени зависит от его здоровья. Слабое здоровье в детстве тормозит развитие познавательных навыков. На здоровье человека оказывают влияние как внутренние – наследственность, биологические особенности организма, так и внешние факторы. К внешним факторам относятся доходы, качество питании и питьевой полы, загрязнённость воздуха и территорий проживания, качество жилья, условия труда, сфера обслуживания, качество здравоохранения, организация досуга, потребление алкоголя и наркотиков, психоэмоциональные стрессы. На все указанные факторы внешней среды в значительной степени оказывает влияние государственная политика, а на то, как сам человек заботится о сохранении здоровья, влияет уровень его образования[14].

Многие исследователи считают, что знания – важнейшая составляющая человеческого капитала. Запас знаний, которыми обладает общество, характеризует способности этого общества к росту и развитию. Производной знаний являются технологии – средство улучшения продуктивности ресурсов. Через внедрение новых технологий происходит улучшение уровня жизни как отдельных людей, так и общества в целом, рациональное использование природы. Качество и уровень полученных знаний определяются природными способностями и факторами внешней среды: уровнем учебного заведения, где эти знания были получены или получаются, трудолюбием и прилежанием, финансовыми возможностями семьи, оплачивающей образование обучающегося, государственной политикой в области образования, государственной и частной финансовой поддержкой системы образования. До сих пор, говоря о человеческом капитале, о важном вкладе знаний в общую величину человеческого капитала, не уделяют должного внимания важности мотивации человека к получению знаний[15].

Вернемся к обсуждению данного вопроса.

Природные способности даются каждому человеку при рождении. У какого технический склад ума, а кто-то гуманитарии. Но хочется отметить, что способности можно приобрести и в процессе обучения. Уровень учебного заведения . Что представляет из себя данный уровень. Это либо высшее учебное заведение, либо учебное заведение среднего звена (колледж, техникум), либо это обычная школа или лицей, гимназия. Уровень учебного заведения также характеризуется наличием высококвалифицированных работников, наличием учебно-методической базы, обеспеченностью библиотечным фондом. Финансовые возможности семьи, оплачивающей образование обучающегося, тоже влияют на уровень и качество полученных знаний. Хотя зачастую можно наблюдать и обратное, когда через платное образование обучается совсем неспособный человек. Государственная политика в области образования. Эта политика должна быть направлена на повышение роли образования в современном обществе, а значит на повышение « человеческого капитала».

Государственная и частная финансовая поддержка системы образования. Чем больше наше Правительство будет финансировать, а таким образом и поддерживать образование, увеличивая его возможности на стимулирование работников в сфере образования, на приобретение современных средств обучения, тем возрастет приоритетность и роль нашего с Вами образования.

На наших глазах происходит смена парадигмы развития общества, а вместе с ней меняется парадигма конечного образования. Её место занимает парадигма непрерывного образования. Задача формирования мотивации человека к обучению в течение всей жизни становится особенно важной**.** От успешности её решения зависят и темпы научно-технического прогресса, и развитие экономики нового типа (экономики знаний), и реализация концепции устойчивого развития общества.

Мотивация к обучению в течение жизни зависит от многих факторов: уровня образования, норм и ценностей, поддерживаемых государством и обществом, от спроса на квалифицированных специалистов, квалификации и личностных качеств преподавателей, используемых образовательных технологий, общей корпоративной культуры образовательного учреждения, понимания человеком связи собственной профессиональной карьеры и имеющихся знаний. Качество и уровень профессиональных навыков определяются развитыми природными способностями конкретного человека, уровнем полученного образования, опытом и уровнем сложности выполняемой работы, мотивацией к труду. Мотивация трудовой деятельности зависит от моральных норм и ценностей, принятых в обществе, престижа и социального статуса той или иной специальности, наличии знаний, необходимых для выполнения профессиональных обязанностей, корпоративной культуры организации, справедливого уровня

оплаты труда, государственной политики, направленной на поддержку значительных трудовых достижений. Нравственные и моральные ценности – особый экономический ресурс. Принятые в обществе, они проецируются на каждого его члена. Воспитание высоких моральных норм и нравственных ценностей требует много времени и усилий от законодательных и исполнительных органов государственной власти, от образовательных учреждений всех уровней, от семьи. Но эти затраты многократно окупятся снижением уровня преступности, неприятием терроризма и крайних проявлений национализма. Для максимального развития каждой из составляющих человеческого капитала необходимо благоприятное влияние всех факторов внешней среды. Особенно значимы уровень и качество полученного образования и сбалансированная государственная политика в области развития человека[16]. Все выше сказанное связано с представлением о «человеческом капитале». Но человек не развивается вне природы, вне окружающей его среды, таким образом, он связан с теми процессами, которые происходят в обществе, природе, а значит с процессами экономической динамики. Поэтому кажется, что из представленной на рисунке структуры человеческого капитала выпали процессы экономической динамики. Структура человеческого капитала в нашей интерпретации видится во взаимосвязи перечисленных на рисунке компонентов с процессами экономической динамики, где имеют место направление и скорость движения.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать следующий вывод. Человеческий капитал – это совокупность природных способностей, здоровья, приобретенных знаний, профессиональных навыков, мотиваций к труду и постоянному развитию, общей культуры, которая включает нравственные ценности, знание, правила, нормы законов человеческого общения. Нельзя рассматривать «человеческий капитал» вне процессов экономической динамики, так как его формирование происходит не изолированно от процессов развития общества. Экономические процессы и явления не существуют вне человека, являясь продуктом его экономической деятельности, они во многом представляются как бы независимыми, самостоятельными[17]. Процесс развития «человеческого капитала» во взаимосвязи с процессами экономической динамики нельзя заранее оценить. Это может быть «положительный» или «отрицательный» процессы. Экономическое и социальное развитие страны зависит от отношения общества к процессам воспроизводства человеческого капитала. Каковы будут тенденции в воспроизводстве человеческого капитала – все это зависит от позиций всех участников: государства, предприятий, организаций и населения.

Примечания

[1] *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 67.

[2] *Маршалл А.* Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – С. 270.

[3] *Солопов В.Ю.* Экономическая динамика: генезис, диалектика, онтология. – Издательство АГУ, 2004. – ISBN 5-88200-846-8.

[4] *Иванов Н.* Человеческий капитал и глобализация // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №9. – С. 19–32.

[5] Там же.

[6] *Егоров С.* Человеческий фактор и экономический рост в условиях постиндустриализации // Вопросы экономики. – 2004. – №5. – С. 85–96.

[7] *Иванов Н.* Указ. соч.

[8] *Солопов В.Ю.* Указ. соч.

[9] Там же.

[10] *Солопов В.Ю., Чекмарев В.В.* Экономическая динамика: идентификация форм. – Кострома, 2005.

[11] *Лысков А.В.* Человеческий капитал: понятие и взаимосвязь с другими категориями // Менеджмент в России и за рубежом. – 2004. – № 6. – С. 3–12.

[12] Там же.

[13] *Мясоедова Т.Г.* Человеческий капитал и конкурентоспособность предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – №3. – С. 29–37.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] История экономических учений / Под ред. В. Автонова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: ИНФРА, 2000.

А.А. Копытов, В.В. Чекмарев

АНАЛИЗ МЕТОДОВ И ИНДИКАТОРОВ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ МАСШТАБОВ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА ЗАНЯТОСТИ

Принципиальные инструментальные подходы к определению и измерению занятости в неформальном секторе для национальных статистических органов были сформулированы в рекомендациях 15-й Международной конференции статистиков труда (1993 г.). Конференция определила неформальный сектор в широком смысле «как совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основной целью – обеспечить работу и доход для тех, кто связан с этими единицами».

В документах конференции эти единицы характеризуются: низким уровнем организации, низкой капиталоемкостью и небольшими размерами. Трудовые отношения (если и существуют) базируются на привлечении случайных работников, родственных связях, а не на договорных началах. В рекомендациях 15-й Международной конференции статистиков труда кроме вышеперечисленных, был определён и закреплён ключевой критерий отнесения к неформальной занятости – форма найма.

С точки зрения статистики национальных счетов, неформальный сектор рассматривается как часть сектора домашних хозяйств. Из вышесказанного следует, что неформальный сектор оценивается не как часть криминальной или нелегальной экономики. Однако он может включать как самозанятых, так и занятых по найму, не оформленному документально.

Дополнительным критерием отнесения предприятия к неформальному сектору, как отмечалось, может выступать их размер (обычно это маленькое предприятие с численностью занятых до 5–10 человек). Однако, если ориентироваться лишь на такой критерий, то все небольшие хозяйственные единицы можно отнести к неформальному сектору, вне зависимости от наличия или отсутствия регистрации, что будет неверным.

Критерием определения единиц неформального сектора в России, согласно «Методологическим положениям по измерению занятости в неформальном секторе экономики» Госкомстата РФ, принимается отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица, порог численности занятых на предприятиях при этом не используется как критерий.

Становится ясно, что для оценки неформальной занятости единственным критерием не обойтись – нужна система критериев-индикаторов, дающая разностороннюю характеристику этому явлению.

Рассмотрим систему показателей, используемых в официальных обследованиях населения по проблемам занятости (ОНПЗ). Проводимые в России обследования населения по проблемам занятости во многом удовлетворяют международные требования по измерению неформальной занятости. С 1999 года они проводятся поквартально, что позволяет уловить сезонные колебания в динамике неформальной занятости.

Выделение занятых в неформальном секторе по данным обследований населения по проблемам занятости, проводимых в РФ, осуществляется на основе комбинирования ответов на ряд вопросов. Безусловно, основным вопросом является вопрос о месте работы, предполагающий следующие варианты ответа: а) на предприятии, в учреждениях, организациях; б) в фермерском хозяйстве; в) предпринимательство без объявления юридического лица (ПБОЮЛ); г) на индивидуальной основе; д) по найму у отдельных граждан.

Группы «в–д» полностью относятся к неформальному сектору, занятые «а–б» будут отнесены к неформальным, если они работают «без регистрации или оформленных документов», «на собственном предприятии или в собственном деле для получения дохода» или «в качестве члена производственного кооператива».

В то же время, ОНПЗ не лишены ряда недостатков в части измерения и анализа занятости. Важнейшим из них является то, что ОНПЗ не являются панельными обследованиями, (то есть, не учитывают изменения секторов одновременно с изменением во времени). Другое ограничение связано с отсутствием сопоставимых ретроспективных данных за 1990-е гг.

Существует девять методов оценки размеров неформального сектора, которые можно, в свою очередь, объединить в три группы:

1. *Методы прямой оценки.* Сюда относятся:

– опросы применяются чаще по отношению к физическим лицам);

© А.А. Копытов, В.В. Чекмарев, 2006

– оценка разницы между указанными доходами и результатами выборочной аудиторской проверки (применяются чаще по отношению к юридическим лицам).

Недостатки данных методов очевидны: они не могут отобразить весь объём неформальной занятости. Более того, результаты анкетирования зависят от того, как точно сформулированы задаваемые вопросы. Все это представляет большие трудности в интерпретации полученных результатов.

2. Методы косвенной оценки:

– оценка разницы между доходами и расходами;

– оценка разницы между официальным и реальным количеством трудовых ресурсов: снижение количества трудовых сил, задействованных в формальном секторе, может служить индикатором увеличения их в неформальном, если общее число осталось неизменным. Но слабостью этого метода является тот факт, что люди могут быть задействованы в обоих секторах одновременно, а это не берется во внимание;

– метод денежных трансакций. Он предполагает, что существует неизменное отношение объема трансакций и официального ВВП, исходя их уравнения Фишера: $M*V = p*T$, где M – это деньги; V – скорость обращения денег; p – цены на товарном рынке и T – общие трансакции. Эмпирические отклонения от этого утверждения указывают на существование неформального рынка.

– подход Cagan (1998) спроса на деньги, который показывает, что рост неформальной экономики увеличивает спрос на деньги;

– метод физических данных Kaufmann-Kiliberda и Lacko: потребление электроэнергии – хороший индикатор общей экономической активности бизнеса. Здесь разница между ростом ВНП и потреблением электроэнергии свидетельствует о изменении размера неформального рынка. Более того, если в странах, где часть неформальной экономики ассоциируется с семейным производством (не декларированная продукция домашнего хозяйства) оказывается значимой, потребление электроэнергии высоко, остальная часть неформальной экономики тоже значима.

3. *Мульти индикаторный подход.* Авторами этого подхода являются Weck и Frey. Это модель, называемая "мульти индикаторы – мульти причины", представлена на следующей схеме, где

– вектор Z соответствует причинам, указанным ранее;

– вектор У – индикаторам (рынок труда, рынок товаров, денежный рынок);

– X – объясняемая переменная, динамическое развитие неформальной экономики.

Каждый из выделенных девяти методов оценки обладает своими достоинствами и недостатками, но ни один из них не представляет ситуацию в интегрированном виде. Кроме того, каждый их методов, примененный в разных странах, тоже может дать данные, которые будут сильно отличаться или даже противоречить друг другу, что исключает возможность сопоставления полученных результатов.

Несмотря на это, ученые пытаются найти наиболее объективный способ (среди указанных ниже девяти) измерения размера неформальной экономики с наименьшими методологическими погрешностями. Итак – это:

– опрос;

– оценка разницы между декларированными доходами и результатом выборочной аудиторской проверки;

– разница между национальными доходами и расходами;

– разница между официальным и реальным числом трудовых ресурсов;

– метод физических данных;

– метод спроса на деньги;

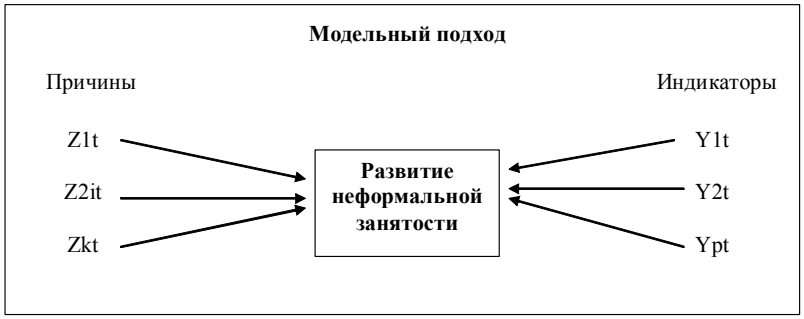

Рис.

– метод спроса на деньги;
– Cagan метод денежных трансакций;
– метод мультииндикаторов.

Неформальную занятость трудно однозначно определить содержательно, но еще труднее статистически корректно измерить. Объективные трудности измерения неформальной занятости усугубляются субъективными: существует естественная настороженность у субъектов такой экономики в отношении открытого и официально фиксируемого обсуждения нюансов своей деятельности.

Отсюда неизбежно появление целого спектра оценок, различающихся как авторской методологией, так и используемыми источниками формирования базы данных.

Не случайно, что «эффекты» неформальной занятости также оцениваются исследователями, практиками-управленцами и правовыми структурами по-разному. Рассмотрим эти оценки.

Можно констатировать, что, если речь идет о «небольших» работах, нелегальная занятость играет значительную экономическую и социальную роль, поскольку она позволяет разрешать некоторые рутинные, повседневные проблемы, которые трудно разрешить либо из-за высокой стоимости легальной рабочей силы, либо нехватки кадров, либо недостаточного качества выполнения этих работ предпринимателями или организациями.

На практике нелегальная занятость позволяет реализовать довольно значительное число рабочих услуг (типа: уход за пожилыми людьми, ремонт, уборка т.п.), которые всегда бы оставались недоступными для определенных категорий граждан, если бы их нужно было оплачивать по полным, легальным тарифам.

Рассматривая сочетание занятости, например, в сельском хозяйстве, можно заметить, что эта «двойная» занятость, может одновременно выступать как своего рода, замедляющий механизм исхода крестьян из деревни, и наоборот, облегчать прирост сельского населения за счет людей, желающих жить в сельской местности и сохранять свой прежний уровень и образ жизни.

Нелегальная занятость, приводящая к увеличению доходов индивида или предпринимателя, привносит свой вклад в развитие потребления и способствует росту инвестиций.

Нелегальная занятость смягчает шок в периодах замедления экономического роста и позволяет сокращать реальную безработицу и замедлять инфляцию, так как цены, практикуемые на нелегальном рынке труда, боле низкие, и, следовательно, они растут менее быстро.

Необходимо также рассмотреть некоторые другие факторы, которые могут быть как её причиной, так и следствием:

Взаимодействие занятости и нелегальной работы. Для некоторых исследователей, безработица является причиной нелегальной занятости, т.к. она провоцирует рост числа работников занятых на нелегальном рынке труда. Для ряда других исследователей, ситуация обратная, практика нелегальной занятости воспринимается как существенный фактор роста безработицы, в том виде, когда это составляет «увод рабочих мест у безработных».

Профессиональные качества. Согласно некоторым наблюдениям, недостаточность профессиональных навыков, неквалифицированность вносит значительный вклад в развитие явления неформальной занятости. Другие исследователи, наоборот, приводят доказательства, что некоторое количество занятых формально ищут дополнительную нелегальную занятость, именно благодаря своей высокой профессиональной квалификации (врачи). Например, некоторые утверждают, что для определенных видов работ, многие прибегают к неформальным отношениям, не только потому, что, стоимость в этом случае, будет ниже, но и из-за желания получить наилучшее качество.

*Технологический аспект. З*начительное количество неформально занятых работников могут, в наше время, обеспечивать себя современными материалами и инструментами и выполнять довольно сложные и качественные работы у себя на дому, что при более низких ценах, позволяет получать конкурентоспособные продукты труда.

Противоположное мнение о причинах самозанятости, состоит в том, что для некоторых работ, выполняемых нелегально, как раз не требуются очень сложные инструменты и материалы, и это дает возможность выполнять некоторые работы на дому, неформально и не декларируя их. Более того, существует гипотеза, что развитие современных технических средств, таких как телекоммуникация, информатизация, Интернет – расширяют возможности неформальной занятости.

В странах Центральной и Восточной Европы развитие неформальной занятости, во многом, связано с двумя факторами: с мелкотоварным сельским хозяйством на селе и развитием мелкого предпринимательства в городе.

При анализе различного рода источников, содержащих информацию о неформальном секторе в странах с переходной экономикой, можно сделать следующие выводы:

Доля занятых в неформальном секторе в переходных экономиках значительно ниже, чем в развивающихся странах (20% всех занятых против 50%).

Результаты оценок весьма зависят от методологии изучения. Среди стран с переходной экономикой, использующих сопоставимую методологию сбора данных, уровень неформальной занятости может косвенно характеризовать развитие самозанятости и мелкого некорпоративного предпринимательства.

Доля мужчин, занятых в неформальном секторе переходных экономик, либо выше, чем доля женщин, либо они примерно равны.

Конечно, оценки неформальной занятости лишь городского населения могут сильно занижать ее распространенность в стране в целом.

Библиографический список

1. *Дерябина М.* Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. – 2001. – №2. – С. 108–124.

2. *Капелюшников Р.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 69 с.

3. *Корягина Т.Н., Рутгайзер В.М., Силласте Ю.Х.* Индивидуальный труд в сфере услуг. – М.: Легпромбытиздат, 1989. – 78 с.

4. *Косалс Л.Я., Рывкина Р.В.* Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // СОЦИС. – 2002. – №4. – С. 13–21.

5. *Латов Ю.В.* Длинные тени общества «светлого будущего»: два опыта интерпретации (Размышления о книгах Л. Тимофеева «Институциональная коррупции» и С. Кордонского «Рынки власти. Административные рынки СССР и России») // Вопросы экономики. – 2000. – №8. – С. 131–145.

6. *Латов Ю.В.* Конкурентный неформальный бизнес – против меркантилистского государства // Экономическая теория преступлений и наказаний. – М.: РГГУ, 2000. – №2. – С. 3–9.

7. *Лебедева Н.Н.* Трансформация институционального механизма командно-административной экономики // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики) / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: В 2 т. Т. 1. – М.; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 335–341.

8. *Мамедов О.Ю.* Смешанная экономика. Двухсекторная модель. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 244 с.

9. Johnson, Simon & Kaufmann, Daniel & Zoido-Lobaton, Pablo, 1998. «Regulatory Discretion and the Unofficial Economy», American Economic Review, American Economic Association, vol. 88(2), pages 387-92.

Д.В. Бобков

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ РОССИИ

Управление государственным долгом является составной частью финансовой политики любой страны. В систему управления государственным долгом включаются такие элементы, как разработка общей стратегии государственных внутренних и внешних заимствований, в том числе снижение стоимости заимствований, эффективное использование заемных ресурсов, комплекс мер по обеспечению своевременного выполнения долговых обязательств. Программа государственных заимствований может строиться на длительный долговой цикл с растянутыми сроками погашения на несколько десятилетий. Чаще такая программа строится на короткий период исходя из потребностей и ресурсов очередного финансового года. И, наконец, может использоваться схема резервного кредита.

Масштабные программы долговых заимствований, растянутые на многие годы, применяются странами в случае необходимости финансирования военных расходов во время войны, а также послевоенного восстановления хозяйства. Аналогичные крупные программы заимствований, рассчитанные на длительный срок, могут приниматься в условиях реформирования экономики. В этом случае погашение долга переносится на период функционирования окрепшей, устойчиво развивающейся экономики.

Схема резервного кредита применяется в случае возможного снижения доходов или увеличе-

© Д.В. Бобков, 2006

Таблица 1

Уровень долга по отношению к ВВП в России

Год	Гос. долг (млрд. долл.)	ВВП (млрд. руб.)	Долг/ВВП
2001	140	9040,8	45%
2002	128,5	10950	35%
2003	124	13050	28%

ния бюджетных расходов, которые можно предвидеть, но наступление, которых носит вероятностный характер.

Одним из элементов управления государственным долгом является регламентирование допустимых пределов роста долга в планируемом периоде либо установление предельно допустимого уровня долга по отношению к валовому внутреннему продукту. Уровень задолженности в пределах 50–70% ВВП обычно не вызывает опасений. Однако у многих стран с достаточно устойчивым финансовым положением уровень государственного долга значительно выше. Например, в Бельгии и Италии он превышает 120% ВВП.

Динамика отношения Государственный долг/ВВП (см. табл. 1) не всегда адекватно отражает ситуацию с состоянием государственного долга страны, так как источником погашения долга является не национальный продукт, а лишь государственный бюджет. Более корректным в этой связи представляется сравнение государственного долга с уровнем бюджетных доходов. В процессе управления государственным долгом для некоторых стран, в частности России, имеет значение установление и соблюдение именно соотношение между уровнем бюджетных доходов и государственным долгом (см. табл. 2).

В таблице 2 отражено, сколько процентов от доходов федерального бюджета тратится на погашение государственного долга.

Проценты наслаиваются, и если сейчас приостановить выплаты, то лет через 10 не сможем решить проблему государственного долга, так как его величина будет составлять порядка 300–350 млрд. долл. К тому же своевременная оплата долгов – это признак цивилизованности общества, определённый вклад в международный авторитет и инвестиционную привлекательность государства. От кредитного рейтинга страны непосредственно зависит эффективность внешних займов. Чем он ниже, тем выше цена заимствований и тем дороже обходится обслуживание государственного долга. Кредитные рейтинги СССР были одними из самых высоких в мире, что объясняет значительный объем негарантированных банковских кредитов. В последнее десятилетие XX века в результате экономического кризиса, задержек в выплате внешнего долга и его реструктуризацией суверенный кредитный рейтинг России существенно снизился, повышение его будет способствовать повышению доверия иностранных инвесторов и снижению стоимости обслуживания долга.

Наконец, что и как отдавать? Внешний долг Российской Федерации состоит из двух частей – долг Советского Союза и новый российский долг. Если с последним более или менее ясно, то по долгам бывшего Советского Союза картина весьма расплывчатая. До сих пор нет точных сведений о его объемах. Нет системы единого подхода к учету, регистрации и отслеживанию динамики долговых обязательств. Разные ведомства (Минфин, Центральный банк, Внешэкономбанк) имеют разные данные объемов по одним и тем же кредиторам, по видам и общему объему государственного долга. Нет четкой методики по приведению к общему знаменателю переводных рублей и клиринговых расчетов в иностранной валюте (контракты формировались в разных валютах – форинты, левы, злотые, динары, леи), что не позволяет навести порядок во взаимоотношениях со странами Восточной Европы.

Таблица 2

Соотношение между доходами бюджета и государственным долгом в России

Год	Доходы Фед. бюджета(млн.р.)	Обслуживание долга (млн.р.)	Обслуж. долга/ Доходы бюджета
2001	1193482,9	231104,1	19%
2002	2125718,2	285009,3	13%
2003	2417791,8	277510,1	11%

По данным Счетной палаты, на 1 января 2000 г. объем незарегистрированной и документально не подтвержденной внешней задолженности составил 7,6 млрд. долл. Часть задолженности, по которой у нас нет полной документации, может уже быть списана западными компаниями, поскольку по методике бухгалтерского учета западных стран столько лет держать на балансе такую задолженность нельзя.

Официальная позиция Правительства РФ по вопросам долговой политики заключается в том, чтобы осуществлять все выплаты по внешнему долгу, во-первых, за счет бюджетных источников, а во-вторых, согласно, а при благоприятных обстоятельствах даже с опережением оригинального графика платежей. Рациональная стратегия заключается в том, чтобы в качестве средств платежа использовать в первую очередь активы, более дорогие в данный момент, но дешевеющие в перспективе. Использование активов, дешевых в настоящее время и дорожающих в перспективе, целесообразно откладывать до более позднего времени. С этой точки зрения цены большинства предлагаемых неклассических средств платежа по сравнению с наличными деньгами, являются весьма низкими, растущими в перспективе. Использование для обслуживания и погашения долга более дешевых средств платежа при дальнейшем их неизбежном удорожании не оптимально и ведет к существенным экономическим потерям. Для сглаживания платежей в предстоящие годы следует провести опережающее погашение части долговых обязательств, приходящихся на 2002–2008 гг. При последовательном проведении в течение предстоящего десятилетия оптимальной стратегии снижения долгового бремени угроза долгового кризиса будет устранена, долговая проблема в ее нынешнем виде перестанет существовать, а темпы экономического роста будут более высокими.

При этом можно по-разному подходить к оценке стоимости различных источников обслуживания государственного долга и его реструктуризации. Проблема с выплатой долга может быть относительно безболезненно решена при ежегодном росте экономики на 7–10%, но рост российской экономики практически остановился. Без ущерба для экономики за счет бюджетных доходов Россия может выплачивать 3–4 млрд. долл. в год, в то время как до 2015 г. должна отдавать 12–15 млрд. долл. ежегодно. Изъятие из экономики огромных денег в целях погашения внешней задолженности отодвигает на длительное время возможность осуществления инвестиций в промышленность, развитие инфраструктуры и научно-технического прогресса, повышение заработной платы бюджетникам и военным, пенсий и стипендий. И вряд ли экономическая и социальная эффективность данных вложений меньше, чем эффективность альтернативных источников вложений и возможной реструктуризации внешнего долга. Показывая сегодня «псевдовысокую» платежеспособность, лишаем Россию возможности действительно сохранить в будущем такую возможность для страны.

Федеральный бюджет в России уже несколько лет сбалансирован с профицитом, однако это не означает, что долговая нагрузка уже не является серьезным поводом для озабоченности Правительства. Известно, что все эти годы Правительство погашает большой объем долга, превышающий дефицит бюджета весьма существенно. В такой ситуации источником погашения части долга становятся новые привлечения, от качества которых зависит объем долга в текущем году, и долговая нагрузка на будущие периоды, и объем средств на обслуживание долга в бюджетах последующих лет.

Естественно, Правительство РФ предпринимает все данные ему законодательством возможности для перевода проблемы госдолга в банальный и спокойный режим уже в ближайшие годы.

Умеренный рост заимствований при снижении процентных ставок и постоянном совершенствовании как размещаемых инструментов, так и инфраструктуры рынка позволит создать рынок, ориентированный на среднесрочный и долгосрочный спрос институциональных инвесторов, определяющий процентную политику на финансовом рынке и обеспечивающий поддержание ликвидности всей финансовой системы.

Управление государственным долгом – одно из важных направлений государственной финансовой политики. Оно представляет собой комплекс мероприятий: обслуживание долга, т.е. погашение основной суммы и выплата процентов кредиторам; изменение условий выпущенных займов; мониторинг показателей объема и уровня долга, их сопоставление с показателями государственных финансов; взаимоотношения с кредиторами по поводу урегулирования старых долгов и предоставления новых кредитов; реструктуризация долгов; рефинансирование долгов и др.

Государственный долг в условиях рыночных отношений выступает важным макроэкономическим фактором, оказывающим значительное воздействие на состояние национальной экономики. С другой стороны, сам рынок государственных долгов реагирует на изменение экономической ситуации внутри страны и тенденций международных финансовых рынков.

В управлении государственным долгом важно соблюдать сбалансированность бюджетной и долговой политики государства, т.е. не допускать чрезмерного роста дефицитного финансирования и гарантировать нормальное обслуживание сложившейся задолженности.

Научиться правильно управлять государственным долгом – одна из главных задач современной России. Выполнение этой задачи станет предпосылкой постепенному перехода к экономическому росту. Государство не должно вовлекать все свободные денежные ресурсы общества в сферу бюджетного перераспределения, соответственно доходность государственных займов и государственных ценных бумаг не должна превышать эффективности реального сектора и других секторов финансового рынка. Реструктуризация и упорядочение государственного долга помогут встать России на путь экономического подъема.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон № 145-ФЗ от 31.07.98 г.

2. *Бескова И.А.* Управление государственным долгом // Финансы. – 2004. – №7. – С. 61–62.

3. *Иогансен Н.* А ну-ка, отними. (Валютный фонд ужесточает правила выдачи кредитов) // Известия. – 02.12.2004. – № 228. – С. 2.

4. *Корчагин А., Казаков А., Щербина Н.* Внешние долги России – между Лондоном и Парижем // Рынок ценных бумаг. – 2004. – №11. – С. 16–17.

5. *Илларионов А.* Платить или не платить // Вопросы экономики. – 2005. – №10.

6. Платежный баланс и внешняя задолженность России // Российская газета. – 2004. – 8, 10 августа. – Приложение «Бизнес в России».

7. *Саркисянц А.Г.* Политика внешнего заимствования: Россия и другие страны. // Финансы и кредит. – 2004. – №6 (66). – С. 50–53.

8. http://www.mediatext.ru/docs/info/news.

9. http://www.debt.ru/info.

10. http://www.rian.ru/news.

11. http://www.research.debt.ru/ussr_deparis.html.

12. http://www.minfin.ru/debt.

А.Ю. Волков

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВОЙСК

В соответствии с российским законодательством основным источником финансирования национальной обороны являются средства федерального бюджета Российской Федерации. Выделение бюджетных ассигнований в необходимых объемах для решения вооруженными силами поставленных перед ними задач непреложный закон обороноспособности любого государства. Несоблюдение этого закона приводит к крайне негативным последствиям и способно в кратчайшие сроки разрушить самую крепкую, самую современную и создававшуюся в течение многих лет систему национальной обороны.

Провозглашенный ранее Президентом Российской Федерации и действовавший на протяжении нескольких лет минимальный уровень расходов на оборону в размере 3,5% ВВП ни разу не был соблюден при составлении и исполнении федерального бюджета, а в дальнейшем и отменен. Это свидетельствует о многолетнем хроническом недофинансировании Вооруженных сил Российской Федерации, приведшему к их сегодняшнему состоянию, когда ставится под сомнение способность армии и флота выполнить свое прямое предназначение – защиту Российской Федерации, и это в условиях, когда отдельные иностранные политики выражают сомнение в праве России на владение принадлежащими ей ресурсами и даже в праве на суверенитет.

Вполне возможным в этой ситуации кажется привлечение для финансирования Вооруженных сил средств внебюджетных источников. Так, например, в отдельных странах поступления из внебюджетных источников составляют от 1% военного бюджета (США) до 15% (КНР). Однако необходимо понимать, что при этом, как правило, возникает противоречие между деятельностью и целями деятельности отдельно взятых бюджетных учреждений, осуществляющих разрешенную законодательством коммерческую деятельность.

 © А.Ю. Волков, 2006

В соответствии с Бюджетным законодательством доходы бюджетного учреждения, (в Министерстве обороны Российской Федерации – воинской части) полученные от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, после уплаты налогов и сборов, в полном объеме учитываются в смете доходов и расходов и отражаются в доходах соответствующего бюджета как доходы от использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, либо как доходы от оказания платных услуг. Таким образом, воинская часть при исполнении сметы доходов и расходов как бы самостоятельна в расходовании средств, полученных за счет внебюджетных источников. Указанный порядок не распространяется только на доходы, полученные от реализации имущества, находящегося в государственной (федеральной) собственности, подлежащие зачислению в соответствующие бюджеты в полном объеме, а также целевых средств.

Однако, согласно действующему в Министерстве обороны Российской Федерации (далее МО РФ) порядку планирования, использования и учета доходов, получаемых в результате осуществления разрешенной законодательством деятельности, прибыль бюджетных учреждений МО РФ (воинских частей), за некоторым исключением, подлежит централизации, а именно в трехдневный срок после уплаты налогов и иных обязательных платежей и возмещения затрат, связанных с осуществлением конкретных видов разрешенной предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, перечисляется в Главное финансово-экономическое управление МО РФ для использования по смете доходов и расходов МО РФ. Поступившие на лицевые счета Главного финансово-экономического управления МО РФ централизуемые средства от разрешенной законодательством деятельности распределяются следующим образом:

50% – централизованные средства из внебюджетных источников центра;

50% – централизованные средства из внебюджетных источников центральных органов военного управления.

Использование централизованных средств из внебюджетных источников центра осуществляется на основании решений Министра обороны РФ, а использование централизованных средств из внебюджетных источников центральных органов военного управления осуществляется по решениям как Министра обороны РФ, так и руководителей центральных органов военного управления (на нужды Министерства обороны РФ).

Действующий порядок распределения прибыли не затрагивает лишь некоторые источники получения средств от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности:

– средства военных образовательных учреждений и военных учреждений культуры от реализации платных услуг реинвестированные в собственную образовательную и культурную деятельность;

– продукция, изготовленная хозяйственным способом, другие материальные запасы, полученные без оплаты (безвозмездно) и оприходованные по балансу предпринимательской и иной приносящей доход деятельности;

– средства, полученные в оплату продукции подсобного хозяйства.

Вышеперечисленные средства полностью или частично остаются в распоряжении бюджетных учреждений МО РФ (воинских частей) и используются согласно их сметы доходов и расходов.

Как видно, интересы бюджетных учреждений войскового звена при распределении прибыли от разрешенной законодательством деятельности учтены лишь частично при том, что именно в этом звене образуется большая часть внебюджетных средств. Такой порядок, не отвечающий интересам воинских частей, осуществляющих разрешенную законодательством деятельность, является, по нашему мнению, экономически необоснованным и ошибочным. Стремление МО РФ усилить контроль за использованием средств, полученных от разрешенной законодательством деятельности путем их полной централизации привело к снижению темпов роста доходов от внебюджетной деятельности.

Таким образом, существует проблема многоуровневого распределения средств полученных из внебюджетных источников, связанная с противоречиями интересов ведомств и их структур (Министерства финансов РФ и Министерства обороны РФ) и отдельно взятых бюджетных учреждений (воинских частей), когда речь идет о распределении средств полученных из внебюджетных источников бюджетными учреждениями МО РФ (воинскими частями) между Федеральным бюджетом РФ и Министерством обороны РФ, а так же между центральным аппаратом, распорядителями бюджетных средств Министерства обороны РФ и их бюджетными учреждениями

(воинскими частями) зарабатывающими средства полученные из внебюджетных источников. Эта проблема связана с экономическими интересами учреждений осуществляющих разрешенную законодательством деятельность, что в общем-то характерно для рыночной экономики.

На наш взгляд, в перспективе падение удельного веса внебюджетных средств в обеспечении потребностей субъектов МО РФ будет продолжаться при сохранении действующего порядка образования и использования дополнительных источников финансирования, вследствие чего вероятно возрастание нагрузки на федеральный бюджет в объеме недополученных внебюджетных средств.

По нашему мнению существующий порядок использования средств, полученных от разрешенной законодательством деятельности не способствует активизации предпринимательской и иной приносящей доход деятельности по следующим причинам:

1. Главная проблема действующего порядка образования и использования средств, полученных в результате осуществления предпринимательской и иной приносящей доход деятельности – существенные трудности при обратном получении от Главного финансово-экономического управления Министерства обороны Российской Федерации причитающейся доли средств.

Установленный порядок распределения средств, полученных от разрешенной законодательством деятельности между Центром и главными, центральными управлениями, главнокомандующими и командующими видов вооруженных сил и родов войск, командующими округами (флотами) не является оптимальным, т.к. не учитывает интересы воинских частей и соединений, являющихся основным субъектом предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. На практике до воинских частей и соединений заработанные ими средства не доходят, что порождает негативное отношение личного состава к такой деятельности, способствует сокращению количества заключаемых договоров на оказание платных услуг и др. видов разрешенной деятельности и в конечном итоге приводит к снижению объемов средств полученных из внебюджетных источников[1].

2. Излишне усложнен порядок использования средств, полученных из внебюджетных источников в части согласования расходов центральных управлений, видов, родов и др., а также документального оформления процесса согласования. Реальные сроки согласования составляют от 2-х до 6 месяцев, что неудовлетворительно влияет на оперативность решения задач материально-технического и социального обеспечения частей и соединений. В связи с этим центральные органы военного управления предложили свою долю средств от внебюджетной деятельности оставлять на их лицевых счетах и использовать по решениям главнокомандующих видами, командующих родами войск без согласования с Главным финансово-экономическим управлением Министерства обороны Российской Федерации[2].

3. Установленный трехдневный срок перечисления средств, полученных из внебюджетных источников после возмещения затрат и уплаты налогов не является оптимальным, поскольку сроки уплаты налогов в соответствие с налоговым законодательством различны и, как правило, позже срока перечисления средств, полученных из внебюджетных источников. По этой причине практически все военные учреждения не выполняют план по централизации доходов[3].

Необходима новая схема распределения доходов, способствующая развитию предпринимательской и иной приносящей доход деятельности в МО РФ, которая может стать альтернативой действующему порядку распределения и использования доходов.

Давно назрела необходимость закрепления статуса разрешенной законодательством деятельности в силовых структурах на уровне федерального закона, действие которого не будет ограничиваться кратким периодом, например одним или несколькими годами, подобно законам о федеральных бюджетах. Современный опыт Вооруженных сил Российской Федерации, опыт Вооруженных сил СССР, царской армии и армий развитых государств, показывают, что несмотря на все благие намерения в отношении строгого соблюдения конституционного предназначения Вооруженных сил Российской Федерации, заботу о совершенствовании их боевой выучки, невозможно избежать их участия в осуществлении разрешенной законодательством деятельности, приносящей доход, тем более в условиях до сих пор ограниченного и скудного бюджетного финансирования (до сих пор существуют заработные платы в размере ниже прожиточного минимума). Поэтому представляется целесообразным не избегать многочисленных проблем в этой облас-

ти, а попытаться их разрешить, прежде всего на законодательном уровне.

Примечания

[1] Доклады руководителей рабочих групп МО РФ по итогам работы комиссии МО РФ в рамках анализа проблемных вопросов внебюджетной деятельности МО РФ и выработки эффективных мер по ее совершенствованию (во исполнение директивы Министра обороны РФ от 18 октября 2002 года №225/335 // Материалы V Управления ГлавФЭУ МО РФ / Дело № 712. – Т. 2. «Бюджет». Начато 3 апреля 2003 года.

[2] Доклад командиру войсковой части 78278 о проблемных вопросах, связанных с деятельностью экономического отделения ФЭУ БФ, требующих разрешения в центральных органах военного управления // Материалы служебной переписки 4-го (экономического) отдела финансово-экономического управления Балтийского флота / Дело №348. – Т. 2. «Доклады помощнику командующего БФ по финансово-экономической работе-начальнику финансово-экономического управления за 2002 год». Начато 1 января 2002 г.

[3] Доклады руководителей рабочих групп по итогам работы комиссии МО РФ в рамках анализа проблемных вопросов внебюджетной деятельности МО РФ и выработки эффективных мер по ее совершенствованию (во исполнение директивы Министра обороны РФ от 18 октября 2002 года №225/335 // Материалы V Управления ГлавФЭУ МО РФ / Дело № 712. – Т. 2. «Бюджет». Начато 3 апреля 2003 года.

В.В. Агапова

ГЕНЕЗИС И РОЛЬ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Самоуправление – это, прежде всего, общественный феномен, который объективно возникает в той или иной социальной среде и выполняет ряд значимых экономических функций.

Каждый человек, находясь в обществе, пытается адаптировать и скорректировать в нем свое экономическое поведение, и в тоже время, сохранить себя как личность. А это значит, что он оказывает на общество определенное воздействие и вносит в него изменения. В этой связи некоторые исследователи выделяют индивидуальное самоуправление, сводя его к управлению собой как способности личности не менять своего «Я» в различных ситуациях. Такое понимание индивидуального самоуправления исключает из рассмотрения те трансформации, которые претерпевает личность под воздействием общества и общество под воздействием личности. Она как бы навязывает обществу свое экономическое поведение и не считается с интересами других людей. По существу, у этих исследователей речь идет не об индивидуальном самоуправлении, а о личностной позиции человека в различных общественных ситуациях, что противоречит рыночной парадигме «экономического человека».

Надо иметь в виду, что в условиях рынка, каждая личность имеет высокие адаптационные способности и вынуждена координировать свое экономическое поведение с экономическим поведением других людей. Они, в свою очередь, адекватно реагируют на экономическое поведение данной личности и вносят в свое экономическое поведение определенные коррективы. В этих условиях и возникает феномен индивидуального самоуправления как адаптивно-корректирующего экономического поведения личности. Вместе с тем, вся масса адаптивно-корректирующего воздействия различных людей на экономическое поведение друг друга создает общественное самоуправление, которое по-разному проявляется в той или иной социальной среде в зависимости от ее особенностей.

В экономической литературе особое место отводится производственному самоуправлению. Прежде чем рассмотреть его социально-экономические основы, обратим внимание на то, что самоуправление возникает в условиях постоянного общения людей друг с другом и нацелено на решение общих задач, которые образуются в процессе их совместной жизнедеятельности. С этих позиций самоуправление можно рассматривать как способ экономического объединения людей в организацию по достижению определенных целей[1].

Выделяют разные типы организаций. В обществе они могут возникать по чьей-либо инициа-

© В.В. Агапова, 2006

тиве или в следствии договоренности людей друг с другом, когда эти люди, стоя перед необходимостью решения общих задач, понимают, что объединение их индивидуальных усилий принесет больший экономический результат, чем разрозненная деятельность каждого из них. Такое свободное объединение индивидов в экономической литературе называется кооперацией. В ней, прежде всего, выделяется наличие двух начал: во-первых, объективной необходимости решения совместным путем какой-либо задачи, а во-вторых, выгоды от этого совместного решения, которые получает как организация, так и каждый индивид, участвующий в ее деятельности на добровольных началах.

Кооперативная форма организации самоуправления имеет немало исторических примеров, к числу которых можно отнести артели, различного рода товарищества и т.д.

Важным признаком кооперации является то, что она ограничена в своих размерах, предполагает постоянство входящих в нее физических лиц и, оформляясь в определенную организацию совместной деятельности, закрепляет часть функций самоуправления за наиболее авторитетными людьми, способными эффективно решать совместные вопросы и сохранять такую организацию как единое целое социальное образование. Речь по существу идет о делегировании самоуправленческих функций неформальным лидером кооперативной организации. Будучи наделенными такими функциями, неформальные лидеры изменяют свой социальный статус, приобретают экономическую власть и становятся управляющими кооперативной организации, которая под их воздействием трансформируется в иное социальное образование. В нем начинают преобладать черты той организации, которая создается по инициативе частных лиц и изначально является формальным экономическим образованием. Таким образом, любая кооперация, опирающаяся на самоуправление, параллельно создает управленческие структуры, имеющие собственные экономические цели, интересы и задачи[2].

Этот процесс создания управленческих структур в кооперативных организациях носит объективный характер, который, однако, не может устранить самоуправление как объективный социально-экономический феномен, но вносит в него свои коррективы и часто ему противостоит. Заметим, что общество с момента своего возникновения пыталось и пытается преодолеть проблему соподчиненности самоуправления и управления.

В экономических организациях, создаваемых по чьей-либо инициативе, главным образом частных лиц, управление является изначальным признаком этих организаций и занимает в них доминирующее положение. Кооперативные начала при таком положении управления и процессе формирования организации сохраняются, но сама кооперация как свободная ассоциация физических лиц трансформируется в трудовой коллектив, деятельность которого регламентирована определенными нормами, исходящими от управленческой структуры. Таким образом, эта структура как бы возвышается над трудовым коллективом, определяет его деятельность, разделяет ее по видам и выстраивает их в иерархической последовательности.

В формальных экономических организациях самоуправление, как индивидуальное, так и общественное, ограничено и допускается управленческими структурами, если адекватно реагирует на их требования и решает такие вопросы, какие только и могут быть решены самим трудовым коллективом. В этих условиях самоуправление раздваивается на две части, одна из которых нацелена на выполнение управленческих требований, другая, – на устранение коллективных проблем. Уместно заметить, что наличие в экономической организации любой управленческой структуры сопровождается определенными издержками на ее содержание, независимо от того, с какой эффективностью она работает. Самоуправление, действуя в рамках этих организаций, способствует экономии явных затрат и ведет к повышению эффективности производства.

Понимая, что самоуправление способно эффективно решать многие производственные вопросы, руководители частных фирм создают организационно-экономические условия, включающие трудовой коллектив в ряд управленческих процессов и стимулирующие его на достижение намеченных результатов. Все это свидетельствует о том, что в формальных экономических организациях самоуправление встроено в общую систему управления, носит упорядоченный характер, но сохраняет себя в качестве альтернативного варианта адаптивно-корректирующего воздействия трудового коллектива на руководство предприятия и руководства предприятия на трудовой коллектив.

Может создаться ложное впечатление, что в современном рыночном хозяйстве кооперативы, будучи неформальными экономическими организациями, полностью заменены частными и государственными фирмами как формальными экономическими организациями. Мировая практика свидетельствует о том, что в индустриально развитых странах кооперативное движение имеет широкий размах и служит экономическим базисом развития местного самоуправления. Убедительным примером является Швеция. В этой стране кооперативным движением по существу охвачено все гражданское население. Кооперативы способствовали превращению Швеции из аграрной в промышленно развитую, процветающую страну. Важную роль кооперативное движение играет в сельском хозяйстве, в промышленности, в розничной торговле, в жилищном строительстве и других сферах деятельности.

Кооперативы делятся на производственные и потребительские. Производственные кооперативы с общим числом занятых около 50 тыс. человек доминируют в производстве молока и мяса и занимают важное место в производстве остальных продуктов, а также в производстве целлюлозно-бумажной промышленности. Потребительские кооперативы с общим числом занятых около 70 тыс. человек, из которых примерно половина приходится на два крупнейших, играют важную роль в розничной торговле.

В смешанной экономике кооперативное движение действует в качестве третьей силы, или третьей альтернативы, частной и государственной собственности, основываясь на принципе демократии и пользуясь широкой народной поддержкой. В некоторых областях, особенно среди потребительских кооперативов, кооперация стала уравновешивающей силой на рынке в интересах простых людей, например, в вопросах ценообразования. В прошлом потребительские кооперативы выдержали немало битв с частными картелями. Эту роль они играют и сейчас, хотя и в менее драматических формах.

По оценке, 2/3 домашних хозяйств Швеции каким-либо образом связаны с кооперативным движением. На потребительские кооперативы приходится 20% продаж товаров повседневного спроса. От 1/2 до 2/3 продовольствия, потребляемого в Швеции, производится фермами, входящими в кооперативы, а по некоторым продуктам эта доля еще выше - 99% молока, 80% мяса. Большая часть этой продукции перерабатывается на предприятиях, принадлежащих крестьянским кооперативам. Термин кооператив обычно относится к экономическому предприятию, основывающемуся на совместных действиях и самопомощи. Кооперативное предприятие должно иметь прямую связь с нуждами и экономическими интересами его членов.

Среди принципов кооперативного движения: свобода членства; никто не может быть исключен, кроме случаев нарушения устава; независимость от политических партий и вероисповедания; демократическое управление; один член – один голос; ограничение доходов на вложенный пай; кооперативное сообщество – это ассоциация людей, а не капитала; накопление капитала на развитие и экономическую самостоятельность; просветительская деятельность; взаимодействие кооперативов.

В любом случае, кооперативные предприятия Швеции основываются на принципах, рекомендованных Международным кооперативным альянсом, созданным в 1895 г., и имеющим 164 члена в 72 странах.

Итак, кооперативы играют очень важную роль в современном обществе. Эти экономические организации попадают под категорию «народные движения». Решающее в развитии кооперативов – мобилизация людей, вовлечение в их деятельность новых членов и повышение их влияния.

Происшедшие в 1950–1960-е годы сдвиги к укрупнению экономических организаций с целью снижения издержек оказали воздействие на кооперативы, так же как и на другие виды бизнеса. Эта тенденция стала серьезно угрожать демократии в кооперативах. В настоящее время кооперативное движение ищет пути усиления влияния рядовых членов на положение дел в кооперативах и на процесс всемирного развития принципов самоуправления.

Примечания

1. Существенно, что определенные возможности производственного самоуправления в странах с развитой рыночной экономикой гарантированы законодательно, поскольку деятельность экономических организаций имеет правовую рекомендацию. Так, в ФРГ Закон о правовом режиме предприятия определяет его внутреннюю организацию, что позволяет регулировать отношения между предпринимателем и персоналом.

Возможность работника участвовать в управлении реализуются посредством его права подавать сообщения администрации и быть выслушанным, а также права на разбирательство всех обстоятельств, касающихся его рабочего места и положения на предприятии. Помимо этого работник может действовать через производственный совет (даже не будучи его членом), через молодежный комитет. А право на участие в управлении на предпринимательском уровне реализуется работником благодаря вхождению в наблюдательный совет. Производственный совет может иметь право доступа к важнейшим видам данных, необходимых при управлении предприятием: планам производства, экономическим показателям, сведениям о персонале. Совет следит за соблюдением норм, правил техники безопасности, коллективных договоров. Он правомочен в принятии решений по таким вопросам, как использование рабочего времени, увольнение и прием на работу, внедрение и использовании технических средств, изменения форм оплаты труда, распределение и освобождение заводских квартир. Совет регулярно отчитывается перед коллективом на общих собраниях. Поэтому без согласия предприниматель не может устанавливать трудовой распорядок, время начала и окончания работы, планы отпусков, определять тарифные разряды, направлять на профобучение.

2. Истоки развития современного производственного самоуправления в России связаны еще с советским периодом и принятием в 1987 году Закона «О предприятии», в котором позволялось создавать советы трудовых коллективов (СТК). Они могли участвовать в распределении прибыли, формировании планов. В тоже время это участие носило, как правило, формальный характер на абсолютном большинстве предприятий.

Е.А. Кузнецова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Будучи «правилами игры» в обществе, или ограничительными рамками, организующими взаимоотношения между людьми [11], институты имеют различное происхождение и выполняют разные целевые функции. Институты, – пишет Д. Норт, – «…задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» [11]. Сами по себе институты представляют собой упорядоченную совокупность формальных и неформальных социальных норм, действующих в различных областях человеческих взаимодействий, охватывающих разнообразные сферы жизнедеятельности людей. Среди бесчисленного множества социальных норм выделяются экономические институты, которые возникают и действуют в процессах производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ.

В отличие от институтов государственной власти, возникающих под воздействием расклада политических сил и манипуляции ими, экономические институты устанавливаются людьми в зависимости, прежде всего, от технологического способа производства. Он задает основные параметры человеческих взаимодействий с вещественными факторами производства. Их уровень развития и определяет эти параметры, имеющие объективно-эмпирическое происхождение и принимающие вид формальных норм в результате принятия адекватных управленческих решений.

В процессах распределения, обмена и потребления жизненных благ установленные людьми формальные нормы также имеют объективно-эмпирическое происхождение, которое подчеркивает, что эти нормы исходят из реалий экономической практики и первоначально выступают в виде неформальных параметров (или неформальных норм) человеческих взаимодействий. Итак, экономические институты не устанавливаются людьми произвольно и опираются на объективные данные хозяйственной практики, диктующей, что в данных условиях следует действовать так, а не иначе, следует ограничивать экономическое поведение людей такими, а не иными рамками. Выходит, что экономические институты не только ограничивают взаимоотношения между людьми, но и в своем выборе сами ограничены [7], имея объект-субъектное происхождение как результат трансформации неформальных

© Е.А. Кузнецова, 2006

норм в нормы формальные, устанавливаемые управленческими решениями.

В этой связи А. Голиков выделяет в любой экономической системе четыре базисных института. *Во-первых*, институт власти, *во-вторых*, институт прав[1] собственности, *в-третьих*, институт координации экономического выбора, *в-четвертых*, институт экономического поведения человека и возникающий в результате функционирования институтов экономический результат [5], подчеркивающий, что базисные институты общества в своей совокупности по сути дела являются экономическими. Однако А. Голиков не разграничивает понятия «власть» и «управление».

Оба эти понятия сходны, но не тождественны. Рассмотрим их более подробно. Начнем с этимологии. В. Даль трактует власть как право, силу и волю над чем, свободу действий и распоряжений, начальствование или управление [1, т. I, с. 213]. Власть, по С.И. Ожегову, имеет троякое толкование. Она выступает, *во-первых*, в качестве права и возможности распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле, *во-вторых*, как политическое господство, государственное управление и органы его, *в-третьих*, в форме лица, облеченного правительственными и административными полномочиями [13, с. 74]. Власть также интерпретируется как возможность распоряжаться кем-, чем-либо, свобода действий, поступков по отношению к кому-, чему-либо. Из этого термина происходит слово «властный», склонный повелевать, повелительный, императивный [16, с. 63].

Философы дают следующее определение понятию «власть» – это «в общем смысле способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – авторитета, права, насилия. Выделяется экономическая, политическая, государственная и семейная власть [18, с. 85]. В современном философском словаре «власть» рассматривается как сила (в отличие от физического насилия), оказывающая воздействие на тело, душу и ум, пронизывающая их, подчиняющая другого закону своей воли. Власть нуждается в оправдании, ей присуще нечто демоническое: кто обладает властью, тот одержим ею [19, с. 70].

Трактовка различными источниками слова «власть» свидетельствует о том, что этот термин подразумевает наличие надлежащей общественной силы, обладающей возможностью повелевать, подчинять своей воле, господствовать путем авторитета, права или насилия, свободно действовать и определять поведение других социальных (экономических) субъектов, невзирая на их желание и волеизъявление. Власть, в принципе, не нуждается в ответной реакции того, на кого она направлена. Власть безапелляциионна. Она всегда права и не считает издержки, понесенные ею и другими субъектами. По М. Веберу, любая закрепленная социальными отношениями возможность настаивать на своем даже при наличии сопротивления независимо от того, в чем эта возможность выражается, считается властью. Д. Итон под ней понимает необходимое свойство социальной системы, способствующее ее выживанию во внешней среде [14]. Самосохранение системы порождает власть как наиболее эффективный инструмент защиты этой системы от посягательств извне. В этом смысле слова власть можно отнести к общественному благу.

Экономисты и юристы вместо слова «власть» употребляют термин «государство», под которым они понимают: *во-первых*, «определенный способ организации общества, основной элемент политической системы» [21], организацию публичной политической власти, распространяющуюся на все общество, выступающую его официальным представителем и опирающуюся в необходимых случаях на средства и меры принуждения [21], *во-вторых*, «совокупность официальных органов власти (правительство, парламент, суды и др.), действующих в масштабе страны…» [21], *в-третьих*, «как субъект международного права – основной участник международных отношений» [21], *в-четвертых*, «совокупность органов и лиц, сосредоточивших в своих руках экономическую власть, принимающих экономические решения в государственном масштабе, распоряжающихся государственной собственностью» [15], *в-пятых*, «все виды экономических ресурсов, факторов производства, денежных средств» [15], находящихся в государственной собственности, в распоряжении и ведении государственных органов власти (государственная экономика) [15], *в-шестых*, «основной институт политической системы классового общества, осуществляющий управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры» [18, с. 123].

Существуют и другие определения понятия государства, которое трактуется как «особая орга-

низация политической власти общества, располагающая специальным аппаратом принуждения, выражающая волю и интересы господствующего класса или всего народа» [12]. А. Геллнер считает, что «государство – это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство – это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) – охрана порядка. Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как, например, полиция и суд, отделились от остальных сфер общественной жизни. Они и есть государство» [4]. Нельзя не заметить, что автор этих строк отождествляет государство и власть, которая, однако, также наводит «порядок» и в экономических отношениях, полагая, что именно этот порядок и будет служить предпосылкой экономического роста. Выходит, что власть не только является политическим, но и экономическим институтом, который в контексте определения государства приобретает качество инструмента, находящегося в руках определенной группы лиц, стоящих над обществом и повелевающих им.

Л.Г. Гринин отмечает, что «государство есть особая достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением вне зависимости от согласия последнего; имеющая силы и средства для осуществления своих претензий» [6]. В таком определении власть также является безапелляционным инструментом управленческого воздействия, организованным в политическую единицу, охраняющую и использующую этот инструмент.

Государство интерпретируется и как «независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Оно существует в сложном, стратифицированном обществе, расположенном на определенной территории и состоящем из двух основных страт – правителей и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых. Эти отношения узаконены разделяемой, по крайней мере, частью общества идеологией…» [22]. Из этих слов явственно следует, что государство представляет собой организацию, управляющую не только обществом, но и его экономикой; причем путем политического господства одной, меньшей части общества над другой его большей частью. Политическое господство потому и называется таковым, что оно обеспечивается властью, которая выступает таким инструментом, такой его организацией использования, которая действует путем подчинения и принуждения, жесткого администрирования и грубой силы. Эти качества власти, независимо от того направлена ли она на экономику или на общество, выводят ее за пределы рыночных отношений. Вместе с тем, всякая политическая власть, будучи атрибутом государства, требует защиты и опирается не только на авторитет, не только на право или насилие, но и на идеологию, которую поддерживает и которой руководствуется определенная часть общества.

Выделяют также государственную власть как разновидность социальной власти, которая обеспечивает управляемость всем обществом в условиях его социальной дифференциации посредством специально созданной организации – государства, которое имеет право и возможность регулировать общественные отношения, определять правила (нормы) поведения и деятельности человека и создаваемых им структур [2]. Такое определение государственной власти схоже с понятием «правительство», которое, будучи особым органом этой власти, обеспечивает управляемость общества и экономики. Уместно заметить, что в странах с развитой рыночной экономикой вместо понятий «государство» и «государственная власть» чаще всего используется термин «правительство» [9; 10; 17; 20].

И наконец, слависты трактуют двояко понятие «государство»: с одной стороны, «это политическая организация общества во главе с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников» [13, с. 122], с другой стороны, «это страна с такой политической организацией» [13, с. 122]. «Страна под управлением государя образует государство» [1, т. 1, с. 387] подчеркивает В. Даль. В некоторых источниках такие понятия, как государство, страна, держава и царство отождествляются [16, с. 108].

Что же тогда представляет собой управление как научное понятие и как оно соотносится с властью и государством? По В. Далю, «управлять» значит «управить чем, править, давая ход, направ-

ленье распоряжаться, заведывать, быть хозяином, распорядителем чего, порядничать» [1, т. IV, с. 504]. С.И. Ожегов приводит несколько значений слова «управление», среди которых наиболее подходящим можно признать «деятельность органов власти» [13, с. 726] или «крупное подразделение какого-нибудь учреждения…» [13, с. 726]. Термин «управлять» им трактуется как «направлять ход, движение кого-чего-нибудь» или «руководить, направлять деятельность, действия кого-чего-нибудь» [13, с. 726].

В современных источниках под управлением понимается процесс, представляющий собой совокупность действий особого органа организации, направленных на изменение существующего состояния организации или ее части в направлении достижения целей и баланса организации с внешней средой [8]. Термин «управление», как и его англоязычный аналог «менеджмент», применяется в нескольких значениях и в отличие от власти рассматривается как процесс, как специализированный вид деятельности и как институциональная единица той или иной организации, включая и государство. Если власть предполагает сохранение существующего порядка, то управление нацелено на его изменение. Стало быть, власть, в каких бы ни было организациях она не применялась, выполняет ретроспективную, а управление – перспективную функцию. Поэтому управление нуждается в ответной реакции, исходящей от управляемого объекта, а власть в ней нуждается только в особых ситуациях, к примеру, в период избирательной кампании. Чтобы располагать такой реакцией управление должно быть встроено в общественную, экономическую или производственную систему, но в то же самое время сохранять себя в качестве ее специализированного органа, который, одновременно, является и институтом, так как его деятельность регламентирована институциональными рамками.

Нельзя не заметить, что всякое управление сочетает в себе властные и невластные функции. В зависимости от типа экономических систем эти функции соотносятся между собой по-разному. В тоталитарных режимах властные функции максимизированы, в демократических обществах, где действует правовое государство и создано рыночное хозяйство, властные функции используются в особых случаях. В этих обществах доминируют экономические методы управления, выступающие в форме установленных норм и нормативов. Их использование на практике сопровождается обратной реакцией управляемого объекта. Это побуждает управляющего субъекта изменять себя самого, самосовершенствовать свое поведение, принимать такие управленческие решения, которые адекватны сложившейся ситуации, направлены на ее адаптацию к целям организации и на адаптацию самой организации к внешней среде. Выходит, что управление – это вместе с тем и самоуправление по отношению к самой организации, государству или к социальной системе в целом, где действуют также и стихийные регуляторы общественных процессов, не охватываемые рациональной деятельностью управленческого персонала.

Управление, действия которого направлены на адаптивное совершенствование той или иной общественной системы в целом, не только является общественным благом, но и его создает. Если объектом управленческого воздействия является экономическая система всей страны, то говорят о государственном управлении как экономическом институте, персонифицированном в правительстве. Критерием государственного управления как экономического института является производство общественных благ, превращающее его в фирму, подчиненную законам конкуренции, имеющую внутреннюю организационно-экономическую систему и лишенную монопольного положения. В зависимости от того, на что нацелены общественные блага, производимые государственным управлением как конкурирующей фирмой, их можно подразделить на единичные, частичные (специфические) и целостные или полные общественные блага. Общественное благо, направленное на сохранение и развитие всей социально-экономической системы общества, включается в состав целостных (полных) общественных благ. К таким благам можно отнести, к примеру, стабилизационный фонд государства или оборону страны, защищающую всех и каждого гражданина в отдельности, от посягательств извне. Если благо обслуживает какую-то часть социально-экономической системы, к примеру, региональную экономику, его можно отнести к частичному или специфическому общественному благу.

В условиях рыночной экономики, где действуют частные физические и юридические лица, их запросы часто совпадают с интересами всего общества, носителем которых является правовое

государство. Удовлетворение этих запросов можно обеспечивать путем производства единичных (публичных, персонифицированных) общественных благ, создаваемых государственным управлением как экономическим институтом, выступающим в виде фирмы. Примером может служить защита от посягательств частной собственности, образующей базисный или системообразующий институт рыночного хозяйства, но, в каждый данный момент или в каждом отдельном случае, выступающим в форме единичного общественного блага. Оно используется частными лицами, но в совокупности приносит системный эффект. К таким единичным благам относится система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с этим имуществом.

По своей экономической сущности государственная регистрация прав на недвижимое имущество и соответствующих трансакций является способом снижения риска на рынке недвижимости, защиты имущественных прав участников гражданского оборота и, как следствие, формирования отвечающих институциональным требованиям отношений на рынке недвижимости и привлечения дополнительных инвестиций в российскую экономику.

Система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним призвана обеспечить: 1) развитие рынка недвижимости в Российской Федерации и создание эффективных механизмов государственного управления этим рынком; 2) защиту конституционных прав собственников и обладателей иных прав на объекты недвижимости; 3) эффективную экономическую деятельность участников гражданского оборота на рынке недвижимости; 4) возможность предоставления любому заинтересованному лицу достоверной информации о зарегистрированных правах на недвижимое имущество; 5) привлечение дополнительных инвестиций в российскую экономику; 6) упорядочение сбора налогов, связанных с объектами недвижимого имущества и их обладателями; 7) создание дополнительных гарантий безопасности для участников рынка недвижимости.

Базовыми принципами создания системы управления недвижимостью являются: ведение пообъектного учета и регистрации недвижимого имущества, управление недвижимостью; четкое разграничение прав и обязанностей всех государственных органов, участвующих в процессе управления недвижимостью; организационное, правовое и информационное единство системы управления недвижимостью; минимизация бюджетных затрат.

Основными элементами системы управления недвижимостью являются:

– государственный учет недвижимого имущества;

– государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним;

– единая государственная информационная база данных по недвижимому имуществу;

– управление недвижимым имуществом, находящимся в государственной собственности.

Сам акт регистрации прав представляет собой «публичную услугу», поскольку может характеризоваться как деятельность по организации производства и предоставления единичных общественных благ гражданам и организациям, по созданию институциональных условий для такой организации. Эти публичные услуги также связаны с управленческими функциями, но иного рода: речь идет о внутренних организационных действиях по поиску оптимального способа удовлетворения общественно значимых потребностей; о взаимоотношениях публичного субъекта с иными хозяйствующими субъектами по поводу организации обслуживания населения. Главное в этой услуге – это то, что с ее помощью удовлетворяется общественный интерес.

Предоставление услуг по регистрации прав организует публичный субъект (Управление Федеральной регистрационной службы по субъекту Федерации), за предоставление которых он несет в конечном итоге ответственность. Эти услуги имеют общественно значимый характер (право собственности признаётся недействительным при отсутствии его государственной регистрации). Цены и тарифы на эти услуги регулируются управляющим публичным субъектом, что лишний раз подтверждает тезис о том, что государственное управление является ничем иным как экономическим институтом и фирмой, производящей общественные блага, а государство складывается из двух взаимосвязанных и взаимопроникающих плоскостей: с одной стороны, государственной власти, с другой стороны, государственного управления как рыночной экономикой, так и гражданским обществом. В первом случае государственное управление относится к экономи-

ческому институту, а во втором – к институту социально-политическому.

Примечание

[1] Понятие «институт прав собственности» по существу является плеоназмом, так как любое право само по себе является институтом. Мало того, Г. Гегель замечает, что право и собственность – тождественные понятия, раскрывающие разнообразные состояния личности и подчеркивающие ее индивидуальность [3].

Библиографический список

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 1. – С. 213, 387, 504.

2. *Дмитриев Ю.А.* Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. – 1994. – №7. – С. 25–32.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

4. *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – С. 28.

5. *Голиков А.Н.* Экономика России за 2 тысячелетия. Конспект лекций и антология мировой исторической и экономической классики. – М.: «Анкил», 2000. – С. 9.

6. *Гринин Л.Г.* Формации и цивилизации: социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории // Философия и общество. – 1997. – №5. – С. 20.

7. *Женодаров М.В.* Институциональные трансформации экономических благ: Автореф. дис. … канд. эконом. наук. – Ярославль, 2007. – 21 с.

8. *Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах / Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М., 1995. – С. 42.

9. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: Принципы, проблемы и политика: В 2-х т. / Пер. с англ. 11-го изд. – М.: Республика, 1992.

10. *Менкью Н.Г.* Принципы экономикс: 2-е изд., сокращ. – СПб.: Питер, 2001. – 496 с.

11. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 17.

12. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1994. – С. 23.

13. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 74, 122, 726.

14. *Радченко А.И.* Основы государственного и муниципального управления: системный подход. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 22–23.

15. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 2-е изд., исправ. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 67.

16. Словарь синонимов. – М.: Наука, 1975. – С. 63, 108.

17. *Стиглиц Дж.Ю.* Экономика государственного сектора / Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 720 с.

18. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 85, 123.

19. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 70.

20. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика / Пер. с англ. со 2-го изд. – М.: «Дело ЛТД», 1995. – 864 с.

21. Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 61.

22. *Claessen H.J.* State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. IV. – New York, 1996. – P. 1255.

В.В. Михайлов

МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА КОНКУРЕНТНОГО РЫНКА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рынок как единый и целостный экономический механизм вне конкуренции не существует. Она охватывает различные рынки, имеющие разный масштаб и выстраивающиеся в сложную многоуровневую систему. Существуют товары, пользующиеся большим и стабильным спросом в масштабах всего мирового экономического пространства. Их производство, чаще всего, сосредоточено на крупнейших промышленных предприятиях-гигантах, имеющих выход на мировой рынок и действующих на нем. В рамках национальной экономики эти предприятия-гиганты занимают, как правило, монопольное положение, а за ее пределами утрачивают свои монопольные позиции и, наряду с промышленными гигантами других стран, занимают свою нишу на мировом и международных рынках. Численность этих гигантов не велика, но достаточна, чтобы конкурировать между собой. Им трудно вступить в сговор и создать олигополию по той простой причине, что каждый промышленный гигант не только руководствуется своими целями, но также вынужден отстаивать интересами того государства, под юрисдикцией и правовой защитой которого он находится. Выходит, что на мегауровне складывается рыночная модель, близкая к модели совершенной конкуренции.

Высокий спрос на товары, обслуживающие потребности мирового экономического сообщества, способствует поддержанию такого уровня цен, который, как правило, превышает уровень цен на эти товары, реализуемые на национальных рынках. Поэтому крупнейшие компании, корпорации и фирмы часто больше заинтересованы работать на внешний, чем на внутренний рынок, стремясь к повышению на нем цен на поставляемые ими товары. В этих условиях государство, *с одной стороны,* сдерживает рост цен на такие товары в пределах национальной экономики, *с другой стороны,* добивается укрупнения промышленных корпораций, способных занять лидирующие позиции на мировом и на многих международных рынках.

Так, В. Волков, директор фонда «Технологии развития», отмечает, что «решительное укрупнение под эгидой государства началось в энергетическом секторе – с присоединением Роснефтью бывших активов ЮКОСа. Процесс продолжил «Газпром», купивший «Сибнефть». Последний шаг «Газпрома» – присоединение угольной компании СУЭК в форме совместного предприятия. Создание суперхолдинга, объединяющего добычу газа, нефти, угля, а также генерирующие мощности, связано, конечно, и с реформой российской энергетической отрасли. Но в результате российские компании поднимаются в рейтинге крупнейших компаний мира. Пока компании ТЭК лучше других позиционированы для участия в глобализации в качестве активных игроков, стремящихся навязать свои правила, а не играть по чужим» [1].

И далее: «В октябре 2006 г. стало известно об объединении алюминиевых активов «Русала» и «Суала» и швейцарской Glencore. В итоге на мировом рынке появился игрок, превосходящий, хотя и незначительно, своих главных конкурентов: американскую Alcoa и канадскую Alcan... Создание объединенной авиастроительной корпорации завершено в феврале 2007 г. Появление компании с суммарной оценкой в 4 млрд. долларов также вписывается в логику укрупнения для защиты национального рынка и выживания в конкуренции с лидерами мирового авиастроения» [1].

Российское государство путем укрупнения промышленных предприятий, инициированного федеральным правительством, стремится объединить интересы частных и государственный инвесторов, создать прецедент частно-государственного партнерства, сделать национальную экономику конкурентоспособной на мировом рынке, вывести страну в экономические лидеры, вернуть ей былую славу, некогда утраченную в ходе перестройки, и получить от этого дополнительные доходы и политические дивиденды. Ведь государственное присутствие в деятельности промышленных предприятий-гигантов позволяет ее непосредственно контролировать, перераспределять и разворачивать в нужном для общества направлении финансовые потоки и сверхприбыли этих компаний, обеспечивать мобилизацию имею-

 © В.В. Михайлов, 2006

щихся ресурсов для реализации крупных проектов. Как отмечает А. Нещадин, «...сегодня способность концентрации ресурсов для реализации крупных проектов начинает восстанавливаться на государственном уровне из-за неспособности даже сверхкрупных частных компаний осуществлять подобные проекты» [9]. В их основе лежат инвестиционные программы крупных государственных корпораций. «Механизм реализации подобных проектов, – далее пишет А. Нещадин, – весьма прост: необходимые финансовые средства концентрируются в той или иной государственной компании или финансовой структуре. Направление прибыли на выплату по акциям или развитие производства определяется советом директоров. При направлении прибыли на инвестиционную программу в бюджет попадает только налог на прибыль, а прибыль государства как собственника имущества, минуя бюджет, поступает в инвестиционную программу компании» [9]. Делая вывод, автор этих слов утверждает: «...Государству сегодня стало под силу осуществлять сложные и дорогостоящие программы, концентрируя усилия на критических направлениях развития экономики» [9].

Создание частно-государственных или государственно-частных компаний ведет к росту государственного присутствия в национальной экономике. «...Если несколько лет назад доля госсектора в ВВП составляла 34 процента, то сегодня в экономике не менее 50 процентов госкомпаний и ФГУПов» [9]. Экономические параметры формирующегося крупнейшего государственного холдинга таковы, что объем реализованной продукции 10-ти самых больших государственных корпораций составляет более 20 процентов ВВП; в десятке наиболее крупнейших по объемам реализации российских компаний 6 принадлежат государству; ОАО «Газпром», формирующий около 8 процентов бюджета государства, по уровню капитализации вошел в тройку мировых лидеров [9].

Концентрация в руках государства активов создаваемых компаний-гигантов, имеющих возможность выхода на мировой и международные рынки, явление закономерное для экономики современной России, пережившей шок от первых этапов приватизации, которая, по мнению директора НИИ глобальной экономики К. Маркаряна, преследовала чисто политические цели, не смогла создать класса эффективных собственников, привела к глубокой рецессии вследствие приобретения в частную собственность промышленных предприятий за символическую цену [5]. Самый серьезный урон понесли крупнейшие промышленные объединения страны, которые распались на множество сравнительно небольших предприятий, не способных эффективно работать вне экономической интеграции, обеспечивающей ранее замкнутый технологический цикл – от производства продукции НИОКР до производства мелких комплектующих изделий.

Сегодня позиция Российского государства такова, что требуется «...наличие в стране крупных корпораций, производящих сложную и наукоемкую продукцию. Именно вокруг них, как полагает Председатель Государственной Думы, Б. Грызлов, ссылаясь на мировой и отечественный опыт, формируется множество малых и средних предприятий, поставляющих комплектующие, осуществляющих сервисные услуги, занимающихся научными разработками» [3]. И далее: «К сожалению, в современной России таких связанных с производством высокотехнологичной продукции крупных компаний все еще мало… В структуре отечественного экспорта доля сырья и продукции с невысокой добавленной стоимостью составляет 90 процентов. А в общей сумме расходов на НИОКР, по оценкам экспертов, негосударственные инвестиции составляют лишь 40 процентов (а например, в Китае – около двух третей). Это выводит на первый план вопрос о развитии в стране крупных производств, создающих сложную машиностроительную продукцию и соответственно потребляющих отечественные же комплектующие и услуги» [3]. Таким образом, ставка российского правительства на возрождение крупнейших промышленных предприятий-гигантов с участием государства предполагает не только их техническое обновление, не только создание многочисленного слоя обслуживающих производств – малых и средних предприятий, но и коренное изменение типа национальной экономики, позволяющей перейти от экспорта сырья и энергоресурсов преимущественно к экспорту инновационной и наукоемкой продукции в другие страны и регионы мира.

В настоящее время гигантомания набирает свои обороты стремительными темпами. «В 2000 году, – замечает Б. Титов, – у нас было 1200 компаний, которые производили 80 процентов ВВП. А в этом году те же самые 80 процентов производят уже меньше 500 компаний. Концентрация капитала выросла в два с лишним раза!» [12] Одна-

ко сосредоточение у государства активов крупнейших промышленных корпораций, охватывающих и соединяющих производство многих предприятий в единый технологический поток, само по себе еще не гарантирует успеха.

Экономисты особо подчеркивают, что шансы на создание и продвижение на мировом рынке инновационной продукции повышаются благодаря сложению финансовых ресурсов, координации научно-исследовательских разработок и лоббированию государства – если оно научится отстаивать интересы своих производителей средствами международной дипломатии [1]. Стало быть, само государство, чтобы обеспечить рост эффективности производства и успешный выход продукции национальных корпораций на мировой рынок, должно быть иным, способным к эффективному управлению акционерным капиталом. Пока же наше государство пытается на корпоративной основе реанимировать крупнейшие промышленные объединения советских времен, полагая, что концентрация в его руках активов этих объединений сама собой обеспечит их более эффективную управляемость со стороны прежде всего правительства[1].

Практика показывает, что это далеко не так. Типичным примером может служить РАО «ЕЭС России», реорганизация которого по окончательной схеме либеральных реформ в отрасли, начатых пятилетие тому назад, осуществляется уже с конца сентября с.г. Хорошо известно, что большая доля акций этого энергохолдинга принадлежала российскому государству. Ничто и никто ему не мешал обеспечивать эффективное управление единой энергосистемой страны, но на деле все оказалось не так-то просто. Поставляя в солидных объемах электроэнергию в другие страны по ценам, превышающим государственные тарифы, руководство РАО «ЕЭС России» столкнулось с проблемой нехватки электроэнергии внутри страны. Вместе с тем, покрывая сравнительно низкие тарифы разницей между ими и ценами мирового рынка на электроэнергию и имея, таким образом, финансовые ресурсы для технического обновления отрасли, руководство энергохолдинга довело свои предприятия то такого состояния, что общий износ их оборудования только в Костромской области, как регионе, имеющем крупнейшие энергомощности (Костромская ГРЭС), достиг 64% на 1 января 2003 г. [10], а ныне еще больше возрос.

Руководство РАО «ЕЭС России», очевидно, убедив правительство в том, что все беды в слабом техническом оснащении и обновлении отрасли идут от того, что в ней и в ее управлении отсутствует конкуренция, а в принятии стратегических решений доминирует точка зрения представителей государства, предложили ему такую схему, которая, по замыслу ее авторов, продолжает либеральные реформы в электроэнергетике и может изменить в ней ситуацию к лучшему, полагаясь на привлечение частных инвестиций, в том числе из-за рубежа.

Как отмечает генеральный директор Института проблем естественных монополий Ю. Саакян, «в настоящее время происходит ослабление государственного вмешательства и внутреннего контроля над электроэнергетикой... Как показывает и мировой, и российский опыт, все это ведет к разобщению единой энергосистемы и, как следствие, к снижению надежности электроснабжения потребителей. И чем дальше, тем будет только хуже»[11]. Но дело, как полагает автор этих строк, не только в снижении надежности.

Во-первых, «...приход в отрасль стратегических инвесторов, то есть тех, которые будут строить свой бизнес на эксплуатации и развитии объектов электроэнергетики, не состоялся. Подавляющая часть инвесторов, уже пришедших в отрасль, являются портфельными и не планируют серьезных инвестиций в развитие электроэнергетики»[2] [11]. ***Во-вторых,*** «фактически реализуемая конкурентная модель предполагает создание региональных энергомонополистов. Реальная конкуренция в электроэнергетике возможна только при наличии резерва как генерирующих мощностей, так и сетевого комплекса. Однако для инвестора вложение средств в создание таких резервов экономически нецелесообразно. Таким образом, несмотря на то, что предлагаемая реформаторами модель электроэнергетики не является эффективной, даже ее реализация невозможна без участия государства, контроль которого... постепенно ослабевает» [11].

Заметим, что далеко не все генерирующие компании входят в число региональных энергомонополистов. К ним относятся только генерирующие компании, обслуживающие спрос на электроэнергию региональных или локальных (местных) рынков и совмещающие производство электроэнергии с производством горячей воды и пара, которые поставляются в помещения, рас-

положенные на компактной территории.

Если иметь в виду, что физический износ оборудования этих компаний достиг верхнего предела при полном отсутствии собственных инвестиций, то можно полагать, что модернизация местных энергокомпаний ляжет на плечи региональных и муниципальных властей, финансовые возможности которых и без того ограничены необходимостью преодоления социальных, дорожных, жилищно-коммунальных и нескончаемого потока других проблем. Тем не менее, даже при их наличии региональные и муниципальные власти должны участвовать в управлении местных энергомонополистов, имея достаточное количество акций этих компаний для оказания эффективного управленческого воздействия на их руководство. Иначе в условиях удорожания энергосырья, газа и мазута, перед необходимостью банкротства окажутся не только региональные, но и многие федеральные генерирующие компании. И тогда, снова возникнет проблема обобществления под эгидой федерального правительства всех предприятий электроэнергетики. Преодоление этой проблемы удвоит и даже утроит (с учетом издержек на проведение либеральных и прочих реформ) бюджетные ассигнования государства, что приведет к значительному росту цен не только на электроэнергию, но и на потребительские товары. В этих условиях, которые во многом созданы отнюдь не рынком, а непродуманными действиями нынешнего правительства, открывшего путь для, так называемых, либеральных реформ в электроэнергетике, сбить нарастающую инфляцию монетаристскими мерами будет практически невозможно.

Ю. Саакян без сомнения прав, ратуя за такое присутствие государства в энергосистеме страны, которое бы обеспечивало ему контрольные функции в этой базовой отрасли промышленного производства. Однако Ю. Саакян связывает преодоление проблем в электроэнергетике исключительно с необходимостью ее подчинения центральной власти и не учитывает многих реалий. Суть вопроса состоит не только и не столько в том, в чьем ведении находятся генерирующие компании. Мало того, эти компании, имея разную производственную мощность, охватывают различные по своим масштабам рынки. Так, Костромская ГРЭС мощностью в 3600 МВт (при общей мощности всех электростанций области в 3815 МВт) явно обслуживает национальный и межрегиональные рынки, а в целом вся энергосистема страны выходит на мировой и на межстрановые рынки.

Ясно, что Костромская ГРЭС, как и многие ГРЭС, ГЭС и АЭС других регионов России, должна быть подчинена федеральному центру, который на корпоративной основе при сбалансированном количестве долей вместе с частными инвесторами должен эффективно управлять как эксплуатацией, так и процессом развития всех электростанций, находящихся в ведении единого энергохолдинга страны. Сетевая система доставки электроэнергии потребителям также должна быть единой и находится в ведении энергохолдинга. Ее дробление на автономно работающие части технологически недопустимо и экономически нецелесообразно, что подтверждается реальной практикой ряда стран, изучающих «...опыт СССР в построении единой энергосистемы с целью объединения своих энергосистем, признав, что основные технологические принципы ее функционирования наиболее эффективны для стран с большой территорией» [11].

Но в каждом российском регионе есть несколько электростанций, обслуживающих потребности рынка в электроэнергии ряда районов, городов и муниципальных образований одного, двух, трех субъектов федерации и имеющих межрегиональное, региональное, межрайонное и районное (муниципальное) предназначение. В зависимости от масштабов рынка электроэнергии энергохолдинги должны быть созданы также на долевых началах администрациями (правительствами) тех субъектов федерации и тех муниципальных образований, на территорию которых электростанциями, имеющими идентичное предназначение, обеспечивается поставка электроэнергии. Таким образом, выстраивается многоуровневая система автономно работающих энергохолдингов, управляющих и обеспечивающих развитие входящих в них генерирующих предприятий и электропроводящих сетей, не входящих в федеральную холдинговую компанию и также имеющих ограниченное предназначение.

Эта система не может быть признана завершенной, если не учесть мини-электростанции, производство которых полностью отсутствует в нашей стране и о значении которых в деле создания конкурентного рынка электроэнергии мало кто пишет и говорит. Не предусматривается создание мини-электрогенерирующих производств

и, так называемым, планом Путина [2], равно как и планами или программами действующего российского правительства. Так, лидер партии «Единая Россия» Б. Грызлов отмечает, что «масштабные проекты реализуются в электроэнергетике. К 2020 году объем долгосрочной инвестиционной программы составит здесь от 12 до 16 трлн. рублей. Значительная часть этих средств достанется энергомашиностроителям и поставщикам оборудования. Программа строительства АЭС предусматривает создание в России в те же сроки 26 атомных энергоблоков. Кроме того, восстановление серийного производства в сочетании с ростом спроса позволит рассчитывать на значительный объем экспортных заказов. Речь идет о строительстве в течение ближайшей четверти века порядка 60–70 энергоблоков на общую сумму около 100 млрд. долларов (в сегодняшних ценах)» [3].

Все это, безусловно, важно для российской экономики, прежде всего, в деле укрепления ее конкурентных позиций на мировом рынке, но для национального рынка, в основе которого должна лежать внутренняя конкуренция, феномен гигантомании создаст дополнительные проблемы и может привести к вырождению рыночных отношений. Тенденция к этому уже прослеживается. Говоря о развитии инфраструктуры, Б. Грызлов сводит ее к дорогам, трубопроводам, морским портам и электрической сети, а также и к ряду институтов, обеспечивающих «...не технологические, а экономические аспекты деятельности индустрии. Такой инфраструктуры (как институты – *В.М.)* России, по мнению Б. Грызлова, тоже пока не хватает. Именно этим обусловлены усилия государства, направленные на формирование Банка развития, Венчурного фонда и других подобных институтов» [3], деятельность которых нацелена на развитие крупного корпоративного капитала, занятого производством сложной и наукоемкой продукции [3].

Для рынка и рыночного хозяйства финансово-экономическая инфраструктура важна тогда, когда она способствует созданию конкурентной среды, а это значит, что такая инфраструктура должна обеспечивать всемерную поддержку малого и среднего бизнеса. Но все институты, перечисленные Б. Грызловым, заняты обслуживанием главным образом крупного бизнеса. Б. Титов подмечает: «Инвестфонд работает для компаний, которые вкладывают в проект не менее пяти миллиардов. ...Банк развития тоже рассчитывает на крупные проекты. Венчурная компания – это по сути новый инвестфонд. Он стремится к получению прибыли и не будет финансировать новые проекты. ...Был создан так называемый «фонд фондов», который должен был заниматься поддержкой малого бизнеса при Минэкономразвития ...Ни одного кредита не выдано! Потому что такие условия получения этого кредита, что невозможно его получить» [12].

Вот и выходит, что при слабом развитии малого и среднего бизнеса Россия зависла «...между социализмом и капитализмом» [12]. В нашей стране сложилась «...система полураспределительная, полурыночная» [12]. Об этом свидетельствуют и проводимые реформы в электроэнергетике, которые предполагают не создание новых энергетических мощностей, а перераспределение между частными инвесторами уже существующих и во многом устаревших. Между тем, в России продукция малого и среднего бизнеса занимает в ВВП лишь 17%, а в странах крупного капитала, таких, например, как США, ФРГ, Япония, этот бизнес дает от 60% до 75% ВВП вместе с мини-электростанциями, успешно конкурирующими на рынке с крупными генерирующими компаниями. И здесь выгоды обоюдны. Без конкурентной среды прибыли предприятий-гигантов, монополистов на внутреннем рынке, достаточно велики, и стимул инвестировать в обновление своего производства отсутствует. Так, при сверхдоходах наших сырьевых компаний доля физического износа основных средств в нефтяной отрасли достигает 70% [12].

Примечательно также, что конкуренция, прежде всего, на внутреннем рынке «...диктует необходимость постоянных инноваций. Из-за ориентации на массовость и стандартизацию, а также проблем с обратной связью организационные гиганты не сильны в творчестве и новых идеях: как правило, они активно покупают их на стороне и потом ставят на поток. На переднем крае на самом деле находятся небольшие фирмы, сети, колледжи и лаборатории» [1]. Во многих проектных организациях нашей страны уже давно сконструированы разнообразные виды мини-электростанций – от ветряных до водяных и светоэлектрогенерирующих. Но без должной государственной поддержки[3], прежде всего, федерального центра мини-электроэнергетика[4] так и останется на бумаге или в пробных образцах, а крупная энергетика будет заботиться о выходе на миро-

вой рынок, не обращая внимания на нужды простого российского потребителя.

Можно перечислять не мало технических и экономических достоинств мини-электростанций [6; 7]. Главное, что они на микроуровне, в рамках небольших муниципальных образований для крупных энергохолдингов создадут такую конкурентную среду, которая заставит их и своевременно обновлять оборудование, и снижать цены как на электроэнергию, так и на ее доставку. Так, например, выработка одного киловатта обходится Костромской ГРЭС примерно в 40 копеек, а предприятия в Костроме платят за этот киловатт 2 рубля 15 копеек. Нет в стране продукта, розничная цена которого в пять раз выше его себестоимости. Все дело в том, что в региональный тариф автоматически включаются расходы по доставке электричества до отдаленных районов Костромской области. А если бы мини-электростанции строились рядом с потребителем, то отпала бы необходимость в транспортировке электричества на огромные расстояния. Не пропала бы и тепловая энергия как побочный продукт при производстве электричества.

Мини-электростанции, с их небольшими мощностями и приближенностью к потребителю, сделают рентабельным и такие виды топлива, как торф, уголь, отходы деревообработки. Это особенно актуально, учитывая прогнозы резкого увеличения стоимости газа. Почему-то Финляндия считает выгодным закупать наш российский торф для своих электростанций. В Костромской области неисчерпаемы запасы торфа и ежегодно пропадает более 250 тысяч кубометров древесных отходов. Все это может быть использовано с большой пользой в малой электроэнергетике.

Плюс к этому, избыток электричества, вырабатываемого мини-электростанциями, сверх потребительского спроса при централизованной системе электросетей может пополнять общий запас электроэнергии в стране и также поставляться на внешний рынок. Главное, что даже в глубокой провинции заработает приводной механизм конкуренции – возможность выбора потребителем поставщика электроэнергии по более низкой цене и необходимость ее снижать как производителем, так и поставщиком, борясь за спрос потребителя. Но этот же потребитель, обслуживаемый мини-электростанцией, будет заинтересован в ее эффективной работе, в снижении издержек производства хотя бы тепловой энергии и вместе со своими соседями объединиться в артель или иной кооператив для производства энергосырья. «Рыночная социальная система, – подчеркивает Б. Титов, – прежде всего базируется на огромном количестве рабочих мест, которые создаются многочисленными небольшими компаниями. Мелкий и средний бизнес снимает социальные проблемы и решает их сам через огромное количество рабочих мест, через возможность карьерного роста» [12]. Так что создание мини-электростанций в провинции обновит ее социальный состав, превратив простого труженика в рачительного хозяина коллективной собственности эффективно управляемых размеров.

Однако без государственного заказа на изготовление оборудования для мини-электростанций первоначально обойтись нельзя. Именно в этом и видится мобилизующая роль российского государства в деле создания конкурентной среды и обновления такой важнейшей отрасли промышленного производства, как электроэнергетика. И, наконец, тот мультипликационный эффект, который возникает при создании крупных промышленных предприятий, окружающих себя многочисленным количеством малых и средних подрядных организаций, будет наблюдаться и тогда, когда в производство оборудования и техническое обслуживание мини-электростанций будут втянуты сотни разных по мощности предприятий различных отраслей российской экономики – от производства энергосырья, стали, меди, алюминия, электроизмерительных приборов до обучающих центров, готовящих инженерные кадры для низовой системы электроэнергетики.

Примечания

[1] Не так давно экс-глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен выступил с заявлением: «В России создаются очень крупные компании с «государственным участием». Но конкурентоспособность зависит не от их величины, а от независимой позиции компании в отношении государства. Политическая поддержка снижает конкуренцию на российском рынке. А это значит, что искусственное создание национальных чемпионов плохо для развития экономики страны» [8]. По этому принципиальному вопросу «ЭЖ» попросила высказать свое мнение известных специалистов и экспертов, в состав которых вошли шесть человек, в их числе один иностранец – Генеральный секретарь Междуна-

родного энергетического форума А. Вальтер. Практически все специалисты-эксперты сошлись во мнениях и одобрили укрупнение компаний, полагая, что «стержневые российские компании должны быть сильными и конкурентоспособными на международном рынке, а процессы консолидации происходят там, где Россия хочет быть потенциальным мировым лидером» [8].

[2] Любой человек, занявшись бизнесом, стремится к скорейшей отдаче своих вложений. Высокий физический износ оборудования на предприятиях электроэнергетики свидетельствует о том, что эта отрасль нуждается в комплексной модернизации, предполагающей такие капиталовложения, которые придется окупать не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе. Если учесть то обстоятельство, что в экономике России имеется достаточное количество отраслей, предприятий и производств с быстрой отдачей капитала, то частные лица будут вкладывать напрямую свои инвестиции только в них. Портфельные инвестиции по сути своей представляют собой институциональную основу для биржевой игры, в результате которой курс акций может упасть ниже своего номинала или собственность может перейти от одного хозяина к другому без дополнительных капиталовложений в приобретаемое предприятие.

3. Большинство глав муниципальных районов Костромской области, одобрив идею создания мини-электростанций, считает, что без поддержки федерального правительства, без национальной программы развития теплоэлектроэнергетики нельзя обойтись [4].

4. Так, управляющий делами администрации Межевского района Костромской области В.Н. Зайцев, подмечает: «Не так давно во многих населенных пунктах были свои электростанции» [4]. Такие станции создавались в централизованном порядке даже в небольших населенных пунктах в сталинский период и просуществовали до брежневских времен.

Библиографический список

1. *Волков В.* Укрупнение как ответ // Экономические новости России и содружества. – 2007. – № 11. – С. 4.

2. Всероссийская политическая партия «Единая Россия». План Путина. – М.: ВПП «Единая Россия», 2007. – 10 с.

3. *Грызлов Б.* Время развивать инфраструктуру // Экономические новости России и содружества. – 2007. – №14. – С. 5.

4. Как избежать катастрофы в российской энергетике. Комментарии // Народная газета. – 2006. – №39. – С. 12.

5. *Маркарян К.* Четыре урока российской приватизации // Экономические новости России и содружества. – 2007. – №16. – С. 4.

6. *Михайлов В.В.* Как избежать катастрофы в российской энергетике. Позиция // Народная газета. – 2006. – №39. – С. 12.

7. *Михайлов В.В.* «Мини» с максимальным эффектом // Экономика и жизнь. – 2006.– №44.– С. 37.

8. Не учите нас жить // Экономика и жизнь. – 2006. – № 44. – С. 4.

9. *Нещадин А.* Суверенная экономика // Экономические новости России и содружества. – 2007. – №11. – С. 5.

10. Областная целевая программа «Энергоэффективная экономика Костромской области на 2005 год и на перспективу до 2010 года». – Кострома, 2005. – Л. 7.

11. *Саакян Ю.* Схема заводит в тупик // Экономические новости России и содружества. – 2007. – №15. – С. 5.

12. *Титов Б.* Мы зависли между социализмом и капитализмом // Экономические новости России и содружества. – 2007. – №14. – С. 5.

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А.С. Калинин

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Новые, невиданные ранее явления нашей жизни, такие как шоу-бизнес, предвыборные компании, реклама, множество телеканалов, профессиональный спорт, туристический бизнес, модельные агентства, фирменные знаки, брэндовая экономика, супермаркеты, торговые центры, нагромождение и изобилие товаров, указывают нам на то, что мы вступаем в какое-то новое, особым образом организованное общество. Все эти явления характерны для так называемых «обществ потребления», которые возникли на западе лет сорок назад, и до сих пор вызывают много вопросов и служат предметом споров в среде философов и обществоведов.

Конечно, Россия большая страна и такие явления наблюдаются не везде, но, по крайней мере, это становится целью, благом, к которому должно (по мнению официальных и неофициальных ораторов) стремиться. Нам постоянно твердят о повышении жизненного уровня, чтобы мы могли встроиться в эту новую систему отношений.

Французы узнали, что живут в «обществе потребления» в мае 1968 года, когда произошли студенческие волнения, американцы во время войны во Вьетнаме. Этот феномен довольно трудно очертить. В бедных странах тоже есть островки «сверхпотребления», как сейчас у нас. Но можно сказать, что границу прочерчивают СМИ в тот момент, когда становятся привилегированным объектом потребления, когда рекламное послание впитывается с наслаждением. Именно тогда происходит вступление в социально-экономическую организацию отличную от той, которая существовала до середины XX века.

Сегодня вряд ли можно говорить о существовании в России общества потребления. Основная масса населения сведена к биологическому уровню потребления. Но рекламой, телевидением насаждаются идеалы такого общества. Потребительские черты просматриваются и в позднем советском обществе, где официально провозглашаемые большие цели для многих людей превратились в пустые знаки. В советские времена было развито престижное потребление, велась настоящая охота за модными (особенно западными) вещами. Настроение потребительства развивала и сама политика государства, которая ориентировалась на промышленный рост, на улучшение материального благосостояния масс. СССР рухнул и эта катастрофа показала с какой лёгкостью рушится общество потребления, утратившее настоящую веру в высокие цели. Часть населения приняла западные ценности (свобода, права человека) как подлинные идеалы, значительная же часть соблазнилась высокими потребительскими стандартами Запада, жаждой обогащения, и была обманута. Сегодня острова изобилия, реклама производят на большую часть населения раздражающее действие, вызывая агрессивность. Отсюда преступность, самоубийства, распад семей. Но эти явления тоже идут от потребительского настроения, так как негатив идёт от невозможности достичь желанных целей, но идеалы общества потребления, его правила и нормы приняты. Достаточно посмотреть как будут себя вести люди когда у них появятся деньги. Они будут такими же, как сейчас богатые. Как бы сказал Хайдеггер, это дефективный модус бытия общества потребления. Суть не в том, богатое или бедное общество, а в изменении отношения к ценностям. Именно рассмотрение этого вопроса и является целью данной статьи.

В мае 1968 года в Париже прошли бурные студенческие волнения. Это был взрыв протеста против западного образа жизни. В своё время предки этих студентов точно так же боролись за кусок хлеба, для них хлеб был свободой. Эти же обвиняли холодильники, телевизоры, стиральные машины в том, что они убивают свободу[1]. Этот протест свидетельствовал об осознании молодёжью необходимости иных, более высоких ценностей, чем те, что может предложить капитализм. Это был протест против потребительского образа жизни, потребительской психологии. Кумиром молодых бунтарей в те годы был немецкий философ Герберт Маркузе, представитель франкфуртской школы, ученик Хайдеггера, считавший себя последователем Маркса. В своей книге «Одно-

© А.С. Калинин, 2006

мерный человек» он проанализировал развитое индустриальное общество и пришел к выводу, что «в этом обществе аппарат производства тяготеет к тоталитарности в той степени, в какой он определяет не только социально необходимые профессии, умения и установки, но также индивидуальные потребности и устремления»[2]. В обществе устанавливаются новые, более действенные и более приятные формы социального контроля и служит этому технология, которая своей «нейтральностью» маскирует этот контроль. Общество в целом представляется воплощением разума и тем не менее оно как целое иррационально и достойно порицания. «Союз растущей производительности и усиливающейся разрушительности, балансирование на грани уничтожения, отказ от личной ответственности за мысль, надежду. страх в пользу власть предержащих, сохраняющаяся нищета перед лицом беспрецедентного богатства являют собой наиболее бесстрастный обвинительный приговор – даже в том случае, если они составляют лишь побочный продукт этого общества, а не его рациональное основание: сама его всеохватная рациональность, которая обусловливает его эффективность и разрастание, иррациональна»[3]. Поскольку в развитом индустриальном обществе всё подчинено технологической рациональности, то нельзя больше говорить о «нейтральности» технологии, её нельзя изолировать от использования. Машина становится эффективным политическим инструментом. С точки зрения Маркузе индивид в таком обществе несвободен и наиболее эффективной и устойчивой формой войны против освобождения является насаждение материальных и интеллектуальных потребностей. Это укрепляет существующий несовершенный порядок, потому что индивидуальные влечения, потребности и устремления формируются в нужном для индустриального общества направлении. В этом смысле человеческие потребности историчны. По мнению Маркузе следует различать истинные и ложные потребности. «Ложными» являются те, которые навязываются особыми социальными интересами в процессе подавления. Они подпадают под действие доминирующих критических норм. Безоговорочное право на удовлетворение имеют только первостепенные потребности :питание, одежда, жильё в соответствии с достигнутым уровнем культуры. В современном обществе преобладают репрессивные потребности, они закрепляют тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. «Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат именно к этой категории ложных потребностей»[4]. Чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным становится управление обществом, тем труднее сокрушить рабство и достичь собственного освобождения. Мысль о том, что необходимо «вразумить всё общество» Маркузе называет «идеей парадоксальной и скандальной», но, говорит он, «пожалуй можно поставить под сомнение справедливость того общества, которое смеётся над такой идеей»[5]. Несомненно одно, что ресурсы в современном обществе распределяются не рационально. Они не служат оптимальному развитию человека. Но кто вправе претендовать на то, чтобы решать вопрос об истинности и ложности потребностей? Маркузе отвечает на этот вопрос так: сами люди, но только когда они свободны. Получается замкнутый круг, разорвать который можно лишь осознав свою порабощённость. Верным средством для этого может служить образование, деньги на которое, правда, правители во всех странах дают не охотно (к профессиональной подготовке это не относится). В общем ситуация довольно безнадежна и видимо дело может дойти до катастрофы прежде, чем наступит всеобщее осознание ситуации. Понятие отчуждения, о котором говорил Маркс, ставится под сомнение трансформированием объективного мира в продолжение человеческого сознания и тела. Общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом, В развитых странах этот контроль интроектирован до такой степени, что протест подавляется уже в зародыше. Отказ «следовать вместе со всеми», воспринимается как свидетельство невроза и бессилия. По мнению Маркузе, термин «интроекция» уже недостаточен для описания форм контроля над индивидом. Перевод «внешнего» во «внутреннее» предполагает существование внутреннего измерения, которое отличается и даже противоположно внешним нуждам. Здесь реальная основа понятия «внутренней свободы», личного пространства, в котором человек имеет возможность оставаться «самим собой». В современную эпоху технологическая рациональность вторгается в это личное

пространство и сводит его на нет. Не семья теперь играет значительную роль в «социализации», а внешние сообщества и средства массовой информации. В результате мы наблюдаем не приспособление, а непосредственную идентификацию индивида со своим сообществом и через это с обществом как целым. Это характерно для примитивных форм общества. Маркузе пишет: «Непосредственная, автоматическая идентификация, характерная для примитивных форм ассоциирования, вновь возникает в высокоразвитой индустриальной цивилизации; однако эта новая «непосредственность» является продуктом изощренного, научного управления и организации, которые сводят на нет «внутреннее» измерение сознания – основу оппозиции status quo.»[6] Критическая сила разума утрачивается. Разум превращается в покорность фактам жизни. Индивиды отождествляют себя со способом бытия, который им навязывают. Это ведёт к новым ступеням отчуждения и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия. «Теперь существует одно измерение – повсюду и во всех формах»[7]. Возникает модель *одномерного мышления и поведения,* в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы. Именно это и произошло с «высокой культурой». Ассимиляция идеалов действительностью привела к тому, что исчезли оппозиционные элементы культуры, исчезло *иное измерение* реальности. «Культурные ценности» не отбрасываются, а полностью встраиваются в утвердившийся порядок. Незаметное гармоничное смешение искусства, политики, рекламы средствами массовой коммуникации приводит к тому, что «культурные ценности» воспринимаются *наряду* с другими посланиями и потому теряют свою подлинность и истинность. «Когда высокие слова о свободе и исполнении надежд произносятся соревнующимися лидерами и политиками, а затем тиражируются с помощью экранов, радио и трибун, они превращаются в пустые знаки, имеющие какой-то смысл только в контексте пропаганды, бизнеса, дисциплины и релаксации.»[8] Эта знаковость культуры низводит её в плоскость моды. Она становится отличительным знаком и подчиняется *принципу актуальности*[9]. Ж. Бодрийяр пишет об этом так: «мода произвольна, подвижна, циклична и ничего не добавляет к внутренним свойствам индивида. Она имеет, однако, характер глубокого принуждения и в качестве санкции обеспечивает успех или общественное забвение»[10]. Потребление культуры сейчас идет в ритме, который сегодня является универсальным ритмом производства. «Культура больше не создается для длительного существования. Она сохраняется, конечно, как универсальная инстанция, как идеальный эталон. И тем более, чем более она утрачивает свою смысловую субстанцию (так же как природа никогда так не прославлялась, как с момента её повсеместного разрушения), но в своей действительности, в своем способе производства она подчиняется тому же зову «актуальности», что и материальные блага.»[11] Всеобщий цинизм, скрывающийся за прагматической риторикой не есть выражение силы, а это бессилие человека общества потребления. Его мышление становится всё более ситуативным. Доминируют такие понятия, как «игроки на рынке», «сложившаяся конъюнктура», «вызовы» и т.п. Всё это указывает на хрупкость и неустойчивость человеческого существования. Большие Надежды, возлагаемые на технический прогресс, по словам Э. Фромма, потерпели крах. Предполагалось, что богатство и комфорт принесут всем безграничное счастье. На деле же оказалось, что неограниченное удовлетворение всех желаний не способствует благоденствию. Мечте о том, чтобы быть хозяевами собственной жизни пришел конец. Все мы винтики бюрократической машины. Нашими мыслями, вкусами, чувствами манипулируют. Экономический прогресс коснулся лишь ограниченного числа людей, увеличивается пропасть между бедными и богатыми. Фромм считает, что причина этого лежит в самой индустриальной системе, которая имеет две психологические предпосылки: целью жизни объявляется счастье как максимум наслаждений (радикальный гедонизм), и во-вторых, утверждается, что эгоизм, алчность ведут к гармонии и миру[12].

Закончить данную работу можно словами Хайдеггера: «человек на этой планете находится в опасном положении… техническая революция атомного века сможет захватить, околдовать и обмануть человека так, что однажды вычисляющее мышление останется *единственным* действительным и практикуемым способом мышления»[13].

Примечания

[1] *Розенталь Э.* Лабиринтами сознания. – М., 1982. – С. 64.

[2] *Маркузе Г.* Одномерный человек. – М., 2003. – С. 13.

[3] Там же. – С. 14.

[4] Там же. – С. 22.

[5] Там же. – С. 24.

[6] Там же. – С. 29.

[7] Там же. – С. 30.

[8] Там же. – С. 88.

[9] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. – М., 2006. – С. 134.

[10] Там же. – С. 133.

[11] Там же. – С. 135.

[12] *Фромм Э.* Иметь или быть. См.: Введение. Большие надежды, их крах и новые альтернативы. Origin: http: // ihik.lib.Ru/philbook/22dek2006/philosbook/6935.

[13] *Хайдеггер М.* Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991. – С. 110.

А.Н. Смирнов

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Анализируемая проблема является безусловно актуальной, ибо в стране начаты активные процессы развития местного самоуправления, регионального и даже федерального (создание Общественной палаты РФ). Все эти процессы носят организационно-практический характер, но для своего эффективного осуществления они нуждаются в серьезном научном анализе и обосновании, чтобы исключить опасность волюнтаризма и субъективизма (вспомним времена правления Н.С. Хрущева).

Проводимая в стране административная реформа, касается не только федеральных, но и региональных, и местных органов власти. Реформа местных органов власти должна осуществляться по двум принципиальным направлениям:

1) совершенствование системы местного *управления;*

2) совершенствование системы местного *самоуправления*.

Именно такое единство обеспечивает становление *гражданского общества* в России, ибо гражданское общество – это общество регулируемое *правовыми* и *нравственными* нормами.

Правовые регуляторы исходят от власти, от государства и охраняются законом. Нравственные регуляторы исходят от общества, от общественных объединений и охраняются общественным мнением.

Особое место в системе гражданского общества занимает бизнес, который исходит от общественных объединений и в то же время опирается на государственно-правовые нормы.

Прошедшие в стране Российские форумы и продемонстрировали общую тенденцию становления единства трех социальных сил общества:

1) государство – сила права, законов;

2) бизнес – сила финансов;

3) общество – сила интеллекта и морали.

Очевидно, что развитие системы местного управления и самоуправления и должно ориентироваться на использование и укрепление единства этих трех сил.

В современных условиях России необходима разработка системы местного управления и самоуправления в рамках административной реформы и в условиях становления гражданского общества. Такая система может быть экспериментально апробирована на любом уровне местного управления и самоуправления.

Сформулированная идея может быть содержательно развернута в концепцию:

1. Местное управление – это система административно-правовой управленческой деятельности на любом уровне, кроме федерального и окружного. Эта система включает в себя взаимодействие всех базовых компонентов управленческой деятельности: субъекты, объекты, средства, процессы, условия, среда.

2. Местное самоуправление – это система управленческой самодеятельности всех видов общественных объединений граждан. Она тоже включает в себя все компоненты управленческой самодеятельности: субъекты, объекты, средства, процессы, условия, результаты, среда.

3. Гражданское общество – это управленческий социальный институт, который базируется на системе управления (власть) и на системе самоуправления (общество).

4. Объектом управления со стороны гражданского общества, являются *все* сферы социума:

© А.Н. Смирнов, 2006

экономическая, экологическая, научная, художественная, педагогическая, управленческая, медицинская, физкультурная.

Создание Общественной палаты Федерального уровня – знаменательное событие в истории современной России. Впечатляет и то, что палата создана по инициативе высших органов власти. Не будем забывать и того, что этой инициативе властей способствовали 4 Всероссийских форума, посвященных по существу одной проблеме: единство власти, общества и бизнеса. Грубо говоря, эти три силы сегодня в России представляют 3 социальных субъекта, деятельность которых определяет становление Гражданского общества в стране. Отрицательное отношение к командно-директивному и охлократическому режимам существует у всех слоев населения. Преодоление автократии на основе естественного права и преодоление охлократии на основе позитивного права – это и тенденция, и перспектива развития России.

Необходимо учитывать, что в современной России существует более 650 тысяч общественных объединений, т.е. организаций, фондов, союзов, партий, ассоциаций и пр. внегосударственного характера. Они все очень многообразны и типологически трудно определяемы: религиозные, художественные, научные, политические, медицинские, спортивные, образовательные, экологические и т.д. Все это формы проявления *самодеятельности* народа. Если власть со всеми се органами не справляется с регуляцией общественной жизни, то нужна помощь общества, общественных объединений. Достаточно вспомнить известные добровольные народные дружины (ДНД).

С теоретической точки зрения создание общественных объединений разного типа вполне согласуется с философским учением о праве, согласно которому в обществе существует наряду с позитивным, государственным правом и естественное право народа, право, на страже которого стоит общественное мнение, общество. Вероятно, закономерно говорить о том, что гражданское общество и может существовать на основе двух названных регуляторов: правовые нормы и общественные правила. Союз государства и общества, власти и народа, права и морали – основа движения к гражданскому обществу.

Следует отметить и специфику этих двух социальных сил: на стороне государства – власть, на стороне общества – интеллект. Особое место в этой системе занимает бизнес. Сила бизнеса – финансовая. Но при этом необходимо различать бизнес и предпринимательство. Если цель бизнеса – финансовая, деньги и т.п., то цель предпринимательства – благо страны, ее развитие. Государство со всеми его органами и инструментами и должно поддерживать предпринимательство, а не бизнес по американскому образцу.

Общественная палата России и создана с целью поощрения, стимулирования отечественного предпринимательства с его социально-гуманитарными целями. Эти цели и ориентированы на развитие науки, образования, здравоохранения, искусства, спорта и т.д. Уже первые шаги деятельности Общественной палаты говорят об этом.

Разумеется, существует множество вопросов по данной проблеме: способ формирования общественной палаты, социальный статус палаты, типология ее комитетов, функции палаты, возможности ее трансформации. В частности, возникает вопрос об аналогичном создании общественных палат регионального характера. Полезно здесь учесть и опыт вечевых республик Руси, и опыт Земств и другие исторические примеры собственного развития.

В целом, надо положительно оценить становление подобных *общественных* органов самоуправления, именно самоуправления, поскольку это организации, руководствующиеся внутренними мотивами и творческим, нестандартным отношением к делу. Будущее за ними.

Самоуправление в самом широком смысле слова мы рассматриваем как противоположность управлению. И это основано на диалектической поляризации деятельности и самодеятельности в любой сфере общественной жизни. Мы уже привыкли к противопоставлению художественной деятельности и художественной самодеятельности, медицинской деятельности и медицинской самодеятельности (самолечение) и т.д. На наших глазах, особенно в системе России происходит процесс становления управленческой самодеятельности в форме *самоуправления* и на региональном, и на федеральном уровне. Самоуправление мы и рассматриваем как форму управленческой самодеятельности народа, общества, общественных объединений и организаций. Органы управления (государственные институты власти) должны и в правовых, и в общественных актах создавать возможности становления и развития органов самоуправления.

Реально в современной России под воздействием общественного мнения и самих органов

власти происходит формирование самых различных органов самоуправления: это и федеральная Общественная палата, множество Палат старейшин, Молодежных парламентов, Общественных академий, Спортивных обществ, Экологических движений и т.д. Важно подчеркнуть, что эти органы самоуправления в любой сфере общества действуют в рамках Конституции РФ, а значит, могут формировать каналы взаимодействия с соответствующими органами власти. То есть создается реальное социальное поле взаимосвязи управления и самоуправления, что важно для становления гражданского общества.

Функциональный подход к характеристике органов самоуправления не может не опираться на общую концепцию функций управления: планирование, организация, руководство, контроль, регулирование. Эти функции, характеризующие разные задачи упорядочения социальных процессов, представлены и в системе самоуправления.

Только в каждом случае функция обретает самодеятельную форму: самопланирование, самоорганизация, саморуководство, самоконтроль, саморегулирование. Эффективность решения этих задач и определяет эффективность всей системы органов самоуправления. Это предполагает, разумеется, наличие управленческой культуры у субъектов самоуправления.

Дальнейшие перспективы исследования данной проблемы.

Это, прежде всего, необходимость исследования диалектической связи управления и самоуправления. Далее, это содержательный анализ структуры и функций самодеятельных органов управления и их правовой статус.

Наконец, нуждается в систематической обработке огромный опыт становления, часто совершенно новых для страны органов федерального, регионального и местного самоуправления.

В.П. Полозова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ И СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕГО ОДНОВРЕМЕННОЙ ЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИ ОПРЕДЕЛЕННОМ МИРЕ

Собственно исторические способности и потребности человека как его сущностные силы неотделимы друг от друга. Человек как существо разумное имеет способность и потребность превращать в условие и средство своего существования любое образование мира и, следовательно, неограниченно создавать адекватную среду обитания. Как пишет, например, В.И. Табаков, благодаря своему разуму человек раз и навсегда выбрался за пределы экологической ниши, т.е. за пределы животного способа существования и развития. Он ставит себе на службу определенные внешние природные силы (средства освобождения) и тем самым одновременно попадает в зависимость от них, освобождается при помощи новых средств, опять же попадая в зависимость от них, и вынужден искать новые средства для освобождения от этой зависимости… И этому процессу нет конца. Человек как вечный творец созидает своими силами вечно не завершаемую экологическую нишу. При этом любая внечеловеческая природная сила, использованная им для освобождения от любой обреченности, является для него не только средством освобождения, но одновременно и средством новой зависимости [2, с. 363]. Например, когда на нашей планете около 3,5 миллиона лет назад произошло резкое похолодание климата, и, как следствие, площади тропических лесов стали стремительно сокращаться, ужесточилась борьба за ресурсы между близкими видами животных, употреблявшими растительную пищу, и наши предки австралопитеки проиграли эту борьбу, в результате чего оказались вытесненными за пределы тропических лесов в саванну. По идее, они должны были бы погибнуть, поскольку не были приспособлены к условиям жизни в новой экологической и весьма опасной нише. И кто бы мог предсказать, что эти слабые существа, находившиеся на пороге гибели, через относительно небольшое геологическое время станут властителями планеты! Оказавшись в неприветливой и опасной саванне, лишенные деревьев, способных спасти их от хищников, наши далекие предки вынуждены были научиться передвижению на задних конечностях, при котором передние –

© В.П. Полозова, 2006

руки – остаются свободными, научиться пользоваться подручными средствами (камнями и палками), научиться есть мясную пищу, превратившись в агрессивных хищников. Охотились они не в одиночку, а стадом, так как убить крупное животное или отбиться от хищника с такими примитивными орудиями можно было только сообща. Стая австралопитеков нуждалась в средстве общения. Значит, уже тогда начал вырабатываться язык, примитивный, конечно, – язык отдельных выкриков и жестов, который постепенно совершенствовался в человеческую речь. Прямохождение также способствовало появлению членораздельной речи, так как строение человеческой гортани, голосового аппарата могло сформироваться только при условии вертикального положения головы. Весь этот процесс сопровождался развитием нервной системы и мозга, а также обретением навыков использования искусственных орудий и природных сил. Затем самым слабым из этих наших предков пришлось уходить дальше на север под давлением более сильных. И они должны были погибнуть или найти средство, позволяющее им выжить в условиях холода. И самым важным достижением этих уже умных существ, которые во многом походили на человека, вершиной развития их способностей стало на данном этапе изобретение огня, при помощи которого они могли иметь тепло в пещерах, защищаться им от превосходящих их хищников, да и готовить пищу. Так они выжили, но научившись добывать огонь, наши предки уже не могли обходиться без него, попали в полную зависимость от этого своего нового изобретения. Один за другим осваивались всё новые и новые способы применения огня. Обжаренное мясо было более мягким и вкусным, оно лучше сохранялось. Корни и клубни, орехи и желуди тоже делались вкуснее. При помощи огня можно было заострять деревянные орудия, размягчать рог, плавить смолу, а кремень после сильного нагрева гораздо легче обрабатывать. Огонь даёт не только тепло, но и свет. С огнём человек вышел из-под власти вековечного закона природы, когда все дневные животные должны ночью спать. А ночные животные – согласно этому же закону – должны ночью не спать, а нападать на спящих дневных животных. Взяв в руки пылающий факел, человек получил шанс отбиться даже от крупного хищника. Одновременно, огонь создал предпосылки для развития множества новых средств и способов действия человека – появления более совершенных видов охоты, изготовления орудий труда из других материалов, а вместе с тем вызвал проблему ухода за костром, выяснения технологии его разведения и сохранения… Ф. Энгельс считал умение добыть огонь началом культуры и свободы, так как именно оно впервые дало человеку господство над определённой силой природы и тем окончательно отделило его от животного царства. Потребность иметь огонь породила способность постоянно добывать топливо, предоставляемое вначале самой природой, но его ограниченность заставила изобрести соответствующее подручное средство, позволившее освободиться от этой природной ограниченности топлива, – так возник каменный топор, и возникли потребность и способность иметь и пользоваться топором. Это было еще одно эпохальное изобретение, которое значительно облегчило жизнь нашего предка. Топор был незаменим и во время охоты, и для добычи топлива, и при сооружении жилья. Им можно было наносить мощные удары, копать землю, рубить, резать. А вскоре человек научился изготавливать и каменные остроконечники.

Итак, технология обработки и использования камня, создание нового (метательного) оружия поставило человечество вне конкуренции со стороны остальных хищников. Даже самые крупные млекопитающие становились лёгкой добычей для хитрых, умелых и жестоких охотников. И эти возможности человек немедленно использовал, за считанные тысячелетия практически полностью уничтожив всех мамонтов и крупных копытных. Это можно назвать глобальной экологической катастрофой, ударом, который человек нанес животному миру, оказавшись перед перспективой глобального голода, попав в очередную зависимость от своих технических достижений! Потребность преодолеть недостаток пищи, предоставляемой самой природой, и неизбежность глобального голода дала толчок возникновению новой способности человека – он научился возделывать землю и выращивать злаки. Вместо того, чтобы продолжать полуголодное существование на планете, ставшей к этому времени его экологической нишей, человек нашел новую экологическую нишу. Вернее, он сам ее создал, точнее – начал создавать. «…Возникла идея сохранения и воспроизводства на месте того, что раньше приходилось искать и преследовать вдали. Разведение скота и обработка земли заменяют сбор пло-

дов и охоту» [3, с. 317]. Итак, от охоты и собирательства человек постепенно переходил к производству пищи. Ранние сельскохозяйственные орудия делались из дерева, рога и камня. С появлением земледелия и скотоводства появились и новые потребности. Развитие сельского хозяйства заставило человека остановиться в его постоянных скитаниях. Теперь появилась возможность прокормить гораздо большее, чем раньше, население с ограниченного участка земли. Участок надо было обрабатывать – уничтожать вредные растения и животных. Результатом было появление оседлых поселений. Если охотник, странствующий по лесам и лугам в поисках дичи, почти не имел имущества, то земледелец не мог не обзавестись большим количеством нужных ему вещей – посудой, орудиями труда… Чтобы получить более совершенные, более надежные и продуктивные орудия труда для возделывания земли, человек научился изготавливать железо, которое прочно вошло в быт людей только с VII в. до н.э. Теперь уже у человека появилась возможность использовать труд других людей, а значит, – и новые потребности… Итак, все имеет и свою оборотную сторону: стремление покорять и владеть делает нас зависимыми от того, что мы покорили и чем владеем. И чтобы избавиться от этой зависимости, мы вынуждены прибегнуть к другой природной силе, пока опять не попадем в полную зависимость от нее… И так до бесконечности. Природа из фона, на котором разворачивалась история, постепенно превращается в ее действующий персонаж, все более и более могущественный. «…Повсюду человек вступил на Землю, уже обитаемую, – все стихии, все болота и реки, песок и воздух полнились живыми существами или наполнялись новыми родами живых существ, а человеку пришлось добывать для себя место, чтобы воцариться и царить, пользуясь божественным искусством хитрости и силы» [1, с. 46]. Под «искусством хитрости и силы» следует, конечно, понимать исторически развивающиеся потребности и способности человека.

Возводя новые города, осваивая земли, люди создают новую, очеловеченную среду своего обитания. В результате, взаимодействуя уже не только с природой, но и с этой средой, люди меняются сами, развивают свои сущностные силы, приобретают новые потребности и способности к их удовлетворению, совершенствуют старые, отбрасывают ненужные. Удовлетворение в процессе производства одних потребностей посредством соответствующих способностей означает появление потребностей в средствах их реализации, а эти потребности раньше или позже вызывают возникновение новых способностей, освобождающих от ограниченности этих средств. А последние опять толкают развитие производства вперед. Противоречие между способностями и потребностями неисчерпаемо. Совместно они выступают как выражение одновременной зависимости и свободности человека в определенном мире. При этом эти исторически развивающиеся потребности и способности человека, в отличие от потребностей и способностей животных, не ограничены природой человека, они историчны, а поэтому – безграничны, имеют свойство постоянно расширяться, совершенствоваться и, главное, возвышаться. И у этого процесса не будет конца, пока существует Человек, а значит и бескрайнее поле деятельности для его разума, порождающего всё новые и новые исторические потребности и способности, дающего возможность человечеству бесконечно возвышаться и иметь неисчерпаемый простор для развития общества. Так что конец истории человечеству не грозит. История человеческого рода – это и есть переход от одних исторических потребностей и способностей человека к другим, в процессе которого происходит их постоянное развитие и возвышение.

Библиографический список

1. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977.

2. *Табаков В.И.* Закон взаимопорождения исторических потребностей и способностей человека // Законы развития человеческого общества: Материалы V Международной ярмарки идей: 30 академический симпозиум. – Н.Новгород, 2002.

3. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М.: Изд-во АСТ, 2002.

В.А. Постнов

СИСТЕМОГЕНЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА КАК ВЫРАЗИТЕЛЯ РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Системогенез художественного образа в ментальной парадигме российской культуры, отражает процесс развития субъективной духовно-психической реальности, возникающей во внутреннем мире творческих деятелей многих поколений.

В теории фундаментальных противоречий человека и общественного интеллекта, разработанной А.И. Субетто, противоречие между рациональными и пропорциональными формами познания раскрывается как «историческая волна трансформации иррационального в рациональное» [1].

В совокупности всех признаков в общем виде художественный образ неразрывно связанный с системой законов преемственности и обновления в развитии, ярче всего проявляется через рациональное и иррациональное.

Теория А.И. Субетто в Социальной Ноосферной квалиметрии, раскрывающая особые механизмы «Волн-циклов», подтверждает мысль о том, что парность понятий рационального и иррационального, выражающая амбивалентность исторического процесса, не содержит резкую противоречивость, а лишь выявляет разные грани истинности, указывая на единство мира как основание для его всестороннего познания: «…И мы плывем пылающею бездной, Со всех сторон окружена» (Ф.И. Тютчев). Полярность рационального и иррационального так невелика, что невозможно не поставить вопрос о границе их соприкосновения, которая их не только разделяет, но и соединяет.

Приняв учение Фомы Аквинского о единстве сущности и существования, с условием, что сущность величина постоянная (статика), можно сделать вывод о том, что существование будет означать постоянно меняющуюся – импульсивно-экспрессивную величину (динамика).

Подобная парность статики и динамики, их онтологическая и методологическая нерасчленённость в достаточной степени могут способствовать раскрытию художественного образа, как выразителя рационального и иррационального. Раскрывая один философский срез, но с условием его общности, рациональное всегда будет основываться на объективном мире природы, а иррациональное на субъективном мире творчества:

«А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лавках гигант на скале, –
Завтра станет ребячьей забавой … »

(И. Анненский)

Синтез рационального и иррационального служит неким индикатором полярности в искусстве, выявляя тем самым сущность художественного образа своей эпохи:

«…Я признан был воспеть твои страданья
Терпеньем изумляющий народ…»

(А.Н. Некрасов)

Складываемая на протяжении многих лет системогенетическая структура художественного образа, особенно подвержена изменению в переходное время. На рубеже эпох рациональное в ментальности обобщает способности выживания в изменённых условиях, а иррациональное окрашивает разнообразием творческих идей, инновационными средствами, способствующими обновлению художественного образа.

Общество в переломные моменты истории, когда рушится старое привычное и изведанное, пытается сохранить рациональное, а творцы эпохи, обладая тонкой природой чувств, мучительно переживая процесс обострения отношений, готовы на иррациональном уровне через изобретательность, интуицию, прозорливость поддержать всё неизведанное, новое, что даёт им благодатную почву для создания нового художественного образа.

Смысловая пара рациональное – иррациональное, являясь самоотображением бинарности в русской культуре, проявляет себя в концепте реальности через художественный образ своего времени:

«Уже занавес дрожит перед началом драки…
Уж кто-то в темноте, всезрячий как сова,
Чертит круг и строит пентаграммы,
И шепчет вещие заклятые слова»

(М.А. Волошин)

Глубоко-нравственным и истинно-человеческим выглядит художественный образ золотого века в поэзии В.А. Жуковского, Г.Р. Державина, Г.А. Батюшкова, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, А.И. Тютчева. Человек

© В.А. Постнов, 2006

в поэзии золотого века своё счастье и смысл жизни видит в силах соей души, богатстве мыслей и чувств. Из этого следует простая истина: человеку надо не смирять и подавлять страсти, а совершенствовать свой духовный мир, следуя девизу В.А. Жуковского:

«При мысли великой, что я человек, всегда возвышаюсь душою».

Эту особенность подметил В.Г. Белинский, о том что: «До Жуковского на Руси никто не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в такой тесной связи с его поэзией и чтобы произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией. Пушкинский гений возвёл демократичность в высшую степень культуры, по мнению Белинского лелеющую душу гуманность».

Если реальность Золотого века в России сохраняла известное равновесие, выраженное в художественном образе пушкинской гармонии, то реальность Серебряного века, его художественный образ предстаёт в парадоксальном сочетании старого и нового, уходящего и нарождающегося.

«Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, –
И прежний мир в немеркнувшем сиянье
Встает опять пред чуткою душой…»

(В.Л. Соловьев)

Художественный образ грани веков аккумулирует классическое и авангардное, традиционное и новаторское, объединяя всё в особом ментальном порыве правдоискательства, который принято считать главным содержанием отечественной культуры, начиная с X века.

Художественный образ предыдущих эпох не был отягощён острыми социальными проблемами, бесконечной чередой обличения и разоблачения пороков общества. Противоречивость двух разных начал вызывала ностальгию по прошлому Золотому веку, напоминая в который раз о традиционности национального сознания в онтологической ментальности русской культуры. Обнаружив ощутимое сходство эпох, творцы Серебряного века проявляли большой интерес к классической гармонии века минувшего, отметая явное нарушение цельности искусства своего времени.

«Господи, иду в неизвестное,
Но пусть оно будет родное
Пусть мне будет небесное
Такое же, как земное…»

(З.Н. Гиппиус)

Усиление экономических, социальных, политических противоречий усиливало ощущение своей несостоятельности изменить жизнь к лучшему, а недостаток гармонии в Российской действительности заставлял творцов Серебряного века вновь возвращаться к идеалам Золотого века:

«В ночи, когда уснет тревога
И город скроется во мгле –
О, сколько музыки у Бога,
Какие звуки на земле!…»

(А. Белый)

Сочетание эпох по принципу дополнительности давало возможность деятелям рубежа веков переосмыслить классические ценности осуществить их модернизацию с целью сохранения гармонии, которой так не хватало искусству Серебряного века с его парадоксальной несовместимостью разных начал, когда «качество социального будущетворения обеспечивается, – по убеждению А.И. Субетто, – дуальным рационально-иррациональным механизмом освоения действительности».

Исходя из концепта реальности грани веков, популяризация идей бинарного типа в период перманентной конфронтации снижалась вместе с потерей энергии противоборства. После некоторого противостояния обнаруживалась диффузия идей, провоцирующая тягу к сближению. Бесконечные версии решения главных проблем общества неожиданно утрачивали свою актуальность, а их несбыточность и утопизм странным образом объединял воюющие стороны, трансформируя рациональное и иррациональное.

«Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом…»

(Б.В. Савинков)

Боль за Россию. Переживания за её народ, мучительный поиск выхода из кризиса, несмотря на расхождения методов, приёмов, оценок, взглядов усиливали парадигмальное стремление к Единению с учётом полярности общественных отношений. Озабоченность единением проявляли деятели культуры, среди которых особо выделялись поэты, чувственные натуры, тяготеющие к иррациональности. Стремление к преодолению односторонности взглядов способствовало многомерному восприятию действительности, а иногда и поиску середины между рациональным и иррациональным. Противоречивая целостность, означающая изначально сотворённую двойственность в мировоззрении, имела свои точки схождения и точки расхождения. Русская интеллигенция, всегда считавшаяся социальной, объединившись на почве нетерпимости, всё боль-

ше становилась идеологической, проявляя то крайний догматизм, то социальную мечтательность, то политический радикализм.

«В дни, когда святые тени
Скрывшись даже в небеса,
Где ты в нем, надзвездный гений,
Их хвалений голоса?
В дни, как верных хор великий,
Разделенный изнемог,
Их мотив согласны лики
Где подслушал ты, пророк?»

(В.И. Иванов)

Герценский призыв услышать крик своего возмущения и своей совести, способствовал объединению голосов представителей Русской культуры в один голос: протестующий, требующий, обвиняющий.

И было против чего протестовать, что требовать, кого обвинять. Даже к началу XX века Россия оставалась полуграмотной, феодальной, крепостнической страной, в которой с трудом решались политические, экономические, социальные проблемы. Требования передовой части населения страны демократических преобразований приводило к столкновению противоречивых интересов государства и личности. Обвинения в несостоятельности власти решить насущные проблемы в стране приводили к неразрешимой дилемме безличного имперского государства и личной творческой свободы:

«Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн и ветхой мглы
Вот первый подвиг. Подвиг новый –
Живой земле пропеть хвалы…»

(С.М. Городщский)

Серебряный век связал воедино рациональное, традиционное преклонение перед разумом и иррациональное – упоение чувствами, подтвердив характерную особенность русского менталитета – его бинарность.

«О дивный образ Божества,
Гармоний чистое искусство! …
Царит всевластно на Земле
Твой дух, свободный и могучий,
Тобой поднятый человек
Свершает словно подвиг лучший.
Придите, все народы мира,
Искусству славу воспоем!»

(А.Н. Скрябин)

В художественном образе на сломе цивилизационного развития всё больше проявлялось стремление к идеалам свободы, преодолевая тернистый путь от стихийной воли к узаконенной демократии с традиционными особенностями политических, социальных, нравственных, творческих свобод. Диапазон художественного образа в поэзии серебряного века от высокой государственности до мотивов повседневности приобретал исповедальный характер, подчёркивая стремление соединить рациональное и иррациональное, уравновесить отношения между разумом и чувствами.

Бинарная конструкция художественного образа опиралась на известные оппозиции: государство – личность, норма – исключение, закон – беззаконие, дисциплина – свобода, общественное – личное, разумное – чувственное.

«Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь…»

(Ф.К. Сологуб)

На противоречивость художественного образа Серебряного века оказало влияние наложение друг на друга нескольких художественных направлений и культурных систем: классицизма, просвещения, сентиментализма. В странах Западной Европы каждая культурная эпоха сменяя друг друга, органично входила в сознание общества, готовя почву осмысления для будущих перемен. В России временное пространство для осмысления культурного ренессанса было не только ничтожно коротким, но оно ещё сопровождалось периодом обновления сущностных воззрений в общеисторическом процессе глобальных перемен.

«Мы любим все – и жар холодных чисел,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений…»

(А.А. Блок)

Даже незначительные события российского государства иногда принимали мистическую окраску и фон тайных знамений эсхатологического масштаба. Естественное стремление интеллигенции жить без вражды, подозрений, ненависти и насилия выражалось в мучительном поиске идеи примирения всех со всеми.

«Подняв лицо, я Солнцу шлю моленье.
Склонив лицо, молюсь душой земле.
Весь звездный мир – со мной, как в хрустале
Миры поют, я голос в этом пенье…»

(К.Д. Бальмонт)

«В начале века, – писал Н.А. Бердяев, – велась трудная, часто мучительная борьба людей ренессанса против суженности сознания традицион-

ной интеллигенции, – борьба во имя свободы творчества и во имя духа. Русский духовно-культурный ренессанс был встречен очень враждебно левой интеллигенцией, как измена традициям освободительного движения. Как измена народу, как реакция. Это было несправедливо уже потому, что многие представители культурного ренессанса были сторонниками освободительного движения и участвовали в нём. Речь шла об освобождении духовной культуры от гнёта социального утилитаризма».

Художественный образ России переломной эпохи был конкретной реальностью её абстрактной сущности. Так история Серебряного века ещё раз подтвердила гегелевскую мудрость, в которой реальность – рациональна, абстрактная сущность – иррациональна.

«…Скорее учитесь играть на ладах
Войны без визга смерти –
Мы – звуколюди!
Батый и Пи! Скрипка у меня на плече! … »
(В. Хлебников)

Таким образом, проблематика системности художественного образа в соответствии с теорией циклического развития искусства Ф.И. Шмита и методологией Н.Н. Александрова иерархически основывается на трёх уровнях:

1. *Микроуровень*, высвечивающий образ России на переходном этапе к жестокому индустриальному веку, в котором преобладают ритмы рациональных преобразований, грохот машин, мерцание электрических огней оттесняющих, а затем и заглушающих истинный размах торжествующих чувств и иррациональных страстей.

2. *Макроуровень* – вбирает такое обилие выразительных видов искусств: пространственных, изобразительных, временных, которые структурно объединить весьма сложно, несмотря на их взаимовлияние, взаимопроникновение, взаимодействие в красках, ритмах, жестах, звуках…

3. *Мезоуровень* – объединяет все основные подходы в творчестве: классический, традиционный, новаторский, авангардный, аккумулируя и переплетая прошлое, настоящее и будущее, как целостный структурный цикл с уникальным наложением реалистических традиций Золотого века.

Проблемное поле в нашем случае можно рассматривать как систему аксиологических универсалий: истины, добра, красоты и пользы, которые показывают: рациональный уровень – стремления человека к пользе и иррациональный – продвижение человека к истине.

«В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам
Боролося заря с последними звездами,
Еще летали сны – и схваченная снами
Душа молилась неведомым Богам».

Тройную связанность уровней по отношению к организму по Н.Н. Александрову можно представить в виде тройки:

«Духа – души – тела».

Дух совпадает с истиной, тело с пользой, душа – «…единственное живущее в настоящем, она отражена в меняющемся калейдоскопе калокагатии: Этического и Эстетического. И принадлежность их тоже сходится: Истина принадлежит человечеству, Польза – человеку, обществу, остаётся переменчивая пара «Добро и красота.» Эстетическое выступает важнейшей частью ментально – культурной программы, мотивирующей поведение людей непосредственно, через художественные образы».

«И к вздрагиваниям медленного холода
Усталую ты душу приучи,
Что было здесь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи».

Постижение художественного образа через структуру его динамического развития, подобно гераклитовскому огню, сопровождается циклическим взаимодействием противоположностей как единого целого.

Через стороны противоречия, по теории и методологии Н.Н. Александрова, можно охарактеризовать три фазы художественного образа: Становление, равновесие, деградация.

Становление в данном случае может включать наращивание творческого потенциала, наделение его внутренней силой, изобретение творческой ценности произведения, ориентирование на художественную ценность произведения, воплощение задуманного в соответствии с единством содержания и формы.

Равновесие будет держаться на: поэтизации, сакральности, самоутверждении, удовлетворении, признании.

Фаза *деградации* соответственно должна будет содержать снижение творческого потенциала, борьбу за выживание, поиск новых путей, попытку реанимирования, и, наконец, крушение.

Следуя логике предыдущего цикла можно описать дальнейшие межфазовые периоды существования художественного образа и их этапы:

– *осмысление* (понимание, обобщение, анализирование, признание ошибок, критика);

– *насыщение* (познание, поиск смысла, креативность, эмоциональность);

– *подъём* (обозначение смысловой ценности, изобретательность, поэтизация, зарождение первообраза, ориентированность на успех).

Далее вновь идут: становление, равновесие, деградация. Вариантность в этапах и периодах возможна при сохранении ментального уровня в процессе воплощения исходной сущности художественного образа.

Ментальный уровень имеет особенность насыщать значением любой художественный образ с целью воздействия им на общество, ибо историческая память народов, этносов, наций, государствообразующего народа, является первым транслятором и преобразователем, обращенным к обеспечению социоприродной гармонии, как ведущей своей онтологической функции. Художественный образ созданный с учётом ментального сознания и соединения целого из отдельных фрагментов всегда синкретичен и социален.

В синкретизме, объединяющем область материи (рацио) и сферу сознания (иррацио), взаимодействие человека и общества происходит благодаря их духовному родству под воздействием художественного образа, который не всегда рассматривался как сфера особой деятельности творцов. Весь мир с древнейших времён считается мыслителями творением Бога, а космос воспринимается как художественное произведение идеального образца.

С аксиологических позиций проблема подачи художественного образа могла всегда решиться в разных направлениях, сохраняя при этом целостность космоса, как сути экзистенциальной системогенетики, где знания неотделимы от понимания.

«Люди, – писал К. Бальмонт, – которые мыслят и чувствуют на рубеже двух периодов, одного законченного, другого еще не народившегося развенчивают все старое, потому что оно потеряло свою душу и стала безжизненной схемой. Но, предшествуя новому, они сами, выросли на старом, не в силах видеть это новое воочию – вот почему в их настроениях рядом с их восторгом и вспышками, так много больной тоски».

Е.М. Никифоренко

СТРУКТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАВНОГО ИКОНОСТАСА САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге, отражающий последовательно весь процесс изменения художественных форм в масштабах всего 300-летнего периода петербургской церковной культуры, по сути своей является живым музеем-памятником, так как сегодня, приближаясь к своему юбилею, в равной степени выполняет музейную и культовую функции.

Не стоит забывать и о его мемориальном значении. Церковь была заложена в 1709 году в память о доблестной победе русских воинов в Полтавском сражении и явилась первым храмом воинской славы молодого Санкт-Петербурга.

Одной из немаловажных особенностей Сампсониевского собора является и то, что исторически он единственный в границах современной России был освящен во имя Преподобного Сампсония Странноприимца. Только в самом конце XX – начале XXI вв. появилось несколько больничных храмов и часовен освященных его именем.

Следует отметить, что в Санкт-Петербурге не сохранилось ни одного иконостаса первых десятилетий XVIII века, также как в Москве «не сохранилось ни одного иконостаса московского времени старше XVII века»[1]. Сегодня в Санкт-Петербурге осталось лишь несколько сохранившихся памятников архитектуры первой половины XVIII века. И Сампсониевский собор один из них. Его чудом сохранившиеся, наполненные родными иконами иконостасы, представляют огромный научный интерес. Их исследование может дать представление о конструкциях, резном декоре и иконографической системе петербургских православных храмов во всем многообразии стилистических наслоений на протяжении всего XVIII, XIX, и начала XX веков, а также иллюстрировать процесс становления и развития реставрационного дела в России.

За свою историю Сампсониевский собор переживал периоды и расцвета, и полного забвения. Но даже в самые тяжелые для храма време-

© Е.М. Никифоренко, 2006

на, когда он был в полном запустении, Главный иконостас приковывал внимание специалистов своими пропорциями, чистотой линий, необычайным богатством мотивов. Вот что писал о нем архитектор А.П. Аплаксин, руководивший реставрацией Сампсониевского собора 1908–1909 гг.: «…шедевр русского искусства, которым может гордиться не только город Санкт-Петербург, но и вся наша Родина». Архитектор ставил его наравне с иконостасами Московского Успенского собора, Новгородского храма св. Софии и собора Псковского Детинца.

Архитектура и иконология петербургских иконостасов середины XVIII столетия отличаются переплетением древнерусских традиционных приемов с новыми, европейскими ассимиляциями. «Всюду и одновременно… происходили события, бытовали произведения самого различного плана: новое соседствовало, органически переплетаясь со старым»[2].

В отличие от древнерусских храмов, щедро декорированных церковно-монументальной живописью, центральным ядром убранства храмов раннего петербургского периода являются иконостасы.

Три уникальных иконостаса украшают интерьеры Сампсониевского собора – Главный иконостас, освященный во имя Византийского святого Сампсония Странноприимца и два Малых придельных, освященных во имя Святых Архистратига Михаила и Иоанна Богослова. Каждый из них в отдельности может представить свой период в развитии церковной интерьерной архитектурной пластики, позволяет проследить и преемственность древнерусских традиций и западноевропейские влияния Нового времени не только в эстетическом, но и в техническом их исполнении. Вместе же они представляют интерьер собора, на архитектурном образе которого оставил след шлейф событий всего 300-летнего петербургского периода русской церковной культуры.

К 1740-му году завершается период формирования его интерьера. В истории русского искусства этот период можно характеризовать как время возвращения древнерусских традиций, время стилизаций, однако, все же уже обремененных опытом предшествующего периода.

Освящение Главного престола храма было совершено 19 августа 1740 года.

Архитектурно-скульптурно-живописная композиция Главного иконостаса уникальна по своему художественному решению, основанному на комбинациях как древнерусских традиционных, так и благоприобретенных европейских приемов конструкции и декора, но воспринятых и впоследствии ставших отличительными чертами церковного искусства Нового времени.

Главный иконостас занимает всю восточную стену храма. Ширина его – 13,6 м., высота в средней части – 11,2 м. Основная конструкция, решенная в виде высокого пятиярусного иконостаса, выполнена из дерева сосны, резной декор и скульптура – из липы. Главная иконостасная композиция Сампсониевского собора отличатся единством архитектонических частей (колонны, архитравы и т.п.) декоративного резного убранства, живописи и круглой скульптуры.

Местный и Праздничный ряды объединены колоннами композитного ордера, покоящимися на чуть вынесенном в цокольной части вперед пьедестале. Тело каждой колонны, каннелированной в своей нижней части, увито гирляндами из цветков и бутонов роз, (символ райского блаженства), виноградных гроздей (символ крови Христовой) и стилизованных листьев. Их капители поддерживают антаблемент второго яруса, завершенный крепованным резным карнизом, повторяющим линию выносов пьедесталов, что определяет единство композиции двух нижних рядов иконостаса. На фоне зеленого фриза горельефные головки херувимов. Центральная часть антаблемента, оформляющая дверной проем Царских врат, акцентирована двойным ступенчатым выносом крепованной части карниза, как и пьедесталы с опирающимися на них колоннами. Эта часть решена в виде балдахина с ламбрекенами и ниспадающими драпировками, мягкие фалды которых придерживают две фигурки херувимов. Декоративные панели, формирующие пространство между пьедесталами, и сами пьедесталы расписаны в зеленый цвет с прожилками под камень змеевик или серпантин, филенки оформлены накладной орнаментальной резьбой преимущественно растительных мотивов. Дощатая облицовка стены, обращенной к алтарю, расписана в той же живописной технике под зеленый камень. Резные Царские врата – двустворчатые, особо украшенные двери с шестью рамами сквозной резьбы для икон, отличаются удивительным богатством и разнообразием мотивов орнаментики. Бусы, раковины, побеги и листья аканта, пальмовые веточки, цветы вплетены в гирлянду, формирующую нащельник створки Царских врат.

Центральная часть Главного иконостаса выделена на уровне всех пяти ярусов сильными выносами раскрепованных карнизов, что дополнительно акцентирует внимание на Царских Вратах, ведущих прямо от престола в храм. Царские Врата называют так же Средними или Святыми, потому что через них, согласно учению Церкви, в Святых Дарах проходит Царь славы и Господь господствующих.

Над Царскими вратами – Сияние – резное облако с расходящимися лучами и головками херувимов, а несколько выше, в центре второго яруса под балдахином, по окончании реставрации будет находится икона «Тайная вечеря» в фигурной раме, иконография которой трактуется как начало и основание Христовой Церкви с ее самым главным таинством.

По всей плоскости Местного ряда справа и слева от Царских Врат находится десять прямоугольных рам, две из которых вместе с цокольной частью являются диаконскими дверями. Одностворчатая диаконская дверь для выходов священнослужителей в уставные моменты богослужения с северной стороны располагается против жертвенника. В южной части иконостаса также находится одностворчатая дверь для уставных входов священнослужителей в алтарь, когда они совершаются не через Царские Врата.

На клеймах Царских Вратах традиционно помещены, образ Благовещение Пресвятой Богородицы, а также образы четырех евангелистов. Все рамы имеют фигурные завершения в виде раковин, завитков и листьев аканта с головками херувимов в центре.

Согласно канону, в Местном ряду ставятся иконы наиболее чтимых в данном приходе святых или священных событий. Справа от Царских Врат, как правило, помещается образ Христа Спасителя за Ним следует – образ того святого или священного события, во имя которого освящен данный храм или придел. В исследуемом иконостасе за Царскими вратами следует 5 икон: икона «Воскресение Христово», затем южная диаконская дверь сформированная иконой в раме «Св. Архидиакон Лаврентий», икона в прямоугольной раме «Св. Иоанн Креститель», образ Преподобного Сампсония Страннопримца, во имя которого и освящен храм и икона «Св. Пророк Илия».

Соответственно в левую сторону от Царских Врат также находится 5 икон: первой за Царскими Вратами ставится образ Матери Божией – Благовещение. Этим наглядно показывается, что вход в Царство Небесное открывается людям Господом Иисусом Христом и Его Пречистой Матерью – Ходатаицей нашего спасения, затем северная диаконская дверь, канонично оформленная иконой «Св.Архидиакон Стефан», за ней следуют иконы «Покров Пресвятой Богородицы», «Святитель Николай Чудотворец» и «Св. Александр Невский».

Решение Местного ряда Главного иконостаса несколько не канонично, так как, согласно церковной традиции за иконой Спасителя должна следовать икона святого или праздника, во имя которого освящен храм или придел. В нашем случае икона Преподобного Сампсония Страннопримца располагается третьей от иконы «Воскресение Христово». Однако, диаконские двери соответствуют церковным правилам, согласно которым на них изображаются архидиаконы Стефан и Лаврентий, или Архангелы Михаил и Гавриил, или прославленные святители, или ветхозаветные первосвященники.

Во втором, Праздничном ряду иконостаса ставятся иконы важнейших христианских праздников, то есть тех священных событий, которые послужили спасению людей. Справа и слева от иконы «Тайная вечеря» располагается по 5 икон, представляющих Двунадесятые праздники: слева – икона «Сретенье Господне», «Рождество Христово», «Благовещение Пресвятой Богородицы», «Введение во храм Пресвятой Богородицы», «Рождество Пресвятой Богородицы»; справа – «Богоявление», «Преображение Господне», «Вход Господень в Иерусалим», «Воскресение Христово» и «Вознесение Христово».

Небольшие иконные рамы праздничного ряда имеют форму неправильного овала, а некоторые даже приближены к форме круга. Исключение составляют две прямоугольные рамы, расположенные над диаконскими дверями.

Третий, Апостольский ряд икон имеет своим центром образ Христа Спасителя на Престоле с Предстоящими Богоматерью и Иоанном Крестителем. В центре композиции иконы Христос Вседержитель, по правую руку от Него изображается Пресвятая Богородица, молящая Его о прощении человеческих грехов, по левую руку – образ проповедника покаяния Иоанна Предтечи в таком же молитвенном положении. Эта икона также называется – Деисис – моление (разг. деисус). Слева и справа от Деисиса располагаются образы обращенных ко Христу в мо-

литве апостолов: северная сторона – Св. Апостол Петр, Св. Апостол Иоанн Богослов, Св. Апостол Иаков Алфеев, Св. Апостол Фома и Св. Апостол Варфоломей; южная сторона – Св. Апостол Павел, Св. Апостол Матфей, Св. Апостол Андрей, Св. Апостол Симон и Св. Апостол Иаков.

Также как и два нижних ряда он декорирован композитным ордером и оформлен шестью витыми и увитыми гирляндами колоннами. Причем две центральные колонны акцентируют икону «Спаса Вседержителя», чуть вырываясь из красной линии Деисусного чина, разрывая антаблемент третьего ряда и органично вливаясь в композицию четвертого. Над подобием купола Царских Врат, четыре соединенных вместе волюты поддерживают резную золоченую подушечку с короной на ней. Словно храня ее, на дугах разорванного фронтона две фигуры ангелов с атрибутами Голгофы – копьем и губкой.

Два аналогичных, но явно второстепенных, разорванных фронтона на карнизе второго яруса справа и слева от композиционного ядра Апостольского ряда объединяют в своеобразные подкомпозиции по две иконы третьего и по три первого и второго ярусов. В центре каждой помещены по две фигуры ангелов с другими атрибутами Голгофы – лестница, клещи, гвозди с северной стороны, а молоток и крест с южной. Четыре ангела едва касаясь краев обрывающихся дуг этих фронтонов, поддерживают овальные рамы икон третьего яруса. Четыре ангела, стоящих на карнизе, поддерживают боковые овальные рамы. Кроме шести овальных рам и рамы для центральной иконы «Спаса Вседержителя», в третьем Апостольском ряду находятся четыре прямоугольных, сильно вытянутых рамы с декором из цветов и листьев аканта и фигурными завершениями, оформленными картушами. Завершения овальных рам отличаются сложной и необыкновенно красивой формой. Резьба рамы центральной иконы также богато декорирована.

В четвертом Пророческом ряду иконостаса семь икон. В центре икона «Богоматерь на престоле», где изображена Матерь Божия с Богомладенцем на коленях. Икона заключена в прямоугольную раму с рокайлями и фигурными завершениями в виде картуша и цветка розы. Раму поддерживают два ангела, сидящие на дугах разорванного центрального фронтона, а на карнизе третьего яруса перед центральной иконой помещены еще две фигурки херувимов. Фланкируют центральных часть яруса четыре валюты, украшенные резьбой орнаментального характера.

По обе стороны от центральной иконы изображены ветхозаветные пророки: север – Свв. Пророки Илия и Давид, Св. Пророк Захария и Свв. Пророки Моисей и Исайя; юг – Свв. Пророки Соломон и Аорон, Св. Пророк Мельхиседек и Свв. Пророки Иеремия и Иона. Иконы обрамлены рамами разной формы – круглой, трапециевидной и овальной. Круглые рамы имеют сложный рокайльный рисунок с завершениями в виде картушей. Под ними помещены по две фигурки ангелов и картуши. Трапециевидные рамы завершены головками херувимов и обрамлены валютами, на которых находятся четыре фигуры святых. Пластическое решение этих скульптур отличается непринужденностью и изяществом.

Резные обрамления овальных икон, расположенных по краям четвертого яруса, имеют сложный рисунок из рокайлей, побегов и листьев аканта с ярко выраженной асимметрией. Под ними на карнизе третьего яруса – разорванные фронтоны с четырьмя фигурками ангелов, зафиксированных в сложных ракурсах и в движении, направленном от центра к боковым стенам собора.

Расположение фигур в каждой из этих двух групп и рисунок рам дан в зеркальном отражении, что придает общей композиции четвертого яруса подчеркнутую законченность и уравновешенность.

Это особенно важно в связи с тем, что четвертый и пятый ярусы занимают ту часть плоскости Главного иконостаса, которая находится под коробовым сводом, как бы обрезающим ее края. Четвертый и пятый ряды не имеют ордера. Они лишь оформлены картушами, валютами и значительным количеством круглой скульптуры.

В пятом ярусе находятся всего три иконы в овальных рамах с изображением Страданий Христовых, где в центре помещено «Распятие». Резьба рам пятого яруса, изысканная по рисунку и очень разнообразная по орнаментальных мотивам имеет нечто общее в композиционном решении, но как и во всех других случаях, не повторяется. По обе стороны от иконы «Распятие» помещены две резные фигуры Богоматери и Иоанна Крестителя. В пластической трактовке этих скульптур ощущается влияние светского искусства, выразившееся в легкости их движений, свободной постановке фигур и изяществе формы.

На карнизе четвертого яруса в центре под фигурами Богоматери и Иоанна Крестителя изоб-

ражены сидящие херувимы, а на креповках его боковых частей помещены четыре фигурки лежащих херувимов.

Симметричны и многократно повторяемы детали декоративных мотивов оформления рам. В некоторых случаях они выходят за пределы использования элементов декора барочной системы средств выразительности и проявляют радикальные новшества как, например, перетекание форм из одной иконной рамы в другую, слияние с другими типами украшений и т.д. Однако, встретить среди огромного количества иконных обрамлений хотя бы двух одинаковых невозможно.

Иконостас в простой и стройной совокупности образов, слитых в единое целое, легко воспринимаемое взором, оказывается содержащим в себе полноту догматов вероучения Православной Церкви и позволяет проследить весь ход Священной истории.

Работу над Главным иконостасом многие исследователи относят к 1730-м годам, но анализ декора и натурные исследования заставляют задуматься над возможностью более поздних включений. Об этом свидетельствуют сильные выносы раскрепованного карниза, сложные и очень разнообразные по мотивам формы деревянной резьбы. В нем явно прослеживаются черты развитого барокко середины XVIII века. Однако, сложно назвать его чисто барочным, так как присутствие некой игры устойчивого и неустойчивого в формах декора третьего, четвертого и пятого ярусов можно трактовать как явные признаки зарождающегося рококо. Слияние декоративных элементов является характерной чертой стиля. Анализ орнаментального решения иконных рам, контуры которых теряют устойчивость, позволяет заметить, прежде всего, присущую рокайлю любовь к пустым поверхностям. Так же обращают на себя внимание слияния ракушек с картушами, антропоморфных элементов с растительными, подобная стилизация порой не позволяет определить к какому миру относятся эти формы.

В барочном синтезе искусств в Главном иконостасе Сампсониевского собора живопись и скульптура подчинились архитектуре. Однако, это единение также демонстрирует присутствие переходного этапа от позднего барокко к его легкомысленной модификации – рококо. Чистый стиль рококо встречается крайне редко, в композициях петербургских иконостасов таких примеров нет.

Скульптура в интерьере Сампсониевского собора акцентирована почти также как живопись и является не менее важным звеном общего синтеза искусств. В своих внешних проявлениях сакральная пластика собора в основном ориентирована на иконопись и очень зависима от нее.

История русской сакральной скульптуры до сих пор не была выделена в самостоятельный раздел, как, например, иконопись. Неопределенность статуса скульптуры, как присутствия в православных храмах, так и во взаимодействии с рядом других церковных искусств, нуждается в особых объяснениях, и то, что комментарии эти порой полярного характера, придает русской религиозной пластике образ явления, пограничного с регламентируемым Церковью порядком обустройства храма»[3].

Композиционное построение Главного иконостаса Сампсониевского собора представляет архитектурно-живописно-скульптурный синтез органичного слияния древнерусских канонов и традиций с европейскими влияниями.

Современная трактовка канона в архитектуре архитекторами и богословами бывает далеко не одинаковой. Сложно провести четкую грань между понятиями канон и традиция. Порой именно историческая традиция называется каноном. И.Л. Бусева-Давыдова[4] в своей статье поднимает вопрос о значении понятия «канон» применительно к православному церковному искусству. Основным выводом статьи является то, что «термины «канон», «канонический» в их точном церковно-историческом значении к храмовому зодчеству неприменимы». Изучив постановления Церкви и документы, связанные с храмостроением (книги, грамоты, Апостольские постановления, уставы и др.) исследователь делает вывод о том, что их содержание в основном «имело рекомендательный характер и не апеллировало ни к каким канонам»[5].

Вероятно, суть «канона» в архитектуре храма не так ярко выражается как, например, в иконографии, и заключается в большей степени в идейном содержании, нежели в практическом использовании тех или иных архитектурных элементов. Тем не менее, целесообразно выделить, если не элементы канона в архитектуре Самсониевского собора, то по крайней мере изменяемые и неизменяемые традиции. Необходимо учитывать богословские основы архитектурной композиции. Каждая архитектурная деталь храма наряду с прак-

тическим назначением имеет свое богословско-символическое основание. Несмотря на возможный полиэтнический состав мастеров-храмоздателей Сампсониевского собора, работа была обусловлена духовной идеей и согласована с местными изменяемыми и неизменяемыми традициями. Изменяемые традиции открывали для мастера возможность творческого участия в совершенствовании красоты форм архитектурных символов, выражающих духовную идею храма. Неизменяемые традиции, положенные в композиционную основу экстерьера и интерьера храма, как и канон в иконографии, берегли мастеров от нарушений законов композиции и символики архитектурных форм православного храма. На храмоздательство и храмоустроительство влияют, как правило, все основные тенденции и события современного этому процессу времени. Сампсониевский собор, отражая последовательно весь процесс изменения художественных форм в масштабах всего петербургского периода русского искусства, тому яркий пример.

Примечания

[1] *Ильин М.А.* Некоторые предположения об архитектуре русского иконостаса на рубеже XIV–XV вв. // Культура Древней Руси. – М., 1966. – С. 79.

[2] *Евсина Н.И.* Архитектурная теория в России в XVIII веке. – М., 1975. – С. 23.

[3] *Бурганова М.* Русская сакральная скульптура. – М., 2003. – С. 5.

[4] *Бусева-Давыдова И.Л.* К проблеме канона в православном храмостроении // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 71.

[5] Там же.

Ф.В. Советов

ЗАПАДНАЯ И РУССКАЯ МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МИРООСВОЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В мироосвоении представлена ментальность данного этноса, его образ мысли, выраженный в его образе жизни. Оно определяет ценностные ориентации бытия социальные устремления, хозяйственные интересы и идеалы народа, стратегические цели его бытия, специфику его самоопределения в системе человеческого рода. Мироосвоение характеризует исторически сложившиеся функции народа, прагматизм его поведения, в каких формах и видах бытовой, индустриальной, культурной, хозяйственной деятельности реализуется его менталитет, способности и потребности. Содержание мироощущения черпается из обобщенного социально-культурного опыта народа многих эпох. В его структуру включается и народный опыт: сакральный, трудовой, хозяйственный, бытовой и др. В русском мироосвоении они представляют некую разнокачественность. Все его компоненты, экономическая сфера общества пронизаны духовностью, давая импульс и определяя развитие всей системы «природа-культура-общество» Духовность русского менталитета обуславливает качество и направленность социального и индивидуального бытия, смысл, содержание, ценностные ориентации, темпы и характер производственной деятельности, мироосвоения в целом. Такое соотношение духовного и мироосвоенчески-экономического в русском менталитете, возможность их гармонического соотношения может служить гарантией преодоления глобального кризиса в России. Русский менталитет и такая его компонента как мироосвоение позволяют ставить и реализовывать цели и задачи, не связанные только с поддержанием своего собственного существования.

В основе специфики русского мироосвоения и мироощущения лежит нестандартное функционирование гемиосфер мозга: синхронная работа его обоих полушарий. Это порождает специальные способности и наклонности народа, свои приемы и методы решения социально-экономических и политических задач, заставляет смотреть на действительность со своей особой точки зрения. Русское мироосвоение характеризуется многовариантностью соотношения производства и потребления, противоречивостью общественного бытия и общественного сознания, материального и духовного производства. И в тоже время оно обладает способностью к самосохране-

© Ф.В. Советов, 2006

нию и самовоспроизводству. В основе русского мироосвоения лежит гармоничное развитие всей системы «природа-культура-человек». Реализация его функций может быть предпосылкой формирования нового экономического общества. Утилитарное и бездуховное мироосвоение, засилье глобального «экономизма», может погубить экосферу и самого человека.

На Западе еще реформация возвела предпринимательство в ранг общезначимой этической проблемы, возникло религиозно освещенное отношение к наживе. Именно в среде протестантов-бизнесменов сложился тип отношений, построенный на конкуренции, допускающей обогащение за счет другого. По М. Веберу протестантская этика породила «дух капитализма». Девиз кальвинистов – «Для Бога вы должны работать, чтобы разбогатеть», а предпринимательство и богатство представлено как весьма угодное Богу. Массовый тип производителя-накопителя появился прежде всего в протестантских странах, которые начинают быстро богатеть. Протестантизм стимулировал экономическую активность, производительность, упорство, систематичность, работоспособность массы людей, готовность их ограничивать личное потребление ради производства. Он осуждает расточительство, излишества и т.д. Помимо богатого предпринимателя, аскетический протестантизм воспитал еще и трезвых, необыкновенно работоспособных и привязанных к труду, как благородной цели жизни, чувствующих свою ответственность рабочих. С точки зрения протестантизма богатый – угодный Богу, а богатство – является признаком богоизбранности. Бедный – больной и попадет в ад. Духовный переворот за 400 лет привел к возникновению нового типа «экономического человека» с особой мотивацией и экономическим поведением, отличающегося экспансией и рационализмом. Даже с особой физиологией, в частности, суточными биоциклами.

Как писал М. Вебер, западный капитализм возник в значительной мере на базе моральной традиции протестантизма. И стандарт поведения заложенный ею не исчез и по сей день. Это свидетельствует о необычайной живучести моральной традиции и приводит к тому, что в домостроительной структуре западной цивилизации первичен социум, понятый как коллективное предприятие, связанное с эксплуатацией природы. Здесь полное прибирание природного космома к рукам и никакой гармонии. Социум здесь растет за счет природы. Это модель линейного прогресса в противовес православной цикличной модели, обновляющей социальную жизнь.

В русском менталитете под влиянием православия сформировалась моральная традиция мироосвоения и хозяйствования, сохраняющаяся и там, где религиозность оказалась утраченной. В ней доминирует религиозная компонента духовности, а хозяйствование рассматривается как «явление и средство духовной жизни» (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Л. Франк), общественное производство как средство для сотворчества Бога и человека в деле преображения мира. Для русского мироосвоения характерны принципы религиозно-этического подхода к освоению мира. Православно-христианские её корни сделали невозможным для него принципиальное неприятие частной собственности, которая не отвергается безусловно. Но русской моральной традиции особенно характерно крайне чувствительное отношение к использованию богатства для попрания личного достоинства других людей. Поэтому так широко было распространено меценатство и другие формы благотворительности, заботы о личности. Сложившийся образ хозяйственного деятеля в России не позволял превозносить экономический успех, достигнутый только лишь ценой финансовых или спекулятивных операций. Как известно, Аристотель разграничивал истинную экономику и ложную экономику – искусство наживать состояние путем перепродажи и ростовщичества. Гораздо выше в России оценивались успехи, достигнутые упорством и добросовестностью. Отношение к богатству было всегда критическим, не было прямого преклонения перед богатством и сильной личностью. Душа России, как писал Н. Бердяев в «Судьбе России», не буржуазная душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом. Русский народ до сих пор таит в своем сверхсознании идеал святой Руси, т.е. образ державы как Церкви, в отличии от образа страны как банковской корпорации (Америка), или «казармы» (Германия), или изящного салона (Франция). В русском мироосвоении православное, а не протестантское отношение к труду, к прибыли, ко времени (у протестантов – «время-деньги»).

Сложившаяся православная модель хозяйствования с уважением относится к принципам трудовой этики, разумному использованию частной

собственности и свободного предпринимательства. Хотя доминирование в мироощущении религиозного компонента порождает, по сравнению с Западом, некоторый отрыв от реальных процессов хозяйствования и домостроительства. Философия хозяйства С. Булгакова в этом отношении дает ответ на многие вопросы влияния православного мироосвоения на хозяйство социума, как явление духовной жизни. Тайну энергетики русской души и её пассионарность объясняет православный космизм. Их невозможно описать в привычных терминах социологии – стимулируемости, мотивированности и пр. Социология описывает социального человека, зажатого рамками социума, а пассионарность может относится только к космически открытому человеку, устремляющегося из сферы социальной срединности к полюсам, где открыты колоссальные источники энергии: энергетийности и синергетийности. Человек жестко привязанный к эмпирическому пространству града земного, четко расписанному в ролевом отношении, мыслит эмпирически , а не символически и ему не дано распознавать в вещах знания и другой реальности. Как писал В. Шубарт, прометеевский человек-специалист. Он виртуозный знаток в какой-либо одной узкой духовной области. В смежной с ней сфере он уже безграмотен. Он основателен, но ему не хватает широты натуры. Русский же – человек универсального видения. Он охватывает взором целое, хотя и склонен к небрежности. Но знания образованного русского таковы, что могут простираться на области, лежащие далеко друг от друга, ибо во всем усматривает внутреннюю связь вещей, кажущихся несвязанными[1]. Энергетика русского мироосвоения, его пассинарность пронизана чувством социальной справедливости, равенством перед законом.

Особенно большую роль в русском мироосвоении играет этическая православная компонента, которая порождает различные способы соединения людей с создаваемыми ими предметным миром, характером человеческих отношений вообще. Причем этическое в русском мироосвоении идеально воспроизводится во всех формах и видах хозяйствования, образуя особый мир субъективной реальности. Оно выполняет в хозяйственном развитии социума различные функции: мировоззренческую, гносеологическую, нормативную, регулятивную, целевую и др. Этический компонент русского мироосвоения играет главную регулирующую роль. Он гармонизирует всю систему «общество-культура-природа». Для православного мироощущения характерно противопоставление: космического мира, созданного Богом, и социального, устроенного по греховным страстям человеческим. Это создает антиномию. С одной стороны от мира надо бежать, ибо мир есть грех, но мир надо любить, ибо он прекрасен и сотворен Богом. Православный тип личности не социоцентричен, а космоцентричен. Православная аскетическая личность удаляется от общества со всей его греховной суетой. И в тоже время от космоцентричности православия, его сущности начинает исходить энергетика, способная обновить ветшающий мир, наделить жизнь новым смыслом, сделать людей другими. Пустынник Сергий Радонежский оказался основателем нового монастыря, а затем и новой Руси[2]. Русский архетип домостроительства пронизан идеей соборного спасения и обновления. Поучителен в этом отношении Соловецкий монастырь как пример перехода от космоцентричной уединенности к социальному домостроительству. При святителе Филиппе на Соловках наступило гармоническое равновесие между духовным и материальным. Монастырь явил миру почти идеальный образ так и не воплотившейся до конца отечественной цивилизации, обогащенного домостроительства. Это и громадные гидротехнические работы, создание сети идеально правильных каналов, строительство маяков, множество инженерных изобретений и др.[3]

Прагматическая ориентация западного мировосприятия и мироощущения позволила создать мощную внешнюю культуру, громадные материальные богатства, усовершенствовать быт человека. Но вещная ценностная ориентация приводит к господству материальных интересов над духовными, к индивидуализму и эгоизму. Духовное развитие личности заменено «условно-логическим и вещественным образованием», отсюда проистекает рационализм, который примитивизирует духовную сферу. В России же никогда не идеализировали значимость «внешних, вещных форм жизни». Народное мироосвоение было обращено на преклонение перед святостью, которая преодолевает в человеке «вещную зависимость». Это убедительно показано П. Лунгиным в кинофильме «Остров». Материальный интерес никогда не играл в России определяющей роли. Всегда было характерно подчинение материаль-

ного благополучия идеям совести, справедливости, служения, как в православном, так и в светском понимании. Русская благотворительность и «нищелюбие» русских царей, как считал И. Ильин, шли от сердца и доброты.

Современные иудейские и протестантские критики православия видят в уповании на Благодать свидетельство ленивой души русских, В.К. Кантор в разделе «Хаос как норма социальной жизни» пишет о бесплодии православной формы хозяйства для становления личностного сознания, которое де обнаруживало себя не раз[4]. Однако православная этика не только не мешает предпринимательской деятельности, но и позволяет организовывать её на нравственной основе. Чему свидетельствует роль старообрядцев в становлении российского капитализма. Механизмы воздействия старообрядчества на экономическое развитие существенно отличны от тех, которые раскрывал М. Вебер, имея в виду воздействие аскетического протестантизма на создание психологических предпосылок капитализма в Западной Европе. Торговый и промышленный успех старообрядцев объяснялись их необыкновенной солидарностью интересов и поддержкой друг друга. «Дух торгового капитала» был духом общинной солидарности на религиозной почве, который усиливали гонители. «Дух капитализма» складывался на иных мотивациях нежели в протестантской этике. Увеличение богатства не рассматривалось как высшее благо, как самоцель, а хозяйственная деятельность была подчинена общественному служению. Капитал – «богоугодное дело», он кормит, дает работу, устраивает судьбу многих, которые иначе бы пропали.

Действительно, Православие учит не поддаваться соблазну богатства, наставляет, что богатство служит человеку, а не человек богатству. Это вошло в строй народной души, лежит в основе русского мироосвоения. Но это не значит отрицание собственности и богатства вообще. Протестантизм же представляет богатство как высший дар Божий, как Его благословление, возлагая на людей обязанность умножать его. На наш взгляд, почва для «дикого» или «классического капитализма» западноевропейского образца в России неблагоприятна и Православию можно сделать определенные упреки и сожаления. Н.А. Бердяев в «Философии неравенства» подчеркивал, например, что православие не воспитывало самодеятельности и самодисциплины народа, силой своей догматики принуждало россиянина полагаться не столько на себя, сколько на Бога. В. Розанов писал, что религиозная этика вступила в противоречие с «рациональностью дела». И как отмечал С. Булгаков, в России отношение к предпринимателю такое, что подвергает их общественно-моральному бойкоту. П.Б. Струве считал, что православие несет ответственность за выработку привычки к убогой, а то и нищенской жизни, известной безответственности человека за дела государства и общества.

В тоже время заметим, что православие не может принять рационалистический дух, который санкционирует буржуазную предприимчивость, освещает стремление к обогащению. Но это не значит, что православие и рынок не совместимы. Как никогда актуальны сегодня принципы его хозяйственной этики: обязательство труда для каждого, но не во имя удовлетворения эгоистических интересов; разумное использование имущества, употребление на благо ближних; милосердие и благотворительность. С. Булгаков обращал внимание на то, что православие имеет могучее средство для воспитания личности и выработки чувства личной ответственности и долга столь существенных для экономической деятельности. По его мнению, особенно важно воспитание нравственных обязанностей в сфере профессионального труда, ибо из-за низкого качества человеческой личности происходит экономическое завоевание России иностранцами.

Православное мироосвоение и модель хозяйствования обладают большим энергетическим и синергетическим потенциалом, особенно в условиях когда человечество столкнулось с глобальными проблемами выживания. Более того, как писал А.С. Панарин, в нашем типе цивилизации нет и не может быть труда, производства, социальной активности вообще на принципах эквивалентного обмена стоимостями. Когда русский человек, питаемый энергией вдохновения, идущей от Бога, верит в общественное устройство, он дает больше того, что предусмотрено «обменом», – когда же перестает верить – дает неизмеримо меньше , и вся социальная жизнь расстраивается, превращается в хаос, в разрушительный танатос. Это носит характер национального архетипа, не позволяющего приноровить наш тип к законничеству срединной культуры. Не случайно «либеральная» идеология обмена наибольшую ненависть обрушивает на бескорыстие (бескоры-

стие и доброта одна из фундаментальных особенностей русской культуры). Архетипы бескорыстия признаны сегодня источником зла, хотя в них нет ничего особо «традиционалистского» и тем более «тоталитарного»[5].

Как видим в основе русского мировосприятия и мироосвоения лежат ценностные ориентации христианства, которые образуют своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа хозяйственной деятельности. Для них сфера создаваемая и устраиваемая трудом не котируется высоко, нигде не ставится в один ряд со спасением и терпением. И в этом сознание нашего народа полностью единодушно с православной религией, которая в отличие от протестантизма, видящего в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения и созидания его души, отрицает за трудом такое значение. В поучениях святых отцов труд нигде не отвергается, но его исполнение не должно быть во вред душе, не противоречить правильному устроению его души. Труду в системе ценностей отводится явно подчиненное место. Епископ Феофан написал: «Дело – не главное в жизни, главное – настроение сердца к Богу обращенное». У нас есть и трудолюбие и таланты. Ведущее место в мироосвоении занимают морально-этические проблемы: как жить человеку, в чем смысл человеческого бытия, о совести, о долге, чести и др. Как отмечал В. Шубарт, прометеевский человек не хочет видеть существо мира иным, чем оно есть, он хочет лишь его упорядочить, использовать и оформить. Русский же хочет преобразовать мир до основания. Поэтому европеец стремится к успокоительной и консолидирующей середине, а русский – к всеосвобождающему концу. Конечной целью западной культуры является не борьба с силами зла, а состояние всеобщей обеспеченности, порядка и благосостояния. Её цель – мещанство.

Примечания

[1] *Шубарт В.* Европа и душа Востока. – М.: «Русская идея», 1997. – С. 107–108.

[2] *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002. – С. 128–129.

[3] Там же. – С. 130.

[4] *Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). – М., 2001. – С. 37–38.

[5] *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002. – С. 132–133, 140.

Е.А. Страдина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Реформирование политической системы России затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. Противоречивый характер осуществления этого процесса обуславливает необходимость поиска способов повышения эффективности действий государства для предотвращения возможных негативных последствий, в том числе и в сфере культуры[1]. Для этого государству необходимо таким образом выстраивать свою политику, чтобы развитие культуры происходило в соответствие со стратегиями развития страны и имеющимися ресурсами.

Существующее на данном этапе реформирования в государственном регулировании культурных институтов противоречие вызвано тем, что активность органов власти, как центрального, так и регионального уровня не соответствует реальным потребностям общества и организаций культуры, посредством которых происходит реализация культурных прав граждан. Это указывает на необходимость формирования и реализации государственной политики в области культуры на основе мониторинга, анализа и оценки существующей ситуации, с целью выявления тех направлений, которые объективно нуждаются в государственном участии, с целью повышения эффективности функционирования культурных институтов и сохранения культурного наследия.

Напомним, что разработка государственной политики в общем виде включает в себя несколько основных стадий:

1) разработка стратегических установок, определение общественных целей и проблем политики, принятие государственных решений и их легитимация (законодательный процесс);

© Е.А. Страдина, 2006

2) осуществление политики посредством применения различных технологий, методов для достижения поставленных целей и решений (деятельность исполнительных органов власти);

3) оценка результатов и совершенствование государственной политики (оценка политики).

Специфика сферы культуры в качестве объекта государственного регулирования определяет особенности каждого из названных выше ступеней.

На первом этапе происходит осознание наличия какой-либо проблемы, которая не является благоприятной для общества в целом и сферы культуры в частности и не может быть решена уже существующими системами общественного регулирования и действиями иных субъектов культурной деятельности, что объективно требует участия государства.

Для области культуры задача определения проблемы, требующей именно политического разрешения достаточно сложна. В существующей практике можно выделить два основных направления. Во-первых – это спонтанная деятельность по выявлению мест «латания дыр», т.е. проблем, лежащих на поверхности. Этот подход преобладает в современной России, когда значительное внимание уделяется распределению финансовых ресурсов (которых хронически не хватает) на сиюминутные нужды. Ориентация на «иллюзию», что повышение выделяемых «на культуру» сумм сможет исправить ситуацию не позволяет формировать цели и принимать решения, необходимые для развития культуры.

Вторым направлением является комплексная работа по обнаружению глубинных проблем, которые тормозят процессы развития сферы культуры и из-за которых постоянно возникают «дыры». Для эффективного поиска здесь необходимо применение технологии прикладного политического анализа.

В политической практике политический анализ включает в себя три основных этапа. Первый – это анализ сложившейся ситуации, т.е. состояние сферы культуры, влияющих на нее факторов окружающей среды и характер взаимодействия между всеми политическими субъектами, общественные запросы в определенный момент времени и т.д. Следует учитывать тот факт, что полученные результаты могут отличаться в зависимости от используемого в исследовании подхода.

Далее следует политическое прогнозирование, когда на основании полученных результатов разрабатываются научно обоснованные суждения о вероятных вариантах развития процесса, состояния организаций культуры, поведения политических субъектов и т.д. в будущем, обозначенном определенными сроками, которые связаны с возможностью оперативной реакцией на них в виде политических решений. Сложность прогнозирования развития интересующего нас предмета заключается в том, что влияние культурной деятельности на общество имеет так называемый «отложенный результат», подвержено влиянию огромного количества различного рода факторов и здесь преобладают качественные, а не количественные показатели. Например, влияние организаций культуры на социализацию личности проявится более-менее явно только в будущем в различных аспектах деятельности человека. Поэтому здесь прогнозы, основанные на количественном представлении (например, суммы финансирования, количество посещений в музее, постановок в театре, выпускников музыкальных школ и т.п.) на наш взгляд носят достаточно условный характер и указывают только на распространение культурных ценностей, но не на их усвоение (а без последнего организации культуры не выполняют своих функций).

Заключительным этапом в политическом анализе является принятие политического решения. Это осуществляется посредством выбора из нескольких альтернативных вариантов наиболее оптимального, который ляжет в основу государственной политики в сфере культуры и легитимации его, т.е. оформлении в виде закона или иного нормативного акта, обязательного к исполнению. Здесь важно иметь в виду, что сфера культуры находится в постоянном динамическом развитии, и это требует постоянного совершенствования законодательства.

Чтобы принятое политическое решение не оставалось декларацией, необходима эффективная система его реализации, которая включает в себя несколько элементов: правовой, экономический, организационный, и кадровый (профессиональный)[2]. Они объединяются между собой в различных вариациях, в значительной мере определяя сам характер государственного регулирования культуры.

Под правовой составляющей мы понимает совокупность действующего законодательства, на которые опираются как органы исполнительной власти при осуществлении своих управленческих

функций, так и субъекты культурной деятельности. Существенным является непротиворечивость всех законов друг другу и обязательное их исполнение, чтобы декларируемые цели и задачи не расходились с реальностью их реализаций.

Значительную роль играет организационный элемент – совокупность всех участвующих в реализации принятых решений организаций, как государственных, так и негосударственных. Существующие между ними взаимодействия должны носить, прежде всего, горизонтальный характер, в основе которого находятся диалог, политическое партнерство, взаимоответственность[3].

К экономическим механизмам относят, как правило, финансирование, где сочетаются государственные, бюджетные и негосударственные (прежде всего благотворительные) средства, собственные доходы, система налогообложения и т.п.

Государственное финансирование сферы культуры определяется бюджетом, который является важнейшим ресурсом, обеспечивающим возможность для государства выполнять свои социальные функции, реализацию прописанных и прав и свобод. Здесь можно выделить два основных принципа, которых придерживаются органы власти. Первый из них исходит из того, что сфера культуры в своем функционировании должна сама добывать себе финансовые средства. Роль государства же сводится к вполне факультативному участию. Полярная точка зрения утверждает, что культура выступает сильнейшим средством воспитания населения, и поэтому государство должно максимально использовать эту возможность влиять на население, а на это следует выделять достаточно количество финансовых средств.

В любом случае возникает вопрос справедливого распределения финансовых средств и организации их получения. В мировой практике относительно этого сложилось несколько позиций:

1) компенсация труда, затраченного на производство товаров и услуг. Этот принцип должен быть связан с принципами свободного творчества и на практике выражаться в том, что оценка качества творческой деятельности и выбор проектов государственного финансирования возлагается на экспертные органы, а не на чиновничий аппарат;

2) распределение функций финансирования сферы культуры по уровням власти и партнерское участие в финансировании бюджетов разных уровней;

3) стимулирование организаций культуры к поиску внебюджетных источников финансирования и развитие смешанных государственно-частных форм финансирования[4].

Ряд направлений культурной деятельности объективно нуждается в государственной поддержке. Бюджетное финансирование в данном случае обеспечивает выполнение организацией возложенных на нее функций, прописанных в соответствующих (уставных) документах. Государство содержит культуру на деньги налогоплательщиков и поддерживает то, что ни при каких обстоятельствах не может быть передано в частные руки и должно принадлежать всем[5], и где рыночные механизмы приведут только к негативным последствиям.

Значительным недостатком, присущим системе финансирования социальной сферы в нашей стране (а расходы на культуру относятся к социальным расходам) является стремление применить здесь модель, сложившуюся в ином государстве. Но изучение опыта других стран, позволяет говорить, что в каждой стране формируется своя модель финансовой поддержки сферы культуры, адекватная существующим здесь традициям, и слепое копирование того или иного образца эффективного для другого государства в России может только усугубить ситуацию.

Все большее значение приобретает кадровый, или как его еще можно назвать профессиональный, элемент, под которым мы будем подразумевать компетентность, профессионализм и уровень общего развития людей, разрабатывающих и реализующих политику в сфере культуры, поскольку политика в значительной степени подвержена влиянию личных качеств участвующих в ней. Одна и та же объективная культурная потребность может быть выражена в самых разных политических решениях и удовлетворяться различными способами, что во многом зависит от усмотрения лиц, правомочных это решение принять[6].

Отношение политиков и чиновников иногда выступает определяющим фактором. Если они осознают важность влияния организаций культуры на развитие общественных отношений, то регулирование сферы культуры будет носить эффективный характер. Если же для них это скорее необходимая и обременительная нагрузка, нежели потребность, то будет применен «остаточный» принцип не только в вопросах финансирования, но и в целом внимание ей уделяемого.

Л. Востряков, выделив две группы людей, отвечающих за политику в сфере культуры – администраторов (работающих в органах власти) и менеджеров (руководителей организаций культуры) сферы культуры, справедливо обратил внимание, что изучение их социальных, социально-психологических особенностей, ценностных ориентаций и мотивационных предпочтений[7] позволили бы более эффективно реализовывать стратегии развития культурной сферы страны. Здесь будет уместно вспомнить определение основных характеристик руководителя И. Бэббита в труде «Демократия и руководство»: «Такой человек избирается в качестве образца для подражания примеры, настолько превышающие его собственные возможности, что он чувствует себя недостойным их. Вот тогда-то он и сам становится достойным подражания образцом и поэтому может стать руководителем»[8].

Ни один из вышеназванных элементов реализации государственной политики в сфере культуры не является превалирующим над остальными. Каждый выполняет ряд функций, и только их оптимальное сочетание и использование позволит сделать регулирование культурной деятельности эффективным.

Содержание третьего этапа государственной политики – оценивание полученных результатов – вызывает много споров, как у исследователей, так и практиков. Сущность его состоит в том, чтобы собрать данные о результатах предпринятых действий и провести их анализ с целью совершенствования политики или повышения качества принимаемых решений. Возникающие же трудности связаны с тем, и ранее мы о них уже говорили, что определяемые критерии оценки результатов для культуры сложны и неоднозначны и носят достаточно условный характер. В существующей практике за «результат» часто выдается сам процесс ее предоставления, хотя результатом является не то, что ей произведено, а то, что ей изменено. Несмотря на это, чаще всего в сфере культуры основными показателями по-прежнему остаются параметры процесса: число посетителей, читателей, спектаклей, экскурсий, лекций и т.п. Результат же описывается обычно в неизмеримой форме: «патриотическое воспитание», «эстетическое удовольствие», «повышение культурного уровня»[9].

Из многочисленных существующих точек зрения на эту проблему нам представляется удачным подход А. Лебедева, который выделяет три группы услуг, требующих необходимости оценивания с позиции результатов политики в сфере культуры: 1) услуги, ориентированные на формирование личности (стиля и образа жизни); 2) услуги, ориентированные на формирование сообщества (культурно-досуговые); 3) услуги, ориентированные на повышение качества городской (сельской) среды; 4) услуги, обеспечивающие самовоспроизводство сферы культуры (подготовка кадров, охрана и реставрация памятников и др.)[10].

Конечно, предложенный способ не решает проблемы оценки результатов, но позволяет перейти от количественных показателей к качественным. В целом же необходимо рассматривать результат государственной политики в сфере культуры и оценивать его не только в рамках необходимости развития самой культурной деятельности, но и с учетом их влияния на развитие территории и повышения благосостояния населения.

Содержание, объем и значение каждого из вышеназванных этапов не является чем-то конечно заданным и может меняться в зависимости о ситуации в сфере культуры, состояния окружающей среды, культурных потребностей общества и т.д.

Примечания

[1] Понятие «культура» обладает значительным количеством определение (более 500), поэтому необходимо обозначить нашу позицию относительно того, что именно мы относим к сфере культуры, говоря о ней как об объекте политическом регулировании. Анализ существующих исследований, посвященных данному вопросу позволяет говорить о широком и узком понимании этой проблемы. В первом случае, этот процесс определяют как «культурная политика», подразумевая под ней стратегию, генеральное направление развития общества в целом, которая является неотъемлемой частью всех направлений государственной политики и человеческой деятельности, отражающей ее ценностные, нравственные, нормативные аспекты и их формирование и осуществляющей по отношению к ним интегративную функцию. Разработка и реализация культурной политики – это забота всего общества, поскольку культура в данном случае есть способ его существования. Во втором случае, говорят о более узком понимании этого феномена, как совокупности регулирующих действий,

направленных на различные виды специализированной деятельности, такие как создание, изучение, сохранение, распространение и потребление культурных ценностей, реализуемых посредством культурных институтов, таких как музеи, библиотеки, театры, концертные организации и т.п. Политическое регулирование, на наш взгляд, возможно только по отношению ко системе культурных институтов и государство выступает в этом процессе одним из субъектов, наравне с гражданским обществом и бизнесом.

[2] *Карпухин О.И.* Культурная политика государства в условиях реформирования общества: Автореф. ... д-ра социол. наук. – М., 1997. – С. 24.

[3] *Горлова И.И.* Культурная политика в современной России: региональный аспект. Учеб. пособие. – Краснодар, 1998. – С. 104.

[4] *Богачева О.* Государственное финансирование сферы культуры и искусства (опыт индустриально развитых стран) // Вопросы экономики. – 1996. – №10. – С. 64–65.

[5] Материалы заседание клуба «Свободное слово» от 24 марта 2004 года «Культура и государство». Выступление В.М. Межуева [Электронный ресурс] // http://slovo.netda.ru/kss_text/040324kss.htm.

[6] *Балакшин А.С.* Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2004. – Вып. 1(3). – С. 374.

[7] *Востряков Л.Е.* Региональная культурная политика: взгляд из регионов // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира. Материалы III Международной научной конференции. Вып. 3. Электронная культура и новые гуманитарные технологии XXI века. – М., 2004. – С. 313–314.

[8] Цит. по.: *Абанкина И.В., Абанкина Т.В.* Влияние экономических концепций на формирование стратегий развития в сфере культуры // Программирование культурного развития: региональные аспекты. – М., 1994. – С. 77–78.

[9] *Лебедев А.* Что такое результат в культуре // Журнал «60 параллель» [Электрон ресурс] – 2004. – № 12 // http://journal.60parallel.org/ru/journal/2004/12/77

[10] Там же.

И.Д. Лопатин

О ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современной лексике слово «экстремизм» укоренилось очень прочно. О борьбе с экстремизмом каждый день кричат СМИ, даже организуются «антиэкстремистские отряды» из числа молодежи, вроде бы и меры принимаются для борьбы с этой напастью самые серьезные, однако… масштабы экстремизма только растут и количество экстремистских проявлений (и «качество») только увеличиваются. Только за сентябрь-октябрь 2006 года мы можем назвать множество крупномасштабных акций применения немотивированного насилия (что суть и является экстремизмом). Это и погромы в карельской Кондапоге, это и осквернение синагог и мечети (в Ярославле), это и жестокие побоища (в Ярославле и Москве) после футбольных матчей, ставшие уже, к сожалению, традиционными. Упомянув увеличение масштабов распространения в последнее время экстремистской активности, отметим такое новое явление, как нападение на мечеть и осквернение мусульманских могил (ранее осквернялись только еврейские).

Почему же происходит столь катастрофическое разрастание масштабов применения немотивированного насилия? И закон против экстремизма у нас был принят еще в 2002 году, и проблема обсуждается на самом высоком уровне, вплоть до президента страны, проводятся многочисленные конференции, посвященные проблематике экстремистских проявлений. Можно подойти к вопросу и с другой стороны. Как известно, основной «движущей силой», так сказать, экстремисткой деятельности является молодежь, то есть люди в возрасте от 14 до 30 лет. В этой области государственными органами тоже что-то вроде делается (национальные проекты, программы и прочее, однако мы все также видим молодых людей главными действующими лицами различных экстремистских акций); не хочется повторяться, но все то, что мы перечислили выше, сделано именно людьми 14–30 лет. Таким образом, мы можем констатировать следующий факт: несмотря на все разговоры и мероприятия, производимое государством и обществом, не достигнуто

© И.Д. Лопатин, 2006

даже минимального прогресса, наоборот, в деле противодействия немотивированному насилию (экстремизму) мы видим лишь регресс.

В общем, что же есть такое этот пресловутый экстремизм, с которым общество и государство якобы постоянно и серьезно борются? Мы не считаем возможным дать развернутую характеристику данному явлению, вкратце экстремизм – это насилие, применяемое сверх меры, необоснованное по отношению к конечной цели. Таким образом, экстремизм не может проявляться только в политике. Его проявления можно встретить и в экономике, и в социальной сфере, и в религии, и, в принципе, везде, где имеется определенный интерес, связанный с получением материальных благ. Однако это только одна из граней, практически ежедневно экстремистские проявления, не связанные с получением материальных благ попадают сводки новостей (и это проявления экстремизма масс). Подобные явления связаны с господствующими в массовом сознании ценностными установками. В случае: Россия, октябрь 2006 года, главное, ведущая ценностная установка в сознании масс – насилие, нетерпимость, враждебность. И не стоит наивно считать, что раз в экстремистских действиях участвует только молодежь, другие слои социума не подвержены подобным установкам в сознании. Дело обстоит как раз наоборот – видимое насилие есть лишь верхушка айсберга. Один из величайших в российской истории государственных деятелей П.И. Столыпин в свое время сказал о толпе бунтующих студентов: «подождите, в скором времени все они станут вполне добропорядочными чиновниками». Это и есть наше возражение тем исследователям, которые считают, что склонность к экстремистским действиям социальной группы населения от 14 до 30 лет есть какой-то особый, «молодежный» экстремизм. Суть в том, что основа толпы, массы, всегда, во все времена, была молодежь. Происходит это, однако, вовсе не потому, что молодежь более или менее склонна к экстремизму, чем более старшие поколения. Все дело в том, что время физиологической зрелости не соответствует времени социальной, то есть человек может быть физиологически и психологически к созданию семьи, к взрослой жизни вообще, однако ввиду того, что живет в социуме, он не может физически ощущать себя полноценным членом мира взрослых, таким образом, чтобы занять определенное место в социуме требуется время, образование и просто определенный жизненный опыт. Для молодого человека самое важное – четко представлять свое место в обществе. В современной же России чаще всего этого ему не удается. Прибавив к сему отсутствие (незначительные подвижки в последний год – не в счет) какой бы то ни было политики государства в области молодежи, мы как раз получаем именно то, что имеем, а конкретно – то огромное количество свободного времени, возникающего в следствие незанятости большинства молодых людей серьезным делом; они посвящают экстремистской деятельности именно это свободное время.

Экстремизм многогранен и многолик. Это не только погромы и осквернение могил, не только убийства иностранных студентов и прочих граждан «некоренных национальностей». Грубое нарушение ПДД тоже есть экстремизм (как иначе квалифицировать движение на автомобиле со скоростью 150 км/ч по нашим дорогам при максимально разрешенных 90 км/ч, мы еще удивляемся почему сводки о ДТП похожи на сводки с полей сражений настоящей войны, почему 55 тысяч человек гибнет на дорогах ежегодно).

«Массами правит власть внушенных идей» – сложно сказать лучше классиков. Если с «голубого экрана» идет сплошной поток насилия и лжи, а в современном обществе именно электронные СМИ есть основной фактор формирования массового сознания, сложно требовать от общества «толерантности, гуманизма, уважения естественных прав человека». Именно телевидение, как это ни печально, в современном обществе (в России) является ведущим фактором в деле воспитания личности и, соответственно в формировании ценностных установок. Это – факт, это – данность. Уже сотню лет мы живем в массофицированном обществе. Потому не стоит удивляться или негодовать по тому поводу, что половина населения страны смотрит «Дом-2» и действия его омерзительных героев являются главной темой молодых (и не только) людей в России.

Может быть, нам лучше вернуться к старому доброму комсомолу? И, соответственно, к цензуре на ТВ, печати, в литературе, не допуская к массовой публикации всяких Сорокиных? Разговоры (точнее, разглагольствования) о демократии, «толерантности», правах человека пока ничего нашему народу и цивилизации хорошего не принесли. Зато принесли: рост в десятки раз (по сравнению с СССР) числа наркоманов, даже по

официальной статистике МВД, а реально – гораздо больше, рост процента числа преступлений на душу населения, главным образом – тяжких и особо тяжких, при том, что значительная часть их не регистрируется официально, превышение смертности над рождаемостью, 2 миллиона абортов в год. Вкупе с глобальными проблемами (прежде всего – коррупция, которая стала образом жизни и другими), невиданными в России доныне (разрыв поколений, политическая апатия масс и много чего еще) – возникает вопрос – не пора ли остановиться, вернутся к нашим традициям? Не пора ли осознать, что эксперимент по созданию общества западного типа на российской почве не удался?

На наш взгляд, пора вернуться к ценностям той России, которую мы, в результате катаклизмов (1 мировой войны, революции 1917 года, переворота 1917 года), потеряли. Как это сделать, конечно, вопрос, заслуживающий специального рассмотрения, однако, в первую очередь, по нашему мнению, необходимо отказаться от «единственно верной» системы организации общества и государства, скопированной с США.

В.А. Смирнов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В современной социологии термин «молодежная политика» употребляется достаточно часто, при этом в большинстве случаев авторы наполняют это понятие различным смыслом. Ситуация осложняется тем, что термин «молодежная политика» активно используется в обыденной речи, а также в текстах и выступлениях политиков, чиновников, представителей общественности. Важно и то, что в РФ сформировалась целая сфера жизнедеятельности общества, носящая название молодежной политики и включающая в себя расположенную в горизонтальной и вертикальной плоскости систему учреждений, ведомств, институтов, социальных и политических практик. В большинстве случаев интуитивно понятно о чем идет речь, когда говорится о молодежной политике, тем не менее, есть потребность в более глубоком прояснении сущности данного феномена. Это вызвано тем, что сегодня само понятие молодежной политики вышло за рамки традиционного ее восприятия, характерного для начала 1990-х годов, когда в России шел бурный процесс становления и апробации разнообразных моделей работы с молодежью. В контексте того времени молодежная политика рассматривалась, в первую очередь, как деятельность государственных органов, направленная на оптимизацию жизнедеятельности молодого поколения россиян. Государство инициировало создание особого института, который был призван теоретически, нормативно и технологически обосновать и обеспечить работу с молодежью. Слабость молодежных общественных объединений, не развитость партийной системы России, неготовность большинства институтов гражданского общества работать в «молодежном поле» – все это вело к тому, что государство оказалось единственным актором, реализующим молодежную политику. Именно поэтому в отечественных научных и общественных дискурсах 1990-х понятия «молодежная политика» и «государственная молодежная политика» рассматриваются как синонимы. Это не значит, что в исследованиях отсутствует указание на важную роль самой молодежи и молодежных объединений в реализации молодежной политики. Речь идет о том, что в контексте научных работ, нормативных документов, публичных выступлений молодежным объединениям отводится роль участников реализации государственной молодежной политики. Другими словами, субъектом деятельности могут выступать как государство, так и молодежные организации, но последние реализуют те направления и приоритеты, которые были сформулированы государственными структурами.

Сегодня в России продолжается процесс социальной трансформации. Затронул он и ситуацию российской молодежи, что не может не отразиться на особенностях реализации молодежной политики. Современное российское общество характеризуется ростом интереса к молодому поколению, в первую очередь, с утилитарной, потребительской точки зрения. Государство, в лице Правительства, Государственной Думы, Ад-

© В.А. Смирнов, 2006

министрации Президента РФ, напуганное чередой «оранжевых» революций на постсоветском пространстве, вынуждено пересмотреть основы государственной молодежной политики, оптимизировать социальную политику в отношении молодого поколения. Политические партии и крупные общероссийские общественные объединения видят в молодежи ресурс для своего общественно-политического развития, продвижения своих идей, завоевания политической власти. Российский бизнес посредством рекламы, акций, теле и Интернет проектов формирует в молодежной среде основы культуры потребления, ценности консюмеризма, новые модели и образцы поведения. Таким образом, сегодняшняя российская молодежь становится важным стратегическим ресурсом для самых разных общественных и политических сил. И если раньше их действия носили скорее стохастический несистемный характер, то сегодня они приобретают форму целенаправленной, системной молодежной политики.

В связи с этим, возникает потребность рассматривать современную молодежную политику в более широком понятийном контексте, в первую очередь, как деятельность по социализации молодого поколения, формированию у него определенных жизненных стратегий и практик, форм и способов восприятия действительности, ценностных и нормативных ориентаций. Современность отличается постоянным увеличением количества агентов социализации молодежи, в связи с чем, молодежную политику можно трактовать как многовекторную систему включения молодого поколения в жизнедеятельность общества. В рамках концепции социальных полей, предложенной и разработанной П. Бурдье, молодежная политика предстает как особое поле, в котором происходит конкуренция разных акторов (государство, церковь, политические партии, общественные объединения, бизнес, семья) за особый ресурс – будущее поколение. Основным предметом конкуренции выступают ценностные ориентации, жизненные стратегии, модели поведения молодого поколения.

Сегодня в разнообразных отечественных социологических, политологических, публицистических дискурсах термин «молодежная политика» имеет как минимум три значения. Во-первых, под молодежной политикой понимается деятельность государства и некоторых общественно-политических институтов (политические партии, молодежные общественные объединения и др.), ориентированная на решение молодежных проблем, включение их в жизнедеятельность общества и т.д. Именно в этом смысле говорят о государственной и общественной молодежной политике. В этом же контексте мыслит большинство отечественных исследователей данного феномена. Во-вторых, молодежная политика употребляется для идентификации особой сферы деятельности государства, представленной рядом учреждений и организаций, реализующих государственную политику в области молодежи. В-третьих, в последнее время в общественный дискурс все активней входит понимание молодежной политики как особой деятельности молодежи, принимающей участие в политических процессах, протекающих в современной России. В данном случае молодежная политика интерпретируется как деятельность политических партий, молодежных общественно-политических движений по включению молодого поколения в политическую систему общества.

В рамках декларируемого нами подхода термин «молодежная политика» является не совсем адекватным для описания социальных явлений, находящихся в фокусе нашего анализа. Дело в том, что интерпретация понятия «политика» уводит исследователя либо только в сферу «государственных дел», либо заставляет анализировать социальную активность крупных общественно-политических институтов, при этом имеющих еще и четкую стратегию в отношении молодежи (к ним, безусловно, можно отнести политические партии, молодежные общественные объединения, в последнее время и крупные бизнес-корпорации). Действительно, трудно говорить о целенаправленной политике родителей по отношению к своим детям, дворовой компании по отношению к ее участникам и т.д. В тоже время, если обратиться к веберовской традиции в трактовке политики, понимаемой как любое управление, то в данном случае все встает на свои места. Мы трактуем понятие «политика» именно в таком широком смысле, понимая ее как процесс управления, влияния, изменения окружающей социальной действительности.

Мы предлагаем собственную концептуальную модель молодежной политики, как особого социального института, призванного обеспечить воспроизводство духовной, ценностной, ментальной сфер общества. В таком контексте молодеж-

ная политика предстает не только как забота государства в сфере национальной безопасности и самосохранения, но и как своеобразный социальный «инстинкт» всего общества, как потребность в сохранении и продолжении духовной традиции. Молодежная политика представлена достаточно широким спектром разнообразных форм социальной активности, реализуемой самыми различными социальными общностями и институтами. Основным содержанием этой активности является процесс повышения качества социализации молодого поколения, как с точки зрения процесса, так и результата. Социализацию мы рассматриваем как двусторонний процесс: интериоризация, адаптация и социальное творчество. Под социальным творчеством мы понимаем способность к продуцированию новых социальных практик, статусов, ритуалов, смыслов, норм, социальных общностей и сетей. По мере изменения социального статуса молодого человека, закрепления его в социальной структуре общества адаптационные процессы начинают превалировать над инновационными.

Любое общество заинтересовано в реализации обоих процессов. Усвоение новым поколением традиций, ценностных ориентаций, базовых интегральных смыслов и идей, формирующих социальную идентичность, является необходимым условием существования социума. В то же время, инновационные процессы, социальное творчество несут в себе возможности для развития и прогресса. В связи с этим, перед любым обществом встает вопрос о необходимости обеспечения баланса традиционных и инновационных составляющих процесса социализации молодого поколения. По нашему мнению, действия, предпринимаемые в этом направлении, и есть молодежная политика, понимаемая как стратегия и тактика общества в отношении нового поколения, реализуемая в целях сохранения баланса между консерватизмом и инновационностью. Социальный механизм, называемый нами молодежной политикой, сформировался задолго до появления самого этого термина и выделения целого направления в деятельности государства. Социальные практики оптимизации вхождения молодежи в жизнедеятельность социума имеют многолетнюю историю. В связи с этим, особой задачей государства является выявление и поддержка этих практик.

Вышеизложенное позволяет говорить о реализации молодежной политики на нескольких уровнях.

1. Концептуальная модель молодежной политики. В любом обществе существует некое общее понимание того, что такое молодое поколение, каково его предназначение, миссия, каковы принципы отношения общества к молодежи, особенности системы воспитания и т.д. Это самое общее представление является важным источником социальных социализирующих практик, а так же деятельности государства в сфере управления развитием молодого поколения. Концептуальная модель формулируется на уровне мирового сообщества и отдельной нации. Она включает в себя следующие элементы:

– цели молодежной политики, как наиболее общие представления о результатах социального воспитания молодого поколения;

– принципы молодежной политики, включающие в себя представления о базовых ценностно-нормативных характеристиках социального механизма, обеспечивающего социализацию молодежи и обеспечение преемственности между поколениями;

– стратегии, формы и методы реализации молодежной политики. Включает в себя представление о возможных и приемлемых методах реализации молодежной политики.

Концептуальная модель молодежной политики базируется на парадигме молодежи, доминирующей в обществе. Так, если на Западе и постепенно в России ученые, политики, общественные деятели все больше склоняются к парадигме «молодежь как проблема», то, соответственно, это обстоятельство определяет цели, задачи, принципы, стратегии и формы реализации молодежной политики.

2. Целенаправленная социализирующая деятельность. На данном уровне реализуются системные, целеориентированные действия и мероприятия, касающиеся молодого поколения. Эти действия осуществляются государственными и общественными институтами. Именно данный уровень присутствует сегодня в большинстве исследований, посвященных проблемам российской молодежной политики. К нему мы относим деятельность государственных органов (министерств, ведомств, учреждений) и институтов гражданского общества по отношению к молодому поколению.

3. Повседневные социализирующие практики. Социализация молодого поколения – во многом стихийный процесс. Лишь небольшая часть жизнедеятельности молодежи протекает в рамках официальных институтов, реализующих сис-

темную молодежную политику. В большинстве случаев молодой человек в современном информационном обществе является элементом большого количества социальных сетей, как реальных (семья, друзья, дворовые компании, общественные объединения и т.д.), так и виртуальных (Интернет-сообщества, форумы, смс-чаты и т.д.). Эти агенты определяют пространство повседневной жизнедеятельности молодежи, в том числе, формируя у них ценностные и поведенческие модели, жизненные планы и стратегии, что, безусловно, оказывает влияние на дальнейшее развитие всего общества в целом. В связи с этим, повседневные молодежные практики также являются важным социализирующим фактором, и включаются нами в механизм молодежной политики.

Важным условием эффективной молодежной политики является гармонизация всех ее уровней. В ситуации, когда все три уровня реализации молодежной политики согласованы, общество развивается конструктивно, смена поколений происходит практически безболезненно, в социуме сохраняется баланс между консервативностью и инновационностью. В данном случае, мы не говорим о том, что изменяется природа молодости, с ее стремлением к разрушению старого и поиском собственной социальной идентичности. Говоря о гармоничности уровней молодежной политики, мы имеем ввиду то, что общество становится более толерантным по отношению к молодому поколению, осуществляя социализирующее воздействие в едином направлении по всем каналам социализации. Речь не идет о возвращении к авторитарной модели социализации молодого поколения, имевшей место в Советском Союзе. Мы говорим о неких общих принципах, на которых должна строиться работа общества с молодым поколением. В связи с рассмотрением проблемы гармонизации возникает вопрос о различных видах рассогласований в структуре молодежной политики. По всей видимости, можно выделить три типа такого рассогласования.

1. Рассогласование между концептуальной моделью молодежной политики и ее конкретным деятельностным воплощением в практике функционирования общественно-политических институтов, работающих с молодежью. Смысл подобного явления заключается в том, что декларируемые цели, ценности, методы и формы работы с молодежью на практике не реализуются или превращаются в свою противоположность. Так в частности, на концептуальном уровне сегодня провозглашается тезис о субъектной роли самой молодежи в реализации молодежной политики и решении своих проблем, на практике же во многих регионах РФ участие молодежи сводится к имитации ее активности и включенности в процесс принятия решений. Создается огромное количество молодежных советов, правительств, парламентов и других форм молодежного самоуправления, при этом не одна из этих структур в действительности не имеет никакого реального политического веса. Важнейшей идеей последних лет, активно пропагандируемой на уровне концептуальной модели молодежной политики, является ценностный образ толерантной, открытой для других культур и субкультур молодежи. При этом, курируемому Администрацией Президента антифашистскому движению «Наши» разрешается проведение акций против неугодных чиновников, радикальных молодежных субкультур, посольств других государств (события вокруг антироссийской политики в Прибалтийских государствах), невписывающихся в стратегию международной политики России и т.д.

Такое несоответствие между декларируемыми принципами, целями, стратегиями воспитания молодежи и реальной деятельностью официальных институтов, заявивших о себе как агентах социализации, ведет к росту абсентеизма в среде молодежи, аномии, неверию в возможность конструктивного диалога с институтами политической системы и гражданского общества.

2. Рассогласование между концептуальной моделью и повседневными социальными практиками молодежи. В основе данного типа рассогласования лежит несоответствие стратегических позиций, сформулированных на мировом или национальном уровне тем социальным практикам, с которыми молодые люди сталкиваются в повседневной жизни. Концептуальная модель российской молодежной политики включает в себя стратегии решения многих социальных проблем молодежи. В частности, в нашей стране декларируется право молодых людей на получение бесплатного образования, в тоже время практика обучения в вузе демонстрирует целым социальным группам молодежи, что многие вопросы обучения решаются только путем дачи взятки в самых различных формах. Новая молодежная политика российского государства концептуализированная в ряде национальных проектов провоз-

глашает решение насущной молодежной проблемы, особенно типичной для провинции – получение собственного жилья. В большинстве регионов разработана и действует программа «Молодая семья», в рамках которой молодые семьи могут получить кредит на покупку или строительства жилья. В действительности же система имеет столько ограничений и условностей (начиная от возрастных ограничений и заканчивая в несколько раз заниженной стоимостью квадратного метра жилой площади, на основании которой и предоставляется кредит), что большая часть молодых людей, при всем желании, не может воспользоваться проектами, предлагаемыми государством. В результате, в сообществе молодых людей на первое место выходят процессы индивидуализации и попытки решения собственных проблем за счет ближайшего сообщества и традиционных патронажных практик, реализуемых родственниками, близкими друзьями и т.д. В итоге общество оказывается в ситуации, когда модель вхождения молодого поколения в жизнедеятельность социума включает в себя все необходимое для достаточно мягкого транзита, но в тоже время реальная жизнь достаточно сильно расходится с декларируемыми проектами. Такая ситуация приводит к третьему типу рассогласований – между деятельностью институтов социализации и реальными социальными практиками молодого поколения и ближайшего сообщества по решению проблем и вхождению в социальную структуру общества.

3. Рассогласование между деятельностью общественно-политических институтов, реализующих деятельность по социализации молодежи, и реальными поведенческими схемами, реализуемыми современной российской молодежью, частично было рассмотрено выше. Мы уже отмечали, что процент молодых людей, верящих в помощь государства, других общественно-политических институтов очень невысок. В современной России молодежь и молодежная сфера существуют параллельно друг другу, практически не пересекаясь в базовых, наиболее значимых для молодежи полях. Особенно это характерно для провинции, где социальный старт молодого поколения затруднен и ограничен еще и социально-экономическими характеристиками региона. Региональная молодежная политика во многих регионах РФ, представляет собой бюрократическую, иерархичную систему, в большей степени ориентированную на воспроизводство самой себя, нежели на реальное решение молодежных проблем.

Таким образом, сегодня, в условиях трансформации российского общества, можно наблюдать рассогласование уровней молодежной политики, несоответствие декларируемых государством проектов и повседневных социальных практик молодого поколения. Это ведет к усложнению транзита молодежи, росту экстремистского и радикального поведения, недоверию по отношению к государству и политической системе в целом. В такой ситуации необходима целенаправленная деятельность государства по гармонизации всех уровней молодежной политики, поиску адекватных современности методов решения молодежного вопроса.

Л.И. Соколова

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политические партии являются одним из основных институтов в функционировании гражданского общества, задачей которых является то, что данные общественные объединения призваны выражать политическую волю гражданского общества, и участвовать в реализации государственной политики.

Но политические партии, в отличии от других общественных объединений и юридических лиц в целом, с одной стороны являются субъектами гражданского права, с другой выступают как субъект права публичного, так как непосредственно участвуют в государственно-правовых отношениях. Это порождает особый статус политических партий, отличающийся от правового статуса других общественных объединений.

Особый статут политических партий закреплен в первую очередь в Федеральном законе «О политических партиях». Основные аспекты жизнедеятельности политических партии как основных субъектов избирательного процесса регламентированы данным законом.

© Л.И. Соколова, 2006

Согласно Федеральному закону «О политических партиях» одной из важнейших целей создания политических партий является ее участие в выборах. При этом законодатель не просто декларирует эту важную особенность политических партий как института гражданского общества, а нормативно обеспечивает ее реализацию, причем не только в законе о политических партиях, но также в избирательном законодательстве. Это проявляется, прежде всего, в том, что основным субъектом избирательного процесса признаны политические партии.

Политическая партия является добровольческим самоуправляющим негосударственным общественным объединением. Вместе с тем партии – это один из базисных институтов политической системы общества, способствующей воспроизводству и ротации политической элиты. Существование политических партий в равной мере невозможно как без общества, с его многообразными интересами, агрегирование и представительство которых осуществляют партии, так и без государства, олицетворяющего публичную власть в обществе. В отличии от других объединений, действующих на политической арене (профессиональных и предпринимательских союзов, так называемых групп давления), партии, преследуя собственные политические цели, открыто борются за места в парламенте и правительстве, дающие возможность осуществлять управление государством, а через него – всем обществом. Консолидируя политические интересы граждан, они способствуют формированию политической воли народа[1].

Двойственная природа политических партий имеет свое нормативное измерение. С одной стороны, принадлежность партий к общественным объединениям предполагает распространение на нее принципов организации и деятельности, общих для всех видов общественных объединений. С другой стороны, тот факт, что основным предназначением партии является ее участие в политической жизни общества, обуславливает потребности в более предметном по сравнению с иными общественными объединениями правовом регулировании порядка ее создания, деятельности и внутреннего устройства. Это может выражаться в дополнительных требованиях, предъявляемых к ее территориальному масштабу деятельности, численности, основам внутреннего устройства.

Согласно Федеральному Закону «О политических партиях» политической партией может являться общественное объединение, отвечающее следующим требованиям:

– данное объединение имеет региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, при том, что в субъекте Федерации может быть создано только одно ее региональное отделение;

– в данном объединении должно состоять не менее пятидесяти тысяч членов, при этом в более чем в половине субъектов РФ политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее пятисот членов (на основании п. 6 ст. 23 настоящего Федерального закона). В остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее двухсот пятидесяти членов политической партии;

– руководящие и иные органа объединения, его региональные отделения и иные структуры должны находиться на территории Российской Федерации.

Устав и программа политической партии должны содержать информацию о целях и задачах. Вместе с тем основными целями политической партии являются: 1) формирование общественного мнения; 2) политическое образование и воспитание граждан; 3) выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти; 4) выдвижение кандидатов в законодательные (представительные) органы государственной власти и представительные органы местного самоуправления, участие в выборах в указанные органы и в их работе (ст. 3, п. 4).

Согласно закону, в случаях предусмотренных уставами политических партий в региональных выборах, то есть в выборах органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления в этих субъектах Федерации вправе участвовать от имени парии их региональные отделения. Уставы политических партий могут содержать положения, напрямую предоставляющие право региональным отделениям участвовать в региональных выборах субъектов Российской Федерации, в которых зарегистрированы региональные отделения, а также положения определяющие круг полномочий региональных отделений, таких как право выдвигать кандидатов (списки кандидатов), право пре-

доставлять кандидатуры для назначения членами избирательной комиссии, как с решающим, так и с совещательным голосом, право образовывать избирательные блоки, право отзывать кандидата (списки кандидатов), по основаниям предусмотренным уставом, назначать наблюдателей.

В других случаях Уставы политических партиях может определять орган, который вправе принимать решения о наделении правом участия в выборах региональных отделений и порядок наделения таким правом. По усмотрению политической партии может быть определенный порядок, когда не все региональные отделения наделяются правом самостоятельно участвовать в выборах, а только те, которые соответствуют определенным требованиям, либо при наличии определенных условий. Может быть предусмотрен порядок предварительного согласования кандидатур выдвигаемых региональными отделениями с тем или иным органом партии, а также право региональных отделений наделять правом участия в выборах в органы местного самоуправления местных отделений, в случае их государственной регистрации. При этом непреложным является требование о соблюдении тайного голосования при выдвижении кандидатов.

Таким образом, региональные отделения политических партий вправе участвовать в региональных выборах, при наличии следующих условий

1. Политическая партия, региональным отделением которой является данное отделение, имеет государственную регистрацию в федеральном регистрирующем органе.

2. Политической партией до назначения выборов представлены в Минюст России документы, подтверждающие государственную регистрацию не менее 45 региональных отделений и наличие 10 тысяч членов.

3. Региональное отделение само зарегистрировано в регистрирующем органе субъекта Российской Федерации.

4. Региональное отделение наделено правом участия в выборах либо уставом партии, либо уполномоченным на то уставом партии руководящим органом политической партии.

Обобщая высказанное отметим:

– Согласно нормам Федерального закона «О политических партия» одной из основных целей создания политической партии является ее участие в выборах. Участие в выборах считается основным квалифицирующим признаком политической партии. Более того, участие в выборах – обязанность политической партии.

– Политическая партия вправе участвовать в выборах и референдумах самостоятельно, а также вступать в избирательные блоки с другими политическими партиями , иными избирательными объединениями в порядке установленным избирательным законодательством.

– Согласно пункту 1 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом самостоятельно выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органы государственной власти. Согласно закону, в случаях, предусмотренных уставами политических партий в региональных выборах, то есть в выборах органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления в этих субъектах Федерации вправе участвовать от имени партии их региональные и местные отделения. Для совершенствования порядка выдвижения кандидатов в законодательстве должны быть закреплены следующие условия: местные отделения вправе выдвигать кандидатов даже в том случае, если они не зарегистрированы; в списке кандидатов должны включаться только члены политических партий.

– Избирательный блок – это создаваемый в определенном порядке, предусмотренный законом, добровольный союз двух или трех избирательных объединений.

– Стоит отметить что еще одной формой участия политических партий в избирательном процессе является реализация права на участие в формировании избирательных комиссий. Это право предоставляет возможность политических партиях быть не только фигурантами агитационных процессов и претендентами на мандаты и должности, а самым непосредственным образом быть организаторами выборов изнутри системы избирательных комиссий содействовать обеспечению законности всех избирательных действий и получению истинных, достоверных результатов волеизъявления граждан.

Примечание

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ, 20.12.2004, № 51, ст. 5260.

О.В. Абаджи

КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИИ В «ЗЕРКАЛЕ» РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Необходимость построения взаимосвязей с окружающим миром является одной из ведущих потребностей человека. Вступая в разнообразные отношения с миром социума, он стремится найти некий скрепляющий механизм, систему «позвонков», объединяющих в единое органическое целое все скопление разрозненных связей и отношений. Это неосознанное стремление реализуется путем самоотождествления, или самоидентификации с идеями, ценностями, социальными группами и культурами.

Сущность **культурной самоидентификации** заключается в «понимании своего Я с позиций сложившихся культурных характеристик, осознанном принятии культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка»[1]. Личностная культурная самоидентификация органично соотносится с самоопределением социума и во многом определяется им.

Культурная идентификация современного российского общества рядом исследователей связывается с обращением, прежде всего, к русской культуре. Современная философия отмечает сложность и особенность осознания и освоения понятия «человек русской культуры» в многонациональной и многоконфессиональной стране. И, тем не менее, неоспорим тот факт, что российская культура «исторически уже многие века развивается преимущественно в русском культурном пространстве, в поле русского культурного притяжения»[2].

Актуализация культурных образцов, сформированных тысячелетним развитием отечественной культуры, требует обращения к прошлому. Притяжение прошлого, присутствующее в культуре настоящего – феномен, который исследуется современной философией. Поворот назад, кажущийся возвратом вспять, оказывается исполненным смысла, так как предполагает возврат к истокам, их открытие и продумывание. Он осмысливается в историко-философском понятии Kehre, выдвинутом М. Хайдеггером. Kehre обозначает возврат, который является предпосылкой продвижения и достижения нового качественного роста: «поворотом (Kehre) зовется место, где серпантин горной дороги поворачивает почти назад, чтобы подобраться еще ближе к перевалу»[3].

В рамках общего подхода к исследованию философии культуры культурными феноменами считаются не только существующие, живущие явления, но и желаемые, «это и то, что есть, и то, что хотелось бы иметь, в системе чего желалось бы жить»[4]. В то же время, философы приходят к выводу о том, что в современной действительности изменилось соотношение настоящего и прошлого. Так, по мнению А.В. Гулыги, ранее приобретения настоящего считались большими, чем потери прошлого, и это соотношение обеспечивало устойчивость идеи прогресса. В современной культуре баланс потерь и приобретений изменился: ощущается явный дефицит последних, так как теряется больше, чем приобретается. В силу этого мысль о превосходстве над прошлым утрачивает смысл, и возникает желание вернуться назад. При этом «на прошлое смотрят не как на предпосылку, «снятую» ступень, а как на свою непосредственную составную часть»[5], в результате чего происходит слияние того, что есть, с тем, что было.

Прошлое в антропологическом контексте можно представить как область «внутреннего», скрытого мира, который пребывает в свернутом виде, но актуализируется, коль скоро человек будет испытывать в нем необходимость. Обращение к внутреннему потенциалу прошлого происходит, как правило, после многочисленных попыток поиска смыслов бытия во внешнем настоящем мире. Этот трудный, длительный процесс представлен у Ф.М. Достоевского следующим образом: «Человек жаждет спасения лишь преимущественно от явлений внешних…: “Правда, дескать, где-то вне его, может быть, где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившейся общественной и гражданской жизнью”. И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого, да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, … не имеет культуры, обязанности исполняет странные и безотчетные. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно!»[6]

© О.В. Абаджи, 2006

Состояние оторванности на уровне человека и культуры в целом вызывает желание дома, принадлежности целому. Размышляя об основных, первосущественных вопросах различных культур, Г.Д. Гачев приходит к выводу, что таковым для русской культуры является вопрос – *чей?* Потеря принадлежности – высокий статус которой в русской культуре закреплен и в фамилиях (Иванов, Вяземский) – вызывает состояние психологической неустойчивости и незащищенности. Г.Д. Гачев, характеризуя его, пишет: «Будто выбивается из-под тебя платформа, на коей стоял, расползается земля… будто стержень, тягу и смысл жить из-под тебя выбивают[7]. И далее: «Человеку… потребно чувствовать свою принадлежность какому-то Целому больше него: к роду, Родине, Идее, Богу. Человек… не может стоять совсем один, …но в некоем «мы»: дома-семьи, села, общины, страны»[8].

Приобретает всю большую очевидность факт, что «мучительное» ощущение оторванности современного человека связано, прежде всего, с обрывом связующей нити **традиции** (от лат. traditio – передача, предание), которая всегда рождает здоровое чувство укорененности в социокультурной среде, ощущение «почвы» под ногами. В философии культуры возникает образ, иллюстрирующий данное состояние оторванности – образ «человека заблудившегося» (homo errans)[9], дополнившего антропологическую галерею, начиная с классического «человека разумного» и заканчивая рожденными XX веком «человеком бунтующим» и «человеком играющим». По справедливому замечанию В.И. Мартынова, внутренней причиной, которая приводит в действие природу «человека заблудившегося», является разрыв традиционных связей, который закономерно влечет за собой утрату духовных ориентиров. Отсутствие последних делает невозможной любую попытку ориентации в духовном и историческом пространстве: «Не ведая ни исторических, ни космических ориентиров духа, опираясь только на свой личный опыт и на свои личные представления, оказавшись полностью неспособным к объективному определению как своего истинного местонахождения, так и конечной цели своего движения в истории и в космосе, предоставленный самому себе, человек заблудившийся обречен на бесконечное блуждание»[10].

В результате складывается парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что современный человек, претендующий на неограниченное проявление индивидуальности, считает, что его самовыражению мешает именно традиция, которая рассматривается как помеха к достижению истины. Закономерно, что вектор его творческих притязаний направлен на разрушение привычных представлений и отход от традиции. Вместе с тем, «…постепенное и неуклонное накопление этих отходов и отказов от традиционных устоев, создавая множество замкнутых индивидуальных миров, приводит в конечном итоге к разрушению реального духовного единства человека и Вселенной, человека и истории»[11]. В результате, «обрывая нити традиций, человеческое сознание как бы укорачивает, уменьшает само себя, утрачивая связи с единой духовной реальностью…, единое целостное знание распадается на множество разрозненных частных знаний, а равномерное состояние ведения подменяется мерцающим процессом совершения открытий»[12].

Таким образом, именно осмысление традиций своей культуры как развертывание прошлого в настоящем обеспечивает человеку осознание его местонахождения в ней, или культурную самоидентификацию. Последняя, в качестве духовно-практической деятельности, предполагает обращение к «смыслам предшествующих поколений»[13]. История является здесь необходимой основой, так как опыт жизни предков – это не только отражение истории событийной, фактологической, но и – прежде всего –фиксация духовного опыта. Его усвоение, которое сродни погружению в информационное поле духовной культуры народа, дает возможность переживания истории как собственной духовной биографии. Эта способность реализуется в двуедином акте **опознания** истории в себе и себя в истории[14].

Традиция выступает как структура связи настоящего и прошлого, универсальная форма сбора, закрепления, хранения и передачи элементов социокультурного опыта. Она обеспечивает преемственность и полагает определенные границы человеческой деятельности, придавая ей пространственно-временную устойчивость через «связывание» прошлым. Каждое поколение, получая в свое распоряжение определенную совокупность традиционных образцов, не просто воспринимает и усваивает их в готовом виде, но всегда осуществляет их собственную интерпретацию и выбор, и в этом смысле каждое поколение выбирает не только свое будущее, но и прошлое. По справедливому мнению В.В. Зеньковского, «…через соци-

альную традицию, в усвоении которой зреет наша личность, – мы связаны с прошлой жизнью народа. Эта социальная связанность личности так глубока, что в ней многие … готовы видеть главный формирующий фактор в развитии личности»[15].

Разрушение традиции закономерно влечет разрушение целостного восприятия мира. Этот процесс обусловлен самим механизмом и характером бытования традиции. В описании С.Д. Домникова он представляется следующим образом: «Сплетение традиций образует замкнутую систему передачи социально значимого опыта, обеспечивающего полноценную жизнедеятельность целостного социального организма. Обрыв одного из каналов этой связи будет означать прорыв сакральной ткани, стягивающей все его органы, нарушение движения импульсов связи между отдельными его частями, что поведет за собой неуклонное и последовательное разрушение всей системы общества»[16].

Однако в разрушении устоев и обрыве традиционных связей парадоксальным образом можно усмотреть и положительный момент. Процесс забывания традиции с точки зрения динамики коллективной памяти связан с тем, что коллективная память – «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов)»[17], как и память вообще, обладает свойством забывания, когда ненужная информация вытесняется на периферию сознания. Однако трансформация социокультурной реальности зачастую порождает необходимость в забытых текстах культурной традиции, и они, под воздействием это потребности, восстанавливаются вновь[18]. Таким образом, многое из того, что отметается, предается искоренению и забвению, не погибает полностью, не уничтожается без остатка, но лишь исчезает с поверхности культурного процесса, на время выключается из исторического движения. И именно из-за такого выключения культурные явления не искажаются последующим историческим и культурным развитием, но, под воздействием потребности общества в «вспоминании» традиции, оказываются готовы предстать в социокультурном пространстве действительности.

Культурным феноменом, пережившим такого рода процессы, является традиционное русское духовное пение. Принятое русской культурой от Византии, прошедшее многовековой путь становления, достигшее вершины своего развития в XV–XVI вв., оно в XVII веке уходит с магистрального пути Российской культуры. В XIX веке начинают осуществляться попытки восстановления утраченной традиции – как духовного, так и художественного ее содержания. Эта работа продолжается и поныне. Она во многом затруднительна, поскольку исторические обстоятельства сложились так, что современная действительность мыслит и действует *музыкальными* нормами и средствами, усвоенными от западной культуры, в то время, как нормы и средства русского духовного пения заданы восточной христианской традицией, не только далекой от «музыкальности», но противопоставляющей себя ей.

Обращаясь к культурному феномену русского духовного пения, требуется обратить внимание на то, что полноценное его осуществление не могло произойти вне общего контекста православной традиции. Принадлежность русского духовного пения как частной традиции общей, или Большой традиции Православия выводит этот культурный феномен из рамок только художественного явления. Интеграция русского духовного пения в контекст базовых духовных основ восточного христианства, дополненный основополагающими историко-философскими установками, делает возможным определение его достоверного значения (места) в культурной самоидентификации России. Традицией Восточного православия русская духовная певческая культура формируется, ею же удерживается и в согласовании с ней пополняется новым, национальным материалом. Таким образом, вырастая из древа большой Традиции восточного православия, русское духовное пение вместе с тем стоит и в контексте национального культурного развития.

Восстановление древнерусской певческой системы, «развертывание» прошлого в настоящем не сводится к противопоставлению «древнее-новое». Прошлое становится содержанием настоящего, актуальным для его развития. В этом контексте русское духовное пение перестает быть неким археологическим объектом или музейным экспонатом, но становится живым элементом культуры настоящего, обращающейся к духовной традиции прошлого, и вместе с тем конкретным ее проявлением. В этом качестве оно в полной мере реализует свой духовный, нравственный, воспитательный, художественный потенциал в процессе культурной самоидентификации современной России.

Анализируя возможности духовного пения применительно к процессу самоидентификации,

необходимо прежде всего отметить, что в духовном певческом искусстве содержится этнокультурный компонент в виде мелодического и интонационного языка, своеобразного «национального звукового кода», через который можно «услышать» свою страну, свой народ и свою культуру. Кроме того, в содержащемся в песнопениях историческом материале, связанном с главнейшими событиями жизни русского народа и русского государства, собран концентрированный, осмысленный исторический опыт. Он способствует формированию исторического сознания как системы знаний о мире, позволяющих человеку осознать прошлое своего народа как свое, определить свое положение во времени и истории, обрести связь настоящего с прошедшим и будущим. Наконец, песенная культура Православия несет духовно-нравственный материал, в котором запечатлены ценностные установки народа, выражающие причастность к высшим моральным и духовным ценностям.

В русском духовном пении зафиксированы религиозные ценности, национальные чувства, этические установки, составляющие «ядро» отечественной культуры. Их совокупность является проявлением «первичной идентичности»[19], то есть тех устойчивых культурных моделей, которые обычно описываются как традиционалистские (национальная культура, религиозные ценности). Усиление первичной идентичности в современной социокультурной ситуации определяется рядом исследователей как возможная стратегия преодоления кризиса самоидентификации России. При этом если ранее обращение к традиционным ценностям рассматривалось как оппозиция модернизации, то в современных условиях первичная идентичность приобретает качественно иные характеристики. Традиционные установки переосмысливаются и адаптируются к социальной реальности, характеризующейся открытостью и нелинейностью развития. Они становятся «якорем», который в пространстве нестабильности, неопределенности и неизвестности гарантирует устойчивое, упорядоченное состояние как отдельной личности, так и всему обществу.

Примечания

[1] См. *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Культурология. Теория культуры. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 145.

[2] *Егоров В.К.* Философия культуры России: Контуры и проблемы. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 42.

[3] *Бибихин В.В.* Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 5.

[4] Там же.

[5] *Гулыга А.В.* Русская идея как постсовременная проблема // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 5.

[6] *Достоевский Ф.М.* Пушкин // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 174.

[7] *Гачев Г.Д.* Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. – 1994. – №12. – С. 69.

[8] Там же.

[9] См.: *Мартынов В.* Стремление к небу и поиск корней. Об особенностях современного сознания и о феномене Вергилия // Мартынов В.И. Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси. – М.: Прогресс; Традиция; Русский путь, 2000. – С. 23.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] *Мамаева О.Б.* Социально-историческая память как базис национального характера русских: Дис. … канд. культурол. наук. – Новгород, 2001. – С. 3.

[14] См. *Кормер В.Ф.* О карнавализации как генезисе «двойного сознания» // Вопросы философии. – 1991. – №1. – С. 168.

[15] *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Ч. 1. – Paris, Ymca Press, 1934. – С. 35.

[16] *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М.: Алетейа, 2002. – С. 20.

[17] *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 200.

[18] См. подробнее: *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992.

[19] *Бадмаев В.Н.* Феномен национальной идентичности: Дис. … д-ра филос. наук. – М., 2006. – С. 5.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А.В. Чекмарева

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Проблема защиты прав человека в исполнительном производстве переживает новую волну актуальности в связи с перестройкой всего многообразия структурных элементов общества в направлении созидания правового государства. Принятие Конституции 1993 г., а затем Законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» привело к решительному изменению статуса исполнительного производства, роли должностных лиц, в первую очередь, судебных приставов-исполнителей. Но самое главное состоит в активизации самих граждан в защите нарушенных или оспоренных прав. Проблема защиты прав граждан стала перерастать из ведомственной в общегосударственную и даже международную, поскольку граждане получили право обращаться в Европейский суд. Последний фактор, в случае несвоевременного или недобросовестного исполнения судебного решения может, как показала практика, значительно усугубить финансовое положение государства[1].

Актуальность исследования проблемы защиты прав человека в исполнительном производстве обусловлена также новациями в правоприменительном процессе. На протяжении времени действия новых законов накоплен как положительный, так и негативный материал, свидетельствующий как о несовершенстве законодательства, так и о неправомерных действиях по его осуществлению. Этот опыт, несомненно, нуждается в теоретическом осмыслении, как в Российском, так и в региональном масштабах. По-новому встаёт вопрос об актуальности рассматриваемой проблемы и в связи с принятием ГПК РФ[2].

О необходимости преобразований в исполнительном производстве свидетельствуют и некоторые признаки кризиса государственной службы защиты прав граждан. Так, судебные приставы-исполнители неохотно идут на аресты имущества должников, зачастую оформляют «липовые акты». Немало регионов, где удельный вес оконченных исполнительных производств в связи с составлением актов о невозможности взыскания превышает 60 и 70% к числу всех оконченных производств. Откровенно бездействуют группы (отделы) розыска. Реализация арестованного имущества фактически провалена. Реализуется лишь несколько процентов от того, что передано в РФФИ. В целом по стране в 2002 г., в связи с нерозыском имущества окончено каждое четвёртое исполнительное производство[3]. В этой связи появление конкурентоспособных исполнителей судебных актов, действующих в рамках закона и под контролем суда, повысило бы эффективность исполнительного производства. Вместе с тем, объём частнопрактикующих судебных приставов не должен превышать 30%, в противном случае произойдёт потеря государственных приоритетов. Как справедливо отмечал в своё время. Ш.Л. Монтескье[4], диалектика гражданских и политических законов такова, что исчезновение одной из сторон ведёт либо к анархии (при исчезновении политических законов), либо к тоталитаризму (при нарушении законов собственности, гражданских законов).

Изучение и обобщение накопленного опыта защиты прав граждан в исполнительном производстве представляет большой интерес, поскольку позволяет глубже раскрыть закономерности развития исполнительного права и сущность правоотношений, возникающих в исполнительном производстве, выявить наиболее эффективные методы защиты прав не только взыскателя и должника, но и других лиц, участвующих в исполнительном производстве.

Научная новизна нашего исследования связана, прежде всего, с постановкой проблемы, недостаточно разработанной в литературе, новизной законов «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве». В работе сделана попытка проанализировать возможности, полученные гражданами для защиты своих прав, на основе нового ГПК РФ[5].

Важнейшие элементы новизны состоят в следующем:

– исполнительное производство в исследовании рассматривается как юридическая гарантия защиты прав человека;

© А.В. Чекмарева, 2006

– дана авторская интерпретация развития системы исполнительного производства в России, состоящая в показе гуманной сущности отечественного исполнительного производства по отношению к личности, роли государства в защите должника, участия общественности в защите прав человека; выявлена специфика становления Службы судебных приставов и ее возможности в защите прав человека;

– высказаны предложения по совершенствованию законодательства для более полной реализации прав граждан в исполнительном производстве;

– сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию правовых механизмов в повышении роли судебных приставов-исполнителей в защите прав взыскателей и должников.

Автор исходит из того, что исполнительное производство представляет собой юридическую гарантию защиты прав человека, поскольку способствует восстановлению нарушенных прав на основе компетентной деятельности специальной службы, действующей на основе законодательства и находящейся под контролем суда. При этом гарантии защиты прав человека в исполнительном производстве подразделяются на две группы. Первая группа – гарантии, обеспечивающие полноту судебной защиты, путем реализации прав и обязанностей, установленных в судебных актах и актах других юрисдикционных органов; вторая группа – процессуальные гарантии непосредственного осуществления защиты прав человека в ходе исполнительного производства.

Анализируя принципы исполнительного права как гарантии защиты прав участников исполнительного производства, автор предлагает предусмотреть в исполнительном праве принцип единства интересов личности и общества, поскольку современное законодательство способствует превращению человека из пассивного объекта в активного субъекта исполнительного производства. В то же время должны быть сохранены приоритеты общества как гаранта от своеволия и произвола.

Поддерживая идею введения института частнопрактикующих судебных приставов-исполнителей, автор выступает за сохранение приоритетов государственной службы судебных приставов в параметрах 70х30. Необходимость такого соотношения вытекает из того, что государственная служба способна защитить права большего количества людей. С другой стороны, у граждан должен быть выбор, если они обладают необходимыми средствами.

Сложности исполнения отдельных исполнительных документов диктуют необходимость специализации судебных приставов-исполнителей. Они могут подразделяться на судебных приставов-исполнителей, реализующих исполнительные документы неимущественного характера и имущественного. Последние делятся на две группы: судебных приставов-исполнителей, осуществляющих взыскания с граждан и судебных приставов-исполнителей, осуществляющих взыскания с юридических лиц. Каждая группа должна иметь помощника, занимающегося технической стороной исполнительного производства (обеспечение транспорта, взаимосвязь с банками и другими кредитными организациями, налоговыми органами).

Примечания

[1] А. Бурдов против России // Российская юстиция. – 2002. – №7. – С. 75.

[2] Принят 23 октября 2002 г. // Российская газета. – 2002. – 20 ноября.

[3] *Мельников А.* Совершенствовать управление деятельностью службы судебных приставов // Российская юстиция. – 2002. – №9. – С. 15–16.

[4] *Монтескье Ш.* О духе законов. Антология мировой политической мысли. – М., 1999. – Т. 1. – С. 375–377.

[5] Российская газета. – 2002. – 20 ноября.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Я.В. Новичихин

ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА СИСТЕМЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ В ВУЗЕ (на примере КГУ им. Н.А. Некрасова)

В настоящее время практически каждый вуз в той или иной мере сталкивается с необходимостью всестороннего анализа данных, накопленных в процессе своей деятельности. Результаты этого анализа могут быть использованы как мощное средство поддержки принятия решений в различных областях деятельности университета: учебной, планово-финансовой, административно-хозяйственной и т.д.

Очевидно, что качественный анализ большого объема ежедневно накапливаемой подразделениями вуза информации невозможен без применения специализированных программных продуктов, ориентированных на решение такого рода задач. Действительно, если взять для анализа только учебную деятельность вуза (например, установить, есть ли связь между номером семестра и средней успеваемостью по университету, между количеством пар в день у студентов некоторой специальности и итогами аттестации, от чего в большей степени зависит количество пропусков занятий по определенной дисциплине и т.д.), специалистам учебного отдела придется выполнить огромную работу: отобрать из ведомостей итоги зачетов, экзаменов, аттестационных и контрольных работ, выписать из журналов посещаемости сведения о пропусках занятий, из карточек учебных поручений преподавателей выбрать данные об их посеместровой нагрузке, сгруппировать отобранные данные по факультетам, специальностям, группам и подгруппам и т.п. Кроме этого, для выявления наиболее значимых факторов придется выполнять группировку по другим признакам: номерам семестра, учебному расписанию, дисциплинам, а некоторые данные перед выполнением анализа могут потребовать предварительной статистической обработки (например, нахождения максимального, минимального и среднего значения, вычисления суммы и т.д.). Разумеется, что качественно и в короткие сроки без использования специальных программных средств выполнить такой объем работы не представляется возможным.

Как видно из приведенного примера, объем данных для анализа будет достаточно велик, поэтому современный аналитический пакет на наш взгляд, обязательно должен обладать функцией импорта данных из внешних источников, причем наиболее желательным является импорт из любых современных баз данных. Кроме того, пакет обязан реализовывать наиболее эффективные технологии анализа, каковыми на сегодняшний день являются оперативный анализ данных (OLAP) и интеллектуальный анализ данных (Data Mining). Рассмотрим эти технологии более подробно.

OLAP (On-Line Analytical Processing) – технология оперативной аналитической обработки данных, основанная на их многомерном представлении. Концепция OLAP была описана в 1993 году основоположником реляционной модели данных Э. Коддом.

Многомерное представление данных представляет собой множественную перспективу, состоящую из нескольких независимых измерений, вдоль которых могут быть проанализированы определенные совокупности данных. На пересечениях осей измерений располагаются данные, характеризующие анализируемые факты. Эти данные называются мерами. Одновременный анализ по нескольким измерениям и определяется как многомерный анализ [5]. Целью такого анализа является проверка возникающих гипотез.

Наиболее распространенной технологией многомерного представления является организация данных в виде упорядоченных многомерных массивов – гиперкубов. Ребрами такого гиперкуба являются измерения, а ячейками – меры.

Над гиперкубом определены ряд операции [1], которые позволяют формировать подмножества измерений, вращать их, осуществлять переходы к агрегированному и детальному представлению данных.

Технология OLAP-анализа может быть применена сотрудниками вуза для просмотра тенденции изменения успеваемости студентов оп-

© Я.В. Новичихин, 2006

ределенной специальности по определенному предмету (трехмерный куб), для просмотра зависимости между успеваемостью студентов определенной специальности по определенному предмету, преподаваемым конкретным преподавателем (четырехмерный куб) и т.д.

OLAP-функциональность может быть реализована различными способами, начиная с простейших средств анализа данных в офисных приложениях и заканчивая распределенными аналитическими системами, основанными на серверных продуктах.

Термин «Data Mining» дословно можно перевести как «Добыча данных». Иногда его также переводят как «Извлечение информации», Раскопка данных», «Извлечение данных» и т.д. Синонимом этого термина можно считать термин «Обнаружение знаний в базах данных»

Отметим, что на самом деле Data Mining – это широкая прикладная область, включающая в себя такие науки, как прикладная статистика, распознавание образов, искусственный интеллект, теория баз данных и т.д. Классическое определение этого термина дал в 1996 году один из основателей направления Data Mining – Григорий Пятецкий-Шапиро.

Вообще под интеллектуальным анализом данных (Data Mining) понимается процесс обнаружения в сырых данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности [4].

К знаниям, полученным при помощи Data Mining, предъявляются следующие требования [1]:

1) знания должны быть новые, ранее неизвестные;

2) знания должны быть нетривиальны;

3) знания должны быть практически полезными;

4) знания должны быть доступными для понимания человеком.

Основное отличие технологии Data Mining от OLAP заключается в том, что она позволяет самостоятельно находить необъективные закономерности, а также самостоятельно строить гипотезы о взаимосвязях, в то время как OLAP служит для проверки заранее сформулированных гипотез.

Из многочисленных задач Data Mining [4] в университете, на наш взгляд, будут наиболее востребованы кластеризация, классификация, ассоциация, прогнозирование и последовательность.

Приведем примеры решения этих задач.

1. Кластеризация – нахождение кластеров (классов), определяющих размер внебюджетных надбавок сотрудникам ВУЗа, исходя из таких показателей, как стаж работы, число опубликованных статей, количество защищенных аспирантов и т.д.

2. Классификация – отнесение конкретного сотрудника университета к одному из найденных с помощью решения первой задачи классов.

3. Ассоциация – оптимизация тематики факультативных курсов. Например, если будет выведено правило «если студенты на втором курсе выбирают факультатив по структурам данных, то с вероятностью 80% на третьем курсе они выберут факультатив по базам данных» можно будет составить тематику факультативов с учетом предпочтений студентов и заранее разработать программу курсов.

4. Прогнозирование – предсказание текучести кадров вуза на N лет, предсказание количества защищенных аспирантов и докторантов.

5. Последовательность – определение временных зависимостей между защитой кандидатской диссертации и выходом монографии.

Для решения задач Data Mining существует достаточно большое количество групп методов к основным из которых относятся:

1. Базовые методы. Сюда входят методы, основанные на переборе, а также основные методы статического анализа (корреляция, регрессия, описательная статистика и т.д.).

2. Нечеткая логика.

3. Генетические алгоритмы.

4. Нейронные сети.

Каждая из перечисленных групп методов включает в себя множество алгоритмов. Например, для решения задачи классификации могут быть использованы метод опорных векторов, метод «ближайшего соседа», байесовская классификация, нейронные сети и т.д.

В настоящее время существует достаточно много программных продуктов, реализующих различные алгоритмы анализа данных. Как отмечается в [4], для выбора продукта следует тщательно изучить задачи, которые стоят перед аналитиком и обозначить результаты, которые необходимо получить.

Обычно инструментарий для анализа поставляется либо как самостоятельная программа, либо как дополнение к основному продукту. Кроме того, некоторые мощные СУБД также реали-

зуют некоторые алгоритмы анализа (например, СУБД MS SQL Server включает инструментарий Microsoft Analysis Services, достаточно мощный OLAP-сервер, а СУБД Oracle – инструментарий Oracle Data Mining).

Проблема выбора аналитического пакета особенно остро встает перед вузом. На наш взгляд это объясняется тем, что штатное расписание вуза не предусматривает должности системного аналитика, и использовать столь сложные программы придется сотрудникам подразделений университета, которые обычно мало знакомы с информационными технологиями. Кроме того, необходимо учитывать, что вышеописанные программные продукты оперируют множеством математических терминов, в которых человеку, мало знакомому с математикой, достаточно легко растеряться.

Имеющиеся на рынке программы можно оценивать по множеству различных критериев. Так, например, в [4] приводится 17 характеристик, по которым можно оценить аналитические пакеты. Мы же, применительно к вузу, считаем наиболее важными характеристиками следующие:

1. Интуитивно понятный интерфейс (сюда же входит наличие официальной русской локализации).

2. Удобство импорта данных для анализа (сюда же входит возможность прямого подключения к БД).

3. Возможность решения поставленных выше задач, а также количество методов для решения этих задач.

4. Цена продукта.

Исследуем возможности наиболее известных на сегодняшний день программ и инструментов анализа и попробуем установить, какой же продукт наиболее полно соответствует вышеуказанным характеристикам.

Самой распространенной программой, используемой большинством пользователей для анализа данных является MS Excel, входящая в состав пакета MS Office (http://www.microsoft.com, http://office.microsoft.com). Как утверждается в [2], Excel – это прекрасное средство для анализа данных, включающее чрезвычайно мощные, но и простые в использовании методы. Среди методов статического анализа, имеющихся в MS Excel можно выделить корреляционный анализ, регрессионный анализ, трендовые модели. Кроме этого Excel включает в себя пакет анализа, содержащий инструменты для корелляционного, ковариационного и дисперсионного анализа, описательной статистики, регрессии, анализа Фурье и т.д. Эти инструменты могут пригодиться для установки взаимосвязи между факторами, нахождения степени влияния факторов друг на друга, а также для решения задачи прогнозирования.

Помимо вышеперечисленных средств MS Excel реализует другие методы анализа, например анализ по принципу «что-если», для осуществления которого широко используются таблицы подстановки с одним или несколькими входами.

Используя MS Excel, можно осуществлять прямое подключение к источникам данных. Для этого служит приложение MS Query. Оно позволяет импортировать данные из внешних источников (таких как базы данных MS Access, dBASE, Visual FoxPro, SQL Server). При отборе данные можно подвергнуть фильтрации по определенному критерию. На основе полученных данных затем можно строить сводные таблицы и OLAP-кубы. После построения куба можно просматривать его сечения и сохранить его на диске. Имеется также возможность получить данные из уже созданного куба или сохраненного куба.

Следует, однако, отметить, что процесс импорта данных из внешнего источника несколько запутан и включает в себя достаточно большое количество шагов (например, указание источника, выбор драйвера базы данных, выбор типа аутентификации). Это может служить препятствием для пользователей, не имеющих представления о терминологии баз данных и работе с ними.

Другим недостатком MS Excel является то, что с его помощью невозможно решать задачи кластеризации, классификации, ассоциации, поскольку соответствующие алгоритмы в нем не реализованы.

Из достоинств программы следует отметить интуитивно понятный стандартизированный пользовательский интерфейс (единый для всех приложений пакета MS Office) и сравнительно небольшую цену. Например, у официального партнера Microsoft, компании SoftLine (www.softline.ru) коробочная версия MS Office 2003 Professional Edition стоит 400$, версия же для академических организаций продается по цене 104$.

Одним из ведущих производителей программных продуктов, предназначенных для анализа данных, является компания StatSoft (http://www.statsoft.ru). Основной разработкой этой компании является STATISTICA – универсальная интегрированная система, предназначенная для статистического анализа и визуализации данных, уп-

равления базами данных и разработки пользовательских приложений, содержащая широкий набор процедур анализа для применения в научных исследованиях, технике, бизнесе, а также специальные методы добычи данных. Пакет реализует самые современные компьютерные и математические методы анализа данных. Среди интересующих нас можно выделить следующие методы:

1. Описательные статистики.
2. Анализ многомерных таблиц.
3. Многомерная регрессия.
4. Нелинейная регрессия.
5. Логит и пробит регрессия.
6. Кластерный анализ.
7. Факторный анализ.
8. Деревья классификаций.
9. Прогнозирование временных рядов.
10. Дисперсионный анализ.
11. Ковариационный анализ.

С полным перечнем всех реализованных методов анализа и дополнительных возможностей можно ознакомиться на официальном сайте компании.

Пакет позволяет обмениваться данными с наиболее популярными СУБД, а также с удаленными базами данных. Кроме того, для обмена данными поддерживаются технологии OLE, DDE и ODBC.

Помимо пакета STATISTICA компанией StatSoft разработаны следующие продукты, использующие современные технологии Data Mining:

1. STATISTICA Data Miner – универсальное и всестороннее средство анализа данных. Основой этого продукта является браузер процедур Data Mining, содержащий более 300 основных процедур, специально оптимизированных под задачи Data Mining, и средств логической связи между ними и управления потоками данных, позволяющий конструировать собственные аналитические методы. Все встроенные методы пакета разделяются на пять классов:

а) разметка/разбиение и углубленный анализ – набор процедур позволяющий разбивать, группировать переменные, вычислять описательные статистики, строить исследовательские графики и т.д.;

б) классификация – полный пакет процедур классификации: обобщенные линейные модели, деревья классификации, регрессионные деревья, кластерный анализ и т.д.;

в) обобщенные линейные, нелинейные и регрессионные модели – данный элемент содержит линейные, нелинейные, обобщенные регрессионные модели и элементы анализа деревьев классификации;

г) прогнозирование – включает в себя модели АРПСС, сезонные модели АРПСС, экспоненциальное сглаживание, спектральный анализ Фурье, сезонная декомпозиция, прогнозирование при помощи нейронных сетей и т.д.;

д) нейросетевой анализ – в данной части содержится наиболее полный пакет процедур нейросетевого анализа.

Из прочих преимуществ продукта следует отметить большой набор готовых решений, предназначенных для пользователей, слабо разбирающихся в анализе данных, удобный пользовательский интерфейс, полностью интегрированный с MS Office, гибкий механизм управления, многозадачность системы, открытая COM-архитектура, поддержка пользовательских приложений (за счет использования Visual Basic, Java, C++).

2. STATISTICA Neural Networks – универсальный пакет нейросетевого анализа фирмы StatSoft. Он может работать и как самостоятельное приложение, и в рамках системы STATISTICA. Программа поддерживает мощные современные алгоритмы обучения сетей, а также имеет возможность создавать сложные, практически не ограниченные в размерах комбинации из сетей различных архитектур. Огромное преимущество данного пакета составляет то, что это единственный в мире программный продукт для нейросетевых исследований, полностью переведенный на русский язык.

3. Прочие средства анализа, например, STATISTICA Power Analysis.

Цены на продукты компании StatSoft довольно умеренные для программ такого класса. В частности, русскоязычная однопользовательская версия программы STATISTICA 6.0 стоит около 2600$. Для академических учреждений ее можно приобрести за 900$. Neural Networks можно приобрести за 3495$ и 995$ соответственно.

Несмотря на большое количество реализованных методов анализа и удобный интерфейс, программы пакета STATISTICA довольно сложны в использовании, поскольку требуют от пользователя как определенных математических знаний, так и знаний в области анализа данных, что может затруднить их использование сотрудниками вуза.

Пакеты SPSS и SPSS Clementine компании SPSS (http://www.spss.ru) – это средство для анализа данных при помощи статистического программного обеспечения, обладающего всеми необходимыми возможностями. Пакеты реализуют множество инструментов Data Mining

и в отличие от других программ, поддерживают весь процесс добычи знаний, что позволяет сократить время получения оптимального решения.

Применительно к вузу можно воспользоваться следующими инструментами пакета:

1. Описательная статистика.
2. Корреляционный анализ.
3. Регрессионный анализ.
4. Классификация.
5. Кластеризация

Помимо этого указанные продукты наделены OLAP-функциональностью, что позволяет создавать различные отчеты.

Среди преимуществ рассматриваемых приложений можно отметить удобный интерфейс (близкий к MS Excel), подключение к различным источникам данных, наглядную визуализацию как самого процесса Data Mining, так и полученных результатов.

Цена на продукты компании SPSS складывается из цены базового пакета и дополнительно приобретаемых программных модулей. Так, например, цена SPSS Base – ключевого элемента пакета SPSS, обеспечивающего доступ к данным, управление ими, подготовку данных к анализу, анализ данных и создание отчетов, составляет 1390$. Цены на дополнительные модули колеблются в пределах от 600$ до 750$. Таким образом, полный пакет аналитики будет стоить достаточно дорого.

Компания SPSS также предлагает свои продукты по академической лицензии. В ее рамках учебное заведение получает сроком на полгода право на пользование практически всеми продуктами SPSS. Количество пользователей академической лицензии не ограничено, однако пользователями могут быть только студенты и преподаватели учебных заведений. Во время действия лицензии все новые русские и английские версии программного обеспечения поставляются бесплатно по мере их выхода. Цена Академической лицензии составляет 1900$. Учебные заведения, обладатели Академической лицензии, получают право продавать ПО своим сотрудникам и студентам для установки на домашних компьютерах (по любой цене).

При всех своих преимуществах продукты SPSS обладают тем же самым недостатком, что и продукты компании StatSoft, а именно требуют от аналитика специальных знаний. Хотя компания SPSS и проводит достаточно дешевые курсы по обучению анализу при помощи своих продуктов, они ставят своей целью только начальное ознакомление с основами анализа данных. Поэтому использование сотрудниками вуза продуктов SPS будет затруднено.

Существуют прочие крупные зарубежные разработки, реализующие широкий спектр алгоритмов Data Mining (например, продукт SAS Enterprise Miner компании SAS Intelligent Inc.), однако на наш взгляд, использовать эти пакеты в вузе нецелесообразно, поскольку они, в первую очередь, ориентированы на крупные бизнес-решения и достаточно сложны в освоении.

Кроме зарубежных разработок на рынке имеются и программные продукты российских компаний. Одна из таких систем – PolyAnalyst, разработанная компанией Мегакомпьютер Интеллидженс (http://www.megaputer.ru), предназначена для анализа числовых и текстовых данных. Ее основное назначение – обнаружение полезных знаний, необходимых для принятия решений в бизнесе и других отраслях человеческой деятельности. Программа является клиент-серверным приложением, где модули анализа выделены в серверную часть PolyAnalyst Knowledge Server, а инструментарий пользователя – в клиентскую программу PolyAnalyst Workspace.

Продукт включает в себя следующие классы алгоритмов анализа:

1) моделирование;
2) прогнозирование;
3) кластеризация;
4) классификация;
5) текстовый анализ.

В каждом классе реализован большой набор инструментов Data Mining. Кроме этого, программа поддерживает связь с базами данных через интерфейсы ADO и OLE DB, имеет богатый набор инструментов для графического представления результатов исследований.

Цена на полный пакет программ, входящих в PolyAnalist, составляет около 6200$. Цена на минимальный набор модулей анализа вместе клиентской частью составит около 1000$. На наш взгляд, закупка этого программного обеспечения даже по такой низкой цене для вуза неоправданна, поскольку, во-первых, далеко не все методы анализа, реализованные даже в минимальном наборе модулей, будут востребованы, а во-вторых, потребуется выделять отдельный сервер для установки PolyAnalyst Knowledge Server. Кроме того, сотрудникам вуза, мало знакомым

с терминологией, буде достаточно сложно освоить программу.

Как нами было уже упомянуто в начале статьи, многие разработчики серверных СУБД включают инструменты для анализа данных в свои продукты. Наиболее яркими примерами здесь могут служить Microsoft Analysis Services и Oracle Data Mining.

Microsoft Analysis Services – это аналитические службы Microsoft, представляющие собой серверное OLAP-средство. Оно предназначено для создания OLAP-кубов на основе реляционных хранилищ данных, а также для предоставления доступа к ним из клиентских приложений. Такой подход позволяет избежать недостатков клиентских OLAP-средств, связанных с ограничениями, налагаемыми на число измерений и количество членов в них. Цель серверного OLAP-средства – представлять данные из реляционного хранилища в удобной форме – в виде OLAP-куба.

Приведем краткую характеристику аналитических служб Microsoft, описанную в [3].

Основным компонентом аналитических служб является Analysis Server – сервис операционной системы Windows NT/2000. Этот сервер предназначен для создания OLAP-кубов на основе реляционных хранилищ данных, а также для предоставления доступа к ним из клиентских приложений.

OLAP-куб, созданный с помощью аналитических служб Microsoft, может содержать все данные из таблицы фактов плюс агрегатные значения для тех групп записей из этой таблицы, которые соответствуют верхним уровням иерархии измерений. При необходимости можно производить динамическое обновление куба, если в таблицу фактов были добавлены новые записи, а также выбрать, будут ли данные с нижних уровней иерархии храниться в самом кубе.

Большим достоинством аналитических служб Microsoft Analysis Services является то, что они позволяют создавать так называемые виртуальные кубы, которые в определенной степени являются аналогами представлений реляционных СУБД. Виртуальные кубы не содержат данных, но позволяют представить в виде единого куба данные из нескольких кубов, имеющих хотя бы одно общее коллективное измерение.

В качестве клиентов аналитических служб Microsoft может выступать утилита Analysis Manager, предназначенная главным образом для администраторов баз данных, а также приложения MS Office, в частности, уже рассмотренный нами MS Excel.

Основным затруднением при использовании аналитических служб Microsoft является сложность проектирования многомерных баз данных и создания серверных кубов, что требует наличия в вузе квалифицированного системного администратора, владеющего, к тому же, принципами проектирования БД (как реляционных, так и многомерных). Кроме того, каждый раз при создании нового куба необходимо будет консультироваться с сотрудниками подразделений вуза, чтобы узнать, какие именно измерения нужно включить в него, что, разумеется, потребует намного больше времени для подготовки данных.

Еще одним недостатком описанного инструмента является то, что Microsoft Analysis Services по сути, является OLAP-средством и реализует сравнительно немного инструментов Data Mining, что снижает универсальность этой системы (хотя стоит отметить, что в SQL Server 2005 число инструментов Data Mining существенно возросло).

Другим представителем рынка инструментов анализа, поставляемых с серверной СУБД, является Oracle Data Mining, поставляемый вместе с СУБД Oracle Enterprise Edition (http://www.oracle.com). Этот инструмент представляет собой отдельный модуль. Он поддерживает все этапы технологии извлечения знаний, включая постановку задачи, подготовку данных, построение модели, анализ и тестирование результатов.

Среди нужных нам методов Data Mining, реализованных в данном продукте, можно выделить следующие:

1) классификационные модели;
2) регрессионные модели;
3) поиск существенных атрибутов;
4) кластеризация;
5) поиск ассоциаций;
6) выделение признаков.

Преимущество перечисленных алгоритмов состоит в том, что они работают непосредственно с реляционными базами данных и не требуют выгрузки данных в файлы специальных форматов.

Помимо модуля Data Mining компанией Oracle реализована также и OLAP-функциональность.

Стоимость компонентов OLAP и Data Mining составляет по 360$. Указанная цена приведена для одной лицензии (т.е. одновременно может под-

держиваться только одно подключение). Сама же СУБД Oracle стоит порядка 5000–6000$.

Существенным препятствием использования указанных инструментов является то, что корпоративная база данных вуза управляется СУБД MS SQL Server, и покупать еще одну серверную СУБД только из-за одних аналитических инструментов на наш взгляд, нецелесообразно.

Помимо рассмотренных нами программных продуктов на рынке существует еще множество пакетов, разработанных как всемирно известными лидерами, так и новыми развивающимися компаниями.

Итак, несмотря на наличие описанных нами мощных аналитических средств, мы можем сделать вывод, что ни одно из них не может быть выбрано в качестве предпочтительного для нашего вуза. Хотя все рассмотренные программы реализуют достаточное для решения приведенных в начале статьи задач количество алгоритмов анализа, по другим показателям они подходят не совсем. Некоторые имеют достаточно высокую цену, другие сложны в освоении и требуют специальных знаний. Хорошим выбором мог бы быть MS Excel, тем более что большинство сотрудников подразделений в той или иной мере сталкивались с этим программным средством и умеют в нем работать. Еще одним плюсом его использования является то, что он может быть использован в качестве клиента аналитических служб SQL Server и умеет импортировать данные непосредственно из него. Однако рассмотренные нами выше недостатки этого приложения ставят под сомнение такую возможность.

На наш взгляд, самым предпочтительным вариантом является наличие в вузе собственной системы анализа данных. Преимущества такого подхода нам видятся в следующем:

1) отсутствие необходимости периодического дорогостоящего обучения сотрудников вуза работе с коммерческим ПО;

2) оперативность обновления системы. Если потребуется реализовать новую функциональность, не нужно будет подавать заявку в адрес фирмы-разработчика и ждать выхода дополнений (к тому же за дополнительную плату). Все необходимые модули могут быть реализованы силами программистов вуза;

3) можно реализовать только те методы анализа, которые требуются. Это избавит пользователей от необходимости выбирать нужный метод из большого числа имеющихся, что упростит работу с системой;

4) повысится безопасность доступа к данным и результатам их анализа, поскольку изначально можно определить пользователей, которые будут иметь права работать с системой, а также их роли.

Наиболее рациональным средством реализации указанной системы, на наш взгляд, являются веб-технологии, а именно ASP.NET в сочетании с ADO.NET. Они позволят спроектировать веб-приложение с доступом как через Интернет, так и через Интранет. Таким образом, начальники подразделений вуза и ректорат смогут иметь оперативный доступ к результатам обработки данных в любое время и в любом месте.

Библиографический список

1. *Барсегян А., Куприянов М., Степаненко В., Холод И.* Методы и модели анализа данных: OLAP и Data Mining. Учебное пособие – СПб.: БХВ-Петербург, 2004.

2. *Уокенбах Дж.* Microsoft Office Excel 2003. Библия пользователя. – М.; СПб.; Киев: Диалектика.

3. *Федоров А., Елманова Н.* Введение в OLAP-технологии Microsoft. – М.: Диалог-МИФИ, 2002.

4. *Чубукова И.* Data Mining: учебное пособие. – М.: Интернет-Университет Информационных Технологий; БИНОМ. Лаборатория знаний, 2006.

5. http://www.olap.ru/best/alter.asp.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

Е.В. Колесов

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: УЧЕБНЫЙ КУРС И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

В современных условиях все актуальнее становятся вопросы принятия грамотных, взвешенных решений, опирающихся на достоверные данные и их правильную обработку и интерпретацию, которая, очевидно невозможна, без знания математических методов и умения построить адекватные математические модели, отражающие процессы реального мира. Только математическими методами можно построить достоверные прогнозы, оценить значимость полученных результатов и принять на их основе грамотные решения в любой сфере деятельности. Экономико-математические модели традиционно включаются в программы подготовки специалистов вузов. Но только в современных условиях существуют реальные возможности использования их в профессиональной деятельности экономистов, менеджеров и других специалистов. Это обеспечивает современная компьютерная база и программное обеспечение, предоставляющее в распоряжение пользователей широкую гамму универсальных программ, позволяющих ставить и решать такие задачи, которые в недалеком прошлом требовали нескольких месяцев работы программистов и постановщиков задач.

Практическое использование экономико-математических моделей в курсах различных специальностей (менеджмент, экономика, прикладная информатика и др.) значительно различается. Некоторые выводы содержатся в работах [1] и [2]. Сравним специальность «Прикладная информатика», по которой ведется подготовка в Костромских филиалах СГА, МУБиНТ и РГГУ, и специальность «Математические методы в экономике», которая открыта в КГУ. Опыт работы в этих ВУЗах со студентами названных специальностей позволяет сделать некоторые выводы об уровне их профессиональной подготовки, а также о том, в какой мере учебный курс экономико-математического моделирования и другие математические и информационные дисциплины способствуют практическому применению этих методов и моделей.

Согласно образовательному стандарту в программе подготовки по специальности «Прикладная информатика в экономике» делается упор на изучение персонального компьютера и его возможностей: операционных систем (UNIX, Lynex), инструментальных средств разработки программ (TurboPASCAL, Delphi и др.), систем управления базами данных (MS Access, Lotus и др.), сетевых технологий (HTML). Меньшая часть учебного времени уделяется математическим методам. В частности по общематематическим дисциплинам в программах специальностей «Прикладная информатика» и «Математические методы в экономике» предусмотрено соответственно 770 и 1060 часов, по специальным математическим (Эконометрика, исследование операций, статистика – всего 18 дисциплин) – соответственно 900 и 2250 часов. В то же время информационные дисциплины занимаю в программе подготовки 3150 и 310 часов соответственно по специальностям «Прикладная информатика» и «Математические методы в экономике». Следует отметить, что для специальности «Математические методы в экономике» вышеназванные математические дисциплины в основном на практических занятиях предусматривают использование компьютерных технологий, что позволяет ставить и решать значительно более сложные и интересные задачи. В то же время основной объем информационных дисциплин для специальности «Прикладная информатика» не предусматривает решение конкретных задач. То есть значительная часть учебного времени уходит на изучение возможностей программных и технических средств без привязки к конкретным задачам, хотя в образовательном стандарте требования к специалистам включают навыки моделирования реальных ситуаций и т.п., что практически не удается. Негативным является такой факт, что формой контроля знаний по дисциплинам экономико-математического цикла является в основном зачет и не предусмотрено ни одной курсовой работы, что нивелирует оценки работы студентов и уменьшает их интерес именно к сфере приложения информатики. Об этом свидетельствует опыт общения со студентами в процессе преподавания различных

© Е.В. Колесов, 2006

дисциплин (не только математических но и информационных). В основном интересы студентов находятся в сфере освоения различных программ и далеки от понимания сущности получаемых результатов и их практической значимости.

В противоположность выше изложенному, программа подготовки по специальности «Математические методы в экономике» предусматривает углубленное изучение математических моделей и методов. Кроме того, в программе предусмотрены не только зачеты и экзамены, но также и выполнение курсовых работ.

В частности в курсовой работе по экономико-математическому моделированию (ЭММ) студентам предоставляется возможность проявить свою индивидуальность и творчески подойти к постановке и решению задач, реально существующих в жизни и практике экономических явлений и процессов. Нами разработаны темы курсовых работ, которые представлены в [1]. Более 32 вариантов этих работ могут быть объединены в следующие группы по направлениям: Экономико-математическое моделирование (ЭММ) транспортного обслуживания населения», логистических систем, технологических процессов в машиностроении, энергетического обеспечения населенных пунктов, процессов календарного планирования и выполнения календарных графиков работ, диспетчерской службы предприятия, процессов материально технического снабжения, накопления и расходования (реализации) товаров, процессов инвестирования капиталов, конъюнктурных циклов и т.д. При этом прослеживается преемственность в изучении дисциплин. То есть в данном учебном курсе студенты пользуются знаниями, полученными ранее в предыдущие годы. В частности при выполнении курсовых работ могут использоваться модели, включенные в учебную программу дисциплины ЭММ, изучаемой студентами на третьем курсе специальности «Математические методы в экономике», которая предусматривает изучение следующих экономико-математических моделей и методов. Сетевые модели календарного планирования (детерминированные, вероятностные, а также возможности оптимизации сетевых графиков по критерию стоимости). Модели управления запасами, нашедшие широкое применение не только в логистических системах, но также в бизнес процессах финансового менеджмента и процессах технологической подготовки производства и инвестирования. Модели систем массового обслуживания рассматриваются с перспективой практического использования для имитации процессов функционирования технологических процессов, а также для решения задач анализа, планирования и прогнозирования с целью принятия решений в сферах технического сервиса (обслуживание и ремонт машин и механизмов), при моделировании сложных систем, для которых требуется обеспечить надежное функционирование. Использование моделей систем массового обслуживания позволит обеспечить прогнозирование отказов таких систем, а также осуществить синтез таких систем, у которых надежная эксплуатация будет обеспечена при минимальных затратах на восстановление работоспособности при возникновении отказов. Важное место занимают модели систем массового обслуживания в экономических приложениях, в частности при моделировании логистических систем (потоков материальных, финансовых и информационных). Важное место при описании бизнес-процессов для целей прогнозирования развития экономических объектов и систем занимают динамические модели, начиная с простейших – одномерных, и заканчивая многомерными – многоотраслевыми динамическими балансовыми моделями, для построения и использования которых необходимо автоматизировать получение и решение систем дифференциальных уравнений.

В учебный курс ЭММ были включены модели, предусматривающие финансовые расчеты и анализ хозяйственной деятельности предприятий, которые являются относительно простыми с математической точки зрения, однако являются весьма актуальными с практических позиций. Весьма успешно студентами были реализованы модели управления ценными бумагами, оптимизации инвестиций и внедрения инноваций. Это потребовало некоторой корректировки учебного курса и проведения дополнительных занятий со студентами по избранной тематике.

Поскольку практическая реализация моделей в основном невозможна без использования универсальных программных средств, в рабочей программе дисциплины «Информационные технологии» предусмотрено синхронное освоение студентами соответствующих пакетов прикладных программ, таких как Excel и MathCAD, так как курс экономико-математическое моделирование учебной нагрузки для этого не предусматривает. Поскольку оба лекционных курса:«Экономико-математическое моделирование» и «Информационные технологии» читались одним преподавателем, это оказалось возможным. Кроме того, нами плани-

руется разработка учебного пособия, в котором все задачи, названные выше, будут рассматриваться комплексно, с точки зрения математической постановки и с позиций рациональной практической реализации в пакетах прикладных программ. В частности целесообразно использование таких возможностей ППП Excel, как «Анализ данных», «Поиск решения», а также применение встроенных математических, статистических, финансовых и логических функций. Для практической реализации экономико-математических моделей, требующих решения более сложных уравнений, как алгебраических, так и дифференциальных, планируется использование ППП MathCAD, так как именно он предоставляет пользователям такие возможности. Кроме того, ППП MathCAD в отличие от Excel предоставляет пользователям лишь необходимый минимум информации, что не отвлекает и делает более наглядным решение задачи, не говоря уже о возможности использования на экране математической символики. Проведение расчетов в Excel далеко не всегда наглядно, так как единовременно предоставляет возможности работы лишь с одной конкретной формулой. Это существенно отладку алгоритма, реализуемого пользователем. В то же время Excel в отличие от MathCAD значительно удобнее использовать для получения уравнений регрессии и проведения других статистических расчетов, которые в ППП MathCAD, как правило, реализуются по частям, с помощью нескольких встроенных функций, что не всегда эффективно и рационально. Очевидно, что только ППП MathCAD позволяет наглядно работать с массивами, матрицами, а также решать уравнения любой степени сложности. Уникальными в сравнении с ППП Excel являются возможности ППП MathCAD осуществлять символьные вычисления, в том числе – находить производные функций, заданных аналитически, и работать с этими производными, как с обычными функциями.

Выводы

1. Сравнительный анализ программ специальностей показывает, что, с позиций практической направленности специальность «Математические методы в экономике» является более эффективной в сравнении с другими специальностями, предусматривающими этот курс в программе обучения, так как она позволяет готовить специалистов для решения конкретных задач.

2. Специальность «Прикладная информатика в экономике» дает общее представление о современном математическом и программном обеспечении, но не предусматривает в рамках учебных дисциплин решения прикладных задач, требующих основательной математической подготовки, хотя формально в стандарте такая теоретическая подготовка предусмотрена. Тем самым возможности современных программных средств используются неэффективно и не позволяют в дальнейшем специалистам самостоятельно ставить и решать такие задачи. Об этом свидетельствует опыт преподавания различных дисциплин на обеих специальностях.

3. В то же время специальность «Математические методы в экономике» обеспечивает значительную математическую подготовку студентов, в том числе – выполнение курсовых работ с использованием математических методов, что существенно повышает их уровень. При соответствующей доработке эти курсовые работы могут служить базой для выполнения дипломных проектов.

4. Разработать методическое обеспечение и единый, эффективный подход к использованию экономико-математических моделей с применением современных универсальных программных средств возможно, если курсы дисциплин «Экономико-математическое моделирование» и «Информационные технологии в экономике» будет вести один преподаватель.

5. Таким образом, специальности «Прикладная информатика в экономике» и «Математические методы в экономике» позволят получить студентам теоретическую подготовку и приобрести практические навыки эффективного использования экономико-математических моделей на базе современного программного обеспечения для принятия грамотных управленческих решений в будущей профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. *Колесов Е.В.* Применение информационных технологий для эффективного использования экономико-математических моделей // Актуальные проблемы современной философии и политологии. Сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. (13 декабря 2005 г. Кострома). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 28–33.

2. *Колесов Е.В.* Проблемы использования математических моделей и информационных технологий в обучении // Труды СГУ. Вып. 92. Костромской филиал СГА. Гуманитарные науки. – М.: Современный гуманитарный университет, 2006. – С. 12–19.

Т.В. Луданова

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

В XXI в. особое значение для России имеет обеспечение полноценного образования подрастающего поколения как интеллектуального и духовного потенциала современного общества. Обращение к истории вопроса формирования теории и практики музыкального образования и воспитания позволяет изучить проблему обоснования условий, стимулирующих реализацию вариативного подхода в решении задач универсальной профессиональной подготовки педагога-музыканта.

В современном понимании функции учителя музыки рассматриваются не в контексте его узкой специализации (преподаватель музыки в общеобразовательной школе, учреждении дополнительного образования), а с позиции формирования его широкой профессиональной эрудиции, позволяющей реализовать себя в различных направлениях музыкально-педагогической деятельности. Неслучайно Г.Г. Нейгауз указывал на высокую воспитательную миссию учителя музыки как специалиста, обладающего широкой профессиональной эрудицией и педагогическим мастерством [3]. Обращаясь к проблеме подготовки педагогов-музыкантов, рассмотрим специфику их профессиональной деятельности как основу достижения преемственности образовательно-воспитательных традиций в системе подготовки современного учителя музыки.

В историческом и культурном наследии мирового искусства встречается немало ярких примеров разносторонне одаренных людей, занимавшихся одновременно различными видами творческой деятельности и создавшими непреходящие ценности в них (И.С. Бах, А.П. Бородин, А. Вивальди, Леонардо да Винчи, И. Гете, М.И. Глинка, А.С. Грибоедов, А. Дюрер, Ф. Лист, М.В. Ломоносов, Микеланджело, С.В. Рахманинов, Дж. Россини, Г.В. Свиридов, П.И. Чайковский, Ф. Шопен, Д.Д. Шостакович и др.).

Например, А.С. Грибоедов наряду с поэтическим и музыкальным талантами обладал также способностями к живописи. Ф. Шопен был актером, живописцем и поэтом; литературными и актерскими способностями обладал Дж. Россини. Б.М. Теплов пришел к выводу: утверждение о том, что талант односторонен, не соответствует действительности. Более правильным и обоснованным является вывод о многосторонности проявления способностей, и это относится не только к высокоталантливым людям [5]. По мнению Н.А. Терентьевой, «многогранность таланта, разносторонность умений и навыков, во все времена вызывали удивление и восхищение» [6, с. 23]. Разностороннее проявление личности рассматривалось как ее универсальность.

Согласно определению, «универсальный (лат. universalis) – всеобщий, всеобъемлющий, разносторонний, для всего пригодный» [4, с. 16]. На различных этапах развития человеческого общества проблема освоения разносторонней деятельности педагогом-музыкантом имела свои аспекты. В Древнем Китае, например, вопросы музыкально-эстетического воспитания находились в ведении государства. Император Мин Хуан, как покровитель музыки и танца (XI в. н.э.), создал при дворе школу для подготовки разностороннеразвитых профессионалов – актеров, музыкантов и танцоров. Он лично руководил занятиями, обучал игре на струнных и духовых инструментах, дирижировал оркестром. Школа называлась «Консерватория грушевого сада», существовала до XII в. Как свидетельствуют исторические данные, количество «учеников императора» составляло около тысячи человек. Это была школа, ориентированная на разностороннюю подготовку синтетических актеров, композиторов-профессионалов.

В античной эстетике музыка была одним из элементов демократической системы воспитания, она использовалась как важнейшее средство гармоничного развития личности. Разностороннему музыкально-эстетическому воспитанию в Древней Греции уделялось исключительное внимание: в Аркадии все граждане до 30 лет должны были обучаться пению и игре на различных музыкальных инструментах; в Спарте, Фивах и Афинах – участвовать в хоре (это считалось священным долгом), учиться игре на авлосе. Греческие философы разработали учение об «этосе», в котором утверждали нравственно-воспитательную роль музыкального искусства [6, с. 19].

© Т.В. Луданова, 2006

Средневековое музыкально-эстетическое воспитание формировалось под воздействием христианской церкви. При монастырских школах ученики получали теоретическую и практическую музыкальную подготовку. Процесс обучения был трудным и длительным, рассчитанным на механическое запоминание. Церковные деятели А. Августин, Боэций, Б. Достопочтенный, Гвидо из Ареццо считали, что предназначение музыки – служить приманкой, делающим привлекательным и доступным слово Священного Писания. Это служило односторонности задач церковного музыкального воспитания, утверждавшего примат слова над пением и не принимавшего народной музыки. Однако из стен монастырских и кафедральных певческих школ – основных очагов профессионального музыкального образования вышло много видных музыкальных деятелей того времени, обладающих разносторонней музыкально-теоретической и практической подготовкой (сочинение музыки, импровизация, пение в хоре, игра на многих музыкальных инструментах) [6, с. 33].

Усилия музыкальной педагогики в период Ренессанса были направлены на формирование разносторонне-развитого музыканта нового типа: образованный музыкант-практик с детских лет совершенствовался в хоровом пении, игре на музыкальных инструментах, в музыкальной теории и искусстве сочинять музыку, а в дальнейшем занимался разнообразной профессиональной музыкальной деятельностью. Узкой специализации в современном ее понимании не существовало: музыкант по необходимости должен был уметь без труда переходить от одного вида деятельности к другому. В годы, когда композиторство не являлось самостоятельной профессией, ремеслом сочинения музыки и импровизации должны были владеть все. Формирование нового типа музыканта (специалиста широкого профиля) повлекло за собой возникновение школ музыкального мастерства, которые содействовали формированию музыкантов-профессионалов. В одних школах делался акцент на энциклопедическом музыкально-теоретическом образовании и на композиторской практике, в других – на исполнительском искусстве. Например, во Франции такие школы (метризы) создавались при католических храмах и представляли собой певческие школы для мальчиков. Содержание обучения в них было следующим: пение, игра на органе, теория музыки и общеобразовательные предметы.

В России петровские преобразования качественно повлияли на систему музыкального обучения: оно приобрело широкий общественный характер. Профессионализация обучения в свою очередь определила формирование отечественной композиторской школы. Формирование музыкального образование нового типа шло под воздействием западноевропейского Просвещения. В России к концу XVIII в. сложилась уникальная система музыкального образования, охватившая все слои русского общества. Хоровое пение было введено в программы обучения в цифирно-гарнизонных и церковно-приходских школах. Благодаря многовековой традиции хоровой культуры, профессиональная и народная музыка во многом пересекались и не подразделялись на две самостоятельные сферы. Несколько поколений русских философов, мыслителей, общественных деятелей приняло участие в разработке концепции многостороннего художественного воспитания (А. Кантемир, Н. Новиков, Ф. Прокопович, А. Радищев, В. Татищев, Г. Теплов и др.). Были определены следующие просветительские ориентиры: извлечение государственной пользы путем просвещения народа, организация школ и школьных библиотек, обучение пению через распространение певчих книг, оркестровое обучение в армии.

Педагогическую и эстетическую мысль XVIII в. отличало стремление проверить теоретические концепции практическими действиями. Круг соприкосновения общепедагогических и музыкально-педагогических идей был достаточно широк: требование начала обучения с детского возраста отдельно от родителей, значение личности воспитателя и учителя музыки, необходимость трудолюбия в обучении, воспитание разносторонних знаний и умений, наглядности и т.п. Таким образом, сложились разные методы разностороннего музыкального обучения и воспитания. Например, в Академии художеств использовали широкую программу изучения искусства, иностранных языков, инструментальной и вокальной музыки. Из ее стен вышли композиторы Евстигней Фомин и Петр Скоков, заслужившие европейское признание. В Театральной школе музыке обучали по системе «мастерской». Такая организация музыкальных занятий позволила в короткий срок подготовить исполнительские кадры для столичных и провинциальных театров. Как один из первых очагов музыкального образования известен Шляхетский кадетский корпус, в котором успешно решалась проблема универ-

сальности обучения и воспитания. Воспитанники корпуса учились петь, играть на различных струнных инструментах и клавире. В Смольном институте помимо компонента обязательного светского образования существовал класс «пепиньерок» – педагогический класс, выпускницы которого становились учительницами музыки и пения. В военных корпусах (Горном, Кадетском, Корпусе чужестранных единоверцев, Сухопутно-Шляхетском и др.) разносторонние музыкальные занятия также входили в число обязательных предметов [1, с. 60].

Интерес к разностороннему освоению музыкального искусства был свойственен атмосфере домашнего музицирования. В поместьях создавались крепостные оркестры, а одаренные дети из крепостных обучались в музыкальных школах, организованных помещиками. Обучение на клавишном инструменте нередко совмещалось с другой музыкальной специальностью – оркестровой или вокальной. Вот один из примеров: «У музыканта Антона замечено: мы с Семеном как геометрии, так и рисовать учимся, а учители ходют каждый день; а Гаврюшка учится на барабане для янычарской (духовой) музыки, а Семён, скрипач, на фортепианах» [2, с. 48]. Разнообразное музыкальное образование давал своим крепостным артистам граф П. Шереметев. Прославленная певица П. Жемчугова играла на арфе и фортепиано, а в оркестре графа был пианист, работавший также в качестве педагога.

К началу XIX в любительское музицирование распространилось почти во всех слоях населения. Дворяне, поэты, писатели, ученые и люди «третьего чина» (артисты, художники, учителя, мелкие чиновники, мещане) активно музицировали и пропагандировали идеи музыкального просвещения и образования. Широко издавалась музыкальная литература: инструментальный и вокальный репертуар (серия «Собрание российских песен и плясок для фортепиано»), сборники вариаций для фортепиано и различных ансамблей (И. Кайзера, И. Корма, Д. Штейбельта и др.).

В эпоху романтизма (XIX в.) мастера фортепианного искусства главной задачей они считали введение обучающихся в мир искусства, пробуждение в них мыслящих художников, сознающих высокие задачи артиста, способных оценить прекрасное. Тенденция разносторонней подготовки выражалась в воспитании музыканта (композитора – исполнителя – педагога). Созданные в то время школы, методы преподавания представляли собой руководство энциклопедического плана. Предусматривалось подлинно художественное профессиональное воспитание учеников (Л. Бетховен, М. Клементи, Ф. Лист, Ф. Шопен, Р. Шуман, К. Черни и др.). Основой педагогики названных музыкантов явилось совершенное и обязательное владение различными видами музыкальной деятельности.

Планомерное раннее воспитание творческой индивидуальности ученика – тенденция, идущая от педагогов-просветителей, философов эпохи XVII–XVIII вв. (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Я.А. Коменский, М. Монтень, И. Песталоцци), а также от выдающихся музыкантов (И.С. Бах, А. Вивальди, Ф. Куперен, Ж.Ф. Рамо, Д. Тартини и др.). В основе их педагогических принципов лежало стремление к индивидуализации приемов и методов работы с учениками, неприятие модели абстрактного ученика.

Особое влияние на содержание профессиональной подготовки музыкантов оказал новый этап специализации в области музыкального искусства, который обусловил со второй четверти XIX в. постепенное разделение профессиональной ориентации в воспитании музыканта: на место композитора – импровизатора – исполнителя приходит импровизатор – виртуоз, исполнитель – интерпретатор. Данная тенденция впоследствии привела к узкой (односторонней) специализации музыкантов-профессионалов (инструменталист, вокалист, дирижер и т.д.). Вместе с тем, XIX в. дал музыкальной педагогике и образованию систему блистательных перспективных идей и, прежде всего, – стремление к воспитанию широко образованного музыканта посредством целесообразного развития его творческой индивидуальности на основе разностороннего освоения музыкального искусства. Организация учебного процесса в первых западноевропейских консерваториях давала возможность совмещать учебные занятия по специальным и дополнительным учебным дисциплинам, кроме того, участвовать в оркестре, ансамбле, хоре и оперном спектакле. Так обеспечивалась разносторонняя подготовка музыкантов-профессионалов.

В России в XIX в. ведущими задачами музыкального просветительства стали, во-первых, художественное воспитание слушателя, приобщение к высокому искусству большого круга любителей музыки и, во-вторых, развитие музыкального профессионализма, создание кадров хорошо обученных разносторонних специалистов.

Разностороннему музыкальному образованию служили музыкальные классы при Академии художеств, в театральных училищах, в университетах, пансионах, дворянских женских институтах, кадетских корпусах, губернских гимназиях.

Деятельность первых русских консерваторий – Петербургской (1862 г.) и Московской (1866 г.) ознаменовала начало нового этапа целенаправленной подготовки музыкантов-профессионалов. Основатели консерваторий, братья Антон и Николай Рубинштейны при разработке содержания профессионального музыкального образования в консерваториях ставили основной целью широкое освоение различных видов деятельности даже для студентов «узкой» специализации. Обучающиеся на исполнительских факультетах должны были участвовать в хоре, оркестрах, различных ансамблях.

В XX в. в странах Западной Европы и России сложились профессиональные школы, общей тенденцией в которых был поиск прогрессивных методов музыкального обучения и воспитания подрастающего поколения. Один из важнейших принципов музыкального воспитания детей в странах Западной Европы – акцент на мусическое воспитание, то есть художественное формирование личности через ее спонтанное самовыражение в пении, игре на инструменте, танце и ритмопластике. Ориентация на эмансипацию личности привела к созданию новых форм занятий, основанных на коллективном музицировании и импровизации (Германия, Франция, Великобритания). В Германии Высшие школы искусств (Мюнхен, Кельн, Франкфурт, Любек и др.) выпускали специалистов многих профессий – композиторов, певцов, инструменталистов, дирижеров. Там же получали разностороннее образование будущие педагоги музыкальных школ и частные учителя музыки. Учителя музыки приобретали и дополнительные музыкальные специальности, так как в некоторых школах существовала традиция поручать учителю вести несколько дисциплин. Такая полифункциональность была характерна для Германии XIX–XX вв.

В России XX в. идеи и принципы разностороннего музыкального образования развивались и воплощались практически. Видную роль в развитии теории и практики музыкального воспитания в начале XX в. сыграли такие практики предреволюционных лет, как А. Городцов, В.Н. и С.Т. Шацкие. Различные аспекты исследуемой проблемы освещаются в трудах известных ученых и выдающихся отечественных музыкантов-педагогов XX в. – Б.В. Асафьева, М.Н. Бариновой, С.Л. Гинзбург, М.Ф. Гнесиной, Н.Л. Гродзенской, Б.Л. Яворского и др.

В современных условиях велика роль образовательных учреждений любого типа, позволяющих разумно организовать учебное и свободное время детей и подростков, приобщить к различным видам музыкально-эстетического и декоративно-прикладного творчества. Многоплановая работа учителя музыки в школе предполагает знание закономерностей формирования личности, овладение методами, позволяющими проникнуть во внутренний мир ребенка, понять и прочувствовать мотивы его поведения, помочь вовремя скорректировать их. Только благодаря всестороннему изучению психологических особенностей личности школьника возможна разработка и реализация индивидуальных программ его творческого развития, выбор разносторонних эффективных форм и методов музыкально-эстетического воспитания и применение разнообразных средств педагогического воздействия. Смысл освоения учителем разносторонней деятельности заключается не только в выборе разнообразных форм, методов обучения и воспитания, но и в проявлении педагогической мобильности – способности к вариативному изменению хода и содержания педагогической деятельности, позволяющей гибко преодолевать затруднения и штампы в педагогических ситуациях, осуществлять выбор наиболее удачного решения поставленных педагогических задач, реализуя при этом профессиональный музыкальный опыт.

Библиографический список

1. *Адищев А.В.* Музыка в институтах благородных девиц // Искусство в школе. – 2003. – № 4. – С. 59–62.

2. *Музалевский В.И.* Русское фортепианное искусство. – М., 1961. – 352 с.

3. *Нейгауз Г.Г.* Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога. 4-изд. – М., 1982. – 300 с.

4. Педагогический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с.

5. *Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2 т. Т. I. – М.: Педагогика, 1985. – 328 с.

6. *Терентьева Н.А.* Музыкальная педагогика и образование. – СПб., 1997. – 168 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАДЖИ Ольга Викторовна, ст. преподаватель каф. философии Курского института социального образования (филиала) РГСУ.

АГАПОВА Виктория Валерьевна, аспирант каф. экономической теории Костромского гос. технол. ун-та.

АЛЕКСАНДРОВА Наталья Александровна, канд. экон. наук, проф. каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

БОБКОВ Денис Викторович, соискатель каф. финансов и кредита Ярославского военного финансово-экономического ин-та.

БОРОВИКОВА Тамара Васильевна, канд. экон. наук, д-р пед. наук, проф., зав. каф. управления Смоленского гос. ун-та.

БОЧКАРЁВ Виталий Николаевич, д-р ветеринарных наук, проф., зав. каф. внутренних незаразных болезней, хирургии и акушерства Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

БОЧКАРЁВ Николай Витальевич, аспирант Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

ВИНОГРАДОВА Инна Евгеньевна, преподаватель каф. истории и теории музыки КГУ им. Н.А. Некрасова.

ВЛАСЮК Ирина Вячеславовна, канд. пед. наук, доц. каф. общей педагогики Оренбургского гос. пед. ун-та.

ВОЛКОВ А.Ю., канд. экон. наук, доц., докторант Ярославского военного финансово-экономического ин-та.

ВОРОНИН Юрий Михайлович, аудитор Счетной Палаты.

ГАЙДУКЕВИЧ Геннадий Викторович, соискатель каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГАНАЕВА Елена Аркадьевна, канд. пед. наук, доц. каф. управления образованием Оренбургского гос. пед. ун-та.

ЕФИМОВ Дмитрий Юрьевич, аспирант Костромского гос. технолог. ун-та.

КАЛИНИН Александр Сергеевич, аспирант каф. философии и политологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КАРПОВА Елена Борисовна, аспирант каф. детских болезней Ивановской гос. мед. академии.

КОЛЕСОВ Евгений Вениаминович, канд. техн. наук, доц. каф. математических методов в экономике КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОНДРАТ Елена Николаевна, канд. психол. наук, доц. Санкт-Петербургского университета МВД России.

КОПЫТОВ Александр Александрович, аспирант Воронежской гос. технол. академии.

КРИВОШЕИН Владимир Владимирович, докторант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУЗНЕЦОВА Евгения Александровна, аспирант каф. экономической теории Костромского гос. технол. ун-та.

КУЗНЕЦОВА Наталья Ивановна, соискатель каф. ботаники КГУ им Н.А. Некрасова.

КУЗЬМЕНКОВ Иван Иванович, канд. ветеринарных наук, доц. Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

КУЗЬМЕНКОВ Иван Иванович, канд. ветеринарных наук, доц. Костромской гос. сельскохозяйственной академии, главный ветеринарный врач ГПЗ «Караваево».

КУРШЕВ А.В., канд. пед. наук, старший преподаватель ФВО КГТУ.

КУЧИН Н.В., аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛОБАЧЁВА Ирина Петровна, соискатель каф. бухгалтерского учёта, анализа и аудита Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

ЛОПАТИН Иван Дмитриевич, аспирант каф. философии и политологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛУДАНОВА Татьяна Владимировна, канд. пед. наук, доцент кафедры истории и теории музыки КГУ им. Н.А. Некрасова

ЛЯГУШЕВ Георгий Евгеньевич, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАТЫЦИНА Татьяна Николаевна, ассистент каф. алгебры и геометрии КГУ им. Н.А. Некрасова.

МЕЛИХОВ Валерий Юрьевич, канд. экон. наук, доцент, соискатель каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

МИРОНОВА Татьяна Ивановна, канд. психол. наук, доц. каф. общей психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

НИКИФОРЕНКО Елена Михайловна, аспирант каф. культурологии и журналистики Ярославского гос. пед. университета, искусствовед, ст. научный сотрудник ГМП «Исаакиевский собор».

НОВИЧИХИН Ярослав Владимирович, аспирант каф. теоретической физики КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПОЛОЗОВА Валентина Петровна, аспирант каф. философии и политологии НГАСУ; доцент каф. иностранных языков НГСХА.

ПОСТНОВ Вячеслав Александрович, ст. преподаватель Дзержинского филиала Волго-Вятской академии государственной службы.

РЕЗНИКОВ Евгений Николаевич, д-р психол. наук, проф., ведущий научный сотрудник социально-психологической лаборатории Института психологии РАН.

РОМАНЕЦ Е.А., аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

САТАЛКИНА Наталья Леонидовна, аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

СМИРНОВ Александр Николаевич, аспирант каф. философии и социальных наук Волжской государственной академии водного транспорта.

СМИРНОВ Владимир Алексеевич, канд. полит. наук, доц. каф. философии Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

СМИРНОВ Сергей Леонидович, аспирант Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

СОВЕТОВ Филипп Владимирович, аспирант каф. философии и культурологии Нижегородской гос. архитектурно-строительной академии.

СОКОЛОВА Любовь Игоревна, аспирант каф. философии и политологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СОЛОПОВ Вячеслав Юрьевич, д-р экон. наук, доц. Астраханского гос. ун-та.

СТЕПАНОВ Евгений Борисович, канд. экон. наук, доц. КГУ им. Н.А. Некрасова.

СТОРОЖЕВА Ольга Александровна, аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

СТРАДИНА Елена Александровна, аспирант каф. социально-политических теорий Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова.

ТИХОНОВ Дмитрий Юрьевич, ветеринарный врач.

ФЕТИСКИН Николай Петрович, д-р психол. наук, проф., зав. каф. общей психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ФОКИН А.Н., аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ФОМЕНКОВ Анатолий Иванович, доц. каф. социологии Смоленского гос. ун-та.

ЧЕКМАРЕВ Владимир Васильевич, аспирант КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЧЕКМАРЕВ Дмитрий Тимофеевич, д-р физ.-мат. наук, проф. Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского.

ЧЕКМАРЕВА Анастасия Валериевна, канд. юрид. наук, доц. Саратовской гос. академии права.

ЧЕКМАРЁВА Марина Григорьевна, канд. техн. наук, доц. Всероссийского научно-исследовательского института виноградарства и виноделия им. Я.И. Потапенко (г. Новочеркасск).

ЧЕМОДАНОВ Вадим Владимирович, д-р мед. наук, проф., зав. каф. детских болезней Ивановской гос. мед. академии.

ШАКУРОВА Марина Викторовна, канд. пед. наук, доц., ст. научный сотрудник каф. социальной педагогики Воронежского гос. пед. ун-та.

ШЕПЕЛЕВА Светлана Витальевна, канд. психол. наук, доц. каф. общей психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 12.12.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 20,0
Тираж 1000 экз.
Изд. № 45

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 31-65-61**, факс: **(4942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная